РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(106)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия на международной арене конца XVI – начала XVII в.
Russia on the International Scene in the Late XVI – Early XVII Century

К истории советских спецслужб 1940-х годов
On the History of the Soviet Foreign Intelligence in the 1940s

Партийно-политическая жизнь Германии конца 2010-х годов
Party and Political Life in Germany in the Late 2010s

Жизненные стратегии современной молодежи
Life Strategies of Today's Youth

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2020

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2020.01.00

ИНИОН РАН

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Т.В. Черникова
Международные династические проекты в России времен царствования Фёдора Иоанновича **6**

T.V. Chernikova
International Dynastic Projects in Russia During the Reign of Fyodor Ioannovich

С.А. Лиманова
Убить словом. Петроградская и московская пресса 1917–1918 гг. о судьбе отрекшегося императора и его семьи **33**

S.A. Limanova
To Bury Monarchy Under a Mountain of Words: Petrograd and Moscow Newspapers About the Destiny of the Abdicated Emperor Nicholas II and His Family Members

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

С.И. Коданева
От «коричневой экономики» – к «зеленой». Российский и зарубежный опыт **46**

S.I. Kodaneva
Transition from the «Brown Economy» Model to the «Green Economy» in Russia and Abroad

Ю.П. Кузякин, С.В. Кузякин, Е.С. Реунова
Территории опережающего социально-экономического развития: Становление эффективного механизма развития экономики **67**

Yu.P. Kuziakin, S.V. Kuziakin, E.S. Reunova
The Territories of Forward-Looking Social and Economic Development: Formation of an Effective Mechanism of Economic Development

Н.А. Власов, Н.В. Филина
«Альтернатива для Германии» и проблемы эволюции партийной системы Федеративной Республики Германия **81**

N.A. Vlasov, N.V. Filina
«Alternative for Germany» and the Problems of Evolution of the German Party System

А.В. Белинский
«Придут честолюбивые дублеры...». Эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX – начале XXI столетия **95**

Г.Г. Мачитидзе
Стратегия в Афганистане: Артефакт президента Д. Трампа **119**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

М.А. Фельдман
Отложенное осмысление. XVI съезд ВКП (б): Мифологическое и реальное спустя 90 лет **139**

С.Б. Брилёв
Операция «Эверест» (1944 г.). К истории выжившей советской разведгруппы – участницы схемы «Ледоруб» **164**

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

Н.П. Космарская
Какой видит Россию молодежь постсоветских стран? Мнения студентов Казахстана **186**

М.А. Ядова
Взгляды и жизненные траектории молодежи сквозь призму биографических исследований **204**

A.V. Belinsky
«There Will Come Ambitious Understudies...». The Evolution of Right Extremism in the German in the Late XX – Early XXI Centuries **95**

G.G. Machitidze
Strategy in Afghanistan: Artifact of President D. Trump **119**

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

M.A. Feldman
Deferred Comprehension. XVI Congress of the CPSU (b): The Mythological and the Real 90 Years Later **139**

S.B. Brilev
Operation «Everest» (1944). To the History of the Members of the Surviving Soviet Intelligence Group That Was Part of the Pickaxe Scheme **164**

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

N.P. Kosmarskaya
How Russia is Perceived by the Youth of Post-Soviet Countries? The Attitudes of Kazakhstani Students **186**

M.A. Yadova
The Youth's Views and Life Trajectories Through the Prism of Biographical Researches **204**

М.Ю. Мягков
Освобождение Европы Красной армией и войсками западных союзников: Военно-политический аспект **211**

M.Yu. Myagkov
The Liberation of Europe by the Red Army and the Troops of the Western Allies: Military-Political Aspect

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

REVIEWS. SUMMARIES

А.В. Корочаров
Распад СССР в отечественной историографии: Основные методологические подходы **221**

A.V. Korocharov
Dissolution of the USSR in the Russian Historical Studies: Principal Methodological Approaches

Э.С. Восканян, Н.С. Бычкова
«Цветные революции» в современном мире: Мнения исследователей **242**

E.S. Voskanian, N.S. Bychkova
Color Revolutions in Today's World: Scientists' Opinions

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.01

Т.В. Черникова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ ВРЕМЕН ЦАРСТВОВАНИЯ ФЁДОРА ИОАННОВИЧА

Аннотация. *Статья посвящена реконструкции секретных династических планов, которые стали появляться в России после смерти царя Ивана IV Грозного и вступления на престол его сына Фёдора. К этому времени Россия уже вступила в системный кризис, частью которого являлась угроза династического кризиса ввиду отсутствия у нового монарха детей. Политическая элита была расколота на ряд придворных «партий», между которыми велась острая борьба. Однако при этом все «партии» видели нарастающую неустойчивость социально-экономического, политического и внешнеполитического положения России и пытались найти пути выхода страны из кризиса. В отличие от стран Западной Европы в России, сформировавшейся в рамках вотчинного социокультурного уклада, пресечение правящей династии могло привести (и впоследствии привело) к настоящей общественно-политической катастрофе. Поэтому каждая придворная «партия» пыталась выработать свой план выхода из династического кризиса. Выявление этих планов, чаще всего тайных (и даже порой за отсутствием ясности в источниках гипотетических), рассматривается в статье.*

Прежде всего обращено внимание на планы и действия Бориса Годунова. Приходясь братом царице Ирине, супруге Фёдора Иоанновича, Борис Годунов быстро наращивал свое влияние во внешней и внутренней политике и к концу царствования Фёдора I (1584–1598) превратился в фактического правителя России. Однако это произошло не сразу. Поэтому следует проанализировать и династические проекты «партии» его антиподов – бояр-княжат. Тем более что часть их проектов имела целью отстранение от власти именно Бориса Годунова.

Из-за особенностей источниковой базы (запись слухов, курсировавших в России и за ее пределами, отраженных в основном в записках иностранцев) возможно лишь предполагать существование реконструированных секретных проектов. Также в статье затронуты внешнеполитические интересы России, которые так или иначе проявлялись в ходе разработки тайных и явных династических проектов конца XVI в.

Ключевые слова: *династические проекты; Фёдор Иоаннович; Борис Годунов; Мстиславские; Шуйские; Габсбурги; Стефан Баторий.*

Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории

**Московского государственного института
международных отношений МИД России (МГИМО),
Россия, Москва. E-mail: tchernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020**

T.V. Chernikova. International Dynastic Projects in Russia During the Reign of Fyodor Ioannovich

Abstract. *The article provides a reconstruction of secret dynastic plans that began to appear in Russia after the death of Tsar Ivan IV the Terrible and the accession of his son Fyodor to the throne. By that time, Russia had already entered a systemic crisis, part of which was the threat of a dynastic crisis stemming from the fact that the new monarch did not have children of his own. The political elite was torn apart by a number of court «parties», fiercely opposing each other. However, all these «parties» clearly saw the growing instability of socio-economic, political and foreign policy situation in Russia and tried to find ways of overcoming the crisis. In contrast with the countries of Western Europe, in Russia, which was formed within the framework of the patrimonial socio-cultural order, the cessation of the ruling dynasty could have led (and subsequently did lead) to a real socio-political catastrophe. Therefore, each court «party» strove to develop their own plan for overcoming the dynastic crisis. The identification of these plans, most often secret (and even sometimes hypothetical due to the lack of certainty in the sources) is the focus of attention in the article.*

First of all, the author looks at the plans and actions of Boris Godunov. Being the brother of Queen Irina, the wife of Fyodor Ioannovich, Boris Godunov quickly increased his influence in foreign and domestic policy, and by the end of Fyodor's I reign (1584–1598) had become an actual ruler of Russia. But this did not come easily. Therefore, it is necessary to analyze the dynastic projects of the opponents of his «party», those of boyars-kniageats (the aristocrats are the descendants of the princes). Some of their projects were even aimed at removing Boris Godunov from power.

Due to the nature of sources (those mostly being recorded rumors that circulated in Russia and abroad and were incorporated in the foreigners' «Notes») what is now possible is only reconstruct the secret projects. The article also touches upon Russia's foreign policy interests, which somehow manifested themselves during the development of secret and explicit dynastic projects of the late 16th century.

Keywords: *dynastic projects; Fyodor Ioannovich; Boris Godunov; Mstislavskie; Shuiskie; Habsburg; Stefan Batory.*

**Chernikova Tatiana Vasil'evna – Doctor of Historical Sciences,
Professor of Department of World and National History
at MGIMO-University, Russia, Moscow.
E-mail: echernikova1961@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-6517-2020**

Смутное время в России – трагическая и во многом поворотная эпоха отечественной истории. Если понимать Смуту как первый системный кризис

Московского государства[1], принявший после стихийных бедствий и голода 1601–1603 гг. форму гражданской войны, отягощенной иностранным вмешательством, то хронология Смуты включит время от кончины Ивана Грозного в 1584 г. до завершения интервенции, а точнее, войн России с двумя соседними державами – Речью Посполитой (боевые действия 1609–1618 гг.) и Швецией (оккупация Новгородчины, походы на Псков 1610–1617 гг.).

Самым благоприятным периодом оказалось царствование государя-богомольца Фёдора Иоанновича (1684–1698), когда трудами его шурина Бориса Годунова вырисовывалась перспектива выхода из системного кризиса. Определенную роль в поисках стабилизации системы верховной власти и международного положения России, просевшего в результате проигранной Ливонской войны, сыграли тайные и явные планы создания династических союзов с западными монархическими фамилиями. Реконструкции таких проектов будет посвящена наша статья. Мы попытаемся уйти от привычных для отечественной исторической традиции стереотипов, в частности от чисто негативной оценки планов оппонентов Годунова – придворной «партии» бояр-княжат.

Стоит заметить, что проекты матримониальных союзов времен царствования Фёдора Иоанновича стали прологом для куда более проработанных и частично даже осуществленных других международных проектов Смутного времени.

Гипотетический проект личной унии с Речью Посполитой партии «земских бояр»

В марте 1584 г. на русский престол вступил второй сын Ивана Грозного Фёдор. Слабое здоровье нового царя, а главное – особенности его личности (еще отец пенял Федору, что он больше похож на поповского сына нежели на царского) требовали регентства. По завещанию Ивана Грозного, как предполагает большинство историков, такую опеку должен был осуществлять совет из назначенных Иваном Грозным придворных (И.П. Шуйского, И.Ф. Мстиславского, Н.Р. Захарьина-Юрьева, Б.Ф. Годунова, Б.Я. Бельского). Иван Грозный пытался преодолеть раскол придворной элиты, включив в опекунский совет и земских, и дворских (бывших опричниками) бояр. Но механическое соединение вождей враждующих «партий», конечно, было обречено.

1. Под системным кризисом мы понимаем кризисы хозяйства страны: социальный, политический, династический, моральный и внешнеполитический. Каждая из составных частей системного кризиса имела свою логику развития, была осознаваема современниками в большей или меньшей степени. К примеру, долгое время династический кризис воспринимался в качестве основной причины бедствий не только людьми конца XVI – начала XVII в., но и историками (Н.М. Карамзин, С.Ф. Платонов).

Между боярами-княжатами, нетитулованной московской знатью и выдвинувшимися любимцами Ивана Грозного из провинциальных и менее знатных родов продолжилось противостояние.

Если «худородный» Годунов пытался найти компромисс со знатнейшими, то Богдан Бельский сразу затеял авантюру в пользу царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного. В итоге Бельский, царица Мария Нагая с сыном и родственниками – все оказались в ссылках. Годунов поддержал княжат в этом деле.

Выдвинувшийся из опричной среды Борис Годунов, являясь шурином царя Фёдора, имел неоспоримые преимущества перед Бельским. В силу традиции подъема «по кике» родичей царицы он был весомой фигурой. Но замкнуть на себя все управленческие рычаги Борису удалось не сразу.

Иван Грозный оставил Россию в состоянии крайнего истощения, с распрями между сословиями и внешними потерями после проигранной 25-летней Ливонской войны (1558–1583). Возможная смерть болезненного царя Фёдора Иоанновича, не имевшего детей, грозила усугубить все эти беды династическим кризисом. Для России, как страны с вотчинным социокультурным укладом, это являлось огромной угрозой, ибо разрушалась ось, к которой крепились все идеологические, социально-политические и экономические рычаги управления. Лишаясь «верховного поводыря – природного государя» и не имея опыта самостоятельного политического действия, сословия, крайне атомизированные внутри, вступали в конфликт между собой и внутри себя, что грозило обрушить Россию в хаос.

Политическая элита России интуитивно чувствовала опасность такого развития событий. Все «партии» у трона вынуждены были думать, как от такой перспективы увернуться. И все они, хлебнув в полной мере тирании грозного царя, стремились поставить деспотизму некие ограничения. Горсей, описывая Земский собор 1584 г., назначивший дату коронации царя Фёдора[2], пишет: «...был собран парламент (parliament), представленный митрополитом, архиепископами, священниками, высшими духовными лицами и всей знатью, какая только была (all the nobility what soever), там решались вопросы, о которых я не могу рассуждать: *все говорило за перемены в правительстве...*» [Горсей 1991, с. 143]. Зарубежный опыт организации власти монарха, будь то соседи и недавние победители России в Ливонской войне – Речь Посполитая и Швеция, торговый партнер Англия или далекие Габсбурги с их

2. В русских источниках фигурируют разные даты коронации – 28 и 31 мая, Горсей говорит о 10 июня 1584 г. Вероятно, он использовал григорианский календарь, где 10 июня соответствовало 31 мая по юлианскому календарю, хотя в Англии перешли на новый календарь позже, чем были написаны записки Горсея.

империей, наводили русское боярство на размышления о реформе института царской власти.

У Годунова в итоге это вылилось в право сословий на Земском соборе выбрать новую династию, которая укрепит старый принцип вотчинного уклада, сделав патернализм формой поддержания сословного компромисса, избегая тех эксцессов, которые публицист XVII в. Юрий Крижанич определил как «людодерство» [Черникова 2018, с. 21]. Один из крупнейших специалистов по истории России рубежа XVI–XVII вв. А.П. Павлов опроверг прежде господствующую концепцию воззрений на Годунова как защитника интересов дворянства и противника боярства [Павлов 1992, с. 232].

Но непримиримость княжат к Годунову носила не только субъективно-психологический характер. В отличие от Годунова бояре-княжата мечтали о реформе института русской монархии через рост влияния Боярской думы на государственный курс и выбор ею монарха при пресечении династии [Pavlov 2006].

Замыслы возможных династических проектов напрямую были связаны с этими различиями. Но не меньшую роль играли личная вражда и карьерные соображения главных действующих лиц.

Польско-литовский вариант привлекал внимание княжат. Несмотря на острое геополитическое соперничество России и Речи Посполитой, этот западный сосед не выглядел таким чужим, как Швеция, Англия или Священная Римская империя германской нации. Во-первых, большую часть населения Речи Посполитой составляло православное западно- и южнорусское население. Во-вторых, Мстиславские, Голицыны и многие другие княжата Гедиминовичи и Рюриковичи были выходцами из Литвы. В-третьих, все воеводы, послужившие у западных рубежей, имели приятелей по ту сторону границы. И наконец, из среды иноземцев на московской службе, перешедших в православие и русское подданство, природные литвины и поляки численно лидировали.

Традиции участия магнатов и шляхты в решении судеб польского и литовского престолов были частью политической культуры польско-литовской личной унии и той «другой Руси», которая находилась внутри нее. При создании Речи Посполитой в 1569 г. были утверждены правила избрания сеймом короля. Смерть Сигизмунда II Августа без прямых наследников в 1572 г. передала верховную власть в руки примуса, временного правителя, что при дальнейших межкоролевьях стало правилом. На первых выборах апреля-мая 1573 г. соперничали Габсбурги (император Максимилиан II и его третий сын Эрнст), французский принц Генрих Валуа (брат короля Карла IX), шведский король Юхан III, женатый на Екатерине Ягеллонке, сестре Сигизмунда II Августа, русский царь Иван Грозный и его сыновья. Последних выдвинули православные литовские и западнорусские паны во главе с Кшиштофом Граевским,

апеллируя к надежде на совместную с Московией войну с османами и крымцами.

Выбрали Генриха Валуа, который оказался кандидатурой абсолютно непригодной. Он пробыл в Польше менее двух месяцев, был коронован 12 февраля 1574 г. и вскоре бежал. В декабре 1575 г. новые выборы возвели на престол Анну Ягеллонку, сестру Сигизмунда II Августа, и трансильванского воеводу Стефана Батория, обязав их заключить брак. В 1576 г. шляхта Великого княжества Литовского признала Батория своим великим князем. А к 1582 г. Стефан Баторий сумел не только отвоевать у русских Полоцк, вытеснить их из Ливонии, но и чуть было не овладел Псковом. Так что при всех династических кризисах, межкоролевьях, правлении примусов и выборах монархов на Сеймах успехи польско-литовского государства при двух последних Ягеллонах и Стефане Батории были столь очевидны, что их время вошло в историю Речи Посполитой как «золотой век». Осмыслением «золотого века» соседей-соперников наверняка были заняты умы русской политической элиты после кончины Грозного.

Бояре-княжата обратили свой взор в сторону Стефана Батория. Находившийся в Москве канцлер Речи Посполитой Лев Сапега писал королю 10 июля 1584 г., что князь Иван Фёдорович Мстиславский, его, короля Стефана, сторонник, ссылаясь на информацию от придворного врача, выходца из испанских Нидерландов Иоганна Эйлофа [Зимин 1986, с. 119].

Правда, в том же 1584 г. И.Ф. Мстиславский принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре. Трудно обоснованно решить, было ли это результатом «игры» Годунова. Место И.Ф. Мстиславского как первейшего члена Думы унаследовал его сын Фёдор Иванович, но при этом лидерство в «партии» княжат перешло от Гедиминовичей Мстиславских к Рюриковичам Шуйским.

В 1585 г. переводчик Посольского приказа поляк Яков Заборовский сообщил на родину, что Шуйские стоят во главе «пропольской партии». Шуйские были весьма популярны, причем в отличие от Мстиславских не только среди княжат. В начинаниях Шуйских, будь то план заточения в монастырь бездетной царицы Ирины Годуновой или заговор по свержению Лжедмитрия I в мае 1606 г., за ними шли авторитетнейшие московские купцы, зажиточные посадские люди, часть столичного дворянства.

Из переписки Стефана Батория с иезуитом Антонио Поссевино следует, что в 1583–1584 гг. у поляков возникло впечатление, «что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи». Московские эмигранты советовали королю не терять времени. «Где король не придеть, тут все ево будет, – заявлял Баторию Михаил Головин, бежавший в Литву после расправы с его родственниками, уличенными Годуновым в казнокрадстве, – нихто… против его руки не подымет… для розни и нестроения служити и битися нихто не хочет» [Скрынников 1979,

с. 34]. 11 лет спустя в письме от 25 августа 1595 г. к польскому королю Сигизмунду III Вазе напольный гетман Станислав Жолкевский будет вспоминать, что Стефан Баторий «привлекал к себе Москву с помощью Ивана Петровича Шуйского» [Скрынников 1979, с. 271].

Отголоском неких планов унии Московии и Речи Посполитой было непринятое Фёдором Иоанновичем предложение Стефана Батория объявить наследником обеих стран того из них, кто переживет другого.

Суть плана «земской партии» бояр-княжат состояла в выработке условий, на которых в случае смерти бездетного царя Фёдора Россия вступит в личную унию с Речью Посполитой. Что могло привлечь в таком развороте событий бесспорного патриота России боярина Ивана Петровича Шуйского? Он, как мы помним, возглавлял оборону Пскова, осажденного с 18 августа 1581 по 4 февраля 1582 г. западноевропейскими наемниками Батория и оставленного Иваном Грозным без всякой помощи. Только мужество псковичей заставило Батория снять осаду и начать переговоры с Россией, где он отказался от аннексии собственно русских территорий. Ям-Запольский договор о десятилетнем перемирии, заключенный 5 (15) января 1582 г., фиксировал отказ России от претензий на Ливонию и Полоцкую землю, а Баторий возвращал Москве захваченные им Невель, Великие Луки, Заволочье, Холм и городки Псковщины – Остров, Воронеч, Красное, Велье, а собственно русские территориальные потери в пользу Речи (область около г. Велижа) были ничтожны. Польско-литовской стороне не удалось настоять и на выплате Россией компенсации за военные расходы (поляки требовали 400 тыс. венгерских золотых) [Флоря 1978, с. 32].

Не последнюю роль тут сыграл секретарь генерала Ордена иезуитов Антоний Поссевино, посланный папой Григорием XIII по просьбе Ивана Грозного о посредничестве в русско-польских переговорах и надеявшийся после успеха своей миссии начать с русским царем переговоры о церковной Унии. (Попытки склонить Россию к унии и к выступлению против Турции были традиционны с конца XV в. для дипломатии Святого Престола и Священной Римской империи.)

Однако и Стефан Баторий проявил достаточно гибкости, видя главным противником Речи в Ливонии в 1582 г. не Россию, а Швецию, в которой к тому же быстро распространялся протестантизм.

Обратив взоры на Стефана Батория, бояре-княжата рассчитывали устранить сразу несколько проблем. Во-первых, зарекомендовавший себя умелым политиком Баторий, будучи трансильванцем, а не поляком, способен был найти золотую середину между интересами Речи Посполитой и России. Во внешних делах у России и Речи имелись общие противники – Крым и Швеция. Последняя серьезно сузила русский выход к Балтийскому морю, отняв Корелу с уездом, Копорье, Ям и Иван-город по Плюсскому перемирию,

заключенному 10 августа 1583 г. на три года и пролонгированному 28 декабря 1585 г. еще на четыре года [Флоря 1978, с. 34]. Как иностранец во внутренних делах Баторий вынужден был бы доверяться Боярской думе в Москве. При этом возвысившийся «по кике» Борис Годунов автоматически канул бы в лету.

Княжата могли рассчитывать, что опора на Речь Посполитую во внешних делах и разрешенный путем личной унии династический кризис позволили бы постепенно нормализовать социально-экономическую ситуацию внутри России. Внешнеполитический союз Польши, Литвы, Западной и Южной Руси с Русью Московской под рукой Стефана Батория кардинально менял бы геополитическую картину в Восточной и Южной Европе. Гипотетически такая держава, объединенная личной унией, могла конкурировать по влиянию со Священной Римской империей германской нации и теснить как Швецию в Прибалтике, так и Турцию на юге Европы.

Правда, стоит заметить, что известный историк А.А. Зимин в сообщениях о «пропольских планах» И.П. Шуйского, а также отца и сына Мстиславских, видит «скорее стремление правительства Фёдора к миру с Речью Посполитой, которое неверно понималось в польских дипломатических кругах» [Зимин 1986, с. 120–121]. В конце 1586 г. в Речи Посполитой собрался Сейм для обсуждения вопроса о возможности новой войны с Россией. В это время Фёдор Иоаннович тяжело болел и, быть может, что «пропольские разговоры» И.П. Шуйского и Ф.И. Мстиславского о возможной унии после смерти царя были лишь попыткой не дать Речи Посполитой начать боевые действия. Как только царь Фёдор поправился слухи о «пропольских настроениях» лидеров «земской партии» исчезли.

В более поздних австрийских известиях о наличии «пропольской партии» А.А. Зимин находил интригу Бориса Годунова, который так хотел объяснить случившуюся тогда расправу с И.П. Шуйским и его родней.

«Проект» династического брака Ирины Годуновой с Эрнстом или Максимилианом Габсбургами

Не лишенный государственного смысла план «земской партии» о личной унии России и Речи Посполитой, если таковой был, не мог устроить Бориса Годунова, ни в свете явной тенденции к ограничению царской власти в пользу Думы, ни тем, что не оставлял для него лично места в новой высшей администрации. О планах 1586 г. вождей «земской партии» Годунов сообщал в 1589 г. имперскому послу Николаю Варкочу. Это следует из письма Варкоча на родину: «…душеприказчики, как во всяком случае утверждает Борис, стремились соединить Москву с Польским королевством» [Донесение 1978, с. 109]; «…вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не

выдумки»[3] [Скрынников 1979, с. 6]. Николай Варкоч трижды приезжал в Москву в 1589, 1593 и 1594 гг. Он был послом императора Рудольфа II. Основной сюжет переговоров касался имперских призывов к России к совместным выступлениям по делам, связанным с судьбой польского престола после смерти Стефана Батория, а также к совместной борьбе с крымцами и турками. Все посольства Варкоча уехали из Москвы с щедрыми дарами и субсидиями. О заинтересованности Габсбургов в России говорит тот факт, что только в Московию имперские посольства возили богатые подарки. Обычно это было не в правилах имперской дипломатии.

В 1589 г. наиболее остро стоял польский вопрос. Неслучайно на роль посла был назначен родственник Батория. По русским источникам конца XVI в., «Варкоч с Нопшиц ...у цезаря дворянин думной, великий человек, а родом он угренин, а Стефану королю, что был в Литве, племянник» [Аделунг 1864, с. 253].

Главной целью Николая Варкоча в Москве в 1589 г. была просьба о денежной помощи для борьбы за польский престол эрцгерцога Максимилиана (пятого сына императора Максимилиана II и младшего брата императора Священной Римской империи в 1576–1612 гг. Рудольфа II) с шведским принцем Сигизмундом Вазой.

Но было и еще одно задание, о чем свидетельствуют донесения Варкоча. Еще до приезда Варкоча в России находился другой имперский подданный Лукаш Паули (по русским источникам «Лукаш Павлусов сын Магнусов»). Этот имперский агент прибыл в Москву при Иване IV и оставался там до 1587 г., когда был послан царем Фёдором к императору. Паули сообщал в Вену в 1585–1587 гг., что бездетный царь Фёдор готов испустить дух, а в Москве есть люди, которые надеются увидеть на русском престоле принца из рода Габсбургов. «Об этом-де шла речь в завещании великого князя (Ивана IV), которое до сих пор сохраняется в тайне» [Зимин 1986, с. 107]. Вначале Паули называл имя эрцгерцога Максимилиана, претендента на польский трон, а потом уточнил, что в «Завещании»[4] Ивана Грозного фигурировал эрцгерцог Эрнст (третий сын Максимилиана II). Интересно, что в донесении 1589 г. Николая Варкоча всплыло опять имя Максимилиана Габсбурга, как угодного для Бориса Годунова претендента на русский престол в случае

3. Скрынников ссылается на Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien), Russland I, Fasz. 3, fol. 63. См. также: [Акты, с. 7].

4. Иван Грозный регулярно обновлял свои духовные, но конечный вариант его завещания до нас не дошел. Сохранились лишь черновые варианты, которые дьяки использовали для составления духовной царя 1572 г. (как полагали С.Б. Веселовский и Р.Г. Скрынников) или завещания, относящегося к 1577–1579 гг. (версия А.Л. Юрганова). Текст черновика см.: [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 426–444].

смерти Фёдора Иоанновича. «…Теперь все главные учреждения и должности, как и управление страной, городами, да и придворные должности Борис разделил между своими сторонниками и родственниками, подавив тех, кто ему противился. Некоторые из знатнейших ему завидуют и не очень его жалуют, но он держит в своих руках и самого великого князя, и все его государство. Впрочем, можно ожидать, что в случае смерти великого князя против Бориса немедленно поднимется сильное возмущение, и Борис это хорошо знает. Если бы он сам захотел стать правителем Московии, то ему это бы не удалось, а если бы и удалось, то добра бы ждать не приходилось, ибо все или большинство настроены против него. А потому он стремится передать княжение так, чтобы новый господин великий князь отблагодарил его, подтвердив в должности и положении, которые Борис занимает, или дал бы Борису другое высокое место. А если бы король Максимилиан получил польскую корону, то Борис, по его собственным словам, поддержал бы претензии эрцгерцога и на московский престол» [Донесения 1978, с. 109]. Из этой цитаты видно, что посол Габсбургов предполагал возможность геополитического включения и Речи Посполитой, и России в сферу контроля Габсбургов, что скорее всего было его собственной фантазией, нежели планами Годунова.

Эрнст был, как мы помним, кандидатом на польский трон в 1573 г., а с момента вступления в 1576 г. на императорский престол его старшего брата Рудольфа II являлся губернатором Австрии. Это был один из ключевых имперских постов. Претендентом на польскую корону стал его младший брат Максимилиан. Предполагалось, что, по воле Ивана Грозного, еще при жизни царя Фёдора, принц Габсбург должен был быть «ежегодным представителем княжеств Твери, Углича, Торжка с ежегодным доходом в 300 тысяч рублей» [Зимин 1986, с. 107]. Внеся имя Эрнста в последний вариант завещания, которое записал дьяк Савва Фролов, Иван Грозный якобы собирался известить об этом Вену и Прагу (резиденцию Рудольфа II), послав в имперские пределы своего любимца Богдана Бельского, племянника Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского). Ссылку Богдана и неожиданную кончину Саввы Фролова (имя дьяка действительно исчезло из источников в конце 1588 г. [Скрынников 1979, с. 45]) Лукаш объяснял приказами Бориса Годунова. Борис же, по версии Паули, уничтожил и «Завещание» Ивана IV.

Добавим, что уже в 1584 г. из придворного окружения исчезло большинство близких к Ивану IV его любимцев и доверенных лиц из приказных людей и дворян, кто лично был очевидцем событий последнего дня жизни грозного царя. Любимца Ивана Грозного Р.П. Биркина сослали служить в Рязань, его тестя, видного дьяка из «партии опричных» А.В. Шерефединова, отправили на службу в Коломну, были сосланы в провинцию думные дворяне Нащокины, Зюзины, Воейковы, Пивовы [Станиславский 2004, с. 75, 120–121].

Вена, направив в Москву посольство Николая Варкоча, поручила послу разобраться с возможными правами Габсбургов на русский трон. Паули также прибыл в Москву в 1589 г. вместе с посольством Варкоча. В депеше 1589 г. Варкоч рапортовал: «Перед своей смертью великий князь Иван Васильевич написал свою последнюю волю, в которой назначал своими душеприказчиками некоторых ближних бояр, но шурину нынешнего великого князя Борису Фёдоровичу Годунову не завещал ни должности, ни положения. Бориса это очень обидело, а потому он заключил тайный союз со своими родственниками и друзьями. А душеприказчики, как во всяком случае утверждает Борис, стремились соединить Москву с Польским королевством, что подтверждается многими убедительными доказательствами. Душеприказчики сгруппировали вокруг себя многих мещан и купцов, чтобы внезапно напасть на Бориса, устранить его и весь его род, и всех его сторонников, стоящих на их пути. Борису донес об этом один немец, член их союза. И тогда Борис сделал с ними то, что они намеревались сделать с ним: напал на них, перебил и сослал в опалу и, говорят, разорвал завещание Ивана IV и велел сжечь» [Донесение 1978, с. 109]. Аналогичное, но более позднее сообщение историки имеют от голландского купца итальянского происхождения Исаака Массы, с юности обретавшегося в России, а также от шведского резидента Петра Петрея. Из этого Р.Г. Скрынников, автор известной книги «Борис Годунов», полагал, что Годунов действительно не был в числе первых опекунов Фёдора [Скрынников 1979, с. 106].

Однако А.А. Зимин считал, что большего доверия заслуживают сообщения английского купца-фактора (главы) Лондонской Московской компании в России Джерома Горсея. В отличие от названных выше информаторов Горсей находился в России 17 лет (1573–1591), входил в ближний круг общения Ивана Грозного в последний период его жизни. Был допущен даже на тайные астрологические и магические гадания царя о собственной судьбе, которые Иван Грозный проводил вместе со своим последним лейб-медиком Иоганном Эйлофом. Горсей писал, что в ночь после кончины Ивана Грозного «...боярин Борис Фёдорович Годунов, князь Иван Федорович Мстиславский, князь Иван Петрович Шуйский и Богдан Яковлевич Бельский, – все знатные люди и главнейшие по завещанию царя (особенно лорд Борис, которого он считал своим третьим сыном, брат царицы, любимый всеми сословиями вполне заслуженно благодаря своим добродетелям и мудрости), – все они были назначены, чтобы утвердить на троне его сына Фёдора Ивановича, привели к присяге друг друга, всю знать и чиновников» [Горсей 1991, с. 142]. Посольство Речи Посполитой сообщало о роли Годунова как первого советника уже в 1584 г.: «...на приеме посла Льва Сапеги в июне 1584 года Борис Годунов “стоял у государя выше рынд, в то время как остальные бояре, в том числе И.Ф. Мстиславский, Н.Р. Юрьев и И.П. Шуйский, сидели в лавках поодаль”.

“Такая расстановка” и “посадка” бояр сразу объяснила Льву Сапеге роль Годунова как первого советника при царе Фёдоре Ивановиче» [Козляков 2011, с. 20]. Неофициозный «Пескаревский летописец», отметив наличие совета опекунов, также ставил во главу этого совета Бориса Годунова: «...по повелению царя и великого князя Феодора Ивановича стал правити всю Рускую землю Борис Федорович Годунов з братиею и з дядиею: з Дмитреем и Степаном, и з Григорьем, и с Ываном, и с ыными своими советники, и з бояры, и з думными дворяны, и з дьяки: с Ондреем Щелкаловым с товарищи» [Козляков 2011, с. 21].

Есть и другие источники, называвшие Годунова, получившего при коронации Фёдора Иоанновича давно никому не даваемый высший боярский чин конюшего, главным «регентом» царя Фёдора. Очевидно, что версия об отсутствии Бориса в совете царских опекунов распускалась его противниками, боярами-княжатами, желающими опорочить Годунова в глазах малосведующих в придворных интригах имперских дипломатов, которые ее и тиражировали в депешах Варкоча.

Нас же эти послания Варкоча интересуют в связи с легендой, циркулирующей в Вене и Праге о неких правах Эрнста или Максимилиана Габсбургов, и тайными помыслами самого Бориса Годунова. В отечественной историографии наличие таких помыслов доказывал Р.Г. Скрынников. Он, в отличие от А.А. Зимина, полагавшего, что легенда – полный вымысел Паули и Варкоча, предполагал, что Борис Фёдорович Годунов вынашивал секретный план в случае кончины Фёдора выдать замуж свою сестру, овдовевшую русскую царицу, за Габсбурга и вел об этом тайные переговоры с Варкочем [Скрынников 1979, с. 109]. В современной историографии сделаны попытки реконструировать участие самой царицы Ирины (Годуновой) в государственной деятельности и возможность ее активного влияния в этой области на царя Фёдора [Морозова 2006].

Возвращаясь к секретным планам Бориса Годунова следует сказать, что если Годунов и сжег завещание Грозного, то только для того, чтобы распустить слух о предусмотрительности Ивана Грозного, который, якобы, сам предлагал выход из династического кризиса в случае бездетного ухода Фёдора за счет выдвижения на русский престол принца Габсбурга, представителя самой титулованной династии Европы. Зная о невысоком мнении Ивана Грозного об Ирине Годуновой и его попытках развести Фёдора с женой по причине отсутствия у нее детей, предложение Ивана IV о возможности брака вдовы его сына с Габсбургом (равно как и упоминание Габсбурга в духовной Грозного) представляется нам невозможным.

Секретный план матримониального союза принца Габсбурга и вдовы Фёдора Иоанновича мог составить только сам Борис Годунов в качестве ответа на замыслы личной унии Речи Посполитой и России «пропольской партии».

Подтверждением этому может служить известие поляка, толмача Посольского приказа, Якова Заборовского. В его письме в Польшу капитану Белявскому от мая 1585 г. читаем, что «царь Фёдор тяжело заболел и в случае его смерти якобы один из братьев Рудольфа II женится на Ирине Годуновой и станет московским царем» [Скрынников 1979, с. 120; Scriptores 1885, s. 421–423].

Свидетельство переводчика-поляка из Посольского приказа очень важно. В 1584–1591 гг. именно Посольский приказ был одной из главных опор Бориса в его борьбе за власть. Фёдор Иоаннович в конце 1584 г. сделал своего шурина главным советником по внешнеполитическим делам, включая организацию русских посольств и прием иностранных миссий. Боярской думе, где доминировали княжата, пришлось 7 августа 1588 г. «указать» (т.е. отдать в полное ведомство) Годунову написание всех грамот от имени царя Фёдора в Крым и все контакты от имени царя со Священной Римской империей, Англией и Персией (последнюю в 1593 г. Борис и имперский посол Варкоч будут пытаться привлечь к намечавшемуся русско-австрийскому союзу против османов). Годунов имел право напрямую общаться и с первейшими сановниками названных выше стран.

А вот контроль за связями с Речью Посполитой и Швецией, включая прием польско-литовских и шведских послов, Боярская дума оставила за собой, что в контексте нашего исследования совсем немаловажно.

Насколько Священную Римскую империю могли интересовать расклады сил вокруг московского престола? Габсбурги со времен инициации папой Павлом II брака Ивана III с Софьей Палеолог предпринимали дипломатические усилия, чтобы склонить Россию к альянсу против османов и к церковной унии. Иван III и Василий III, исходя из оценки возможностей своей страны, дальше заклинаний о готовности защищать христиан не шли. Оба имели с Блистательной Портой дружественные контакты, что наследовал от них и Иван IV вплоть до присоединения к Москве Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг.

Но во второй половине XVI в. Москве уже пришлось отражать напор не только Крыма, но и самой Турции. Это могло обнадежить имперскую дипломатию все еще не потерявшую надежду привлечь Россию к реальной борьбе с османами.

В 1552–1558 гг. Крым пытался отвоевать Поволжье, и Турция стала оказывать ему помощь, сначала косвенную, что не обеспечило успеха этому предприятию. К примеру, даже победа татар, одержанная 3–4 июля 1555 г. над войском И.В. Шереметева у села Судбищи не привела к полному разгрому русских, а огромные потери крымцев, у которых в числе погибших оказались и два сына крымского хана Девлет Гирея (1551–1577), и гибель турецких воинов из Кафы заставили Девлет-Гирея отступить без полона и добычи [Волков 2016, с. 52–53]. Неудачи Крыма заставили султана Сулеймана I

Великолепного (1520–1566), позже его сына и преемника Селима II (1566–1574), а еще позже правительство сына Селима II Мурада III (1574–1595) напрямую вмешаться в русско-крымские отношения. В 1568–1577 гг. грянула первая в отечественной истории война с Турцией. К счастью для России, ее невольным «союзником» оказался сам крымский хан Девлет Гирей. Опасаясь за свою автономию, он стремился не столько помочь туркам вырыть канал между Доном и Волгой для подведения османских сил к Астрахани, сколько желал выдворить 17 тыс. янычар и прочих османских воинов за пределы своего ханства. Очень успешно в 1569 г. войне действовала 15-тысячная «сплавная рать» П.С. Серебряного-Оболенского, русского воеводы из бояр-княжат Гедиминовичей, разогнавшего строителей канала и заставившего отойти от Дона и Астрахани 50-тысячную армию крымцев. Кстати, на помощь Серебряному по своей инициативе из литовских пределов выступил другой Гедиминович, православный магнат М.А. Вишневецкий, покровитель запорожских казаков, основатель их «столицы» Черкасска. А запорожские и донские казаки тоже по своей инициативе на стругах добили разметанный бурей османский флот (100 галер). В Турцию из Астраханского похода 1569 г. вернулись живыми лишь 700 янычар [Волков 2016, с. 63].

Габсбурги, с середины XV в. постоянно занятые отражением османов от своих рубежей, не могли не заметить этот русский успех и потенциал будущих побед над Турцией в случае объединения австрийских, русских и польско-литовских усилий. Забегая вперед, отметим, что два набега крымского ханства в 1591 и 1598 гг. были успешно отбиты Россией. Стратегически перспектива войны с Крымом и Турцией являлась для Москвы необходимостью, как и поиск международных союзников в этом деле, так как Порта в XVI в. находилась на пике своих военных возможностей.

Имперская дипломатия полагала, что Россия и Речь Посполитая могут играть роль щита Европы, способного противостоять экспансионистским планам турок. В этом ключе и работала мысль императора Рудольфа II, стремящегося посадить одного брата на польско-литовский престол и готового схватиться за иллюзию возможности занятия другим своим братом московского трона. Такой поворот облегчил бы положение Габсбургов, силы которых в конце XVI в. были распылены в разных конфликтах. После разгрома чешско-хорватско-венгерских войск у Мохача в 1526 г. под власть Османской империи попала большая часть Венгрии и на отпор туркам, опустошающим австрийские границы и угрожающим самой Вене, у австрийских Габсбургов уходило немало сил. Нидерланды успешно бились с Габсбургской Испанией, получая поддержку Англии, на стороне которой «выступил» грандиозный шторм, став одним из решающих факторов разгрома Великой армады в 1588 г.

С русской стороны «карту» возможного брака в будущем австрийского принца Габсбурга с вдовой русской царицей мог разыграть Борис Годунов в 1586 г. в случае смерти тяжко болеющего в это время царя Фёдора Иоанновича. Возможно, что и в 1589 г. он не расставался с этой идеей. Такая перспектива полностью сохраняла его лично у власти и в принципе не противоречила ни внешним, ни внутренним интересам России. Отголоски этого гипотетического проекта «Годунов – Габсбурги» запечатлелись и в слухах 1585–1587 гг., и в миссии Варкоча 1589 г. Но если такая «карта» и была в «колоде» тайных планов Годунова в 1586 г., она не была пущена в ход. Фёдор Иоаннович поправился, и сообщения о неких связях Бориса с австрийцами достигли его ушей. Польский посол сделал соответствующий демарш в присутствии ряда членов Боярской думы в начале 1586 г.

Появление в Москве польско-литовского посольства во главе с минским кастеляном Михаилом Гарабурдой является подтверждением тайных династических планов и княжат, и Годунова. Речь Посполитая потому и направила в декабре 1585 г. свою миссию в Москву, что была убеждена, что из Москвы ведутся переговоры с Габсбургами о троне, против чего и должен был выступить Гарабурда. Его же откровенное предложение в случае смерти больного Фёдора Иоанновича посадить на московский трон Стефана Батория с обещанием России «вечного мира» и требованием от Москвы уже сейчас дать на это письменное согласие указывали на то, что посол был полностью уверен в поддержке кандидатуры Батория «пропольской» частью Боярской думы. Возмущенные демаршем Гарабурды (при живом царе!), Годунов и Андрей Щелкалов не встретили сочувствия у большинства членов Думы. Значительная часть думных бояр заявила, что не желают войны с Речью Посполитой, а хотят продления перемирия. Гарабурду же заверяли, что в Думе и мысли не допускали о контактах с Габсбургами в контексте судьбы русского престола.

Улучшившееся здоровье царя Фёдора, конечно, заставило «пропольскую партию» затаиться. В течение всех переговоров польско-литовскому эмиссару не позволили выступать в Боярской думе, а также встретиться по династическому вопросу с митрополитом Дионисием. Лишь 26 апреля 1586 г. Михаил Гарабурда имел прощальную аудиенцию с полным составом Боярской думы, где претензии на унию России и Речи с Баторием на троне были отклонены.

А чуть позже, в июне 1586 г., уже после отъезда домой дипломатов Речи Посполитой, открылся еще один тайный сюжет. Он наводит на мысль, что не один Годунов мог списываться с Габсбургами. Дореволюционный историк А.Я. Шпаков обнаружил информацию о том, что вместе с антиохийским патриархом Иоахимом, прибывшим в Москву летом 1586 г., приехал из Литвы гонец с грамотой для московского митрополита Дионисия от некоего православного магната из Речи Посполитой, который писал московскому Дионисию и его советникам-боярам, что до него дошли слухи о их посылках к «цареву

брату» (но не к Эрнсту, а к Максимилиану). Автор письма ратовал за Батория и сетовал, что в Москве «ищут себе приязни с чюжими и з далекими народы, а мимо их короля» [Шпаков 1912, с. 14]. Княжата с посланием ознакомились, но Дионисию не передали и не распространялись о его содержании. Возможно, что дальнейшее участие Дионисия в демарше княжат с целью развода царя Фёдора с Ириной Годуновой было делом для митрополита вынужденным, из-за угрозы раскрытия царю его «заговора» в пользу Габсбургов.

Открывшиеся же в ходе переговоров с посольством Гарабурды тайные контакты с Габсбургами, в которых подозрение падало на Бориса, бояре-княжата, по мнению Б.Н. Флори, решили использовать как аргумент для полного свержения Годунова [Флоря 1978, с. 130–133].

Реальный Фёдор Иоаннович был далек от образа тишайшего богомольца, созданного А.К. Толстым. В юности он не только звонил в колокола, но и с интересом взирал на кровавую бойню человека с медведем. По свидетельству австрийского дипломата, описавшего посольство Н. Варкоча в 1593 г., Фёдор дважды в дни пребывания имперских дипломатов в Москве лично бил на охоте лосей, медведей и лис [Гизен, Гейс 1991, с. 153]. В отличие от старшего брата Ивана, дважды разведенного по воле отца, Фёдор нашел в себе мужество отвергать приказы отца развестись и сохранил свой брак с Ириной Годуновой. Став монархом, он мог и посохом своим пройтись по спинам придворных. Вот и на тот раз, узнав о сватовстве к «цареву брату», Фёдор Иоаннович лично колотил шурина посохом.

В 1584–1586 гг. Борис Годунов постоянно ощущал себя в опасности. Он просил Джерома Горсея о помощи и тот сообщал в своих мемуарах, что еще в октябре 1585 г. ходатайствовал перед королевой Елизаветой о предоставлении Борису и его семье убежища в Англии. Горсей добавил, что явится Годунов не с пустыми руками. На Соловках Борис тайно держит приготовленные для бегства сокровища [Скрынников 1979, с. 30]. Предполагал Годунов и совсем печальный итог, о чем свидетельствует его вклад в Троице-Сергиев монастырь на большую по тем временам сумму в 1 тыс. руб. (примерно 3 тыс. талеров, 2 руб. тогда стоила лошадь). В перечне членов Боярской думы, присутствовавших на прощальной аудиенции с польско-литовским послом М. Гарабурдой, обладатель высшего чина «конюшего» Борис Годунов значился только четвертым, а его союзник из старомосковской знати Фёдор Никитич Романов открывал второй десяток членов Думы. Возглавляли список Фёдор Иванович Мстиславский и специально приехавший на переговоры с польско-литовскими дипломатами псковский наместник Иван Петрович Шуйский.

Удержали царского шурина на плаву заступничество сестры-царицы да, очевидно, позиция его союзников – дьяков Щелкаловых, а возможно и слова в защиту Годунова кузенов царя Романовых. Романовы, как и их отец, прежний

глава «партии» старомосковских бояр, не могли приветствовать монополию княжат на власть. Никиту Романовича Захарьина-Юрьева еще летом 1584 г. разбил инсульт. Горсей писал, что он «околдован», лишился языка и разума. «Сказание о Филарете Романове» утверждает, что Годунов всегда называл Никиту Романовича «батюшкой», а тот перед смертью (случилась она 23 апреля 1586 г.) просил Бориса заботиться о своих сыновьях «как о братьях» [Скрынников 1979, с. 23]. В таких же тонах освещает союз Бориса с Романовыми их родственник И.М. Катырев-Ростовский в своей «Повести» о Смуте.

Дьяки Андрей и Василий Щелкаловы состояли при государевых делах еще со времен Избранной рады. Они благополучно пережили опричные и постопричные времена, не утратив своего политического веса, потому что их положение, как и влияние всей «приказной братии» в целом, держалось не в последнюю очередь на возможности лавировать между боярскими кланами и различными придворными «партиями». Монополия княжат на власть была им тоже ни к чему.

К тому же царь Фёдор, скорее всего, не без помощи союзников Годунова и самого Годунова, узнал о тайных симпатиях Ф.И. Мстиславского и И.П. Шуйского к Стефану Баторию. Ездившее в Речь Посполитую летом 1586 г. посольство во главе с князем Ф.М. Троекуровым привезло осенью 1586 г. в Москву новые известия о продолжавшихся в окружении Батория разговорах об унии с Россией под скипетром Стефана. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения доброго царя Фёдора.

Дело в том, что в 1584–1586 гг. «партия» княжат выступала не только против Годунова, но и против его сестры царицы Ирины и всех Годуновых. Об этом писал не один Николай Варкоч. Ранее об убийстве Годуновых и их сторонников (что оказалось неправдой) сообщало письмо некоего поляка из Москвы. Это послание пришло в Витебск в декабре 1586 г. В нем утверждалось, что княжат поддержал думный дьяк Андрей Щелкалов, а Борис Годунов и 800 его сподвижников убиты [Скрынников 1979, с. 35]. Очевидно, что такого поворота событий ожидал автор письма, знакомый с некими тайными расчетами противников Годунова. Подробности решающего столкновения Годунова с его противниками во главе с Шуйскими содержатся в Хронографе 1618 г. Этот источник говорит, что часть знати и «богатых торговых мужиков» при поддержке митрополита Дионисия подала Фёдору Иоанновичу прошение о пострижении царицы Ирины из-за ее бездетности. Челобитчики молили царя Фёдора выбрать новую супругу ради рождения наследника. На роль невесты выдвигали сестру Ф.И. Мстиславского.

Вся эта затея оказалась большой ошибкой княжат, в результате которой Иван Петрович Шуйский и другие думцы, подписавшие прошение, а также митрополит Дионисий и крутицкий архиепископ Варлаам Пушкин подверглись опале. Первым уже осенью 1586 г. был сослан Андрей Иванович Шуйский.

Он погиб в ссылке в 1589 г., а в 1586 г. несколько столичных купцов за то, что «не в свойское дело вступилися», сразу кончили жизнь на плахе, о чем Посольский приказ официально информировал Речь Посполитую. Хотя в чем состояло «несвойское дело» купцов и как причастен был к нему Андрей Шуйский полякам не разъясняли.

Вслед за Андреем Шуйским и остальные Шуйские постепенно оказались не в чести у царя Фёдора. В опале оказались и входившие в Боярскую думу Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские, а также Василий Фёдорович Шуйский. В 1588 г. дошло дело и до главы «партии Шуйских» героя обороны Пскова. Англичане Джером Горсей и Джильс Флетчер, а также московский и псковский летописцы сообщают, что Ивана Петровича Шуйского свезли из его вотчины в Кинешме в Белозерский монастырь и постригли под именем Иов. Чуть позже он «угорел» в келье по тайному приказу Годунова, как утверждают названные источники.

Скорее всего так оно и было, ведь слухи называли И.П. Шуйского главным опекуном царя Фёдора, согласно завещанию Ивана Грозного.

Москва и очередное междуцарствие в Речи Посполитой

В 1586 г., пока все ожидали кончины московского царя, неожиданно 3 (12) декабря 1586 г. умер Стефан Баторий. В Москве, наверное, пожалели, что не отнеслись всерьез к предложению Батория рассматривать престол и России, и Речи Посполитой «наследством» того из двух монархов (русского или польско-литовского), кто переживет другого.

Московская дипломатия тут же выдвинула Фёдора Иоанновича кандидатом на польский трон. В этом ее поддержали сторонники союза Московии и Речи Посполитой в среде польско-литовской аристократии. В конце XVI – XVII в. «промосковская партия» постоянно будет присутствовать в среде польско-литовских магнатов и шляхты, хотя будет невелика по составу и не реализует ни одного из своих начинаний. Большинство в Сейме колебалось между приглашением кого-либо из Габсбургов или принца Сигизмунда из династии Ваза. Последний являлся сыном шведского короля Юхана III и его жены Екатерины, сестры последнего польского Ягеллона Сигизмунда II Августа.

Некогда руки Екатерины Ягеллонки у шведского королевства почти маниакально домогался Иван Грозный, хотя был женат, а Екатерина добровольно разделяла заточение своего мужа, бывшего финляндского герцога Юхана, восставшего против старшего брата шведского короля Эрика XIV. В заточении и родился будущий король Сигизмунд III, воспитанный позже иезуитами как католик, причем настолько ревностный, что соображения

борьбы за римскую веру превышали у него почти всегда все прочие интересы. «Партия» шведского принца-католика и последнего мужчины, кровного родственника угасшей династии Ягеллонов, возглавлялась в Речи Посполитой его теткой Анной Ягеллонкой, сестрой Сигизмунда II Августа и вдовой Стефана Батория. Ее правой рукой и саблей был коронный гетман Ян Замойский. Вдохновители борьбы за контрреформацию в Речи Посполитой иезуиты видели в своем воспитаннике также лучшего из кандидатов [Александров 2011]. Для папской курии Сигизмунд был в принципе тоже лучше, чем Габсбурги, так как, являясь наследником одновременно и шведского трона, мог бороться с распространением лютеранской веры как в Речи Посполитой, так и в Швеции. Последнее оказалось иллюзией. Протестантизм вскоре был объявлен в Швеции государственной религией.

В 1586 г. московская дипломатия в случае отклонения кандидатуры Фёдора Иоанновича на польский престол была на стороне эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. И Швеция, и Речь Посполитая были естественными соперниками России, имевшими к ней территориальные претензии. К счастью для России, соперничество из-за Ливонии превращало Речь Посполитую и Швецию в противников друг друга. Восшествие на польский трон Сигизмунда Вазы, наследника шведского короля Юхана III, означало попытку создания польско-шведского компромисса, что не сулило России ничего положительного.

Польское бескоролевье сблизило Россию и Габсбургов. В 1587–1588 гг. опять наметился их альянс. Косвенным подтверждением этому стал предпринятый в 1588 г. демарш Москвы, бьющий по интересам Англии, которая находилась в конфликте с Габсбургской Испанией. Лондонскую Московскую компанию решили второй раз лишить права беспошлинной торговли в России. Первый такой ход случился в марте 1584 г. Тогда думный дьяк Андрей Щелкалов в объяснение заявил, что «английский царь» Иван Васильевич умер. В 1587 г. привилегию вернули, а в 1588 г. Годунов, «приятель» английского купца Джерома Горсея, согласился отобрать привилегию вновь. Это вызвало ликование русских «торговых мужиков», голландских гостей и прочих иностранных купцов, не имевших царских грамот.

Тем временем 27 декабря 1587 г. сын Юхана III стал королем Речи Посполитой. Он взошел на польско-литовский престол с именем Сигизмунд III Ваза (Zygmunt III Waza). Чуть позже Сигизмунд III перенес столицу из Кракова в Варшаву, так как Краков был слишком близко расположен к чешско-словацким владениям Габсбургов. Избрание Сеймом Сигизмунда стало причиной Первой войны за Польское наследство. Поддержанный магнатами Зборовскими эрцгерцог Максимилиан пытался штурмовать Краков, но безуспешно. Максимилиан встал в Спише возле польско-чешской границы. Однако Ян Замойский и Сигизмунд III вторглись в чешские владения Австрии

и разбили 24 января 1588 г. основные силы Максимилиана, находившиеся около Бычина. На следующий день Максимилиан сдался в плен и вынужден был в марте 1588 г. отказаться от претензии на польскую корону.

В итоге ставка на Габсбургов ничего не дала России. Более того, по польско-австрийскому Бендзинско-Бытомскому трактату, заключенному 9 марта 1589 г., Вена договорилась с Краковом о том, что не будет помогать Московскому царству. Летом того же года шведский король Юхан III привел в Ревель 40 шведских судов и подтянул 10 тыс. шведских солдат. Туда же с польско-литовскими силами явился и его сын король Речи Посполитой Сигизмунд III. Над Россией нависла колоссальная военная опасность. Ею не прочь были воспользоваться в борьбе с Борисом Годуновым его противники, о чем и сообщал позже в Вену из Москвы Николай Варкоч [Скрынников 1979, с. 41].

Но польско-шведского нашествия не случилось. Остановили Юхана III и Сигизмунда III недоверие их подданных друг к другу, а также сомнения относительно военной слабости России. Не сумели они договориться и с Крымским ханством не только о нанесении одновременного с ним удара по Московии, но даже о нейтралитете.

Крым после успешно отраженных Россией его набегов 1584 и 1586 гг. не планировал возобновления войны с Россией. В Бахчисарае оценили усилия русских по укреплению своих южных и юго-восточных границ. На Средней Волге недалеко от излучины Дона русские построили крепость Царицын, возвели также укрепленный городок на Тереке на Северном Кавказе и заперли низ Волги новым каменным кремлем в Астрахани, где сидел воеводой сын свергнутого крымского хана Мурат-Гирея.

Увидев отход сил Речи Посполитой на северо-запад, Крым не упустил шанса нанести удар по ее территории. Это заставило Сигизмунда III ретироваться из Ревеля. Начавшаяся вскоре в Карелии вялотякущая Русско-шведская война 1590–1593 гг., благодаря умелой игре Бориса Годунова на польско-шведских противоречиях, принесла в 1595 г. Тявзинский «вечный мир». Все, что было потеряно Россией в конце Ливонской войны, было возвращено.

«Проект» брака царевны Федосьи с иностранным принцем

Между тем царица Ирина продолжала рожать мертвых детей или не вынашивать их. Попытка ее брата тайно выписать из Англии опытную повивальную бабку и сведущего врача кончилась новым скандалом. Митрополит и Боярская дума выразили крайнее возмущение, что «иноверцы» будут причастны к рождению царского ребенка. Прибывшая в Архангельск английская

акушерка была отправлена восвояси, а английский доктор был допущен в Москву, но только для врачевания царя Фёдора. И все же одной из царских дочерей – Федосье (Феодосии), родившейся 29 мая 1592 г., удалось ненадолго задержаться на этом свете. Имя царевне было дано неслучайное: в переводе с греческого Θεοδοσία – «Богом данная». (Интересно, что и крестильное имя самого Бориса Годунова было, видимо, Богдан или по-гречески Феодосий.)

У приверженцев продолжения «природной» династии московских Рюриковичей появился законный повод заранее готовить будущий династический брак единственной внучки Ивана Грозного.

За год до рождения царевны Федосьи в 1591 г. при невыясненных до конца обстоятельствах в Угличе погиб опальный ее дядя царевич Дмитрий (19 октября 1582 – 15 мая 1591). Будучи сыном Ивана Грозного от седьмого брака с Марией Нагой, он никогда не признавался законным братом Фёдора Иоанновича. В 1584–1591 гг. его даже не поминали в церкви среди членов царской фамилии, а в Синодике уважаемого на Руси Кирилло-Белозерского монастыря он и дальше значился не как царевич, а как удельный князь. Следствие по делу смерти Дмитрия было поручено князю Василию Ивановичу Шуйскому, которому неожиданно Годунов оказал большое доверие. Но историки давно заметили, что тактике Годунова было свойственно безжалостно уничтожать глав противных ему «партий», а их испуганным родственникам предлагать некий компромисс. Сохранившиеся до наших дней документы следственного дела рисуют убедительную картину случайной смерти царевича, игравшего с «робятками» «в тычку» и неожиданно заколовшего себя ножом в припадке эпилепсии. Царевич давно страдал этим недугом. Незадолго до гибели он перенес очередную вспышку болезни и в день своей кончины впервые после припадка был выпущен на прогулку. Так ли уж случаен был недосмотр его «мамки» (няньки) Василисы Волоховой, не покривил ли душой Шуйский в 1591 г., опасаясь опалы, сказать трудно.

Позже князь Василий Иванович Шуйский несколько раз высказывал иные версии случившегося в Угличе. При вступлении Лжедмитрия I в Москву в июне 1605 г. он клялся, что убит был другой ребенок, сыгравший роль «подменного царевича», а он, Шуйский, провел следствие так, чтобы спасти от поисков Годунова спрятанного настоящего царевича. Став царем в мае 1606 г., Шуйский утверждал, что царевич играл не «в тычку», а с орешками и был зарезан людьми, подосланными Борисом Годуновым. В итоге из его показаний и вытекают все три присутствующие в литературе версии – невольное самоубийство царевича, спасение, убийство. Последнюю тиражирует «народная» историческая традиция и церковная трактовка, возникшая при канонизации царевича в царствование Василия Шуйского.

После гибели царевича Дмитрия из рода московских Рюриковичей в живых оставалась его троюродная сестра Мария, вторая дочь двоюродного брата

Ивана Грозного Владимира Старицкого и его второй жены Евдокии Романовны Одоевской, кузины Андрея Курбского. (Матерью старших детей Владимира Старицкого – Василия и Евфимии (Евдокии) – являлась Евдокия Александровна Нагая, тетка Марии Федоровны Нагой, последней жены Ивана Грозного.) После смерти своей единокровной сестры Евфимии (по другой версии, старшей родной сестры, тоже носившей имя Мария), обрученной невесты датского принца Магнуса Ольденбурга, Мария в 13 лет вышла замуж за 33-летнего Магнуса. Этот датский принц, владетель острова Саарема, решился стать Ливонским королем и вассалом Ивана Грозного. Правда само Ливонское королевство существовало скорее в проектах Москвы. Оно должно было вобрать в себя земли, уже захваченные русскими в Ливонии, а также Ригу, Ревель и другие ливонские города, которые предстояло завоевать. Последнего не случилось и Магнус перешел на сторону Речи Посполитой.

После его смерти в 1583 г. Мария Владимировна проживала в Риге на маленькую пенсию, выделенную ей Стефаном Баторием. По иностранным источникам, у королевы Марии было две дочери – Мария (1580–1597) и Евдокия (1581–1589). Изучавший отечественные и зарубежные источники о жизни королевы Марии Д. Цветаев сообщал, что она воспитывала еще двоих приемных детей [Цветаев 1878, с. 70]. Русские источники упоминают только одну дочь – Евдокию. Польская сторона держала Марию фактически под домашним арестом, очевидно строя на ее счет некие планы. В Москве подозревали, что эти планы коснутся судьбы русского престола, и Борису Годунову удалось при посредничестве Джерома Горсея в 1585 г. выманить и тайно увезти рижскую сиделицу с ее дочерью Евдокией на родину. Здесь Марию Владимировну встретили пышно и дали приличное поместье с содержанием. Но в 1588 г. мирская жизнь королевы Марии закончилась. Ее недолюбливала царица Ирина (Годунова) и вскоре вдовствующая королева вынуждена была принять постриг с именем Марфы. Это случилось в расположенной недалеко от Троице-Сергиева монастыря небольшой Подсосенской женской обители. Там 18 мая 1589 г. неожиданно скончалась на девятом году жизни ее дочь Евдокия. В источниках есть подозрения о причастности к ее смерти (отравлению) Бориса Годунова. Сама инокиня Марфа умерла скорее всего в 1612 г.[5] в Новодевичьем монастыре в Москве. (По крайней мере только до 1612 г. за ней числилось поместье в селе Лежневе с деревнями, выданное ей по уходу в монастырь по грамоте царя Фёдора Иоанновича в августе 1588 г.)

Таким образом, в 1592 г. единственной потенциальной «соперницей» новорожденной царевны Федосьи Фёдоровны могла быть ее 12-летняя трою-

5. В литературе фигурируют и другие даты – 1597 г. (дата высечена на надгробии Марии Владимировны, захороненной в Троице-Сергиевом монастыре), 1614 г., 1617 г.

родная сестра Мария Магнусовна, затерявшаяся где-то в Ливонии, если, конечно, упоминания о ней не ошибка зарубежных источников.

Стоит сказать, что в Смуту ходил слух (его, в частности, сообщает в своей «Хронике» Конрад Буссов, один из телохранителей Лжедмитрия I), что первый царь-самозванец являлся незаконнорожденным сыном Стефана Батория. Л. Таймасова пытается связать с этим слухом сообщения о приемных детях, воспитываемых в Риге до 1585 г. вдовой Магнуса, предполагая, что приемыши на деле были ее незаконорожденными отпрысками от короля Стефана Батория. Одним из этих детей и был Лжедмитрий I [Таймасова 2006]. Это очень интригующая версия, но совершено недоказуемая исходя из наличного на сей день корпуса источников.

Возвратимся, однако, к царевне Федосье. Дядя царевны Борис Годунов стал планировать объявление Федосьи Фёдоровны наследницей престола. Даже начали обработку общественного мнения, вспоминая о правлении древнерусской княгини Ольги и регентстве Елены Глинской. К 1592 г. Борис Годунов уже переиграл всех своих соперников-княжат. Возможное воцарение Федосьи Фёдоровны удовлетворяло как его амбициям, так и амбициям Андрея Щелкалова. Думный дьяк Андрей Щелкалов принял самое активное участие в разработке плана династического брака маленькой Рюриковны.

В 1593 г. он через посла Варкоча секретно начал зондировать Вену и Прагу о возможности приезда в Россию потенциального жениха царевны Федосьи. Предполагалось пригласить принца из рода Габсбургов в возрасте не более 14–18 лет. Он должен был освоить русский язык, принять обычаи и скорее всего перейти в православную веру. Николай Варкоч передавал пассажи думного дьяка: «Наши великие государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Фёдорович, ты и я – страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, Бог нам поможет, чтобы взошло и произрастало то, что мы посеяли» [Скрынников 1979, с. 87–88].

Борис Годунов в качестве опекуна Фёдора Иоанновича стремился восстановить мощь Русского вотчинного государства. Он не только уничтожал своих личных врагов в высшем эшелоне власти, но и пытался выстраивать консенсус со всеми слоями служилого класса – с провинциальными детьми боярскими, столичными дворянами и видными дворянами по разным городам и, конечно, с аристократией как особой и очень важной для занятия высших управленческих должностей социальной группой. Честолюбивые планы и тайные мечты о короне наиболее амбициозных Рюриковичей и Гедиминовичей вели к ссорам в боярстве. Проект возможного династического брачного союза царевны Федосьи Фёдоровны и принца Габсбурга в качестве потенциальных наследников московского трона мог примирить всех. И княжат, потерпевших к началу 1590-х годов поражение, лишившихся вождей и реальной возможности определять курс России, и старомосковских бояр,

к числу которых относились Романовы, двоюродные братья Фёдора Иоанновича, которых бездетная смерть царя автоматически выдвигала бы в число претендентов на трон. Это ссорило бы Романовых и с Ф.И. Мстиславским, и с суздальскими Рюриковичами Шуйскими, и с их давним покровителем Борисом Годуновым, и с другими претендентами на престол из более знатных, чем они, бояр-княжат. Мир в высших сословиях соответствовал интересам приказной бюрократии. Братья Щелкаловы не во всем были согласны с Годуновым. Иностранцы часто позиционировали Андрея Щелкалова в качестве противовеса Борису Годунову, называя этого думного дьяка «канцлером». Но в вопросе создания матримониального союза малолетней Федосьи и принца Габсбурга братья Щелкаловы действовали с Годуновым «за один».

Мнение С.Ф. Платонова о том, что уход Андрея Щелкалова летом 1594 г. со всех постов был его крушением, вызванным недовольством Бориса Годунова рвением думного дьяка в конструировании матримониального союза царевны Федосьи и австрийского принца, выглядит необоснованным. Это противоречит источникам, сообщающим о ходе переговоров, и вытекает из убеждения историка, что уже в 1591–1594 гг. Борис Годунов сам мечтал о шапке Мономаха. Эту версию С.Ф. Платонов почерпнул из «Нового летописца», созданного уже в царствование Михаила Романова (1613–1645), а также других поздних источников, откровенно защищающего интересы Романовых. Куда более убедительной выглядит позиция Р.Г. Скрынникова, который доказывает, что Годунов в 1591–1594 гг. не имел планов самому сесть на трон, а потому Щелкаловы с Годуновым являлись сподвижниками в переговорах с имперской стороной. Неслучайно после ухода Андрея Щелкалова летом 1594 г. должность главного дьяка и хранителя государственной печати отошла его брату Василию [Скрынников 1979, с. 87].

Смерть царевны Федосьи Фёдоровны 25 января 1594 г. сделала русско-имперские переговоры о ее будущем династическом браке бессмысленными. Новых живых наследников у царствующей четы не появилось. Хворающий Фёдор явно шел к могиле, а царица Ирина твердо демонстрировала желание уйти в монастырь по кончине своего мужа. О последнем более всего заботился и царь Фёдор Иоаннович на своем смертном одре в 1598 г.

Персидские источники утверждают, что в 1595 г. у Бориса Годунова появился неведомый прежде в России титул – «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин, и дворовый воевода и содержатель великих государств – царства Казанского и Астраханского» [Памятники 1890, с. 296]. Это свидетельствовало о полноте его реальной власти и уже могло отражать его тайные коронные амбиции. Как опытный политик Борис знал, что в случае кончины царя Фёдора Иоанновича без наследников и ухода его вдовы Ирины в монастырь у него вряд ли есть шанс сохранить не только высокий статус, но скорее всего и собственную жизнь, и безопасность семьи. Спасти правителя

Бориса Годунова могла лишь шапка Мономаха. К концу 1590-х годов его шансы на беспрецедентное прежде дело – занятие престола по выбору Земского собора – были высоки. В отличие от «Нового летописца» и прочих источников XVII в., документы 1590-х годов свидетельствуют о большом авторитете Бориса в дворянстве, купечестве и среди посадских людей. Это подтверждает и история Земского собора 1598 г., когда лишь Боярская дума всерьез пыталась противиться утверждению кандидатуры Годунова. Выборные от прочих сословий готовы были видеть Бориса новым русским царем. Патриарх Иов не забыл роль Годунова в учреждении патриаршества в России в 1589 г. и также стоял за Бориса. Без поддержки церкви у Боярской думы, рода Романовых и прочих претендентов, мечтавших о короне, шансов не было.

* * *

Какой итог можно подвести после рассмотрения династических проектов 1584 – начала 1598 г.?

Мы видим, что государство и высший социальный слой русского общества проявляли явную тенденцию к большей открытости и связи России с западноевропейским миром. Понимание необходимости поднятия престижа России на международной арене было свойственно всем придворным «партиям». Причем некие личные расчеты у всех инициаторов династических проектов сочетались с помыслами как о защите внешнеполитических интересов России, так и о выводе страны из внутреннего кризиса.

Однако и в боярской среде, и в русском обществе в целом продолжала существовать стойкая ментальная оппозиция Западу. Сторонниками реформирования политической системы русского вотчинного государства оказались лишь единицы из аристократов. Они не могли да и не пытались повести за собой другие сословия. Их проекты не вышли за рамки тайных и неосуществимых мечтаний.

Более эффективные попытки вывода страны из кризиса связаны с именем Бориса Годунова, а его тайные и явные международные династические проекты 1584–1598 гг. явились предпосылками и наработками для династических планов царя Бориса Годунова, которые он пытался провести в жизнь в 1598–1605 гг.

Библиография

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России в 1700 г. и их сочинения. М., 1864. Ч. 1–2. 580 с.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А.И. Тургеневым. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. Т. II. 451 с.

Александров С.В. Смоленская осада. 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.

Волков В.А. Войско грозного царя. М.: Прометей, 2016. Т. 1. 322 с.

Гизен С., Гейс С. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча в 1593 году // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 140–167.

Горсей Дж. Записки о России XVI – начало XVII в. М.: МГУ, 1991. 369 с.

Донесение австрийского посла в Москву в 1589 году // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 96–112.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.

Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 331 с.

Козляков В.Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011. 313 с.

Морозова Л.Е. Два царя: Фёдор и Борис. Канун Смутного времени. М.: Русское Слово, 2006. 415 с.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб.: Наука, 1992. 279 с.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. 1: Царствование Фёдора Ивановича. 455 с.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1979. 192 с.

Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.

Таймасова Л.Ю. Трагедия в Угличе. Что произошло 15 мая 1591 года? М.: Омега, 2006. 488 с.

Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. 220 с.

Цветаев Д.В. Мария Владимировна и Магнус Датский // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 3. С. 57–86.

Черникова Т.В. Влияние идей Юрия Крижанича на политические настроения московской элиты // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 7–27.

Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса: Типография «Техник», 1912. 399 с.

Pavlov A. Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605) // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University press, 2006. Vol. I. From Early Rus to 1689. P. 264–285.

References

Adelung F. Kritiko-literaturnoe obozrenie puteshestvennikov po Rossii v 1700 g. i ikh sochineniia [Critical-literary review of travelers across Russia in 1700 and their works]. Moscow, 1864. Iss. 1–2. 580 p. (In Russ.)

Akty istoricheskie, otnosiashchiesia k Rossii, izvlechennye iz inostrannykh arkhivov A.I. Turgenevym [Historical records relating to Russia, extracted from foreign archives by A.I. Turgenev]. Saint-Petersburg: Edward Pratz Printing House, 1842. Vol. II. 451 p. (In Russ.)

Alexandrov S.V. Smolenskaia osada [Smolensk Siege]. 1609–1611. Moscow: Veche, 2011. 304 p. (In Russ.)

Chernikova T.V. Vliianie idei Iuriia Krizhanicha na politicheskie nastroeniia moskovskoi elity [Influence of Yuri Krizhanich's ideas on the political moods of the Moscow elite]. Slaviane i Rossiia: slaviane v Moskve. K 870-letiiu so dnia osnovaniia g. Moskvy [Slavs and Russia: Slavs in Moscow.

To the 870th anniversary from the day of Moscow foundation]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, 2018. P. 7–27. (In Russ.)

Donesenie avstriiskogo posla v Moskvu v 1589 godu [Report of Austrian Ambassador to Moscow in 1589]. Voprosy istorii [Problems of History]. 1978. N 6. P. 96–112. (In Russ.)

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv. Podgotovka k pechati L.V. Cherepnina [The spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the 14th – 16th centuries. Preparation for printing L.V. Cherepnin]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. (In Russ.)

Florya B.N. Russko-polskie otnosheniia i baltiiskii vopros v kontse XVI – nachale XVII v. [Russian-Polish relations and the Baltic question at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 220 p. (In Russ.)

Gisen S., Geiss S. Opisanie puteshestviia v Moskvu Nikolaia Varkocha v 1593 godu [Description of Nikolai Varkoch's travel to Moscow in 1593]. Proezzhaia po Moskovii [Passing through Moscow]. Moscow: International Relations, 1991. P. 140–167. (In Russ.)

Gorsey D. Zapiski o Rossii XVI – nachalo XVII v. [Notes about Russia in the XVI – beginning of the XVII century]. Moscow: Moscow State University, 1991. 369 p. (In Russ.)

Kozlyakov V.N. Boris Godunov. Tragediia o dobrom tsare [Boris Godunov. Tragedy about a good tsar]. Moscow: Young Guard, 2011. 313 p. (In Russ.)

Morozova L.E. Dva tsaria: Fedor i Boris. Kanun Smutnogo vremeni [Two tsars: Fedor and Boris. The eve of the Time of Troubles]. Moscow: Russian Word, 2006. 415 p. (In Russ.)

Pamiatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei [Monuments of diplomatic and trade relations between Moscow Russia and Persia]. Saint Petersburg: Yablomsky and Perott Steam Printing Association, 1890. Vol. 1: Reign of Fyodor Ivanovich. 455 p. (In Russ.)

Pavlov A. Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605). The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University press, 2006. Vol. I. From Early Rus to 1689. P. 264–285.

Pavlov A.P. Gosudarev dvor i politicheskaia borba pri Borise Godunove (1584–1605) [Gosudarev yard and political struggle at Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg: Nauka, 1992. 279 p. (In Russ.)

Shpakov A.Y. Gosudarstvo i tserkoh vzaimnykh otnosheniiakh v Moskovskom gosudarstve. Tsarstvovanie Feodora Ivanovicha. Uchrezhdenie patriarshestva v Rossii. [State and the Church in their mutual relations in the Moscow State. The reign of Theodore Ivanovich. Establishment of the Patriarchate in Russia]. Odessa: Printing house «Technician», 1912. 399 p. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. Boris Godunov. Moscow: Nauka, 1979. 192 p. (In Russ.)

Stanislavsky A.L. Trudy po istorii Gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the history of the State Court in Russia XVI–XVII centuries]. Moscow: RGGU, 2004. 506 p. (In Russ.)

Taimasova L.Y. Tragediia v Ugliche. Chto proizoshlo 15 Maia 1591 goda? [Tragedy in Uglich. What happened on May 15, 1591?]. Moscow: Omega, 2006. 488 p. (In Russ.)

Tsvetaev D.V. Mariia Vladimirovna i Magnus Datskii [Maria Vladimirovna and Magnus Danish]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. [Journal of the Ministry of National Education]. 1878. N 3. P. 57–86. (In Russ.)

Volkov V.A. Voisko groznogo tsaria [The army of the formidable tsar]. Moscow: Prometheus, 2016. T. 1. 322 p. (In Russ.)

Zimin A.A. V kanun groznykh potriasenii [On the eve of terrible shocks]. Moscow: Mysl, 1986. 331 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.02

С.А. Лиманова

УБИТЬ СЛОВОМ. ПЕТРОГРАДСКАЯ И МОСКОВСКАЯ ПРЕССА 1917–1918 гг. О СУДЬБЕ ОТРЕКШЕГОСЯ ИМПЕРАТОРА И ЕГО СЕМЬИ*

Еще горит, горит заря
На завоеванном просторе,
А призрак нового «царя»
Уже хохочет на престоле.
В. Воинов [Бич 1918]

Аннотация. *Статья посвящена анализу публикаций столичной прессы 1917–1918 гг. об отречении императора Николая II и о его семье. Среди представленных газет и журналов – «Правительственный вестник», «Утро России», «Речь», «Петроградский листок», «Правда», сатирический еженедельник «Бич» и др. Пресса не только стала «зеркалом» многих социально-политических процессов, но и в определенные моменты отражала сиюминутные изменения в общественных настроениях.*

В статье прослежен путь от «информационного вакуума» первых дней революционных волнений до последующего потока противоречивых сведений, в свое время скорректированных в зависимости от социально-политической направленности изданий. Уделяется внимание произошедшим в результате борьбы за «информационное поле» изменения в подаче материала и интерпретации недавних событий, постепенному угасанию внимания прессы к «царской теме». Отмечена также реакция современников на появлявшиеся время от времени новости о семье отрекшегося императора, а также интерпретация происходящего.

Проанализированы также способы закрепления в сознании уже сформированного негативного образа самодержавия, показаны особенности завершающего процесса десакрализации монархии. «Уничижающие» новости в прессе появлялись параллельно другим мероприятиям – высмеиванию эпизодов из жизни царской семьи на театральных сценах и киноэкране, «сносу» памятников. Кроме того, проанализировано влияние всего процесса десакрализации монархии на конструирование идеологии и репрезентацию новой власти.

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_а.*

В результате сделаны выводы о влиянии «газетных фактов» на сиюминутное и последующее отношение к судьбе расстрелянной царской семьи, на трансформацию восприятия самодержавия в целом. Кратко охарактеризована эволюция интереса к «царской теме».

Ключевые слова: *Николай II; отречение; столичная пресса; судьба Романовых; репрезентация власти; десакрализация.*

Лиманова Светлана Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Архива РАН (АРАН), Россия, Москва.
E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

S.A. Limanova. To Bury Monarchy Under a Mountain of Words. Petrograd and Moscow Newspapers About the Destiny of the Abdicated Emperor Nicholas II and His Family Members

Abstract. *The article analyzes the publications in the metropolitan's press in 1917–1918 about the abdicated Emperor Nicholas II and his family members. Reviewing such newspapers as «Pravitelstvenny vestnik» («The Government Gazette»), «Utro Rossii» («The Morning of Russia»), «Rech'» («The Speech»), «Petrogradsky listok» («The Petrograd Leaflet»), «Pravda» («The Truth»), satirical weekly «Bich» («The Scourge») and others, the author argues that the press not only served as a mirror of many social and political processes that took place in the country but at times also began to reflect immediate changes in the public sentiment.*

The article follows the trajectory from the «information vacuum» of the first days of the revolutionary events to the subsequent flow of contradictory information, which was later often corrected according to the socio-political orientation of the publications. Occurring as a result of the struggle for the «information field», there were significant changes in the presentation and interpretation of the unfolding developments. Also highlighted is the reaction of contemporaries to occasional news about the family of the ex-Emperor.

As the author shows, the press of the time strove, by all possible means, to strengthen the negative image of the Russian autocracy, to desacralize it. «Humiliating» news in the press appeared in parallel with other events: the mocking theatrical and cinematic presentation of the episodes from the imperial family life, the destruction of imperial monuments, etc. At the same time, these campaigns served the interests of new ideology and the ways to represent power in the new state.

Tracing the evolution of interest in the «imperial topic» in Russia after 1917, the paper concludes that the «newspaper facts» were a major influence on the immediate and long-term public attitudes towards the destiny of the executed tsar's family and the perception of the monarchy in general.

Keywords: *Nicholas II; abdication; metropolitan press; destiny of the Romanovs; representation of power; desacralization.*

**Limanova Svetlana Andreevna – Candidate of Historical Sciences,
Researcher at the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS),
Russia, Moscow. E-mail: serovasvetlana@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020**

На рубеже XIX–XX вв. столичная пресса играла роль основного источника новостей. Она служила «зеркалом» многих социально-политических процессов, а на непродолжительный период 1917–1918 гг. стала отражением сиюминутных изменений в общественных настроениях. Созданные с ее помощью «ассоциативные связи» зачастую оказывались настолько прочными, что их влияние продолжает сказываться до сих пор. Одним из наглядных примеров такого рода могут служить новости 1917–1918 гг. о судьбе отрекшегося императора Николая II.

Последняя «церемониальная» публикация, имеющая непосредственное отношение к Дому Романовых, датировалась 26 февраля[1] (11 марта) 1917 г. Тогда «Правительственный вестник» в разделе «Хроника» сообщал: «25-го февраля, накануне 72-й годовщины со дня рождения в Бозе почивающего Императора Александра III, в усыпальнице Русского Императорского Дома – Петропавловском соборе высокопреосвященным Сергием, архиепископом финляндским и выборгским, была совершена заупокойная литургия, по окончании которой у гробницы в Бозе почивающего Императора была отслужена панихида <…>» [Правительственный вестник 1917, с. 2]. Номер с информацией о панихиде был последним; под этим названием газета – главный рупор царского правительства – больше не выходила[2].

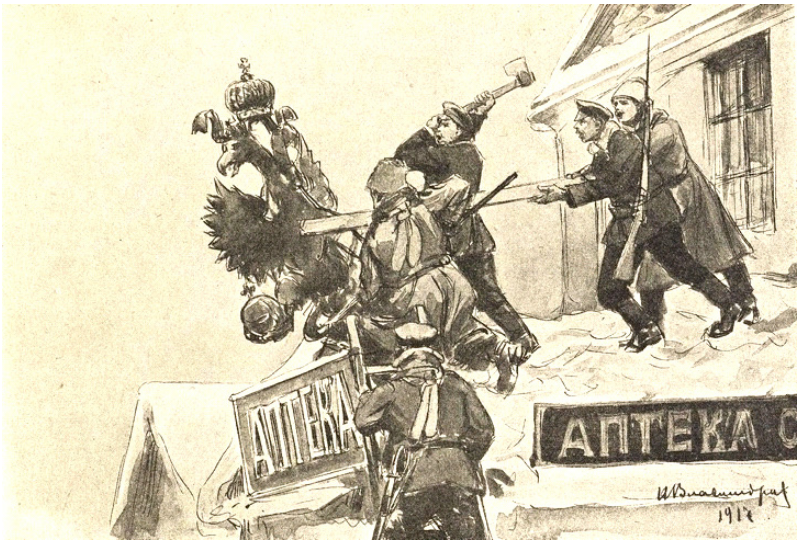
На несколько дней жители столиц, а вслед за ними и всей империи оказались в информационном вакууме. Современник событий нумизмат А.В. Орешников оставил такие записи в дневнике: «Почти все газеты в Петрограде не вышли; причина мне неизвестна» (26 февраля); «Судя по газетам (“Русские ведомости”), политическое и общественное положения в Петрограде тревожны; приняты меры, подробностей не сообщают» (27 февраля); «Вообще слухов масса, но где правда? Газеты не выходили» (1 марта). И наконец, 2 марта: «Газеты вышли! Давно ожидаемая революция наступила; удар старому режиму нанесен <…>» [Орешников 2010, с. 107–108]. Другой очевидец событий, «средний москвич» Н.П. Окунев, писал в тот же день: «С 9,5 ч. утра до 1,5 ч. дня читал “Русск[ие] Ведом[ости]”, “Русск[ое] Слово”, “Утро России”,

1. Даты в статье указаны по старому стилю, при необходимости в скобках дается датировка по новому стилю.

2. Формат издания был востребован, поэтому с марта по октябрь 1917 г. выходил аналог «Правительственного вестника» – «Вестник Временного правительства», с октября 1917 по март 1918 г. – «Газета (Временного) Рабочего и Крестьянского правительства» (т.е. СНК), но идеологически это были уже совсем другие газеты.

“Раннее Утро”, “Моск[овский] Лист[ок]”. Кажется, что это было самое интересное чтение за все мои 48 лет» [Окунев 1997, с. 16].

«Да здравствует освобожденная Россия! Да здравствует Народное Правительство! Да здравствуют Армия и Флот!» – крупными буквами красовались заголовки в газете «Утро России» от 2 марта 1917 г. «Да здравствует свободная Россия!», – декламировал «Петроградский листок» 5 марта 1917 г., публикуя манифест об отречении императора Николая II. В манифесте речь шла о необходимости ведения войны до победного конца и сплочении народных сил: «В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть» [Петроградский листок 1917, с. 1]. Манифест печатался и перепечатывался в газетах и в виде отдельных оттисков, новость молниеносно распространилась в Петрограде и Москве.

«Уничтожение орлов и вензелей»
Рисунок из журнала «Лукоморье» [1917. № 12–13. С. 5].

Николай II отказывался от престола за себя и за своего сына, наследника Алексея, в пользу брата – великого князя Михаила Александровича: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины» [Петроградский листок 1917, с. 1].

Манифест был датирован 2 марта, а уже 3 марта последовало заявление (отказ от власти) великого князя Михаила Александровича, составленное, как сообщали газеты, Г.Е. Львовым, В.В. Шульгиным и А.Ф. Керенским: «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского» [Речь 1917, с. 2]. Вскоре в прессе стали появляться сообщения о других великих князьях, присягнувших Временному правительству.

На весну 1917 г. пришлось наибольшее количество газетных публикаций, посвященных царской семье. Под заголовками – «Последние часы царствования», «Последние дни старой власти», «Судьба династии» – рассказывались подробности произошедшего отречения. После того как 7 марта 1917 г. Временным правительством было принято решение об аресте бывшего царя и членов его семьи регулярными и популярными стали статьи «В Царском», «Николай II под арестом», «Лишение свободы Николая II», «Прогулки бывшего царя» и т.д. Тогда же впервые прозвучал лейтмотив возможного побега Николая Романова. Якобы он мог сбежать в Ливадию, поэтому повсеместно усиливались меры охраны [Утро России 1917; Утро России 1917; Утро России 1917 а]. В дальнейшем на страницах прессы высказывались также предположения о вероятном (или даже готовящемся) отъезде царской семьи за границу. Параллельно сатирические журналы, такие как «Бич», «Будильник», «Лукоморье», примеряли венценосный образ на простых обывателей, всячески обыгрывали тему «упавшей короны», «маленького царя» и т.д.

Изменения в расстановке политических сил потребовали более основательной проработки негативного образа Николая II. Все чаще появлялись публикации «Бывший царь», «Последний самодержец», в которых вспоминались нелицеприятные факты биографии отрекшегося императора, нелестно оценивались его внешний вид и особенности характера. Ему приписывали и слабоумие, и слабоволие, и неумение вести себя с подданными, и даже злоупотребление спиртными напитками. Пожалуй, единственным положительным качеством, в котором не отказывали бывшему царю, была его любовь к собственным детям. Однако и в семейной идиллии находились «темные пятна». Например, чрезмерное влияние супруги – императрицы Александры Фёдоровны.

О «слабохарактерности» и «внушаемости» Николая II было написано очень много: от подавляющего влияния отца, императора Александра III, до якобы имевших место интриг А.А. Вырубовой, близкой подруги императрицы. Не обошлось и без «темных сил у трона» во главе с Г.Е. Распутиным. Все «кулуарные сплетни» последних лет в одночасье буквально вылились на

страницы периодических изданий. Тема Распутина оставалась весьма ходовóй – его убийство, похороны, проведение «спиритических сеансов», близость к царской семье. Чем больше новых деталей разгульной жизни Распутина публиковалось, тем бóльший интерес читателей это вызывало.

Обложка журнала «Будильник». Подпись:
«В Англию. Голос в конце хвоста: – Ждешь, ждешь…
А ну, как билетов в кассе не хватит?»
[1917. № 11–12. С. 1].

Из дневника Н.П. Окунева: «Событий так много, они так значительны и сюрпризны, что всего и не опишешь. Приходится быть кратким и многое даже совсем не записывать. (Теперь и не различишь при полной свободе печати и слова правду от выдумки.) <…> Про бывшего царя, его семью и двор пишут в газетах (а особливо в таких, как “Моск[овский] Листок”) разные гадости и сальности. Какие инстинкты разжигают, над кем смеются?» [Окунев 1997, с. 22]. Это же явление отмечал и осуждал еще один современник, писатель М. Горький: «Хохотать над больным и несчастным человеком [речь шла об издевках над болезненным состоянием бывшей императрицы Александры Фёдоровны, которая с трудом передвигалась самостоятельно. – *С. Л.*] – кто

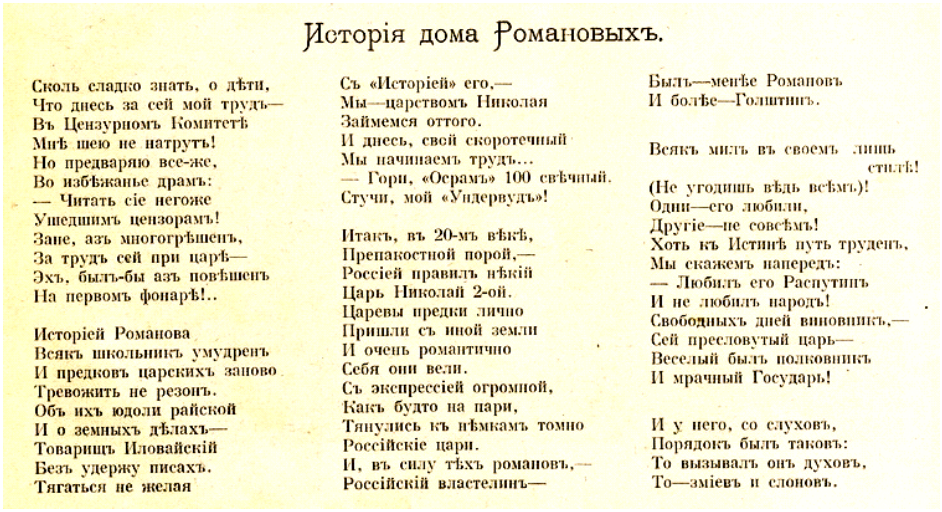
бы он ни был – занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали – смутно – их роль в России» [Горький 1990, с. 71][3].

При непосредственном содействии прессы создавался «порочный круг»: публике требовались «пикантные подробности», газеты давали их, снабжая какими-то действительно реальными фактами, опубликованная информация воспринималась как «подтверждающая» всеобщие догадки. В процесс кристаллизации этого «порочного круга», помимо периодики, свою лепту вносили и другие «трансляторы», исправно работавшие в тот момент на потребу столичного зрителя: в театрах показывали сценки типа «Крах торгового дома Романов и Ко» или «Веселые дни Распутина», в кинотеатрах шли «сенсационные картины» «Темные силы – Григорий Распутин и его сподвижники», «Любовные похождения Гришки Распутина», «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря» и т.п. (Подробнее см.: [Лиманова 2017, с. 125–129].) Не отставали и всевозможные брошюры «разоблачительного» типа.

Все то, что раньше являло собой сплетни, толки или просто догадки, а при публичном произнесении запросто могло квалифицироваться как «преступное деяние против Священной Особы Императора и Членов Императорского дома» [подробнее см.: Колоницкий 2010], на глазах превращалось в «объективную историю» предреволюционных лет. «Грязная “литература” особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда в людях возбуждены все темные инстинкты и еще не изжиты чувства негодования, обиды, – чувства, возбуждающие месть, – писал М. Горький. – Нам следует помнить, что мы переживаем не только экономическую разруху, но и социальное разложение, всегда и неизбежно возникающее на почве экономического развала» [Горький 1990, с. 26].

Критически взглянуть на происходящее в тот момент было нелегко, но некоторые современники уже тогда интересовались наукой, получившей в наше время название «руморология» (наука о слухах). В личном фонде историка и политического деятеля С.П. Мельгунова сохранилась подборка вырезок из газет за 1917 г., посвященных Николаю II и Распутину [Материалы 1917; см. также: Мельгунов 2016; Мельгунов 2017]. В том, что из опубликованного тогда было правдой, а что вымыслом, – до сих пор разбираются специалисты. Не менее интересен для изучения и другой аспект – механизм превращения слухов в «газетные факты», а затем формирование из этих «фактов» картины мира целых поколений.

3. Заметки публиковались в газете «Новая жизнь» за 1917–1918 гг.

Исторія дома Романовыхъ.

Сколь сладко знать, о дѣти,
Что днесь за сей мой трудъ—
Въ Цензурномъ Комитетѣ
Мнѣ шею не натрутъ!
Но предваряю все-же,
Во избѣжанье драмъ:
— Читать сіе негоже
Ушедшимъ цензорамъ!
Зане, азъ многогрѣшенъ,
За трудъ сей при царѣ—
Эхъ, былъ-бы азъ повѣшенъ
На первомъ фонарѣ!..

Исторіей Романова
Всякъ школьникъ умудренъ
И предковъ царскихъ заново
Тревожить не резонъ.
Объ ихъ юдоли райской
И о земныхъ дѣлахъ—
Товарищъ Иловайскій
Безъ удержу писахъ.
Тягаться не желая
Съ «Исторіей» его,—
Мы—царствомъ Николая
Займемся оттого.
И днесь, свой скоротечный
Мы начинаемъ трудъ...
— Гори, «Осрамъ» 100 свѣчный.
Стучи, мой «Ундервудъ»!

Итакъ, въ 20-мъ вѣкѣ,
Препакостной порой,—
Россіей правилъ нѣкій
Царь Николай 2-ой.
Царевы предки лично
Пришли съ иной земли
И очень романтично
Себя они вели.
Съ экспрессіей огромной,
Какъ будто на цари,
Тянулись къ нѣмкамъ томно
Россійскіе цари.
И, въ силу тѣхъ романовъ,—
Россійскій властелинъ—
Былъ—менѣе Романовъ
И болѣе—Голштинъ.

Всякъ милъ въ своемъ лишь стилѣ!
(Не угодишь вѣдь всѣмъ)!
Одни—его любили,
Другіе—не совсѣмъ!
Хоть къ Истинѣ путь труденъ,
Мы скажемъ напередъ:
— Любилъ его Распутинъ
И не любилъ народъ!
Свободныхъ дней виновникъ,—
Сей пресловутый царь—
Веселый былъ полковникъ
И мрачный Государь!

И у него, со слуховъ,
Порядокъ былъ таковъ:
То вызывалъ онъ духовъ,
То—зміевъ и слоновъ.

Начало сатирического стихотворения Н. Агнивцева «История дома Романовых», полностью опубликованного в журнале «Лукоморье» [1917. № 14. С. 17].

Проследить, как пресса воздействовала на восприятие происходящего, каким образом закреплялся в общественном сознании отрицательный образ отрекшегося императора Николая II, можно, в частности, с помощью дневниковых записей, сделанных параллельно выходу периодических изданий. А.В. Орешников писал: «В сегодняшнем номере “Утра России” описан момент сообщения Николаю II о событиях, о его низложении и т.д.; очевидец (если нет преувеличения) рисует бывшего царя ничтожным человеком, что мне всегда казалось» (5 марта 1917 г.); в советских «Известиях» «<…> помещены выдержки из дневника Николая II тех дней, когда он должен был отречься от престола; содержание дневника характеризует его не очень умным человеком» (27 июля 1918 г.); «Если дневник Николая II, печатающийся в “Известиях” большевиков, не есть подделка (многие в этом уверены), то бывший царь был прямо глупый человек; надобно удивляться, как могла быть вверена власть над Россией такому ничтожеству» (28 июля 1918 г.) [Орешников 2010, с. 109, 168]. Причем два последних примера – результат преднамеренного «моделирования мнения», основанного на привлечении вполне достоверных, но выборочно представленных источников.

Большевики, в течение долгого времени занимавшиеся подпольной деятельностью наряду с другими революционными партиями, прекрасно знали силу слова. Вот почему они своевременно позаботились о введении фактической цензуры (хотя официально она так не называлась) для советской периодики. После Великой Октябрьской социалистической революции «буржуазные»

газеты выходили все реже, а затем и вовсе были закрыты. Большевистская власть методично расчищала «информационное поле», монополизируя право на «информационный поток». Рупором новой власти стала газета «Правда», активно публикующая и разъясняющая «Декреты Советской власти», декларирующая новые права, новые отношения, новые праздники и т.д. Именно на страницах «Правды» появилась 6 (19) июля 1918 г. (т.е. через три дня после реального расстрела) «полная» и «достоверная» информация о событиях в Екатеринбурге.

Для того чтобы лучше понять степень влияния этой статьи на формирование общественного мнения, обратимся к событиям, предшествующим ее появлению. После бурной весны 1917 г. наступило затишье. Информация о судьбе отрекшегося императора и его семьи печаталась в газетах отрывочно и довольно лаконично. В августе 1917 г. стало известно, что бывшая царская семья вывезена из Царского Села по распоряжению Временного правительства. Затем сообщалось о том, что Романовы прибыли в Тобольск. В то же время под домашний арест попали великие князья – Михаил Александрович, Павел Александрович и Дмитрий Павлович. В апреле 1918 г. появились сведения о том, что бывший царь с семьей отправлен из Тобольска в Екатеринбург, туда же привезена из Москвы великая княгиня Елизавета Фёдоровна, сестра бывшей императрицы Александры Фёдоровны. В мае 1918 г. упоминалось о тяжелом состоянии здоровья бывшего наследника Алексея, а также о том, что члены семьи на какое-то время были разъединены: часть осталась в Тобольске, другая часть была перевезена в Екатеринбург. После этого распространились (но вскоре были опровергнуты) слухи сначала об убийстве Николая Романова, затем о якобы кончине Алексея. И уже в июле 1918 г. последовало официальное известие о смерти Николая Романова. В целом основные перемещения отрекшегося императора и членов его семьи до событий в доме Ипатьева в Екатеринбурге были известны, хоть и без подробностей. А вот дальше информация стала «дозированной», однако обширная статья в газете «Правда» умело скрыла это и, более того, была составлена так, что не оставляла места сочувственным взглядам.

«“Нам нужен царь!” – провозгласил недавно словоохотливый Родзянко. Но когда чехословацкие друзья этого матерого помещика, уже освободившие Михаила Романова[4], стали подбираться к бывшему венценосцу, чтобы выкрасть его из-под бдительного караула екатеринбургских пролетариев и, выкрасив рабочей кровью облезлую корону, снова водрузить ее на этой пустой голове, ружейные выстрелы оборвали жизненный путь Николая

4. Якобы имевший место «побег» великого князя Михаила Александровича был лишь предлогом для ужесточения режима содержания всех остальных Романовых, сам же великий князь был убит в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми.

Романова. Его больше нет, и как бы ни молились святые игумены о его здравии, ему уже не воскреснуть» – такими словами начиналась статья о расстреле бывшего царя [Правда 1918, с. 1]. Общий тон сообщения был уничижительным, о чем свидетельствуют и подбор лексики («матерый помещик», «облезлая корона», «пустая голова»), и недвусмысленные характеристики («фигура жалкая», «символ звериного режима крови и насилия над народом», «ставленник диких помещиков» и т.д.), и дальнейшие рассуждения о бесполезности его царствования. Подборка событий правления была составлена исключительно из отрицательных эпизодов: Ходынка, Кровавое воскресенье, проигрыш в Русско-японской войне, Азефовщина, деятельность Столыпина-вешателя, дело Бейлиса, развязывание мировой войны, шарлатанство Распутина и т.д. В некоторых случаях были нарушены причинно-следственные связи или даже допущены фактические ошибки (например, упоминалось о помазании на царство и Ходынской катастрофе при вступлении Николая II на престол в 1894 г.; однако если вступление на престол действительно произошло в 1894 г., то коронация состоялась двумя годами позже – в 1896 г.), но это никого не смущало. Расчет делался на негативный эмоциональный эффект.

Рисунок из журнала «Будильник». Подпись внизу: «–Гражданин, возьмите и корону: она не нужна больше России» [1917. № 11–12. С. 4].

Общий посыл был предельно прост: свержение монархии – правильное дело, ее реставрация – недопустима. Причиной необходимости физического уничтожения отрекшегося императора назывались попытка бегства и последующего мятежа: «Мартовская революция убила самодержавие политически. Но когда его захотели воскресить, в Бозе был расстрелян физический носитель этого подлого “порядка”» [Правда 1918, с. 1]. Заключительное «пожелание» «вбить хороший осиновый кол в эту проклятую людьми могилу» – прямое указание на действенный путь борьбы с «нечистой силой». Однако между строк на протяжении всей статьи прочитывались опасения иного толка: именно «воскрешения» царского имени опасалась новая власть. Вот почему и в данной публикации, и в последующих (в частности, в выборочно опубликованных отрывках из царских дневников и переписки, о чем было сказано выше) делалось все возможное, чтобы окончательно лишить бывшего носителя верховной власти «ореола святости».

Реакция на такую подачу информационного материала была весьма предсказуемой. Из дневника А.В. Орешникова от 6 (19) июля 1918 г.: «В большевистских (другие не выходят) газетах напечатано о расстреле в Екатеринбурге 3/16 июля бывшего царя, ввиду создавшейся опасности его побега; бывшая царица и наследник отосланы в безопасное место. Любопытно, что я нигде не заметил ни возмущения, ни сочувствия!» [Орешников 2010, с. 165; см. также: Иоффе 1992; Булдаков, Леонтьева 2017]. Для нас любопытно еще и другое – гражданам сообщили только о расстреле Николая Романова. О судьбе других членов императорской семьи на протяжении длительного времени вся правда не раскрывалась, ходили только слухи. И лишь после развала Советского Союза на официальном уровне была подтверждена информация о жестоких убийствах других Романовых (императрицы, детей, великих князей и княгинь). В советский период «царская тема» была фактически табуированной, исключение делалось для особых исторических личностей, таких как Иван Грозный или Петр I, на что имелись свои причины.

«А по моему простодушному мнению, – писал Н.П. Окунев, несомненно сочувствовавший Николаю II как человеку (но не как политику), – на могиле Царя мученика не осина будет расти, а прекрасные цветы. И насадят их не руки человеческие, а совесть народная, которая выявит себя, если не в ближайшем будущем, то по прошествии времени <…>» [Окунев 1997, с. 202–203]. Спустя менее чем 100 лет маятник истории действительно качнулся в противоположную сторону, и высказывания подобного рода стали крайне популярными. Конъюнктурное восприятие личности последнего самодержца – как резко негативное, так и явно апологетическое – продолжает преобладать вплоть до настоящего времени, мешая непредвзято посмотреть на события вековой давности.

Анализ статей столичной прессы за 1917–1918 гг. о судьбе отрекшегося императора и членов его семьи позволяет увидеть завершающий этап процесса десакрализации монархической власти, выявить способы поддержания отталкивающего образа самодержавия и его намеренного закрепления в общественном сознании. Этот процесс происходил параллельно созданию аналогичного отрицательного образа на киноэкране, а затем и «свержению» монархических памятников (подробнее см.: [Лиманова 2018, с. 918–926]). Максимально негативизированное информационное поле было проще «расчистить», после чего оно заполнялось новостями о новой, советской, символике, советских монументах, об организации и проведении советских торжеств и т.д. Сами же нелицеприятные слухи об императорской семье, превращенные в «газетные факты», оказались настолько живучи и невосприимчивы к критике, что пережили как объекты своих насмешек, так и самих «насмехателей».

Библиография

Бич. 1918. № 4.

Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты Русской революции. М.: ИстЛит, 2017. 617 с.

Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918). М.: Сов. писатель, 1990. 394 с.

Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М.: Республика, 1992. 349 с.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с.

Лиманова С.А. «Окончен романовский сеанс»: экранный образ Николая II в 1917 году // Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории Нового и новейшего времени. Сборник избранных статей участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов. М.: РОССПЭН, 2017. С. 125–129.

Лиманова С.А. Столичные памятники императорам и революция 1917 г.: коммеморативное противостояние // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. М.: Издательство АО «РДП», 2018. Часть 1. С. 918–926.

Материалы по русской истории, собранные С.П. Мельгуновым (XVIII–XX вв., вырезки из газет): Николай II и Г. Распутин, 1917 г. // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 647. Оп. 1. Д. 425.

Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. М.: Вече, 2017. 445 с.

Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. М.: Вече, 2016. 542 с.

Окунев Н.П. Дневник москвича. М.: Воениздат, 1997. Т. 1: 1917–1920. 318 с.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933. М.: Наука, 2010. Кн. 1: 1915–1924. 657 с.

Петроградский листок. 1917. № 55.

Правда. 1918. № 149.

Правительственный вестник. 1917. № 46.

Речь. 1917. № 55 (3797).

Утро России. 1917. № 62.

Утро России. 1917 а. № 68.

References

Bich. 1918. N 4. (In Russ.)

Buldakov V.P., Leontyeva T.G. 1917 god. Elity i tolpy: kulturnye landshafty Russkoi revoliutsii. [1917. Elites and crowds: cultural landscapes of Russian revolution]. Moscow: EastLitte, 2017. 617 p. (In Russ.)

Gorky M. Nesvoevremennye mysli i rassuzhdeniia o revoliutsii i kulture (1917–1918) [Untimely Thoughts and Discussions about Revolution and Culture (1917–1918)]. Moscow: Sov. writer, 1990. 394 p. (In Russ.)

Ioffe G.Z. Revoliutsiia i sudba Romanovykh [Revolution and Fate of the Romanovs]. Moscow: Republic, 1992. 349 p. (In Russ.)

Kolonitsky B.I. «Tragicheskaia erotika»: obrazy imperatorskoi semi v gody Pervoi mirovoi voiny [«Tragic Erotic»: images of the imperial family during the First World War]. Moscow: New Literary Review, 2010. 657 p. (In Russ.)

Limanova S.A. «Okonchen romanovskii seans»: ekrannyi obraz Nikolaia II v 1917 godu [«End of Romanov's session»: screen image of Nicholas II in 1917]. Revoliutsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktualnye problemy arkheografii, istochnikovedeniia, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik izbrannykh statei uchastnikov Sedmoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov [Revolutions in history. Historical Documents and Actual Problems of Archaeography, Source Study, Russian and General History of New and Modern Time. Collection of selected articles by participants of the Seventh International Scientific Conference of Young Scientists and Specialists]. Moscow: ROSSPEN, 2017. P. 125–129. (In Russ.)

Limanova S.A. Stolichnye pamiatniki imperatoram i revoliutsiia 1917 g.: kommemorativnoe protivostoianie [Capital monuments to emperors and the revolution of 1917: Commemorative confrontation]. Stoletie Revoliutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia. Scientific collection]. Moscow: Publishing house of the JSC «RDP», 2018. Part 1. P. 918–926.

Materialy po russkoi istorii, sobrannye S.P. Melgunovym (XVIII–XX vv., vyrezki iz gazet): Nikolai II i G. Rasputin, 1917 g. [Materials on Russian history, collected by S.P. Melgunov (18–20 centuries, newspaper clippings): Nicholas II and G. Rasputin, 1917]. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)]. F. 647. Inv. 1. Case 425.

Melgunov S.P. «Krasnyi terror» v Rossii. 1918–1923 [«Red Terror» in Russia. 1918–1923]. Moscow: Veche, 2017. 445 p.

Melgunov S.P. Sudba Imperatora Nikolaia II posle otrecheniia: istoriko-kriticheskie ocherki [Fate of Emperor Nicholas II after abdication: historical and critical essays]. Moscow: Veche, 2016. 542 p.

Okunev N.P. Dnevnik moskvicha [Diary of a Muscovite]. Moscow: Voenizdat, 1997. Vol. 1: 1917–1920. 318 p.

Oreshnikov A.V. Dnevnik. 1915–1933 [Diary. 1915–1933]. Moscow: Nauka, 2010. Book 1: 1915–1924. 657 p.

Petrogradskij listok. 1917. N 55.

Pravda. 1918. N 149.

Pravitel'stvennyj vestnik. 1917. N 46.

Rech'. 1917. N 55 (3797).

Utro Rossii. 1917. N 62.

Utro Rossii. 1917 a. N 68.

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.03

С.И. Коданева

ОТ «КОРИЧНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ» – К «ЗЕЛЕНОЙ». РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ*

Аннотация. *Бурное промышленное развитие XX в. привело к резкому усилению неблагоприятного антропогенного воздействия на окружающую среду, связанному с возрастающим потреблением природных ресурсов, с одной стороны, и увеличением отходов потребления и производства, а также различных выбросов в атмосферу и воду – с другой. Это приводит к росту числа стихийных бедствий, а также тяжелых заболеваний и к преждевременной смертности населения. Серьезность негативных процессов заставила мировое сообщество включить в повестку дня глобальных форумов проблематику устойчивого развития. Наиболее важным документом по этим вопросам является Доклад ООН Цели устойчивого развития, в котором экологическая безопасность рассматривается как основа для достижения иных социальных и экономических целей. Таким образом, концепция устойчивого развития постепенно трансформировалась в концепцию «зеленой экономики», цель которой – улучшение качества жизни людей путем рационального использования природных ресурсов.*

Российская Федерация в ряде стратегических документов в сфере экологии декларирует приверженность как целям устойчивого развития, так и идеологии «зеленой экономики». Однако на практике реализация стратегических посылов Правительства РФ далека от заявленных целей.

В статье исследуется состояние трех ключевых для зеленой экономики сфер – энергетика, утилизация отходов и водные ресурсы – в России и зарубежных странах. Автор приводит статистические данные, демонстрирующие положение вещей в этих областях, анализирует практику внедрения принципиально новых подходов, диктуемых «зеленой» логикой. Доказывается, что Российская Федерация значительно отстает от развитых и даже таких развивающихся стран, как Китай, в переходе к «зеленым стандартам».

Автор обосновывает два тезиса. Во-первых, реальный переход России к «зеленой экономике» невозможен в рамках существующей модели, базирующейся исключительно на экономических показателях, не учитывающих качество роста и его

* *Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».*

экологические и социальные издержки. В результате сохраняется и усугубляется разрыв и даже противопоставление «экономики» и «экологии». Преодоление этого разрыва возможно посредством перехода от традиционного ВВП к «зеленому ВВП» как сводному показателю, оценивающему состояние экономики не только с позиции дохода, но и с учетом воздействия на окружающую среду.

Во-вторых, ни один стратегический документ в сфере экологии не уделяет внимания роли самих жителей России во внедрении «зеленых технологий». Между тем реализация «зеленой политики» невозможна без кардинальной перестройки менталитета населения и формирования у каждого человека социально и экологически ответственного образа жизни и поведения.

Ключевые слова: *зеленая экономика; циркулярная экономика; устойчивое развитие; возобновляемая энергетика; обращение отходов; водные ресурсы; зеленый ВВП.*

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН,
доцент кафедры инновационных технологий в государственной сфере
и бизнесе Института бизнеса и делового администрирования
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва.
E-mail: kodanevas@gmail.com
Web of Science Researcher ID: V-2683-2018

S.I. Kodaneva. Transition from the «Brown Economy» Model to the «Green Economy» in Russia and Abroad

Abstract. *The rapid industrial development in the twentieth century led to a sharp increase in adverse anthropogenic impact on the environment, associated with the increasing consumption of natural resources, on the one hand, and the growth in waste as well as various emissions to the atmosphere and water, on the other hand. This has led to an increase in the number of natural disasters and a broad range of health problems in the population. The seriousness of the negative processes has forced the world community to include sustainable development in the agenda of global forums. The most significant and widely discussed document on this issue is the UN 2030 Agenda for sustainable development (Sustainable Development Goals), the analysis of which allows us to conclude that environmental security is a key condition for the implementation of all other goals (social and economic). Thus, the concept of sustainable development has gradually transformed itself into the concept of «green economy», which aims to improve the quality of life through the rational use of natural resources.*

The Russian Federation has not stayed away from these processes and a number of strategic documents in the field of ecology declare our commitment to both sustainable development goals and the ideology of the «green economy». However, in practice, the implementation of the strategic guidelines of the Russian Government is still far from the stated objectives.

This article examines this situation in three key areas relevant to the green economy – energy, waste management and water resources – both in Russia and abroad. The paper

contains statistical data reflecting the state of affairs in these areas as well as addresses some practical problems of introducing the «green» logic in our policies. The study shows that the Russian Federation lags far behind developed and developing countries, such as China, in the transition to «green standards».

The author makes two points. First, Russia's real transition to a «green economy» is not possible in the framework of the existing model based solely on economic indicators, which do not take into consideration the quality of growth and its environmental and social costs. As a result, the gap between such categories as «economy» and «ecology» persists and keeps exacerbating. Bridging this gap is possible through the transition from traditional GDP indicators to «green GDP» as a composite indicator that assesses the state of the economy not only from the standpoint of income but also in terms of ecological development.

Secondly, as of now, no strategic document in the field of ecology pays any serious attention to the role of people in the introduction of «green technologies». However, the implementation of the «green policy» is impossible without a radical restructuring of the mentality of the population and forging new lifestyles and modes of behavior in the society.

Keywords: *green economy; circular economy; sustainable development; renewable energy; solid waste management; water resources; green GDR.*

Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Russia, Moscow. E-mail: kodanevas@gmail.com
Web of Science Researcher ID: V-2683-2018

Бурное промышленное развитие и высокие темпы экономического роста второй половины XX в. сформировали основные мегатренды современности – урбанизацию и изменение климата. Многие исследователи отмечают, что в структуре глобальных выбросов углекислого газа, приводящих к изменению климата, наибольшую долю занимают энергетический сектор и промышленность [Трофимова 2019, Fan et al 2019]. Все это сделало международное экологическое сотрудничество насущной необходимостью в последней четверти XX в. Первым важным результатом его работы стало принятие Стокгольмской декларации 1972 г., в соответствии с которой государства соглашались координировать свои планы развития с тем, чтобы оно не противоречило необходимости защиты окружающей среды [Hossain 2014]. Затем последовало издание Доклада ООН «Наше общее будущее» 1987 г., в котором было отмечено, что «человечество способно придать развитию устойчивый долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [Наше общее будущее 1987]. Однако политики и предприниматели во всем мире, мягко говоря, прохладно отнеслись к подобным инициативам, продолжая придерживаться неолиберальной идео-

логии, основанной на превалировании свободы рынка, главной задачей которого является экономический рост и извлечение максимальной прибыли.

Таким образом, противоречия между категориями «экология» и «экономика» за прошедшие с тех пор 30 с лишним лет только еще больше усугубились и стали проявляться на мегауровне (в межгосударственных и национальных отношениях), макроуровне (между государством и предприятиями, государством и населением) и микроуровне (между товаропроизводителями и населением) [Трофимова 2019, с. 6].

В результате проблематика устойчивого развития постепенно стала настолько очевидной, что вошла в повестку многих международных организаций, включая ООН и ЮНЕСКО, и нашла отражение в трех базовых документах. Первый из них – Итоговый документ Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 2012 г. «Будущее, которого мы хотим», в котором признается необходимость дальнейшего продвижения идеи устойчивого развития на всех уровнях и интеграции его экономической, социальной и экологической составляющих, а также учета их взаимосвязи, для достижения целей устойчивого развития на всех его направлениях [Будущее, которого мы хотим 2012]. В 2015 г. было принято Парижское климатическое соглашение, в котором признается, что изменение климата является общей проблемой человечества и закрепляется цель удержания прироста глобальной средней температуры ниже 2ºС сверх доиндустриальных уровней, в том числе за счет снижения выбросов парниковых газов и соответствующей перестройки финансовых потоков [Парижское соглашение 2015]. Особое место среди перечисленных документов по важности занимает Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ООН. В ней впервые были сформулированы и закреплены Цели устойчивого развития, но самое главное – общая ответственность всего человечества за достижение этих целей, поскольку «реализация данного документа предполагает активное всеобщее участие, вовлечение всех имеющихся ресурсов, включая правительства, частный сектор, гражданское общество, систему Организации Объединенных Наций и других субъектов» [Преобразование нашего мира 2015].

Как неоднократно подчеркивается в документах ООН, устойчивое развитие – это сбалансированное развитие трех элементов: экологии, экономики и социальной сферы. Среди этих трех измерений экологическая безопасность является ключевым условием реализации всех остальных целей.

Проблема климатических изменений возглавляет перечень рисков, способных нанести наибольший ущерб. По оценкам экспертов, наша планета вошла в период опасных экологических катастроф. Стихийные бедствия отнимают до 9% глобальной экономики, хрупкость экосистем – 3% мирового ВВП; 40% тяжелых заболеваний и преждевременной смертности связаны

с неблагоприятным воздействием окружающей природной среды [Strizhov, Abramovich 2017].

Не удивительно, что все большее внимание ученых, политиков и общественности привлекает идеология так называемой «зеленой экономики», которая противопоставляется обычной «коричневой» экономике, основанной на использовании «грязной» энергии (т.е. вырабатываемой из ископаемых видов топлива, таких как уголь, природный газ и нефть). Так, Европейский союз поставил перед собой цель к 2020 г. увеличить долю возобновляемых источников энергии по меньшей мере до 20% от общего энергопотребления ЕС и по меньшей мере до 10% энергии, используемой в транспортном секторе в каждом государстве-члене. Эти целевые показатели являются центральным элементом стратегии ЕС по смягчению последствий изменения климата, хотя не следует забывать, что расширение использования возобновляемых источников энергии также рассматривается как средство снижения зависимости ЕС от импортируемого ископаемого топлива, особенно импортируемой нефти в транспортном секторе [Durán 2018]. Еще более амбициозные цели заявлены США – достичь того, чтобы к 2035 г. 80% производимой в стране электроэнергии имело «чистое» происхождение [Отарбабиева 2018].

Однако «зеленая экономика» сегодня не ограничивается вопросами использования возобновляемых источников энергии, эта концепция значительно шире. Она включает в себя проблематику формирования принципиально новых моделей производства и потребления, обеспечивающих получение прибыли и удовлетворение потребностей населения с минимальным негативным воздействием на окружающую среду. В идеале «зеленая экономика» должна привести человечество в состояние равновесия с природой, при котором человек будет возвращать в природу столько же, сколько взял из нее. Эта идея является базовым элементом еще одной концепции, получившей широкое распространение в последние годы – концепции «циркулярной экономики» или «экономики замкнутого цикла», которая подразумевает минимизацию затрат сырья и получения отходов, сохранение ценности ресурсов как можно дольше и рециклинг продуктов после достижения ими срока использования. Таким образом, должна происходить «перестройка капитала», направленная на расширение потоков товаров и услуг за счет пересмотра моделей ведения бизнеса в соответствии с тремя основными принципами: 1) сохранение и укрепление природного капитала путем контроля за конечными запасами и балансирования потоков возобновляемых ресурсов; 2) оптимизация выхода ресурса путем обеспечения циркуляции компонентов и материалов продукта на максимально возможном уровне полезности; 3) повышение эффективности системы путем уменьшения отрицательных экстерналий.

Концепция циркулярной экономики позволяет перевести идеи «зеленой экономики» в материальную плоскость, поскольку она ориентирована на систему учета материальных потоков. Энергия, вода и отходы являются доминирующими сферами внедрения «циркулярной экономики», в которых повышение эффективности может внести значительный вклад в реализацию подходов «зеленой экономики», т.е. обеспечить экологическую устойчивость.

Как было сказано выше, рост уровней концентраций парниковых газов является одним из ключевых факторов изменения климата. По данным Всемирной метеорологической организации, в 2017 г. концентрации парниковых газов в мире достигли новых максимумов и оставляли 146% (концентрации CO_2), 257% (концентрации CH_4) и 122% (концентрации N_2O) по отношению к доиндустриальным уровням (до 1750 г.). Российская Федерация занимает четвертое место в мире по выбросам углекислого газа (4,6% от совокупного объема), лидерами же по-прежнему являются Китай (27,6%) и США (15,2%) [Государственный доклад 2019, с. 23].

Энергетический сектор – основной источник парниковых газов в большинстве стран (в России его доля составляет 88%), при этом эффективность использования энергии остается крайне невысокой (28%) [Fan 2019, с. 1485]. Следует отметить интересный факт. Если сравнивать количество потребленной энергии, то лидерами являются США и Китай, однако если оценивать общее потребление энергии по отношению к ВВП, то энергоемкость Китая и США не так высока, как Российской Федерации [Fan 2019, с. 1485]. Действительно, энергоемкость, например, систем отопления в России превышает показатели стран ЕС на 60%, в том числе Германии – на 75% [Трофимова 2019, с. 8].

Это объясняется, главным образом, доминированием энергоемких отраслей промышленности, экономики, основанной на экспорте сырьевых товаров, и низкими ценами на энергоносители, что не стимулирует российский энергетический сектор к широкому внедрению «зеленой энергетики». Более того, российские добывающие предприятия не спешат инвестировать и в усовершенствование используемых ими технологий. По суммарным финансовым показателям за 2017–2018 гг. наблюдался рост платы за негативное воздействие на окружающую среду (на 9,8%) при снижении инвестиций в основной капитал, направляемых на охрану окружающей среды, на 20% [Государственный доклад 2019, с. 292].

Наиболее остро стоят проблемы сжигания попутного газа и вреда почвам, причиняемого добычей минеральных ископаемых. Так, по различным оценкам, ежегодно сжигается 20–35 млрд $м^3$ газа, что сопоставимо с энергопотреблением всей Москвы [Устойчивое развитие России 2013, с. 40]. И хотя в последние годы наблюдается положительная динамика, трудно назвать ее достаточно выраженной. Так, в 2018 г. добыча попутного газа увеличилась по

сравнению с 2017 г. всего на 4,8% (на 4,1 млрд $м^3$), однако это сопровождалось ухудшением общеотраслевого показателя его полезного использования, который снизился по отношению к прошлому году на 15% [Государственный доклад 2019, с. 292].

Что касается добычи полезных ископаемых, то она наносит непоправимый вред почве. Так, на конец 2018 г. было повреждено 567 905 га, а рекультивировано всего 5,5% поврежденных земель [Государственный доклад 2019, с. 292]. Кроме того, при добыче полезных ископаемых образуется наибольшая доля отходов (в основном, вскрышные породы или так называемые «хвосты» – оставшиеся горные породы и технологические растворы после извлечения ценных минералов из добытой руды), причем она постоянно увеличивается (с 89,2% (3334,6 млн т) в 2010 г. до 94,2% (6850,5 млн т) в 2018 г.) [Государственный доклад 2019, с. 260]. И хотя 94,2% этих отходов утилизируется, однако следует учитывать, что речь идет о их помещении в отработанные шахты, а это несет риски для экологии, такие как потенциальное загрязнение (подкисление и загрязнение тяжелыми металлами) и нестабильность отвалов. Так, в 2018 г. в целях ликвидации угрозы для безопасности населения было ликвидировано 170 провалов земной поверхности, выявленных в результате проведения экологического мониторинга [Государственный доклад 2019, с. 260].

При этом фактически речь идет о захоронении, а не об утилизации, т.е. переработке, хотя опасные отходы могут быть преобразованы в ценные вторичные источники металлов [vanZyletal 2016, Solomons 2017]. Помимо уменьшения угрозы окружающей среде это может быть экономически целесообразно, поскольку в такой отработанной руде могут содержаться ценные элементы на сумму до сотен миллионов евро [Kinnunen, Kaksonen 2019, с. 157]. При этом руда уже извлечена из недр и измельчена, что значительно снижает фактические затраты на обработку по сравнению с первичными рудами, требующими добычи (добыча и переработка составляют 40–60% от общих затрат). Однако крупные добывающие компании сосредоточены только на основном продукте. Во многом это объясняется нежеланием инвестировать в разработку новых технологий и прибыльностью существующих, что такое положение будет сохраняться до тех пор, пока запасы угля и руды не истощатся.

Для сравнения: в мире сегодня осуществляется около 75 крупных проектов по повторной добыче хвостов, связанных с рекультивацией золота, алмазов и меди [Kinnunen, Kaksonen 2019, с. 155].

Возвращаясь к «зеленой энергетике», т.е. получению энергии из возобновляемых источников, отметим, что здесь картина еще более плачевна. Основными источниками такой энергии в России являются ветровые и солнечные электростанции, однако их доля в единой энергетической системе РФ

составила в 2018 г. – 0,42%, а к 2024 г. должна вырасти до 4,2% [Основные направления 2009]. Иные возобновляемые источники энергии даже не рассматриваются.

Для сравнения: ЕС является владельцем 30% мировых патентов на источники энергии. Повторим, что цель Союза – использование в 2020 г. не менее 20% энергии, полученной из возобновляемых источников, это должно снизить выбросы парниковых газов и уменьшить значение нефти.

Число источников «зеленой энергии» в Европе значительно шире, чем в России и включает помимо энергии солнца и ветра также использование биотоплива, энергию приливов и отливов, геотермальную – и гидроэнергетику. При этом гидроэнергетика дает 38%, энергия ветра – треть всей энергии, получаемой из возобновляемых источников, энергия солнца – 12%, а оставшиеся 20% приходятся на энергию, производимую из биотоплива, которое можно получать из отходов (что способствует решению еще одной важной задачи «зеленой экономики» – рециклингу отходов), а также из растений, которые поглощают углекислый газ из воздуха. Это компенсирует выделяемый при их сжигании углекислый газ. Таким образом, биотопливо оказывает «нулевое» воздействие на окружающую среду. Самая высокая доля возобновляемых источников энергии в валовом внутреннем потреблении энергии в 2017 г. была в Латвии (42,5%), Швеции (41,2) и Финляндии (34,7%). Согласно прогнозу, наибольшая доля электроэнергии из возобновляемых источников в валовом потреблении электроэнергии в 2022 г. будет в Дании (97,8%), Австрии (70,6) и Швеции (64,3%) [Borawski et al. 2019, с. 472–473].

Наиболее распространенными видами биотоплива являются биоэтанол и биодизель. Так, в течение 2003–2018 гг. производство этих продуктов многократно увеличилось. Производство этанола выросло с 38,3683 тыс. т в 2003 г. до 126,8099 тыс. т в 2018 г. (рост на 230,5%). Производство биодизельного топлива увеличилось с 0,772855 тыс. т в 2003 г. до 38,64379 тыс. т в 2018 г. (рост на 4900%). Однако многие ученые бьют тревогу: рост биоэнергетики потребует увеличения посевных площадей земель под выращивание специальных культур, что может привести к сокращению производства продовольствия. Например, в Германии 70% возобновляемой энергии в 2012 г. было получено из биомассы, собранной с площади около 2,5 млн га. Производство энергетических культур в Германии может осуществляться на площади сельскохозяйственных угодий, оцениваемой в 4 млн га [Schorlingetal 2015]. Для Российской Федерации, где, по данным Минсельхоза, не используется 40 млн га земель сельскохозяйственного назначения [Никишин 2019], биоэнергетика является достаточно перспективным направлением. Но ее развитие требует инвестиций, а в современных условиях без целенаправленной государственной политики это практически неосуществимо, поскольку рыночные цены не учитывают должным образом связанные с климатом выгоды

(или положительные экстерналии) зеленой энергетики. В результате частные компании, главная цель которых – извлечение прибыли, не заинтересованы инвестировать в возобновляемые источники энергии и связанные с ними технологии. К тому же рыночные цены также не отражают и отрицательные экстерналии, связанные с использованием «коричневой энергетики», что делает ее относительно дешевой по сравнению с возобновляемой энергией. Эта ситуация усугубляется тем фактом, что конечные цены на обычную энергию продолжают искусственно снижаться за счет субсидирования ископаемого топлива. Согласно данным Международного энергетического агентства, мировые субсидии на ископаемое топливо в 2014 г. составили 510 млрд долл., что эквивалентно 115 долл. за тонну выброшенного углекислого газа [Durán 2018, с. 134].

К слову сказать, Директива по возобновляемым источникам энергии ЕС 2009 г. предусматривает, что государства-члены могут вводить схемы поддержки для содействия использованию энергии из возобновляемых источников и содержит примерный перечень таких мер. По данным Европейской комиссии, производство «зеленой» электроэнергии чаще всего обеспечивается с помощью механизмов прямой поддержки цен (24 государства-члена), за которыми следуют субсидии и льготные кредиты (17 государств-членов) и налоговые льготы (12 государств-членов) [Durán 2018, с. 138].

Помимо жидкого биотоплива из биомассы можно получать биогаз, который имеет ряд преимуществ [Borawski et al. 2019]. Например, при его производстве можно получать в качестве побочного продукта органические удобрения для почвы. Но, что еще важнее, биогаз образуется в результате переработки сельскохозяйственных отходов, а это актуально для российских сельскохозяйственных территорий, где ежегодно образуется около 750 млн $м^3$ отходов животноводческих предприятий и птицефабрик [Трубилин, Гайдук и др. 2019, с. 23].

Кроме того, биогаз получают в процессе утилизации органических отходов, которые составляют 2/3 твердых коммунальных отходов (ТКО), образующихся в городах. Управление отходами является общей проблемой, которая затрагивает здоровье человека, окружающую среду, развитие страны и экономику. Затраты на утилизацию постоянно растут, и если сегодня они составляют в среднем по миру 205,4 долл. США за тонну, то по прогнозам, к 2025–2030 гг. ожидается пятикратный рост этой суммы [Subhasish 2019, с. 658].

По данным государственной корпорации «Ростех», на территории России общая масса образующихся отходов 3–4 млрд т в год, включая ТКО. Уровень переработки составляет 5–7% (в европейских странах-лидерах доля отходов, вовлеченных в повторное использование, составляет 80–87%), большая часть отходов идет на открытые полигоны [Глухов, Мовчан 2019, с. 160]. Так, свалки

занимают площадь более 4,2 млн га [Проблема мусора в России 2019] и наносят наибольший вред окружающей среде, поскольку просачиваемость тяжелых металлов, таких как свинец, хром и кадмий, здесь значительно выше, чем, например, при сжигании. Помимо этого ускоренные темпы образования твердых отходов приводят к росту выбросов парниковых газов, особенно метана и диоксида углерода. Полигоны ТКО занимают третье место и на них приходится около 14% глобальных выбросов метана [USEPA 2016], они ежегодно выбрасывают в атмосферу около 800 т диоксида углерода. При этом никакой охраны или контроля со стороны органов власти в отношении того, что привозят и сваливают на такие территории, не осуществляется. Об этом говорит в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2019 г. и Президент В.В. Путин [Послание 2019]. В результате существует реальная угроза попадания на полигоны и несанкционированные свалки не задекларированных и не учтенных в официальной статистике опасных отходов.

Все это приводит к повышению негативного воздействия на здоровье населения, особенно жителей домов, расположенных в непосредственной близости от свалок, страдающих от таких заболеваний, как малярия, дерматит, желудочно-кишечные расстройства, бронхит, астма и даже рак.

Для обеспечения устойчивого развития в сфере экологии приоритетом должен быть переход от традиционных свалок отходов, опасных для окружающей среды, к надлежащим системам управления отходами, которые сохраняют полезные ресурсы в экономике. Так, несмотря на наличие в ТКО ценных утильных фракций, в процессе их захоронения ежегодно безвозвратно теряется не менее 9 млн т макулатуры, 2 млн т полимерных материалов и 0,5 млн т стекла [Стратегия развития промышленности 2018]. Это требует выработки и реализации на государственном уровне принципиально новых стратегий, в частности внедрения на практике принципов циркулярной экономики, которая базируется на нескольких ключевых позициях: переход к экономике совместного потребления, продление срока службы товаров и превращение отходов потребления в ресурс, который при правильной переработке приобретает новую экономическую ценность.

Так, все более широкое распространение получают рециклинг (повторное применение отходов по прямому назначению), а также регенерация (возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки) и технологии, направленные на повторное использование биоразлагаемых материалов. Это, например, компостирование (микробиологическое разложение органических отходов для производства богатого гумусом навоза) или рекуперация (использование биоразлагаемых отходов в производстве энергии). Существуют различные технологии рекуперации, но наиболее распространенными из них являются сжигание, газификация и пиролиз.

Как правило, 65–80% тепловой энергии может быть получено от сжигания твердых отходов [Abramov 2018, с. 738]. Этот метод признан приоритетным для использования в России, однако при нем происходит выброс в атмосферу токсичных веществ и диоксидов. В отличие от сжигания, пиролиз – это термическое разложение органических материалов при относительно высоких температурах в среде с низким содержанием кислорода. Пиролизные установки широко используются в развитых странах. Например, обычный пиролизный завод в Великобритании может конвертировать 50–250 т ТКО в день, производя около 64% пиролизного масла и 2% угля. Однако эксплуатационная стоимость такого завода составляет 4680–14 040 долл. США в день, что делает эту технологию слишком дорогой [Subhasish 2019, с. 663].

Газификация – это процесс термического разложения отходов в среде с ограниченным количеством кислорода, что дает газ в качестве основного продукта и стекловидный шлак (используется в дорожном строительстве). В настоящее время в мире насчитывается 686 газификационных установок с суммарной выработкой энергии 83 Мвт/ч. [Subhasish 2019, с. 663]. Однако для газификации требуется значительное количество угля, кроме того, в результате нее образуются токсичные органические соединения.

Наконец, третье ключевое для циркулярной экономики направление – это обращение с водными ресурсами. Вода, в том числе качественная питьевая вода, входит в перечень дефицитных ресурсов. Только 71,16% мирового населения имеет доступ к безопасной питьевой воде [TheWorldBank 2019]. В 2018 г. качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения было обеспечено 87,6% населения РФ [Государственный доклад 2019, с. 329]. Основными факторами, снижающими качество питьевой воды, являются сброс сточных вод, в том числе после канализационных очистных сооружений, в поверхностные водоемы в местах водопользования; сброс загрязненных (недостаточно очищенных) сточных вод из-за перегрузки водоочистных сооружений, их некачественной работы, нарушений технических регламентов, нехватки реагентов, прорывов и залповых сбросов; неэффективность применяемых технологий водоочистки, неэффективность транспортировки питьевой воды и др. [Государственный доклад 2019, с. 329]. Так, 19% сточных вод сбрасывается в водные объекты без очистки, 70 – недостаточно очищенными и только 11% – очищенными до установленных нормативов. Сброс неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод является причиной загрязнения поверхностных и подземных вод, накопления в донных отложениях загрязняющих веществ, деградации водных экосистем [Стратегия экологической безопасности 2017].

Таким образом, является весьма актуальной проблема надлежащей очистки сточных вод, особенно коммунальных. Впрочем, эта проблема стоит не только перед нашей страной. Так, согласно докладу Европейской комиссии,

в 2008 г. в государствах – членах ЕС было произведено более 10 млн т сухих твердых частиц шлама и ожидается, что количество шлама к 2020 г. составит 13 млн т [Gherghel 2019, с. 245]. Методы обработки и удаления осадка имеют важное значение для охраны окружающей среды из-за содержания остаточных органических загрязнителей, токсичных металлов и патогенных микроорганизмов. Вопрос об осадке сточных вод является одним из наиболее изученных с научной точки зрения за последние 30 лет. Например, только за 2015–2017 гг. была опубликована 51 рецензируемая работа по этой проблематике. Наиболее часто используемыми методами утилизации шлама являются сжигание, захоронение, сброс в открытые водоемы, повторное использование в сельском хозяйстве (непосредственно или после компостирования) и повторное использование для производства цемента, кирпича и асфальта [Zhen et al. 2017, Świerczek et al. 2018, De Carvalho et al. 2019]. Например, в ЕС приблизительно 40% от общего объема осадка сточных вод используется в сельском хозяйстве, все шире стало применяться сжигание осадка в связи с его большой теплоотдачей (в Германии 28% шлама утилизируется таким методом). Однако в России эти технологии практически не применяются.

Нельзя сказать, что Правительство РФ не уделяет указанным проблемам внимание. Они отмечались и в посланиях Президента РФ 2018 и 2019 гг., и в указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Кроме того, сегодня сформирована нормативная база по экологической проблематике. Так, Стратегия экологической безопасности РФ в качестве основных целей государственной политики в этой сфере декларирует «сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде» [Стратегия экологической безопасности 2017]. Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г. провозглашают как стратегическую цель «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду…» [Основы государственной политики 2012]. Помимо этого в декабре 2018 г. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден паспорт национального проекта «Экология», направленного на реализацию содержащихся в указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах…» целевых показателей в сфере экологии. Для претворения в жизнь этих документов Правительство РФ утвердило следующие программы: «Охрана окружающей среды», «Воспро-

изводство и использование природных ресурсов», «Развитие лесного хозяйства», «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах», «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2013–2020 годы». Помимо этого сформировано обширное природоохранное законодательство.

Однако ситуация либо не меняется (или меняется в худшую сторону, как в случае с утилизацией коммунальных отходов), либо изменения незначительны и не свидетельствуют о реальном переходе к принципам «зеленой экономики». Причина этого, надо полагать, в том, что большинство обсуждаемых в научной литературе [см., например: Девлет-Гелды, Голиков 2019, Трофимова 2019, Крючкова, Гузенко 2016] и заявленных Правительством РФ мер носит преимущественно административный или фискальный характер, а это в современных экономических условиях малоэффективно, так как предприятиям невыгодно инвестировать в «зеленые» технологии, им зачастую дешевле заплатить штраф или внести плату за негативное воздействие на окружающую среду.

Проблема, по нашему мнению, в том, что и государство, и бизнес в России опираются на устоявшееся клише: ««экономический рост – залог прогресса», при котором развитие экономики страны оценивается по единственному показателю – валовому внутреннему продукту (ВВП), а качество роста и его издержки (экологические и социальные) обычно игнорируются. В результате в сложившейся экономической действительности «экономика» и «экология» оказываются просто несовместимы. Сегодня уже многие ученые и политики осознают неспособность этого показателя адекватно отражать реалии постиндустриальной экономики. Даже такая авторитетная международная организация, как Римский клуб, предлагает отказаться от ВВП как показателя роста [Strizhov, Abramovich 2017]. Возникает вопрос, какие показатели могут устранить указанные противоречия и учитывать экономический рост, с одной стороны, и состояние окружающей среды – с другой.

Одним из возможных показателей, который легко интегрирует традиционные экономические категории, такие как затраты и прибыль, с экологической ценностью, является зеленый валовой внутренний продукт («зеленый ВВП»). Он представляет собой сумму природного капитала страны или региона и его традиционного номинального ВВП. Природный капитал региона – это общая стоимость всех экосистем в нем. Одним из основных преимуществ использования зеленого ВВП является его четкое и понятное толкование; если ожидаемое изменение зеленого ВВП системы отрицательно, то теряется больше стоимости, чем получается, и наоборот. Такая система моделирования уникальна в том смысле, что экологическая составляющая оценивается с помощью экономических единиц и делает ее понятной бизнесу. Так, Даниэль Гарсия, Бриттани Ловетт и Фен Ю провели моделирование потенциала развития

биоэнергетики на базе отходов сельхозпроизводства в Нью-Йорке. Их исследование показало, что для достижения максимального зеленого ВВП требуется значительное падение прибыли и, напротив, модели, предполагающие максимизацию прибыли, оказывали крайне негативное влияние на экологию. В результате моделирования было предложено компромиссное решение, позволяющее достичь среднего роста зеленого ВВП на 7,3 млн долл. / год при сохранении роста прибыли на 2 млн долл. / год [Garcia et al. 2019]. Эти результаты показывают, что только при переводе экологического эффекта в экономический показатель возможно найти компромисс между экономикой и экологией и создать условия более широкого перехода к «зеленым» технологиям.

Наконец, последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. Упоминавшиеся выше стратегические документы, равно как и российское законодательство практически не уделяют внимания роли самих жителей страны во внедрении «зеленых технологий». Так в Комплексной стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в РФ содержится всего несколько упоминаний «населения» в контексте минимизации вреда, причиняемого отходами окружающей среде [Комплексная стратегия обращения с ТКО, 2013]. При этом никаких механизмов вовлечения населения в решение этой крайне актуальной проблемы на сегодня не существует. Вместе с тем, как отмечают многие исследователи, для того чтобы переработка ТКО стала экономически выгодной, важно обеспечить создание системы разделения компонентов отходов на разные фракции в источниках их возникновения. Именно этот подход нашел широкое распространение в развитых странах. В идеале отходы должны разделяться самим населением. Однако для этого должны быть созданы необходимые условия в виде специальных контейнеров или пунктов приема вторсырья. Но еще важнее социально ответственное отношение самих жителей, сознательно принимающих на себя ответственность за экологическую безопасность их родного города. Например, в Париже местные власти проводили целенаправленную политику по формированию экологически ответственных моделей поведения, в основе которой лежала идея территориальной сплоченности, осознания принадлежности к одной общине и ответственности за ее устойчивое развитие.

Без изменения менталитета населения невозможна реализация и таких элементов циркулярной экономики, как экономика совместного потребления или осознанное снижение потребления за счет продления жизненного цикла товаров. Как показывает ряд исследований, реализация модели устойчивого развития требует не только инновационных технологий, но и инновационного образа жизни, а также вовлеченных и хорошо информированных граждан. Так, эмпирическое исследование Джибран Вита с соавторами показало, что

ограничение потребления до уровня достаточности в ЕС заметно снизит негативное воздействие на окружающую среду [Vita et al. 2019].

Итак, модель российской экономики далека от стандартов «зеленой экономики». Во многом это объясняется достаточно большими запасами ресурсов, включая энергоресурсы, водные и земельные ресурсы, что не создает необходимых экономических стимулов для бизнеса переходить к «зеленым» технологиям. Государство со своей стороны также не сформировало достаточно эффективные экономические рычаги, стимулирующие частный сектор к внедрению передовых технологий. Разрыв и даже противопоставление «экономики» и «экологии» сохраняется. Преодоление этого разрыва возможно посредством перехода от традиционного ВВП к зеленому ВВП как сводному показателю, оценивающему состояние экономики не только с позиции дохода, но и с учетом воздействия, оказываемого на окружающую среду.

Библиография

Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия. 20–22 июня 2012 г. (2012) // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf (дата обращения: 01.09.19).

Глухов В.В., Мовчан К.С. Экономическая оценка технологии переработки отходов с учетом воздействия на окружающую среду // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. № 1. С. 159–167.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». М.: Минприроды России; НПП «Кадастр», 2019. 844 с.

Девлет-Гельды Г.К., Голиков В.Д. Зеленая экономика: новый вектор государственно-частного партнерства в прорывном развитии России // Journal of economy and business. 2019. Vol. 2. С. 28–34.

Крючкова О.М., Гузенко А.Д. «Зеленая экономика» как элемент устойчивого развития: современное развитие и перспективы // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 35. С. 44–48.

Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (1987) // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 01.09.19).

Никишин А. Для неиспользуемых сельхозземель подыщут хозяина // Парламентская газета. 2019. 12 августа. URL: https://www.pnp.ru/economics/dlya-neispolzuemykh-selkhozzemel-podyshhut-khozyaina.html (дата обращения: 01.09.19).

О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации № 176 от 19.04.17 г. // Правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=89725089205023003735059028&cacheid=EF829DF143BD2B9FFF8903C12A8D29EE&mode=splus&base=LAW&n=215668&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#1sdma6jh1o7 (дата обращения: 01.09.19).

Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года: распоряжение Правительства РФ № 1-р от 08.01.2009 г. //

Правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=16C9FB1B8B5A000065418F6EB2B37AB3&mode=splus&base=LAW&n=329678&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#a6ocp1zjsm0 (дата обращения: 01.09.19).

Об утверждении комплексной Стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации № 298 от 14.08.13 г. // Правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=C624BA2C3D1206D863F3E2B2A8485945&mode=splus&base=LAW&n=151066&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#2mz02dlh6n6 (дата обращения: 01.09.19).

Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ № 84-р от 25.01.2018 г. // Правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=1E3983AEB628BD336B22F2C7D67DCFB0&mode=splus&base=LAW&n=289114&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#1oyw2b34adf (дата обращения: 01.09.19).

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.12 г. // Правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=2EF6F564247358D01A883A7A1AA1D42A&mode=splus&base=LAW&n=129117&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#9pos7kkfqcs (дата обращения: 01.09.19).

Отарбабиева А.А. «Зеленая экономика» – путь к равновесию между экономикой и природой // Академическая публицистика. 2018. № 8. С. 15–18.

Парижское соглашение. Конференция Сторон. Двадцать первая сессия. Париж, 30 ноября – 11 декабря 2015 г. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (2015) // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf (дата обращения: 01.09.19).

Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2018) // Президент Российской Федерации: Официальный сайт. 2018. 1 марта. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 01.09.19).

Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации (2019) // Президент Российской Федерации: Официальный сайт. 2019. 20 февраля. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 01.09.19).

Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Организации Объединенных Наций (2015) // Организация Объединенных Наций: Официальный сайт. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 01.09.19).

Проблема мусора в России: страшная статистика! // «АЛОН-РА». URL: http://alon-ra.ru/problema-musora-v-rossii.html (дата обращения: 01.09.2019).

Самые большие свалки // Узнай все. URL: https://uznayvse.ru/interesting-facts/samye-bolshie-svalki.html (дата обращения: 01.09.2019).

Страна отходов // «Эксперт Online». 2014. 11 февраля. URL: https://expert.ru/2014/02/11/strana-othodov/ (дата обращения: 01.09.2019).

Трофимова Я.В. Государственное регулирование взаимодействия экологии и экономики. Уфа: Мир печати, 2019. 196 с.

Трубилин А.И., Гайдук В.И., Комлацкий Г.В., Секерин В.Д. «Зеленая экономика» региона: проблемы и перспективы развития. Краснодар: КубГАУ, 2019. 138 с.

Устойчивое развитие в России / под ред. С.Н. Бобылева и Р.А. Перелета. Берлин; СПб.: Friedrich Ebert Stiftung, 2013. 220 с.

Abramov S.He., Wimmer D., Lemloh M.-L., Muehe E.M., Gann B., Roehm E., Kirchhof R., Babechuk M.G., Schoenberg R., Thorwarth H., Helle T., Kappler A. Heavy metal mobility and valuable contents of processed municipal solid waste incineration residues from Southwestern Germany // Waste management. 2018. N 79. P. 735–743.

Borawski P., Bełdycka-Borawska A., Szymanska E.J., Jankowski K.J., Dubis B., Dunn J.W. Development of renewable energy sources market and biofuels in the European Union // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 467–484.

Brodzinski Z., Kryszak H., Kurowska K. Market of producers and processors of agricultural biomass for energy purposes // Polsky journal of environmental studies. 2014. Vol. 23. N 2. P. 619–627.

Cherry C.E., Pidgeon N.F. Is sharing the solutions? Exploring public acceptability of the sharing economy // Journal of cleaner production. 2018. Vol. 195. P. 939–948.

De Carvalho G.S., Zhou J.L., Li W., Long G. Progress in manufacture and properties of construction materials incorporating water treatment sludge // Resources, conservation and recycling. 2019. Vol. 145. P. 148–159.

Durán G.M. Sheltering government support to 'green' electricity: the european union and the world trade organization // International & comparative law quarterly. 2018. Vol. 67. N 1. P. 129–165.

Fan Y.V., Lee Ch.T., Lim J.Sh., Klemes J.J., Kim LePh. T. Cross-disciplinary approaches towards smart, resilient and sustainable circular economy // Journal of cleaner production. 2019. N 232. P. 1482–1491.

Fratini C., Susse G., Jørgensen M. Exploring circular economy imaginaries in European cities: A research agenda for the governance of urban sustainability transitions // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 974–989.

Garcia D.J., Lovett B.M., You F. Considering agricultural wastes and ecosystem services in Food-Energy-Water-Waste Nexus system design // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 941–955.

Gherghel A., Teodosiu C., De Gisi S. A review on wastewater sludge valorisation and its challenges in the context of circular economy // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 244–263.

Hossain K. The effectiveness of international law in «greening» the economy: challenges for the developed and developing world // American society of international law. 2014. Vol. 108. P. 407–410.

Kinnunen P.H.-M., Kaksonen A.H. Towards circular economy in mining: Opportunities and bottlenecks for tailings valorization // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 228. P. 153–160.

Municipal Solid Waste Landfills. 2016 // EPA: United States Environmental Protection Agency. URL: https://archive.epa.gov/epawaste/nonhaz/municipal/web/html/msw_regs.html (дата обращения: 01.09.2019).

People using safely managed drinking water services // The World Bank. 2019. URL: https://data.worldbank.org/indicator/sh.H2o.smdw.zs (дата обращения: 01.09.19).

Schorling M., Enders C., Voigt C.C. Assessing the cultivation potential of theenergy crops Miscanthus x gigantus for Germany // Global change biology. Bioenergy. 2015. Vol. 7. N 4. P. 763–773.

Solomons I. 2017. Mine tailings recovery can be value generator. says Council for Geoscience // Mining Weekly. 2017. URL: http://www.miningweekly.com/article/minetailings-recovery-can-be-value-generator-reduces-enviro-impact-2017-06-09 (дата обращения: 01.09.19).

Strizhov S.A., Abramovich S.Y. Socially responsible investing as a tool to achieve sustainable development goals // Proceedings of the 30th international business information management association conference, IBIMA 2017 – vision 2020: sustainable economic development, innovation management, and global growth. 2017. P. 958–965.

Subhasish D., Lee S.-H., Kumar P., Kim K.-H., Lee S.S., Bhattacharya S.S. Solid waste management: Scope and the challenge of sustainability // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 658–678.

Swierczek L., Cieslik B.M., Konieczka P. The potential of raw sewage sludgein construction industry // Journal of cleaner production. 2018. Vol. 200. P. 342–356.

Vita G., Lundström J.R., Hertwich E.G., Quist J., Ivanova D., Stadler K., Wood R. The Environmental Impact of Ggreen Consumption and Sufficiency Lifestyles Scenarios in Europe: Connecting Local Sustainability Visions to Global Consequences // Ecological economics. 2019. Vol. 164. P. 106–322. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800918308930?via%3Dihub (дата обращения: 01.09.19).

Zhen G., Lu X., Kato H., Zhao Y., Li Y.-Y. Overview of pretreatment strategiesfor enhancing sewage sludge disintegration and subsequent anaerobic digestion: current advances, full-scale application and future perspectives // Sustainable Energy Review. 2017. Vol. 69. P. 559–577.

References

Abramov S.He., Wimmer D., Lemloh M.-L., Muehe E.M., Gann B., Roehm E., Kirchhof R., Babechuk M.G., Schoenberg R., Thorwarth H., Helle T., Kappler A. Heavy metal mobility and valuable contents of processed municipal solid waste incineration residues from Southwestern Germany. Waste management. 2018. N 79. P. 735–743.

Borawski P., Bełdycka-Borawska A., Szymanska E.J., Jankowski K.J., Dubis B., Dunn J.W. Development of renewable energy sources market and biofuels in the European Union. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 467–484.

Brodzinski Z., Kryszak H., Kurowska K. Market of producers and processors of agricultural biomass for energy purposes. Polsky journal of environmental studies. 2014. Vol. 23. N 2. P. 619–627.

Budushchee, kotorogo my khotim. Itogovyi dokument Konferentsii OON po ustoichivomu razvitiiu. Rio-de-Zhaneiro, Braziliia. 20–22 iiunia 2012 g. (2012). [The future we want. Outcome document of the UN conference on sustainable development. Rio de Janeiro, Brazil. 20–22 June 2012 (2012)]. Organizatsiia Obieedinennykh Natsii: Ofitsialnyi sait [United Nations: Official Website]. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.pdf (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Cherry C.E., Pidgeon N.F. Is sharing the solutions? Exploring public acceptability of the sharing economy. Journal of cleaner production. 2018. Vol. 195. P. 939–948.

De Carvalho G.S., Zhou J.L., Li W., Long G. Progress in manufacture and properties of construction materials incorporating water treatment sludge. Resources, conservation and recycling. 2019. Vol. 145. P. 148–159.

Devlet-Geldy G.K., Golikov V.D. Zelenaia ekonomika: novyi vektor gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v proryvnom razvitii Rossii [Green economy: a new vector of public-private partnership in the breakthrough development of Russia]. Journal of economy and business. 2019. Vol. 2. P. 28–34. (In Russ.)

Durán G.M. Sheltering government support to ‘green’ electricity: the european union and the world trade organization. International & comparative law quarterly. 2018. Vol. 67. N 1. P. 129–165.

Fan Y.V., Lee Ch.T., Lim J.Sh., Klemes J.J., Kim LePh. T. Cross-disciplinary approaches towards smart, resilient and sustainable circular economy. Journal of cleaner production. 2019. N 232. P. 1482–1491.

Fratini C., Susse G., Jørgensen M. Exploring circular economy imaginaries in European cities: A research agenda for the governance of urban sustainability transitions. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 974–989.

Garcia D.J., Lovett B.M., You F. Considering agricultural wastes and ecosystem services in Food-Energy-Water-Waste Nexus system design. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 941–955.

Gherghel A., Teodosiu C., De Gisi S. A review on wastewater sludge valorisation and its challenges in the context of circular economy. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 244–263.

Glukhov V.V., Movchan K.S. Ekonomicheskaia otsenka tekhnologii pererabotki otkhodov s uchetom vozdeistviia na okruzhaiushchuiu sredu [Economic assessment of waste processing technology taking into account the impact on the environment]. Nauchno-tekhnicheskie Vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. 2019. N 1. P. 159–167. (In Russ.)

Gosudarstvennyi doklad «O sostoianii i ob okhrane okruzhaiushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu» [State report «On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2018»]. Moscow: Ministry of Natural Resources of Russia, «Cadastre», 2019. 844 p. (In Russ.)

Hossain K. The effectiveness of international law in «greening» the economy: challenges for the developed and developing world. American society of international law. 2014. Vol. 108. P. 407–410.

Kinnunen P.H.-M., Kaksonen A.H. Towards circular economy in mining: Opportunities and bottlenecks for tailings valorization. Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 228. P. 153–160.

Kryuchkova O.M., Guzenko A.D. «Zelenaia ekonomika» kak element ustoichivogo razvitiia: sovremennoe razvitie i perspektivy [«Green economy» as an element of sustainable development: modern development and prospects]. Kontsept: Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal [Concept: Scientific and methodological electronic journal]. 2016. Vol. 35. P. 44–48. (In Russ.)

Nashe obshchee budushchee: doklad Vsemirnoi komissii po voprosam okruzhaiushchei sredy i razvitiia Generalnoi Assamblei Organizatsii Obieedinennykh Natsii (1987) [Our common future: report of the world Commission on environment and development to the United Nations General Assembly (1987)]. Organizatsiia Obieedinennykh Natsii: Ofitsialnyi sait [United Nations. Official Website]. URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Nikishin A. Dlia neispolzuemykh selkhozzemel podyshchut khoziaina [For unused agricultural land will provide the owner]. Parlamentskaia gazeta [The parliamentary newspaper]. 2019. 12 Aug. URL: https://www.pnp.ru/economics/dlya-neispolzuemykh-selkhozzemel-podyshhut-khozyaina.html (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

O Strategii ekologicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 176 ot 19.04.17 g. [About strategy of ecological safety of the Russian Federation for the period till 2025: the decree of the President of the Russian Federation N of 176 19.04.17]. Pravovaia sistema «Konsultant plius» [Legal system «Consultant plus»]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=EF829DF143BD2B9FFF8903C12A8D29EE&mode=splus&base=LAW&n=215668&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#1sdma6jh1o7 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Ob osnovnykh napravleniiakh gosudarstvennoi politiki v sfere povysheniia energeticheskoi effektivnosti elektroenergetiki na osnove ispolzovaniia vozobnovliaemykh istochnikov energii na period do 2024 goda: rasporiazhenie Pravitelstva RF № 1-r ot 08.01.2009 g [About the main directions of state policy in the sphere of improving the energy efficiency of power industry based on renewable energy for the period up to 2024: order of the Government of the Russian Federation N 1-p of 08.01.2009]. Pravovaia sistema «Konsultant plius» [Legal system «Consultant plus»]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=16C9FB1B8B5A000065418F6EB2B37AB3&mode=splus&base=LAW&n=329678&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#a6ocp1zjsm0 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Ob utverzhdenii kompleksnoi Strategii obrashcheniia s tverdymi kommunalnymi (bytovymi) otkhodami v Rossiiskoi Federatsii: Prikaz Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Rossiiskoi

Federatsii № 298 ot 14.08.13 g [About the approval of complex strategy of the address with solid municipal (household) waste in the Russian Federation: order of the Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation N 298 of 14.08.13]. Pravovaia sistema «Konsultant plius» [Legal system «Consultant plus»]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=C624BA2C3D1206D863F3E2B2A8485945&mode=splus&base=LAW&n=151066&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#2mz02dlh6n6 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Ob utverzhdenii Strategii razvitiia promyshlennosti po obrabotke, utilizatsii i obezvrezhivaniiu otkhodov proizvodstva i potrebleniia na period do 2030 goda: rasporiazhenie Pravitelstva RF № 84-r ot 25.01.2018 g. [On approval of the Strategy of industrial development for processing, recycling and neutralization of wastes of production and consumption for the period till 2030: order of the Government of the Russian Federation N 84-p of 25.01.2018]. Pravovaia sistema «Konsultant plius» [Legal system «Consultant plus». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=1E3983AEB628BD336B22F2C7D67DCFB0&mode=splus&base=LAW&n=289114&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#1oyw2b34adf (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Osnovy gosudarstvennoi politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: utv. Prezidentom RF 30.04.12 g. [Basics of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: approved by the President of the Russian Federation 30.04.12]. Pravovaia sistema «Konsultant plius» [Legal system «Consultant plus»]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=897250892050230037350590 28&cacheid=2EF6F564247358D01A883A7A1AA1D42A&mode=splus&base=LAW&n=129117&rnd=CF4AD6DB2F547726682EC8D5C4DAC6C4#9pos7kkfqcs (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Otarbabyeva A.A. «Zelenaia ekonomika» – put k ravnovesiiu mezhdu ekonomikoi i prirodoi [«Green economy» – a way to balance between the economy and nature]. Akademicheskaia publitsistika [Academic journalism]. 2018. N 8. P. 15–18. (In Russ.)

Parizhskoe soglashenie. Konferentsiia Storon. Dvadtsat pervaia sessiia. Parizh, 30 noiabria – 11 dekabria 2015 g. Ramochnaia konventsiia Organizatsii Obieedinennykh Natsii ob izmenenii klimata (2015) [Paris agreement. Conference of parties. Twenty-first session. Paris, 30 November – 11 December 2015 United Nations framework Convention on climate change (2015)]. Organizatsiia Obieedinennykh Natsii: Ofitsialnyi sait [United Nations. Official Website]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_pdf (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

People using safely managed drinking water services. The World Bank. 2019. Mode of access: https://data.worldbank.org/indicator/sh.H2o.smdw.zs (date of access: 01.09.19).

Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V.V. Putina Federalnomu Sobraniiu Rossiiskoi Federatsii (2018) [Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation (2018)]. Prezident Rossiiskoi Federatsii: Ofitsialnyi sait [President of the Russian Federation: Official Website]. 2018. March 1. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii V.V. Putina Federalnomu Sobraniiu Rossiiskoi Federatsii (2019) [Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation (2019)]. Prezident Rossiiskoi Federatsii: Ofitsialnyi sait. [President of the Russian Federation: Official Website]. 2019. February 20th. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59863 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnia v oblasti ustoichivogo razvitiia na period do 2030 goda: rezoliutsiia Organizatsii Obieedinennykh Natsii (2015) [Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development: United Nations resolution (2015)]. Organizatsiia

Obieedinennykh Natsii: Ofitsialnyi sait [United Nations. Official Website]. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (date of access: 01.09.19). (In Russ.)

Problema musora v Rossii: strashnaia statistika! [The problem of garbage in Russia: terrible statistics!]. «ALON-RA». URL: http://alon-ra.ru/problema-musora-v-rossii.html (date of access: 01.09.2019). (In Russ.)

Samye bolshie svalki [The largest landfills]. Uznai vse [Learn all]. URL: https://uznayvse.ru/interesting-facts/samye-bolshie-svalki.html (date of access: 01.09.2019). (In Russ.)

Schorling M., Enders C., Voigt C.C. Assessing the cultivation potential of the energy crops Miscanthus x gigantus for Germany. Global change biology. Bioenergy. 2015. Vol. 7. N 4. P. 763–773.

Solomons I. 2017. Mine tailings recovery can be value generator. says Council for Geoscience. Mining Weekly. 2017. Mode of access: http://www.miningweekly.com/article/minetailings-recovery-can-be-value-generator-reduces-enviro-impact-2017-06-09 (date of access: 01.09.19).

Strana otkhodov [Waste country]. «Expert Online». 2014. 11 февраля. URL: https://expert.ru/2014/02/11/strana-othodov/ (date of access: 01.09.2019). (In Russ.)

Strizhov S.A., Abramovich S.Y. Socially responsible investing as a tool to achieve sustainable development goals. Proceedings of the 30th international business information management association conference, IBIMA 2017 – vision 2020: sustainable economic development, innovation management, and global growth. 2017. P. 958–965.

Subhasish D., Lee S.-H., Kumar P., Kim K.-H., Lee S.S., Bhattacharya S.S. Solid waste management: Scope and the challenge of sustainability. Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 658–678.

Swierczek L., Cieslik B.M., Konieczka P. The potential of raw sewage sludge in construction industry. Journal of cleaner production. 2018. Vol. 200. P. 342–356.

Trofimova Ya.V. Gosudarstvennoe regulirovanie vzaimodeistviia ekologii i ekonomiki [State regulation of interaction between ecology and economy]. Ufa: world of press. 2019. 196 p. (In Russ.)

Trubilin A.I., Gaiduk V.I., Komlatsky G.V., Sekerin V.D. «Zelenaia ekonomika» regiona: problemy i perspektivy razvitiia [«Green Economy» of the Region: Problems and Prospects of Development]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. 2019. 138 p. (In Russ.)

United states environmental protection agency Municipal Solid Waste Landfills. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.epa.gov/epawaste/nonhaz/municipal/web/html/msw_regs.html (date of access: 01.09.2019).

Ustoichivoe razvitie v Rossii / pod red. S.N. Bobyleva i R.A. Pereleta [Sustainable development in Russia / edited by S.N. Bobylev and R.A. Perelet]. Berlin; St. Petersburg: Friedrich Ebert Stiftung, 2013. 220 p. (In Russ.)

Vita G., Lundström J.R., Hertwich E.G., Quist J., Ivanova D., Stadler K., Wood R. The environmental impact of green consumption and sufficiency lifestyles scenarios in Europe: connecting local sustainability visions to global consequences. Ecological economics. 2019. Vol. 164. P. 106–322. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800918308930?via%3Dihub (date of access: 01.09.19).

Zhen G., Lu X., Kato H., Zhao Y., Li Y.-Y. Overview of pretreatment strategies for enhancing sewage sludge disintegration and subsequent anaerobic digestion: current advances, full-scale application and future perspectives. Sustainable Energy Review. 2017. Vol. 69. P. 559–577.

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.04

Ю.П. Кузякин, С.В. Кузякин, Е.С. Реунова

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Статья посвящена правовым проблемам регулирования полномочий органов управления территорий опережающего социально-экономического развития в области их создания и функционирования. Достаточно подробно рассматривается история развития и становления территорий опережающего социально-экономического развития, начиная с первого законодательного закрепления правового статуса «свободных экономических зон» в 1991 г. и до принятия в 2014 г. профильного закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», что явилось результатом длительного процесса формирования российского инвестиционного законодательства. На основании детального анализа норм российского законодательства делается обоснованный вывод об отсутствии единого подхода в области определения полномочий и функций, осуществляемых уполномоченными органами исполнительной власти в области управления территориями с особым режимом осуществления экономической деятельности. Нормы законодательства о государственной поддержке экономики с применением механизма зонирования разрозненны и не образуют единой системы. Отдельное внимание в статье уделено проблеме правовой ответственности лиц, осуществляющих деятельность в рамках правового режима ТОСЭР. Авторами рассматриваются формулировки различных смежных нормативно-правовых актов, поскольку закон 2014 г. не устанавливает каких-либо мер ответственности по отношению к должностным лицам либо участникам соглашений об осуществлении деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития. Рассмотрены недостатки законодательного регулирования отдельных положений Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», предлагаются способы их устранения. Выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования действующего российского законодательства в этой сфере и будут способствовать более качественному регулированию правовых отношений и ощутимой экономии бюджетных средств.*

Ключевые слова: *территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); органы управления территорий опережающего социально-экономического развития; полномочия государственных органов власти.*

Кузякин Юрий Петрович – профессор кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, Россия, Москва.
E-mail: kuziakin49@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-8678-2015

Кузякин Сергей Викторович – доцент кафедры публичного права Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений МИД России, Россия, Москва.
E-mail: kuziakin87@gmail.com
Web of Science Researcher ID: D-8678-2015

Реунова Екатерина Станиславовна – студентка Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: reunovaek@gmail.com

Yu.P. Kuziakin, S.V. Kuziakin, E.S. Reunova. The Territories of Forward-Looking Social and Economic Development: Formation of an Effective Mechanism of Economic Development

Abstract. *The article deals with the legal problems of empowering local governments functioning in the territories of forward-looking social and economic development. A considerable attention is paid to the history of emergence and development of such territories, beginning with the initial attempts to define the legal status of the «free economic zones» in 1991 all the way through to the adoption of the fundamental act «On the territories of forward-looking social and economic development in the Russian Federation», this being the result of a long process of the development of the Russian investment legislation. Analyzing it, the authors come to a conclusion about the absence of a unified approach to the definition of competences that the local authorities have in the governance of territories with a special regime of economic life. Specific rules of law in this field are scattered and do not constitute a unified system.*

Special attention is also paid to the question of legal liability of persons who carry out economic activities in the territories of forward-looking development. The authors analyze the wordings of different legal documents, related to the issue in question, since the law of 2014 does not establish any norms of responsibility for officials or participants in the agreements concerning such territories. Addressing the weaknesses of the 2014 law, the article proposes some remedies to them which could lead both to enhancing legislation and tangible budget savings in this field.

Keywords: *territories of forward-looking social and economic development; local governments; the powers of state authorities in Russia.*

Kuziakin Yuri Petrovich – Professor of the Department of Legal Disciplines of the High School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences,

Russia, Moscow. E-mail: kuziakin49@mail.ru
Web of Science Researcher ID: D-8678-2015

Kuziakin Sergey Victorovich – Associate Professor, Department of Public Law, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia, Moscow.
E-mail: kuziakin87@gmail.com
Web of Science Researcher ID: D-8678-2015

Reunova Ekaterina Stanislavovna – Student of the High School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow. E-mail: reunovaek@gmail.com

В настоящее время на территории России создаются и функционируют территории с особым режимом осуществления отдельных форм экономической деятельности – территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР). Их особенность в предоставлении льгот, оказании государственных услуг резидентам ТОСЭР, а также оказании дополнительных мер государственной поддержки при осуществлении отдельных форм предпринимательской деятельности. Идея создания зон с особым правовым режимом осуществления отдельных форм экономической деятельности ненова. Первое законодательное закрепление статуса так называемых «свободных экономических зон» (далее – СЭЗ) произошло в 1991 г. при принятии Закона РСФСР от 4 июля 1991 г. № 1545–1 «Об иностранных инвестициях в РСФСР» [Закон РСФСР от 04.07.1991]. Целью создания СЭЗ было привлечение иностранного капитала в Россию, а также увеличение экспортного потенциала страны. На первоначальных этапах подробное регулирование правового режима осуществления экономической деятельности отдельных СЭЗ осуществлялось на подзаконном уровне [Белицкая 2016]. Далее, в 1996–1999 гг. были изданы три федеральных закона о создании свободных экономических зон на территории ряда субъектов – Калининградской [Федеральный закон от 22.01.1996] и Магаданской областях [Федеральный закон от 31.05.1999], а также Центра международного бизнеса «Ингушетия» [Федеральный закон от 30.01.1996].

В ходе развития инвестиционного законодательства Российской Федерации в 2005 г. был принят общий закон [Федеральный закон от 22 июля 2005], регулирующий правовой режим особой экономической зоны (далее – ОЭЗ). Данный федеральный закон устанавливает четыре типа особых экономических зон – промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые особые экономические зоны. Однако в ходе практического применения положений этого закона были выявлены серьезные проблемы. Множество механизмов государственной поддержки экономической деятельности с помощью методов зонирования привело к одновременному

существованию большого количества правовых режимов с недостаточным государственным регулированием и, как следствие, отсутствием надлежащего контроля. Особые экономические зоны по состоянию на 2016 г. были признаны крайне неэффективными и были подвержены серьезной критике со стороны Счетной палаты Российской Федерации, осуществляющей проверку эффективности расходования государственных бюджетных средств в ОЭЗ [За 10 лет ОЭЗ 2016]. Исходя из сведений, представленных Счетной палатой, за десять лет на территории особых экономических зон было создано всего 18 177 новых рабочих мест. При этом расходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, направленные на создание и управление особыми экономическими зонами, составили 185,9 млрд руб. Таким образом, одно рабочее место на территории ОЭЗ обошлось бюджету в сумму, превышающую 10 млн руб. К концу 2018 г. ОЭЗ все еще остаются крайне неэффективным инструментом государственной политики по поддержке экономики [Механизм ОЭЗ 2018]. Стоит отметить, что в 2016 г. по поручению президента на территории России введен мораторий на создание новых особых экономических зон, а также начался процесс ликвидации неэффективных ОЭЗ. Также указывалась необходимость формирования единого подхода к регулированию особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития [Окунь, Скоробогатько 2016].

В 2010 г. Федеральное собрание приняло закон о создании новой территории со специальным режимом осуществления экономической деятельности – инновационного центра «Сколково» [Федеральный закон от 28 сентября 2010 г.]. При этом в законе об ОЭЗ имелись понятие и закрепление статуса особой экономической зоны технико-внедренческого типа, также являющейся формой для развития инноваций [Белицкая 2016]. Далее, в 2011 г. с целью развития экономики отстающих регионов был принят закон, устанавливающий правовой режим зон территориального развития (далее – ЗТР) – Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЗТР). Данный закон предусматривает ряд мер государственной поддержки резидентов ЗТР, в основном в виде льгот резидентам ЗТР.

Таким образом, принятие в декабре 2014 г. Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – Закон о ТОСЭР, Закон № 473-ФЗ) было результатом длительного процесса формирования российского инвестиционного законодательства. Закон ориентирован на поддержку инвестиционной деятельности на территории регионов Дальнего Востока и моногородов как наиболее отстающих в экономическом плане и требующих создания условий конкурентной деятельности. Закон № 473-ФЗ

действует на территории Российской Федерации на протяжении последних трех лет и, как показала практика, имеет ряд серьезных недостатков.

Для реализации любого решения государства необходим уполномоченный государственный орган. Это положение получило закрепление в вышеупомянутом законе. В третьей главе Закона № 473-ФЗ об управлении на территориях опережающего экономического развития этому вопросу посвящена ст. 7, перечисляющая полномочия уполномоченного Правительством федерального органа исполнительной власти. Пункт 4 ст. 2 закона содержит определение понятия уполномоченного органа – это «федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации в области создания территорий опережающего социально-экономического развития на территории федерального округа, территориях федеральных округов». Довольно странной выглядит формулировка «уполномоченный в области *создания*» – невольно напрашивается вывод о том, что уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган имеет полномочия исключительно по созданию ТОСЭР, но никак не осуществляет полномочия в области их функционирования. Между тем в законе о ЗТР в ст. 2 говорится о полномочиях федерального органа исполнительной власти в сфере *функционирования* зон территориального развития. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», ст. 7 закрепляет полномочия федерального органа исполнительной власти в сфере *создания и функционирования* особых экономических зон. На уровне подзаконного регулирования Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 664 «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока» Минвостокразвития осуществляет функции в области *создания и функционирования* территорий опережающего социально-экономического развития на территории Дальневосточного федерального округа. Осуществление функций в области *создания и функционирования* ТОСЭР, находящихся за пределами Дальнего Востока, закреплено за Министерством экономического развития. При отсутствии законодательного закрепления полномочий в области функционирования ТОСЭР эти полномочия установлены подзаконными нормативно-правовыми актами, что является противоречием Федеральному закону. Также законы об ОЭЗ и ЗТР закрепляют за уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти полномочия по разработке (формированию) единой государственной политики в сфере создания и функционирования ОЭЗ, а также в сфере функционирования ЗТР. Закон о ТОСЭР обходит вопрос разработки единой политики по созданию и функционированию ТОСЭР стороной, не указывая, какой орган наделен данными полномочиями. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об отсутствии единого подхода в области определения полномочий и функций,

осуществляемых уполномоченными органами исполнительной власти в области управления территориями с особым режимом осуществления экономической деятельности. Нормы законодательства о государственной поддержке экономики с применением механизма зонирования разрозненны и не образуют единой системы.

Раскрывая полномочия федерального органа исполнительной власти в области создания ТОСЭР, ст. 3 Закона № 473-ФЗ закрепляет обязанность уполномоченного органа направлять предложения по созданию ТОСЭР в Правительство Российской Федерации. Стоит отметить, что законодатель решил установить различные требования по отношению к предложениям о создании ТОСЭР на территории Дальневосточного федерального округа и территориях моногородов. Относительно предложений о создании ТОСЭР на территории моногородов ст. 34 Закона о ТОСЭР закрепляет требование по обоснованию целесообразности создания ТОСЭР с учетом действующих льготных режимов. Предложения уполномоченного органа по созданию ТОСЭР на территории Дальневосточного региона не должны, согласно ст. 3 Закона о ТОСЭР, соответствовать критериям целесообразности. Возникает вопрос о причинах столь разнящегося подхода к созданию ТОСЭР на территориях разных регионов. Особо интересен этот факт в рамках рассмотрения вопроса о причинах провала особых экономических зон – по материалам Счетной палаты РФ 2016 г., в рамках создания ОЭЗ регионы подавали заявки на слишком большие территории и впоследствии не смогли освоить 40% из них [Окунь, Скоробогатько 2016]. Также в законе отсутствует указание на комплексное планирование, осуществляемое в связи с созданием нескольких ТОСЭР. Таким образом, возникает риск создания разрозненных ТОСЭР в отдаленных частях регионов Дальнего Востока. Перечень обязательной информации, включаемой в предложение о создании ТОСЭР, установленный ст. 2 Закона № 473-ФЗ, не содержит требований о предоставлении сведений о географических или экономических характеристиках близлежащих ТОСЭР. Как указывала Счетная палата РФ в своем заключении на проект Федерального закона № 473-ФЗ, существуют высокие риски нерационального расходования бюджетных средств в связи со строительством инфраструктуры без учета реальной потребности (избыточное либо недостаточное строительство) [Бюллетень 2017, с. 184]. Учитывая длительный срок существования ТОСЭР – 70 лет, а также протяженность Дальневосточного региона (который в особенности требует комплексного подхода при осуществлении развития инфраструктуры и экономики), ТОСЭР рискуют стать очередной «черной дырой» для российского бюджета.

Часть 2 ст. 7 Закона № 473-ФЗ устанавливает полномочия федеральных органов исполнительной власти по осуществлению государственного строительного надзора. Государственный строительный надзор на территориях

опережающего социально-экономического развития осуществляют органы, уполномоченные Правительством РФ в области создания ТОСЭР, т.е. Министерство по развитию Дальнего Востока и Министерство экономического развития. Это довольно необычный подход, поскольку Закон об ОЭЗ и Закон о ЗТР не выделяют в качестве особых полномочий названных уполномоченных федеральных органов государственный строительный надзор. Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"» исключает проведение государственного строительного надзора на территории инновационного центра, что является логичным в рамках создания территории с уникальным режимом осуществления деятельности. Можно в определенной степени «оправдать» Закон о ТОСЭР, сказав, что территории опережающего социально-экономического развития тоже своего рода уникальный предмет правового регулирования и вмешательство других органов государственной власти в сферу деятельности уполномоченных федеральных органов может препятствовать нормальному функционированию ТОСЭР. Однако на практике получилось так, что полномочия по государственному строительному надзору не реализуются вообще. Как показала проверка исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2017 г. в Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, проведенная Счетной палатой Российской Федерации (см.: [Представление 2018]), для исполнения Закона № 473-ФЗ в структуре министерства был создан отдел строительного надзора. Его численность составила три единицы, а содержание обошлось федеральному бюджету в 2586,1 тыс. руб. По данным Счетной палаты РФ, этот отдел не осуществлял деятельность по государственному строительному надзору. Возникает вопрос не только о рациональности создания и функционирования отдела, но и в отнесении Законом о ТОСЭР полномочий по проведению государственного строительного надзора к компетенции Минвостокразвития и Минэкономразвития. В системе федеральных органов исполнительной власти существует специальный орган, одним из основных полномочий которого является государственный строительный надзор – Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору Российской Федерации (Ростехнадзор).

В целях привлечения инвестиций и экономического развития Дальнего Востока Минвостокразвития наделено полномочиями по разработке и принятию государственной программы развития инвестиционной и предпринимательской деятельности для каждого субъекта, входящего в состав Дальневосточного федерального округа (ст. 33 Закона № 473-ФЗ). Программа утверждается Правительством РФ и принимается Постановлением Правительства РФ. По состоянию на ноябрь 2018 г. не принято ни одной государст-

ственной программы развития инвестиционной и предпринимательской деятельности. Этот пробел ранее был отмечен при проведении контрольных мероприятий Счетной палаты РФ осенью 2017 г. [Бюллетень 2017, с. 187], однако каких-либо действий со стороны органов государственной власти не последовало. Причина возникновения такой ситуации довольно проста – Закон о ТОСЭР устанавливает требования относительно содержания государственных программ, но не закрепляет каких-либо сроков исполнения требований. Следовательно, государственная поддержка развития предпринимательской деятельности на территории Дальнего Востока реализуется не в полной мере в силу отсутствия нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление отдельных мер государственной поддержки на территории субъектов Российской Федерации.

В рамках вышесказанного возникает вопрос об ответственности за неоказание мер государственной поддержки резидентов ТОСЭР, закрепленных законом. Однако Закон 473-ФЗ не устанавливает каких-либо мер ответственности по отношению к должностным лицам либо участникам соглашений об осуществлении деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития. Единственное упоминание об ответственности можно обнаружить в ч. 5 ст. 15 ФЗ о ТОСЭР – «иная ответственность, предусмотренная законодательством Российской Федерации и соглашением об осуществлении деятельности». Что законодатель имел в виду под понятием «иная ответственность», Законом о ТОСЭР не раскрывается. Исходя из буквального толкования ст. 15, Закон № 473-ФЗ разделяет меры ответственности за неисполнение соглашений об осуществлении деятельности в рамках правового режима ТОСЭР на невозмещение понесенных резидентом ТОСЭР расходов и иные меры. Закон № 473-ФЗ не содержит требований к содержанию соглашений о создании ТОСЭР в части установления мер ответственности. Как показывает практика, при неисполнении либо ненадлежащем исполнении соглашений, реализуемых в рамках ТОСЭР, государственные органы ограничиваются применением минимальных мер ответственности, предусмотренных гражданским законодательством, подчас непропорциональных причиненному нарушением обязательства ущербу. По материалам Счетной палаты, соглашениями о создании ТОСЭР «Надеждинская» и ТОСЭР «Михайловский», соглашением сторон может быть предусмотрена мера ответственности в виде взыскания суммы, необходимой для завершения строительства объекта инфраструктуры. Мера ответственности распространяется только на соглашения о привлечении денежных средств для строительства инфраструктурных объектов. Дополнительных мер ответственности для сторон не предусмотрено. Соглашения о создании ТОСЭР «Николаевский», ТОСЭР «Большой Камень», ТОСЭР «Нефтехимический» не содержат каких-либо конкретизирующих указаний относительно ответственности сторон за

неисполнение условий соглашения о привлечении денежных средств для строительства. Авторы соглашений использовали довольно обтекаемую формулировку «ответственность, предусмотренная законодательством РФ». Таким образом, в правовом регулировании возникла парадоксальная ситуация – закон содержит ссылку на соглашение, а соглашение ссылается на закон.

Законодательство, устанавливающее меры государственной поддержки экономической деятельности с использованием механизма зонирования, более развито по сравнению с положениями Закона 473-ФЗ. ФЗ об особых экономических зонах в ст. 21 содержит требование об уплате штрафа, предусмотренного соглашением в случае прекращения соглашения об осуществлении экономической деятельности в связи с существенным нарушением условий соглашения резидентом. То есть Закон об ОЭЗ устанавливает требование об обязательном включении в соглашение штрафных санкций и условий их применения. Так как Законом № 473-ФЗ не установлены меры ответственности за нарушение соглашений, заключаемых в рамках создания и функционирования ТОСЭР, в данном случае возможно только применение мер ответственности, предусмотренных гражданским законодательством. Особый подход определения ответственности содержится в Федеральном законе «Об инновационном центре “Сколково”» № 244-ФЗ, который в ч. 25 ст. 15 установил общую отсылку к законодательству РФ. Однако далее, в ст. 18 названного закона содержится упоминание гражданской, административной и уголовной ответственности. В рамках Закона о ТОСЭР применение мер гражданско-правовой ответственности возможно только при системном толковании положений закона. В рамках изложенного можно сделать вывод о недостаточной проработанности положений Закона № 473-ФЗ, регулирующих ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств, установленных соглашениями и законом. Как минимум в Законе № 473-ФЗ необходимо установить ряд минимальных требований к соглашениям о создании ТОСЭР в части установления штрафных санкций за ненадлежащее исполнение обязанностей контрагентом.

Федеральным законом о ТОСЭР был введен институт, ранее не использовавшийся в рамках механизма зонирования – Наблюдательный совет. Согласно ст. 6 Закона № 473-ФЗ, в состав Наблюдательного совета территорий опережающего социально-экономического развития входят представители уполномоченного федерального органа, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, иных государственных органов и исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, а также управляющей компании. Помимо перечисленных лиц Наблюдательный совет ТОСЭР может включать представителей профсоюзов, а также приглашать для участия в заседаниях представителей резидентов. Федеральным законом № 473-ФЗ был предоставлен ряд важных полномочий,

связанных с созданием и функционированием ТОСЭР. В частности, Наблюдательный совет территории опережающего социально-экономического развития осуществляет полномочия по рассмотрению и утверждению перспективных планов развития ТОСЭР, контролю за их реализацией. Стоит отметить, что единственное упоминание перспективных планов развития содержится в ч. 1 ст. 6 Закона о ТОСЭР, раскрывающей полномочия Наблюдательного совета ТОСЭР. Закон не содержит положения, устанавливающие требования к содержанию, порядку и срокам утверждения и корректировке перспективных планов развития ТОСЭР. Возникает вопрос относительно применимости данной нормы, а также последствий, возникающих в связи с утверждением актов, имеющих столь неоднозначное определение в законодательстве. Какую цель должны преследовать эти акты? Какой предмет регулирования они имеют? Также учитывая полномочие Наблюдательного совета по контролю за реализацией перспективного плана развития ТОСЭР, существует риск чрезмерного увеличения объема контрольных полномочий Наблюдательного совета путем включения широкого перечня соответствующих положений в перспективный план развития.

Помимо этого Наблюдательный совет осуществляет оценку эффективности функционирования ТОСЭР (ч. 1 ст. 6 Закона № 473-ФЗ). Стоит отметить, что это довольно необычное решение – полномочия по оценке эффективности особых экономических зон и зон территориального развития осуществляются уполномоченными Правительством РФ федеральными органами (ч. 4 ст. 8 Закона об ОЭЗ, ч. 2 ст. 10 Закона о ЗТР). На практике возникли проблемы по реализации полномочий по оценке эффективности функционирования ТОСЭР – Наблюдательными советами не проводились какие-либо мероприятия по оценке эффективности [Бюллетень 2017, с. 188]. Проблема вытекает из положений Закона о ТОСЭР, которыми не предусмотрены какие-либо сроки для осуществления оценки эффективности функционирования ТОСЭР. «Провальный» Закон об ОЭЗ содержит положения о том, что оценка эффективности функционирования ОЭЗ проводится ежегодно, оценка эффективности зон территориального развития производится по мере завершения этапов их функционирования. Исходя из практики, можно сделать вывод о том, что если в Законе о ТОСЭР не предусмотрены сроки для осуществления полномочий – эти полномочия не осуществляются. Следовательно, возникла необходимость ликвидации этого правового пробела путем включения положений о периодическом проведении оценки эффективности функционирования ТОСЭР с установлением сроков проведения мероприятий по оценке.

Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» демонстрирует последствия недостаточного правового регулирования, когда усилия государства по поддержке отдельных сфер общественной жизни не

способствуют достижению поставленных целей. Возникает вопрос об эффективном расходовании бюджетных средств, направленных на поддержку и развитие экономики отстающих субъектов Российской Федерации. Счетная палата Российской Федерации указывала на системные недостатки Закона о ТОСЭР еще на стадии принятия данного законопроекта – значительное количество отсылочных норм, риски несвоевременной подготовки подзаконных актов. К сожалению, эти проблемы все еще не устранены и влекут огромные потери для бюджетной системы Российской Федерации. Для повышения эффективности расходования бюджетных средств, связанных с созданием и функционированием ТОСЭР, для развития института правового режима территорий опережающего социально-экономического развития необходима ликвидация правовых пробелов Закона № 473-ФЗ.

Во-первых, необходимо формирование единого подхода к определению содержания общих полномочий федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных Правительством Российской Федерации в области создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития, особых экономических зон и зон территориального развития. Необходимо законодательное расширение полномочий Министерства по развитию Дальнего Востока и Министерства экономического развития путем установления положений об осуществлении полномочий в области функционирования территорий опережающего социально-экономического развития.

Во-вторых, необходимо законодательное установление сроков, связанных с осуществлением полномочий уполномоченных государственных органов и Наблюдательных советов ТОСЭР, связанных с принятием нормативно-правовых актов, на основании которых осуществляется создание и функционирование территорий опережающего социально-экономического развития.

В-третьих, необходимо внесение в ст. 3 нового требования к содержанию предложения о создании ТОСЭР на территории Дальневосточного федерального округа – положения о целесообразности создания ТОСЭР на данной территории, а также географического положения близлежащих ТОСЭР с целью строительства единой инфраструктуры.

В-четвертых, необходима детальная разработка положений об ответственности при неисполнении или ненадлежащем исполнении положений Закона № 473-ФЗ, а также соглашений, заключаемых в рамках правового режима ТОСЭР. Положения об ответственности должны применяться не только к резидентам за нарушения условий контрактов, но и к должностным лицам государственных и муниципальных органов за неосуществление мер государственной поддержки отдельных форм экономической деятельности, предусмотренных Законом о ТОСЭР.

Также необходимо уточнение ряда полномочий Наблюдательных советов ТОСЭР и уполномоченных Правительством Российской Федерации феде-

ральных органов исполнительной власти. В частности, необходимо исключение из перечня полномочий федеральных органов осуществления государственного строительного надзора в связи с нецелесообразностью и неэффективностью проведения данных мероприятий органами без специальной компетенции. Помимо этого необходимо уточнение понятия «перспективный план развития территорий опережающего социально-экономического развития» с целью уточнения полномочий Наблюдательных советов ТОСЭР.

При реализации государственной политики по поддержке инвестиционной, экономической деятельности необходимо принятие соответствующих федеральных законов. Чрезмерное регулирование общественных отношений, возникающих в данной сфере, способно существенно затормозить развитие экономики и рост частных инвестиций. Однако при наличии большого количества правовых пробелов, недостаточной правовой регламентации порядка осуществления государственной поддержки снижается эффективность применяемых мер. Поэтому законодатель должен соблюдать баланс частных и публичных интересов при издании соответствующих норм, а также стремиться к созданию единой системы государственной поддержки экономики, правовое регулирование которой не имеет противоречий.

Библиография

Белицкая А.В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // М.: Юстицинформ, 2016. 152 с.

Бюллетень Счетной Палаты Российской Федерации. 2017. № 12 (240). 305 с. URL: https://www.prlib.ru/item/1173160 (дата обращения: 10.08.2019).

За 10 лет ОЭЗ так и не стали действенным инструментом поддержки экономики // Счетная Палата Российской Федерации. Официальный сайт. 2016. 4 Апр. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text=URL%3A%20http%3A%2F%2Faudit.gov.ru%2Fpress_center%2Fnews%2F26369 (дата обращения: 10.09.2019).

Закон РСФСР от 04.07.1991 № 1545–1 (ред. от 10.02.1999) «Об иностранных инвестициях в РСФСР» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102/ (дата обращения: 12.09.2019).

Механизм ОЭЗ по-прежнему неэффективен для российской экономики // Счетная Палата Российской Федерации. Официальный сайт. 2018. 22 окт. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/34870 (дата обращения: 10.09.2019).

Окунь С., Скоробогатько Д. Особые зоны по специальным ценам // Коммерсантъ. 2016. № 101.

Представление Счетной Палаты РФ от 25.05.2018 № ПР 13–148/13–04 «О результатах контрольного мероприятия “Проверка исполнения Федерального закона “О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов” и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2017 год” в Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RGSS&n=43044#06723349707073786 (дата обращения: 12.09.2019).

Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019).

Федеральный закон от 22.01.1996 № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 4. Ст. 224. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996004000&docid=2988 (дата обращения: 02.08.2019).

Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 4970. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002010040000&docid=2 (дата обращения: 02.08.2019).

Федеральный закон от 30.01.1996 № 16-ФЗ «О Центре международного бизнеса "Ингушетия"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 491. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996006000&docid=3272 (дата обращения: 02.08.2019).

Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 23. Ст. 2807. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001999023000&docid=1617 (дата обращения: 02.08.2019).

References

Belitskaya A.V. Kommentarii k Federalnomu zakonu ot 29 dekabria 2014 g. № 473-FZ «O territoriiakh operezhaiushchego sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii» [Commentary to Federal Law of December 29, 2014 N 473-FZ «On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation»]. M.: Yustiinform, 2016. 152 c. (In Russ.)

Biulleten Schetnoi Palaty Rossiiskoi Federatsii. 2017. № 12 (240). [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. 2017. N 12 (240). 305 c. URL: https://www.prlib.ru/item/1173160 (date of access: 10.08.2019). (In Russ.)

Federalnyi zakon ot 22.01.1996 № 13-FZ «Ob Osoboi ekonomicheskoi zone v Kaliningradskoi oblasti» [Federal Law of 22.01.1996 N 13-FZ «On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996. N 4. Art. 224. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996004000&docid=2988 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii»[Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 28 sentjabrja 2010 g. № 244-FZ «Ob innovacionnom centre "Skolkovo"» [Federal Law of September 28, 2010 N 244-FZ «On Innovation Center "Skolkovo"»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. N 40. Art. 4970]. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002010040000&docid=2 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 30.01.1996 № 16-FZ «O Centre mezhdunarodnogo biznesa "Ingushetija"» [Federal Law of 30.01.1996 N 16-FZ «About the Center for International Business "Ingushetija"»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation].

1996. N 6. Art. 491. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001996006000&docid=3272 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 31.05.1999 № 104-FZ «Ob Osoboj ekonomicheskoj zone v Magadanskoj oblasti» [Federal Law dated 31.05.1999 N 104-FZ «On the Special Economic Zone in the Magadan Region»] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. N 23. Art. 2807. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001999023000&docid=1617 (date of access: 02.08.2019)]. (In Russ.)

Mehanizm OJeZ po-prezhnemu nejeffektiven dlja rossijskoj ekonomiki [The mechanism of SEZ is still inefficient for the Russian economy]. Schetnaja Palata Rossijskoj Federacii [Accounts Chamber of the Russian Federation. Official website]. 2018. 22 October. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/34870 (date of access: 10.09.2019). (In Russ.)

Okun S., Skorobogatko D. Osobye zony po special'nym cenam [Special zones at special prices]. Kommersant. 2016. N 101. (In Russ.)

Predstavlenie Schetnoj Palaty RF ot 25.05.2018 № PR 13–148/13–04 «O rezul'tatah kontrol'nogo meroprijatija "Proverka ispolnenija Federal'nogo zakona "O federal'nom bjudzhete na 2017 god i na planovyj period 2018 i 2019 godov" i bjudzhetnoj otchetnosti ob ispolnenii federal'nogo bjudzheta za 2017 god" v Ministerstve Rossijskoj Federacii po razvitiju Dal'nego Vostoka» [Submission of the Accounts Chamber of the Russian Federation of 25.05.2018 N PR 13–148/13–04 «On the results of the control measure "Checking the execution of the Federal Law "On the Federal Budget for 2017 and the planned period of 2018 and 2019" and budget reporting on the execution of the federal budget for 2017" in the Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East»]. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RGSS&n=43044#06723349707073786 (date of access: 12.09.2019). (In Russ.)

Za 10 let OJeZ tak i ne stali dejstvennym instrumentom podderzhki ekonomiki [For 10 years SEZ has not become an effective instrument of economic support. Schetnaja Palata Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt. [Accounts Chamber of the Russian Federation. Official website]. 2016. 4 Apr. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text=URL%3A%20http%3A%2F%2Faudit.gov.ru%2Fpress_center%2Fnews%2F26369 (date of access: 10.09.2019). (In Russ.)

Zakon RSFSR ot 04.07.1991 № 1545–1 (red. ot 10.02.1999) «Ob inostrannyh investitsijah v RSFSR» [Law of RSFSR from 04.07.1991 N 1545–1 (ed. from 10.02.1999) «About foreign investments in RSFSR»]. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102/ (date of access: 12.09.2019). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.05

Н.А. Власов, Н.В. Филина

«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» И ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается феномен германской политической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), которой за относительно короткий промежуток времени с момента создания удалось получить поддержку определенного круга избирателей и, как результат, пройти в Бундестаг. Цель исследования – выявить причины успеха партии и определить ее возможные перспективы. Для ответа на поставленный исследовательский вопрос авторы рассматривают партию «Альтернатива для Германии» в контексте развития германской партийной системы, анализируя характерные особенности эволюции последней на современном этапе. При этом они опираются на широкий круг источников, включающих в себя программные документы, выступления политиков, результаты опросов общественного мнения и материалы прессы. Путь развития «Альтернативы для Германии» сравнивается в статье с развитием других парламентских партий – «Левая», «Союз 90 / Зелёные» и «Свободная демократическая партия» (СвДП), что позволяет выделить как определенные закономерности, так и отличительные черты новой политической силы. Исходя из анализа успехов партии на земельных и федеральных выборах, а также выделяемых авторами ключевых характеристик партии, объяснены причины роста ее популярности и рассматриваются возможные последствия, рост популярности АдГ для германской партийной системы. Авторы приходят к выводу, что партия заполнила долгое время пустовавшую свободную нишу в партийной системе, при этом ключевую роль в ее успехе сыграл миграционный кризис. В обозримой перспективе «Альтернатива для Германии», скорее всего, сохранит достигнутые позиции, однако останется в политической изоляции, будучи неприемлемым партнером для других политических сил.*

Ключевые слова: *«Альтернатива для Германии»; партийная система ФРГ; Бундестаг; популизм; правый радикализм.*

Власов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, Санкт-Петербург. E-mail: n.vlasov@spbu.ru
Scopus Author ID: 57211413952;
Web of Science Researcher ID: H-2439-2015

**Филина Надежда Владимировна – студентка
магистерской программы «Международные отношения»
Свободного университета Берлина, Университета им. Гумбольдта
в Берлине и Университета Потсдама, Германия, Берлин.
E-mail: nadya.fil95@gmail.com**

N.A. Vlasov, N.V. Filina. «Alternative for Germany» and the Problems of Evolution of the German Party System

Abstract. *The topic of this article is the phenomenon of the «Alternative for Germany» (AfD) political party. During a relatively short period of time the party has received broad support of electorate and entered the Bundestag. The main purpose of the paper is to examine the causes of this success and to analyze the prospects of the AfD. To this end, the authors undertake the analysis of the party in the context of the German party-political system, tracing the main lines of its evolution in the recent past. A wide range of sources is used, such as party programs, speeches of their leaders, public opinion surveys and press articles. The development of the AfD is compared to the other parliamentary parties of Germany – «The Left», «Alliance 90 / The Greens», the «Free Democratic Party», which allows to determine similarities and differences between those and the «Alternative for Germany». Turning to the electoral achievements of the party in the land- and federal elections, the authors explain them by the fact that the AfD had filled an empty niche at the right fringe of the German political spectrum. In the foreseeable future the party will most likely maintain its position but remain isolated and excluded from any coalitions with the other political parties of the country.*

Keywords: *«Alternative für Deutschland»; German party system; Bundestag; populism; right-wing radicalism.*

**Vlasov Nikolay Anatolievich – Associate Professor,
Saint-Petersburg State University, Chair of History and Theory
of International Relations, Russia, Saint Petersburg.
E-mail: n.vlasov@spbu.ru
Scopus Author ID: 57211413952;
Web of Science Researcher ID: H-2439-2015**

**Filina Nadezhda Vladimirovna – Student of the Master Program
«International Relations» of the Free University of Berlin,
the Humboldt University of Berlin and the University of Potsdam,
Germany, Berlin. E-mail: nadya.fil95@gmail.com**

Результат парламентских выборов в сентябре 2017 г. в Германии оказался весьма интересным. Главной сенсацией стал, безусловно, успех политического новичка – партии «Альтернатива для Германии». Уже за несколько месяцев до выборов результаты опросов избирателей позволяли уверенно прогнозировать, что партия преодолеет 5%-ный барьер. Однако мало кто ожидал, что она сможет набрать почти 13% голосов и уверенно выйти на третье место, уступив лишь двум «народным партиям».

В итоге впервые с 1957 г. в Бундестаге оказались представлены шесть политических партий. При этом впервые с 1961 г. среди депутатов германского парламента появились правые националисты – явление, которое длительное время считалось практически невозможным в современной ФРГ. В то же время две «народные партии» (СДПГ и блок ХДС / ХСС) получили в сумме рекордно низкое количество голосов за всю историю Федеративной Республики. Все это позволяет говорить о том, что успех «Альтернативы для Германии» тесно связан с рядом важных тенденций развития германской партийно-политической системы в целом.

В контексте подобной стабильной популярности партии представляется весьма важным выявить причины успеха «Альтернативы для Германии» и оценить перспективы новой политической силы и германской партийной системы в среднесрочной перспективе.

Основанная в апреле 2013 г., «Альтернатива для Германии» сразу же привлекла внимание отечественных исследователей, традиционно проявляющих большой интерес к политическим силам правого спектра. Этот интерес еще больше подстегнули результаты парламентских выборов в сентябре 2013 г., во время которых «Альтернативе» удалось вплотную приблизиться к преодолению 5%-ного барьера. Отечественные исследователи стремились оценить, является ли новая партия «однодневкой», исчезнет ли она с политического горизонта (как «Пиратская партия») или сможет найти свою нишу в партийной системе (как это сделали в свое время «Зелёные» и «Левая»). Следует отметить публикации А.К. Камкина [Камкин 2015], С.В. Погорельской [Погорельская 2018] и Е.П. Тимошенковой [Тимошенкова 2018]. Немалое число исследовательских работ появилось за последние годы и в самой ФРГ – в качестве примеров можно назвать труды Д. Бебновского [Bebnowski 2015], О. Нидермайера [Niedermayer 2015], А. Хойзлера [Häusler 2016] и коллег [Häusler, Roeser, Scholten 2016]. Однако авторы этих трудов сосредоточиваются в первую очередь на развитии партии как таковой, уделяя меньше внимания широкому контексту и тенденциям развития германской партийной системы в целом.

О каких тенденциях идет речь? В течение последних десятилетий в партийно-политической системе ФРГ происходили довольно серьезные изменения. Медленно, но неуклонно росло число партий, представленных в бундестаге. К классической «тройке» 1960–1970-х годов (ХДС / ХСС, СДПГ и СвДП) в 1980-е годы добавились «Зелёные». В 1990-е годы в результате объединения Германии в парламенте оказалась представлена Партия демократического социализма (с 2007 г. – «Левая»). Воспринимавшаяся изначально как представительство ностальгирующей по ГДР части восточных немцев, она в 2000-е годы совершила «прорыв» в старые федеральные земли и заняла

прочное место в партийной системе страны. В 2010-е годы в бундестаге оказался очередной «новичок» в лице «Альтернативы».

История трех партий имеет общие черты. Все они переживали довольно сложный этап становления, сопровождавшийся внутренними конфликтами. Со стороны традиционных политических сил в их адрес звучали обвинения в радикализме и безответственном популизме. Сомнения вызывала их приверженность конституционному строю ФРГ, что заставляло Ведомство по охране конституции проявлять определенную активность по отношению к «новичкам».

Приход в парламент новых политических сил происходил, в первую очередь, за счет падения влияния «народных партий». В 1970-е годы доминирование блока ХДС / ХСС и СДПГ казалось незыблемым – вместе взятые, они набирали около 90% голосов избирателей на федеральных выборах. Однако затем их доля начала снижаться – сначала медленно, затем, в начале XXI в., все более стремительно. На выборах в Бундестаг 2002 г. «народные партии» набрали в общей сложности 77% голосов, в 2017 г. – чуть более 53%. Рост числа фракций и падение влияния «народных партий» привели к серьезным проблемам с формированием правящих коалиций. Все чаще ХДС / ХСС и СДПГ за неимением альтернативных вариантов вступали в вынужденный альянс друг с другом. Если во второй половине XX в. «большая коалиция» появилась на политической сцене ФРГ лишь однажды и воспринималась как переходное явление, то за последние полтора десятилетия альянс «народных партий» создавался по итогам каждых вторых выборов. В 2017 г. длительные переговоры о создании так называемой Ямайской коалиции партий ХДС, СвДП и «Зелёных» не увенчались успехом из-за невозможности договориться по некоторым ключевым пунктам. Для того чтобы избежать ситуации правительства меньшинства или новых выборов, вновь была сформирована «большая коалиция», что являлось скорее вынужденным шагом и значительно подорвало авторитет СДПГ, изначально объявившей себя лидером оппозиции.

В чем заключаются причины снижения популярности «народных партий»? Один из ключевых факторов – «усталость от партий», о которой заговорили в 1990-е годы. Речь идет об утрате значительной частью избирателей доверия к партийной системе (в первую очередь к «народным партиям»). Предвыборные программы постепенно становились все более расплывчатыми и нацеленными на максимально широкий круг избирателей. При этом зачастую терялось четкое позиционирование, партии утрачивали свое уникальное лицо. В итоге все шире распространялось представление о том, что партийные элиты не отражают интересы немецкого общества. Подобное развитие «народных партий» дало толчок росту популизма. Одна из основных характеристик этого феномена – его антиэлитарная направленность. Популисты

противопоставляли себя правящим элитам, представлялись защитниками интересов народа.

Анализ электорального поведения немцев в начале XXI в. показывает постепенное размывание электоральной базы партий, а также формирование достаточно большой группы «мечущихся избирателей», находящихся в поисках политической силы, на которую они могли бы возложить свои надежды. Избиратели, как правило, отдают голоса оппозиционным партиям и достаточно быстро разочаровываются в своих избранниках после того, как те оказываются у власти. Характерным примером стала история СвДП: в 2009 г. партия добилась рекордного результата в своей истории (более 15% голосов) и благодаря этому смогла войти в качестве младшего партнера в состав правящей коалиции вместе с блоком ХДС / ХСС. Однако уже два года спустя рейтинг партии упал до 3%, а в 2013 г. она впервые с момента создания не смогла преодолеть 5%-ный барьер на федеральных выборах. Такой же нестабильностью отличался уровень электоральной поддержки «Зелёных». В 2009 г. партия получила на выборах чуть более 10% голосов. Два года спустя ее рейтинг, по данным опросов, превысил 20% и временами обгонял рейтинг СДПГ. В 2011 г. представитель «Зелёных» впервые возглавил правительство одной из федеральных земель. Однако на последовавших в 2013 г. федеральных выборах партия получила всего лишь 8,4% голосов. В ситуации кризиса «народных партий» после выборов 2017 г. «Зелёные», однако, вновь демонстрируют серьезные успехи – на прошедших в октябре 2018 г. земельных выборах в Баварии и Гессене они смогли набрать почти 20% голосов.

Такая ситуация объективно благоприятствует появлению новых партий. Проблема, однако, заключается в том, что внимание избирателей гораздо сложнее удержать, нежели приобрести. Это наглядно показала история «Пиратской партии», которая добилась серьезного успеха на федеральных выборах 2009 г. и сумела провести своих депутатов в ряд земельных парламентов, но к 2013 г. лишилась какой-либо серьезной поддержки избирателей. Почему же «Альтернатива для Германии» не осталась партией-однодневкой? На наш взгляд, в этом случае свою роль сыграло сочетание общих тенденций и конкретных, в значительной степени случайных по отношению к развитию партийной системы, обстоятельств.

В германском парламенте правые националисты не были представлены с тех пор, как в начале 1960-х годов «Немецкая партия» фактически сошла с политической арены. На рубеже XX–XXI вв. наиболее значимой силой на этом фланге являлась основанная в 1964 г. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), отличавшаяся радикализмом. Ее во многом справедливо называли неонацистской. Учитывая отношение политической элиты и подавляющего большинства германской общественности к нацистскому прошлому страны, такая ассоциация практически полностью закрывала перед НДПГ

какие-либо перспективы успешной политической деятельности. Партия постоянно балансировала на грани запрета (несколько таких попыток были предприняты в разные годы), каждое ее усиление вызывало в германском обществе весьма острую реакцию. Национал-демократы ни разу не смогли пройти в Бундестаг и были способны лишь периодически проводить своих депутатов в земельные парламенты. Предпринятая в 1980-е годы попытка создать «демократическую правую» Республиканскую партию не удалась, так как партия вскоре обрела правоэкстремистский профиль, вследствие чего попала под контроль Федеральной службы по защите Конституции Германии. После многих неудачных попыток праворадикальных партий пробиться к эшелонам власти стало казаться, что ФРГ в силу своего исторического опыта стоит особняком среди других стран Западной Европы, во многих из которых правые националисты имели гораздо большее влияние.

Однако в начале XXI в. в германском обществе сформировался определенный запрос на правый популизм. Это ярко показала дискуссия вокруг вышедшей в 2010 г. книги политика и экономиста Тило Саррацина «Германия самоликвидируется». В этой и последующих своих работах автор выступал с позиций евроскептицизма и враждебности к исламу, характерных для правых популистов различных европейских стран. Невзирая на развернутую против Саррацина масштабную кампанию (а возможно, благодаря ей) его книги стали бестселлерами. В конце 2010 г. опрос, проведенный одним из ведущих германских институтов исследования общественного мнения, выяснил, что 18% германских избирателей проголосовали бы за партию, во главе которой стоял бы Саррацин.

Это исследование показало, что у правого популизма в Германии имеется своя ниша. В течение следующих лет было предпринято несколько попыток организовать партию с соответствующей идеологией, но все они потерпели неудачу. Новые политические силы сразу же оказывались под огнем массированных обвинений в правом радикализме и неонацизме. Было очевидно, любая правая партия, стремящаяся достичь успеха в ФРГ, должна старательно дистанцироваться от всего, что могло бы как-то ассоциироваться с идеологией нацизма.

В том же 2010 г. началась предыстория партии «Альтернатива для Германии». После того как ФРГ одобрила разработанный ЕС пакет антикризисных мер помощи терпящим бедствие странам, известный немецкий ученый-экономист Бернд Лукке собрал пленум своих коллег, который решительно осудил принятые антикризисные меры. Спустя два года Лукке и его сторонники начали воздействие на власть политическими методами. Их первым шагом стало создание «Союза гражданской инициативы», который еще не являлся полноценной партией, но активно выступал с критикой в адрес ХДС, протестуя против политики «спасения евро». Следующим шагом на пути

к созданию новой партии стало формирование политической группы «Альтернативный выбор 2013», которая должна была стать своего рода платформой для независимых кандидатов. Наконец, в начале 2013 г. была создана полноценная партия «Альтернатива для Германии».

На раннем этапе «Альтернативу для Германии» можно было характеризовать как «партию одной темы» – евроскептицизма. Членов партии объединяло недовольство антикризисной политикой ЕС. Именно поэтому среди членов «Альтернативы» поначалу было много представителей научных кругов и бизнес-сообщества, за что ее окрестили «партией профессоров» [Gamperl 2013]. То что «партия одной темы» едва не прошла в парламент спустя несколько месяцев с момента образования, явилось показателем объективного существования в германской партийной системе свободной ниши, которую могла бы занять новая политическая сила.

Тем не менее первые годы существования «Альтернативы для Германии» оказались отнюдь не безоблачными. Партию нередко подозревали в правом радикализме, тем более что к ней поспешили примкнуть некоторые представители германских ультраправых, включая членов антиисламской группировки ПЕГИДА. Дрейф в сторону правого радикализма являлся, пожалуй, главной опасностью для «Альтернативы», поскольку автоматически сделал бы ее маргинальной силой и перечеркнул шансы на дальнейший успех.

Руководству партии пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы дистанцироваться в глазах общественности от неонацистов. Так, Бернд Лукке заявил, что «Альтернатива для Германии» отклоняет заявки на членство в партии от кандидатов, в прошлом состоявших в НДПГ и в Немецком народном союзе. Партия также официально отмежевалась от связей с ПЕГИДА («Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes», «Патриотические европейцы против исламизации Запада»).

Тем не менее проблема правого радикализма так окончательно и не была решена, а с течением времени лишь усугубилась. В начале 2017 г. разразился скандал вокруг главы тюрингского отделения партии Бьёрна Хёке, открыто назвавшего мемориал убитых евреев Европы в Берлине «памятником позора» и потребовавшего совершить поворот на 180° в немецкой политике памяти [Thorwarth 2017]. Нельзя, впрочем, не отметить, что подобные заявления Хёке и его сторонников, представителей радикального крыла «Альтернативы для Германии» лишь подогревают всеобщий интерес к партии и держат ее в поле зрения СМИ, политиков и исследователей.

Партию также сотрясали внутренние конфликты. Уже к концу 2014 г. в «Альтернативе» наметился раскол, который впоследствии привел к изменению траектории ее политического развития. Расколу предшествовало соперничество двух групп, имевших различные взгляды на дальнейшее развитие партии. Можно условно говорить о разделении партии на либеральное и кон-

сервативное крыло. Лидер первого, основатель партии Бернд Лукке, призывал уделять больше внимания экономическим аспектам, таким как решение проблем еврозоны. Во главе второго крыла встала сопредседатель партии Фрауке Петри. По ее мнению, руководству «не хватало храбрости вынести на открытое обсуждение все тревожащие общество темы». Фрауке Петри и ее сторонники выступали за расширение политической программы и большую активность в миграционной политике и проблемах предоставления политического убежища, в семейной политике, а также борьбе с преступностью [Steffen 2015]. В итоге летом 2015 г. Лукке, потерпев поражение, вышел из партии. Фрауке Петри была избрана председателем «Альтернативы». Однако внутренняя борьба на этом не закончилась. Если ранее Петри была главным инициатором смещения партии в правую сторону политического спектра, то впоследствии в «Альтернативе для Германии» возобладала позиция людей, настроенных еще более радикально. На партийном съезде в Кёльне в апреле 2017 г. Петри потерпела поражение и в конце сентября вышла из партии.

На сегодняшний день партия находится под совместным председательством Александра Гауланда и Йорга Мойтена. И хотя «Альтернатива» пришла к некой внутрипартийной стабильности, но при этом окончательно закрепилась ее праворадикальная направленность, в сторону которой партия двигалась с момента выхода из нее Бернда Лукке. Лидеры «Альтернативы» по-прежнему пытаются опровергнуть представления о партии как праворадикальной и экстремистской, но реальная деятельность партии дает повод исследователям, политикам и СМИ утверждать обратное. Ярким примером стала реакция «Альтернативы для Германии» на убийство 35-летнего гражданина Германии в Хемнице. Подозреваемые – предположительно беженцы или люди, подавшие заявления на получение статуса беженца. В качестве реакции на произошедшее «Альтернатива» развернула в Хемнице и других городах Германии кампанию против «преступных иностранцев» [Holscher 2018].

Тем не менее смена руководства партии не помешала серии успехов «Альтернативы для Германии» на земельных выборах. В августе 2014 г. она получила почти 10% голосов в Саксонии и сформировала свою первую фракцию в земельном парламенте. За этим успехом последовали другие: по состоянию на конец 2018 г., «Альтернатива» представлена в парламентах всех 16 федеральных земель. При этом на период после 2014 г. приходится только одна неудачная попытка преодолеть 5%-ный барьер (в Бремене). Наиболее ярким стал результат выборов в федеральной земле Саксония-Ангальт в 2016 г., где партия заняла второе место – за нее отдала свои голоса почти четверть избирателей.

Согласно данным опросов, на федеральном уровне рейтинг партии в 2014–2015 гг. колебался на уровне 5–8%. Летом 2015 г. на какое-то время он упал ниже 5%-ной отметки, однако затем стабильно пошел вверх. В начале

2016 г. партия преодолела 10%-ную планку и в дальнейшем достигала и 14%. Лишь в феврале 2017 г. показатели вернулись в диапазон 5–10%, однако преодоление 5%-ного барьера на сентябрьских выборах уже не вызывало сомнений [Umfragen 2019].

Год спустя после триумфа партии-новичка на выборах в федеральный парламент положение «Альтернативы для Германии» можно назвать стабильным. Как показывает еженедельный опрос германских институтов исследования общественного мнения (таких как Forsa, Forschungsgruppe Wahlen, Infratest Diamap и др.), потенциальный процент голосов, отданных за «Альтернативу» на федеральных выборах колеблется в диапазоне от 14 до 18% по состоянию на третью неделю октября 2018 г. При этом если проследить статистику подобных опросов в течение всего года, можно отметить, что после федеральных выборов рейтинг партии не опускался ниже 11% [Sonntagsfrage Bundestagswahl].

Главной причиной подъема оказался «кризис беженцев», разразившийся в 2015 г. и вызвавший в немецком обществе резко негативную реакцию, достигшую, по результатам опросов, своего пика в начале 2016 г. «Альтернатива для Германии» немедленно ухватилась за популярную тематику, представив в 2015 г. «Тезисы по вопросам предоставления убежища» с резкой критикой действий властей и требованиями ограничить приток мигрантов. Фактически «Альтернатива» стала единственной значимой партией – выразительницей антииммигрантских настроений. В этих условиях ни внутренние конфликты, ни некоторый сдвиг вправо не затормозили рост ее популярности.

Во многом благодаря своей антииммигрантской позиции наибольшую популярность «Альтернатива для Германии» завоевала в восточных федеральных землях, несмотря на то что число беженцев здесь меньше, чем в западных. Причина в том, что в этих землях по-прежнему выше уровень безработицы и в целом ниже уровень экономического развития. Все это порождает неуверенность их жителей в будущем, провоцирует недоверие к правительству. Приток беженцев еще больше усугубил ситуацию, так как недовольные своим экономическим и социальным положением восточные немцы начали опасаться, что государство будет оказывать поддержку беженцам в ущерб интересам собственных граждан.

В апреле 2016 г. на съезде в Штутгарте была принята новая базовая «Программа для Германии», в которой затрагивался широкий круг тем, однако основной акцент по-прежнему делался на евроскептической и антииммигрантской повестке [Programm für Deutschland]. По мнению ряда исследователей, говорить о единой идейной основе «Альтернативы» не приходится до сих пор. Программа партии, по сути, сборник слабо связанных между собой «протестных» тезисов, которыми можно легко заинтересовать граждан [Fietz 2016]. Более цельный, разносторонний и проработанный характер носила

предвыборная программа партии, опубликованная в апреле 2017 г. Тем не менее мы можем утверждать, что наиболее привлекает избирателей «Альтернативы» не комплексность, а радикальность и протестный характер некоторых тезисов ее программы.

Успех «Альтернативы для Германии» на федеральных выборах с особой остротой ставит вопрос о ее дальнейших перспективах. С одной стороны, выборы 2017 г. показали наличие крупных разногласий между бывшими партнерами по правящей коалиции, а также внутри самого блока ХДС / ХСС, в частности по вопросам приема беженцев. Отказ СДПГ от продления «большой коалиции» сделал формирование парламентского большинства еще более сложным процессом. Все это дает «Альтернативе для Германии» определенную возможность играть на разногласиях между ведущими партиями, основываясь на их неудачах, противопоставляя себя и свои успехи «устаревшим» (так «Альтернатива» именует всех нынешних конкурентов в парламенте) партиям.

С другой стороны, «Альтернатива», безусловно, находится в изоляции и не рассматривается ни одной другой значимой политической силой в качестве возможного коалиционного партнера. Это соответствует позиции самой «Альтернативы», противопоставляющей себя любым парламентским партиям. Тем не менее после успехов партии на выборах в земельные парламенты вопрос о возможности формирования правящей коалиции с ее участием на земельном уровне уже не выглядит столь однозначным. Здесь можно привести пример «Левой», которая входит в правительства ряда земель, несмотря на «неспособность к коалициям» на федеральном уровне.

После успеха «Альтернативы» на выборах можно было ожидать масштабной кампании против подъема правого популизма в германской прессе. Поскольку партия не просто отнимает голоса у конкурентов, а еще больше затрудняет формирование устойчивых коалиций, в борьбе против нее заинтересованы все политические силы. В рамках этой борьбы существует благоприятная возможность для использования лозунгов противодействия правому экстремизму и неонацизму, особенно если партия продолжит «дрейф вправо», признаком которого стало поражение «реалистов» под руководством Фрауке Петри.

Однако на деле масштаб кампании оказался сравнительно небольшим. Прошедший после выборов год показал, что «народные партии» скорее заняты преодолением своих внутренних проблем и разногласий. Пытаясь бороться с масштабной потерей электората, они теряют свой имидж и утрачивают рычаги влияния на граждан. В ведущих средствах массовой информации борьба с правым популизмом ведется более решительно, регулярно публикуются материалы, критикующие «Альтернативу для Германии». Так, в сентябре 2018 г. Frankfurter Allgemeine Zeitung опубликовала статью с «говорящим»

подзаголовком «каждый гражданин, который еще голосует за “Альтернативу для Германии”, становится причастным к злостной пропаганде и распространению ненависти» [Güler 2018]. Итоги выборов в ландтаги федеральных земель Бавария и Гессен, возможно, придадут этой кампании новый импульс.

Как уже говорилось выше, сами по себе внутренние распри, проблемы с формированием программных установок и обвинения в популизме и экстремизме сопровождали становление всех германских партий. Начиная с 1980-х годов «Альтернатива для Германии» не представляет в этом отношении ничего особенного, но ее идейная направленность делает партию особенно уязвимой для критики и ограничивает возможности ее полноценной интеграции в партийно-политическую систему.

Успеху партии способствует как объективное существование «свободной ниши» в партийной системе, так и внешние обстоятельства (такие, как «кризис беженцев»). Однако именно последние в наименьшей степени подвластны какому-либо контролю со стороны самой партии. Как показали события в Хемнице, на сегодняшний день «Альтернативе» удается использовать в свою пользу ситуации, провоцирующие рост страха перед беженцами, особенно теми, кто проповедует ислам. Несмотря на то что проблемы миграции и интеграции в обозримой перспективе будут сохранять свою актуальность, разразившийся в этой сфере кризис в настоящее время идет на спад, а традиционные политические силы уделяют этим сюжетам все больше внимания. Весь этот комплекс обстоятельств создает как объективные возможности, так и угрозы положению «Альтернативы для Германии». В такой ситуации решающую роль будет играть развитие самой партии. Если «Альтернативе» удастся избежать серьезных внутренних кризисов и попадания в нишу экстремистских партий, у нее, на наш взгляд, есть хорошие шансы стать еще одной партией «второго эшелона», стабильно набирающей на федеральных выборах около 10–15% голосов.

Однако даже если этого не произойдет, в обозримой перспективе появятся новые силы, стремящиеся заполнить нишу правого популизма. В этом отношении ФРГ, скорее всего, повторит путь своих западноевропейских соседок, где подобные партии успешно существуют. Знаменитое требование Франца Йозефа Штрауса о том, что в Германии «не должно появиться демократической партии, которая была бы правее ХСС» [Behrend 1989, p. 146], в нынешних условиях заведомо невыполнимо. Немецкая же специфика найдет свое отражение в том, что успех правых популистов окажется более скромным, чем у французских или австрийских коллег, а возможности создания коалиций с другими партиями будут практически отсутствовать.

По какому бы варианту ни развивались события, дальнейшая фрагментация партийного ландшафта представляется маловероятной. В среднесрочной перспективе в Бундестаге вряд ли будет присутствовать более шести фракций.

Однако и этого числа вполне достаточно для того, чтобы серьезно затруднить формирование правящих коалиций. Вполне вероятно, что в дальнейшем мы будем все чаще наблюдать «вынужденные коалиции», члены которых вступают в соглашение друг с другом только ради того, чтобы избежать немедленных повторных выборов, и, соответственно, чаще будут проводиться досрочные выборы, связанные с распадом правящих коалиций. Таким образом, в настоящий момент мы можем наблюдать финальный этап длительного перехода от «почти двухпартийной» системы 1970-х годов к многопартийной системе, характерной для большинства стран континентальной Европы.

Библиография

Камкин А.К. «Альтернатива для Германии» – партия-однодневка или серьезная сила? // Современная Германия. Экономика и политика. М.: Весь мир, 2015. С. 533–539.

Погорельская С.В. «Альтернатива для Германии»: без внутренней альтернативы? // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1. С. 40–55. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/alternativa_dla_germanii_bez_vnutrennej_alternativy_2017-12-13.htm (дата обращения: 06.03.2019).

Тимошенкова Е.П. Альтернатива для Германии в бундестаге: поворот ФРГ вправо // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 54–62.

Bebnowski D. Die Alternative für Deutschland. Aufstieg und gesellschaftliche Repräsentanz einer rechten populistischen Partei. Wiesbaden: Springer VS, 2015. 46 S.

Behrend P. Parteien in der BRD: Ein Handbuch. Berlin: Dietz, 1989. 452 S.

Fietz M. «Lässt Schlimmes ahnen»: Experte stellt AfD-Parteiprogramm vernichtendes Urteil aus // Focus Online. 2016. 05 Aug. URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/interview-mit-konrad-adenauer-stiftung-laesst-schlimmes-ahnen-experte-stellt-afd-parteiprogramm-vernichtendes-urteil-aus_id_5793317.html (дата обращения: 05.08.2016).

Gamperl E. Europas neue Anti-Partei // Zeit Online. 2013. 23 Mai. URL: http://www.zeit.de/politik/ausland/2013-05/protestparteien-europa-antieuro/komplettansicht (дата обращения: 04.11.2019).

Güler S. Die AfD gehört zum Hass-Kartell // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. 27 Sept. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/das-verstaendnis-fuer-die-afd-muss-ein-ende-haben-15808343.html (дата обращения: 10.09.2019).

Häusler A., Roeser R., Scholten L. Programmatik, Themensetzung und politische Praxis der Partei «Alternative für Deutschland» // Heinrich-Böll-Stiftung. 2016. S. 226. URL: https://www.petrakellystiftung.de/fileadmin/user_upload/newsartikel/PDF_Dokus/haeusler_roeser_scholten_afd_2016-08.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

Häusler A. Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und Politische Verordnung. Wiesbaden: Springer VS, 2016. 251 S.

Holscher M. Der Schauermarsch // Spiegel Online. 2018. 01 Sept. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-afd-pegida-und-pro-chemnitz-schliessen-sich-bei-demo-zusammen-a-1226122.html (дата обращения: 12.07.2019).

Niedermayer O. Die Parteien nach der Bundestagswahl 2013. Wiesbaden: Springer VS, 2015. 258 S.

Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland // The official website of «Alternative for Germany». URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/01/2016-06-27_afd-grundsatzprogramm_web-version.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Sonntagsfrage Bundestagswahl // Wahlrecht.de. URL: https://www.wahlrecht.de/umfragen/ (дата обращения: 15.08.2019).

Steffen T., Jacobsen L. Ring frei fürs AfD-Finale // Zeit Online. 2015. 03 Juli. URL: http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-07/afd-parteitag-essen-bernd-lucke-frauke-petry (дата обращения: 12.07.2019).

Stein T. «Wir lehnen Ausländerfeindlichkeit ab» // Cicero. 2013. 08 April. URL: http://cicero.de/innenpolitik/alternative-fuer-deutschland-lucke-wir-lehnen-auslaenderfeindlichkeit-ab/54127 (дата обращения: 24.07.2019).

Thorwarth K. Björn Höcke gibt den Nazi // Frankfurter Rundschau. 2017. 18 Jan. URL: http://www.fr.de/politik/kommentar-zu-afd-in-dresden-bjoern-hoecke-gibt-den-nazi-a-739868 (дата обращения: 08.09.2019).

Umfragen zu Bundestags- und Landtagswahlen // Spiegel Online. 2019. 30 Okt. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sonntagsfrage-umfragen-zu-bundestagswahl-landtagswahl-europawahl-a-944816.html (дата обращения: 30.10.2019).

References

Bebnowski D. Die Alternative für Deutschland. Aufstieg und gesellschaftliche Repräsentanz einer rechten populistischen Partei. Wiesbaden: Springer VS, 2015. 46 S.

Behrend P. Parteien in der BRD: Ein Handbuch. Berlin: Dietz, 1989. 452 S.

Fietz M. «Lässt Schlimmes ahnen»: Experte stellt AfD-Parteiprogramm vernichtendes Urteil aus. Focus Online. 2016. 05 Aug. URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/interview-mit-konrad-adenauer-stiftung-laesst-schlimmes-ahnen-experte-stellt-afd-parteiprogramm-vernichtendes-urteil-aus_id_5793317.html (date of access: 05.08.2016).

Gamperl E. Europas neue Anti-Partei. Zeit Online. 2013. 23 Mai. URL: http://www.zeit.de/politik/ausland/2013-05/protestparteien-europa-antieuro/komplettansicht (date of access: 04.11.2019).

Güler S. Die AfD gehört zum Hass-Kartell. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. 27 Sept. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/das-verstaendnis-fuer-die-afd-muss-ein-ende-haben-15808343.html (date of access: 10.09.2019).

Häusler A. Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und Politische Verordnung. Wiesbaden: Springer VS, 2016. 251 S.

Häusler A., Roeser R., Scholten L. Programmatik, Themensetzung und politische Praxis der Partei «Alternative für Deutschland». Heinrich-Böll-Stiftung. 2016. S. 226. URL: https://www.petrakellystiftung.de/fileadmin/user_upload/newsartikel/PDF_Dokus/haeusler_roeser_scholten_afd_2016-08.pdf (date of access: 10.09.2019).

Holscher M. Der Schauermarsch. Spiegel Online. 2018. 01 Sept. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-afd-pegida-und-pro-chemnitz-schliessen-sich-bei-demo-zusammen-a-1226122.html (date of access: 12.07.2019).

Kamkin A.K. «Al'ternativa dlja Germanii» – partija-odnodnevka ili ser'eznaja sila? [«Alternative for Germany» – a one-day party or a serious force?]. Sovremennaja Germanija. Ekonomika i politika [Modern Germany. Economics and politics]. M.: Ves Mir, 2015. P. 533–539. (In Russ.)

Niedermayer O. Die Parteien nach der Bundestagswahl 2013. Wiesbaden: Springer VS. 2015. 258 S.

Pogorelskaya S.V. «Al'ternativa dlja Germanii»: bez vnutrennej al'ternativy? [«Alternative for Germany»: no domestic alternative?]. Perspektivy. Elektronnyj zhurnal [Prospects. Electronic journal]. 2018. N 1. P. 40–55. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/alternativa_dla_germanii_bez_vnutrennej_alternativy_2017-12-13.htm (date of access: 06.03.2019). (In Russ.)

Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. The official website of «Alternative for Germany». URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/01/2016-06-27_afd-grundsatzprogramm_web-version.pdf (date of access: 12.07.2019).

Sonntagsfrage Bundestagswahl. Wahlrecht.de. URL: https://www.wahlrecht.de/umfragen/ (date of access: 15.08.2019).

Steffen T., Jacobsen L. Ring frei fürs AfD-Finale. Zeit Online. 2015. 03 Juli. URL: http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-07/afd-parteitag-essen-bernd-lucke-frauke-petry (date of access: 12.07.2019).

Stein T. «Wir lehnen Ausländerfeindlichkeit ab». Cicero. 2013. 08 April. URL: http://cicero.de/innenpolitik/alternative-fuer-deutschland-lucke-wir-lehnen-auslaenderfeindlichkeit-ab/54127 (date of access: 24.07.2019).

Thorwarth K. Björn Höcke gibt den Nazi. Frankfurter Rundschau. 2017. 18 Jan. URL: http://www.fr.de/politik/kommentar-zu-afd-in-dresden-bjoern-hoecke-gibt-den-nazi-a-739868 (date of access: 08.09.2019).

Timoshenkova E.P. Al'ternativa dlya Germanii v bundestage: povorot FRG vpravo [An alternative for Germany in the Bundestag: turning Germany to the right]. Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences]. 2018. N 3. P. 54–62. (In Russ.)

Umfragen zu Bundestags und Landtagswahlen. Spiegel Online. 2019. 30 Okt. URL: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sonntagsfrage-umfragen-zu-bundestagswahl-landtagswahl-europawahl-a-944816.html (date of access: 30.10.2019).

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.06

А.В. Белинский

«ПРИДУТ ЧЕСТОЛЮБИВЫЕ ДУБЛЕРЫ…». ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ФРГ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция правого экстремизма в ФРГ в конце XX – начале XXI в. Отмечается, что в период с 1990-х до середины 2000-х годов прочные позиции на крайне правом фланге политического спектра занимала Национал-демократическая партия Германии вместе с рядом ультраправых организаций. Успехи НДПГ были обусловлены высоким уровнем безработицы в «новых» федеральных землях ФРГ, популярностью националистических идей в Восточной Германии и неспособностью демократических партий (ХДС, СДПГ, ФДП) наладить контакт с населением. Однако к середине 2000-х годов стало совершенно ясно, что мобилизационный потенциал национал-демократов исчерпан. Это было вызвано прежде всего неспособностью лидеров НДПГ провести модернизацию, аналогичную модернизации «Национального фронта» или «Австрийской партии свободы», рядом скандалов и негативным образом, закрепившимся за партией. Усиление «Альтернативы для Германии» привело к оттоку членов партии и избирателей к новой правопопулистской партии и маргинализации НДПГ. В конце концов «старые» правые были вынуждены уступить место новым формам правого экстремизма, наиболее значимыми из которых являются «имперские граждане», идентаристское движение и автономные националисты. В то время как «имперские граждане» сделали ставку на создание параллельных квазигосударственных формирований и ограничение всех контактов с государственными органами, автономные националисты и идентаристы стремятся подорвать политическую систему ФРГ изнутри посредством пропаганды или насилия. Наибольшую опасность для общественного и государственного порядка представляет автономный национализм, который в условиях миграционного кризиса и социального раскола принял форму политического терроризма.*

Ключевые слова: *НДПГ; правый экстремизм; имперские граждане; автономный национализм.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научных сотрудник Отдела европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: belinskii_andrei@mail.ru Web of Science Researcher ID: AAG-3240-2020

A.V. Belinsky. «There Will Come Ambitious Understudies…». The Evolution of Right Extremism in the German in the Late XX – Early XXI Centuries

Abstract. *The present article explores the evolution of right extremism in the FRG in the late XX – early XXI centuries. It is noted that between the 1990s and the middle of the 2000s, the National-Democratic party of Germany had strong positions on the rightmost flank of the political spectrum along with the Nazi-skinheads and a number of other ultra-right organizations. The political success of the NDPG was attributable to the high unemployment rates in the «new» Federal Lands of the FRG and weakness of democratic parties (CDU, SDPG, FDP) combined with the popularity of nationalist ideas in Eastern Germany. However, by the middle of the 2000s it became absolutely clear that the mobilization potential of national-democrats had been depleted. This was primarily caused by the inability of the party leaders to implement a modernization program similar to that of the «National Front» or «Austrian Liberty Party», a number of inner scandals and the negative image of the party. Strengthening of «Alternative for Germany» led to the outflow of party members and electorate towards the new right-populist party and, finally, to the marginalization of NDPG. In the end, the «old» rights were urged to yield to new forms of right extremism, the most significant of which are the «Imperial Citizens», this being the identarist movement of autonomous nationalists. While the «Imperial Citizens» banked on the creation of parallel quasi-state formations and limitation of all contacts with the state authorities, autonomous nationalists and identarists were striving to undermine the political system of the FRG from within by means of propaganda or violence. The greatest danger for the public and state order of the country comes from autonomous nationalism, which is taking the form of political terrorism fueled by the migration crisis and social discord.*

Keywords: *NDPG; right extremism; imperial citizens; autonomous nationalism.*

Belinsky Andrey Victorovich – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) Russia, Moscow. E-mail: belinskii_andrei@mail.ru Web of Science Researcher ID: AAG-3240-2020

Поезд «Мюнхен – Хемниц» прибывает на конечную станцию

Летом 2015 г., когда в Мюнхен стали прибывать первые поезда с беженцами из Сирии, тысячи местных жителей стекались к главному вокзалу баварской столицы, чтобы приветствовать мигрантов. Картины разрушенного Алеппо, сообщения о нечеловеческих страданиях мирного населения и терроре ИГИЛ не могли не вызвать самый живой отклик у многих немцев.

Однако не прошло и двух месяцев, как по Германии прокатилась волна поджогов общежитий для беженцев, нападений на мигрантов и угроз в адрес

официальных властей, которая невольно вызывала в памяти ассоциации с чередой погромов в Восточной Германии в начале 1990-х годов[1].

В последующие месяцы официальная статистика, доклады Федерального ведомства по охране Конституции и Федеральной уголовной полиции бесстрастно отмечали рост ксенофобии в немецком обществе и преступлений, совершенных на почве национальной ненависти. Если в 2014 г. немецкие спецслужбы зафиксировали 990 преступлений, совершенных правыми экстремистами с применением насилия, то уже в 2015 г. их число достигло 1408. Пик правого насилия пришелся на 2016 г., когда ультраправые совершили 1600 преступлений, большинство из которых были поджоги (113) и нанесение увечий (1313) [Rechtsextremistische 2019]. И хотя в 2017 г. их количество несколько пошло на спад, беспорядки и демонстрации в саксонском Хемнице в августе 2018 г., организованные футбольными ультрас и членами националистических группировок после убийства мигрантами немца кубинского происхождения [Das ist das Aufblühen 2018], еще раз наглядно продемонстрировали, насколько расколото немецкое общество и насколько сильны ксенофобские настроения в стране. При этом с момента начала миграционного кризиса серьезно изменился и общественный климат в ФРГ, особенно в части отношения немцев к мигрантам и миграции. Исследование, проведенное американским Исследовательским центром Пью (Pew Research Center), показало, что порядка 75% немцев выступают за высылку из страны нелегальных мигрантов [Rietig 2019].

Продолжающийся миграционный кризис, рост ксенофобских настроений вкупе с падением авторитета входящих в правящую коалицию «народных» партий (ХДС / ХСС, СДПГ), очевидной неспособностью спецслужб полностью держать ситуацию под контролем создают для правых экстремистов благоприятные условия как для пропаганды своих взглядов, так и для осуществления так называемых «акций прямого действия» (нападения на иностранцев, поджоги общежитий, расправа с политическими оппонентами). Все это требует более тщательного анализа правого экстремизма ФРГ, причем не только давно действующих партий и организаций, но и новых течений, которые представляют не меньшую угрозу для политического и общественного порядка.

1. После объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. по «новым землям» прокатилась волна насилия, направленная против мигрантов (вьетнамцы, турки, курды). Жесткий экономический кризис, охвативший Восточную Германию в начале 1990-х годов, и массовая безработица, особенно среди молодежи, крах надежд на улучшения жизни привели к фрустрации среди части населения, которая выплеснула свою агрессию на иностранцев [Lieber, 40/1991].

«Старикам тут не место». НДПГ, скинхеды и кризис «старых правых»

На протяжении нескольких десятилетий понятия «Национал-демократическая партия Германии» и «правый экстремизм» были почти синонимичны. Основанная в ноябре 1964 г. НДПГ быстро (пусть и на короткое время) стала своеобразным «Ноевым ковчегом» как для бывших членов запрещенной «Немецкой имперской партии»[2], так и для некоторых консервативно и националистически настроенных сторонников ХДС / ХСС, которые были недовольны созданием «большой коалиции» (1966–1969) с участием социал-демократов. Расширение электоральной базы партии обеспечило ей успех на земельных выборах в Баден-Вюртемберге (9,8%), а на выборах в Бундестаг в 1969 г. 4,3% граждан ФРГ отдали свой голос национал-демократам. Однако время показало эфемерность этих успехов. Острая внутрипартийная борьба, которая на долгие годы станет проклятьем НДПГ, политика консерваторов, которые в соответствии с выдвинутым баварским политиком Ф.Й. Штраусом лозунгом «Справа от ХСС не должно быть демократической партии» сумели вернуть себе ушедшего к национал-демократом избирателя, привели к тому, что партия была оттеснена обратно на крайне правый фланг политического поля. Однако главная причина «черной полосы» НДПГ заключалась в ее политической программе и идеологии, которые напоминали западногерманскому обывателю о мрачных годах нацистской диктатуры и тем самым обрекали национал-демократов на маргинальность.

В итоге к 1989 г. после 20 лет «хождения по мукам» партия подошла в достаточно жалком состоянии. Хольгер Апфель, шеф НДПГ (2011–2013), а в 1989 г. еще зеленый новобранец, так впоследствии описал свои первые впечатления от встречи со старыми «бойцами» партии: «В прокуренной пивной сидела дюжина пожилых мужчин и женщин, среди которых Фидлер был самым молодым. Собравшиеся болтали о событиях войны, один энергичный 90-летний ветеран рассказывал о своем участии в битве при Аннаберге в 1921 г.[3] Это действительно было не то, что я, молодой человек, ожидал от этой партии». В самой же партии, по признанию все того же Х. Апфеля, на тот момент состояло около 2800 человек [Apfel 2017, S. 40], что ярче всего свидетельствовало о кризисном состоянии национал-демократов.

2. Немецкая имперская партия (Deutsche Reichspartei нем.) – ультраправая партия, созданная в 1950 г. бывшими членами НСДАП. В 1964 г. после создания НДПГ она вошла в ее состав.

3. Битва при Аннаберге (в польской историографии – сражение у горы Святой Анны) – сражение в Силезии 21–26 мая 1921 г. между польскими повстанцами и немецким фрайкором, которое закончилось победой последнего.

Однако падение Берлинской стены в 1989 г. и последовавшее за ним объединение ФРГ и ГДР не только продлили политическую жизнь канцлера Г. Коля еще на воемь лет, но и дали немецким правым экстремистам исторический шанс, которым они сумели частично воспользоваться.

Обещанные восточным немцам «цветущие ландшафты» обернулись закрытием предприятий и массовой безработицей в новых федеральных землях, а увольнения тысяч офицеров ННА, университетских преподавателей и чиновников ускорили процесс создания социальной базы левых партий (например, ПДС) и партий крайне правого толка (НДПГ, Немецкий народный союз и т.д.). На социально-экономические проблемы наслаивались различия в менталитете и политической культуре между «осси» и «весси», распространенность националистических настроений в Восточной Германии и т.д.

«Всплеск неонацизма связан также и с развалом структур в экономике и с тотальной потерей рынков в Восточной Европе. Осколки разогнанной на Западе нацистской партии, с их “старыми бойцами”, вызывали интерес у молодых неонацистов. И внезапно НПГ (НДПГ. – *А. Б.*) перестала быть шелухой...» [Шрёдер 2005, с. 56], – отмечал в своих мемуарах экс-канцлер Г. Шрёдер.

Начиная с середины 1990-х и, в особенности, в начале 2000-х годов партия стала активно «осваивать» Восток ФРГ, который в скором времени превратился в главный оплот НДПГ. Многие партийные функционеры подобно американским старателям, отправлявшимся в середине XIX в. в Калифорнию и на Аляску на поиски золотых рудников, перебирались на Восток в надежде найти свой политический «Клондайк». Так, уже упоминавшийся Х. Апфель переехал их родного Ганновера в Саксонию, где развернул активную деятельность[4].

Начало нового тысячелетия выглядело для национал-демократов вполне обнадеживающим. Партия сумела преодолеть 5%-ный барьер на выборах и пройти в ландтаги Саксониии и Мекленбурга – Передней Померании, а в ряде деревень и коммун в восточных землях заручиться поддержкой 10–20% избирателей[5]. Хотя на федеральном уровне успехи партии были достаточно

4. Примечательно, что и другие руководители партии, как например, Удо Фойгт (1996–2011) и Удо Пастёрс (род. в 2013) были уроженцами «старых» земель, которые переехали на Восток.

5. Так, на коммунальных выборах в 2009 г. в небольшой деревне Райнхардсдорф-Шьона (Саксония) партия получила 20,9% голосов [Ein Dorf 2009]. Эти успехи были обусловлены тем, что в условиях кризиса социальной системы после объединения Германии и нежелания крупных партий решать локальные проблемы именно функционеры НДПГ зачастую оказывали помощь местным жителям, организуя клубы, спортивные кружки и т.д. [Сумленный 2010, с. 148].

скромными, но и здесь уровень ее поддержки вырос с 0,4% в 2002 до 1,6% в 2005 г. [Wahl zum 2005].

Однако «вторая весна» (Х. Апфель) национал-демократов продлилась относительно недолго. Уже в конце 2000-х годов партия вступила в стагнацию, которая в 2010-х годах стала перерастать в кризис, грозящий отбросить ее в состояние 1970–1980-х годов.

«Прерванный полет» НДПГ был обусловлен рядом причин, главной из которых являлся отказ партийного руководства от кардинального обновления идеологии и имиджа партии. К середине 2000-х годов, когда стало совершенно очевидно, что мобилизационный потенциал партии был во многом исчерпан, остро встал вопрос о ее модернизации. «Даже если в последующие годы и имели место успехи – в первую очередь в ходе надпартийных мероприятий, таких как траурные марши в Дрездене[6], – то тенденция к росту остановилась» [Apfel 2017, S. 106]. Именно это в свое время сделали Австрийская партия свободы при Й. Хайдере или Национальный фронт при М. ле Пен, что позволило им вырваться из гетто маргинальности и стать (пусть и относительно) вполне респектабельной силой для средних слоев общества. «Однако вместо того чтобы последовать примеру Австрийской партии свободы, на которую, с одной стороны, смотрели с завистью, с другой же – осуждали ее как “системных приспособленцев” за поездку в Израиль[7], у них (партийных лидеров. – *А. Б.*) не хватило мужества избавиться от старых пут национал-социализма. Напротив, вхождение в парламенты они приписывали исключительно сотрудничеству с радикальным лагерем» [Apfel 2017, S. 26].

Во время недолгого пребывания Х. Апфеля на посту председателя партии (2011–2013) была предпринята попытка радикально поменять имидж НДПГ, которая в массовом сознании четко выступала в качестве наследницы гитлеровской партии. По признанию председателя НДПГ, его цель заключалась в том, чтобы провести «…модернизацию по образцу Австрийской партии свободы» [Apfel 2017, S. 313]. Однако уход Апфеля вследствие партийных интриг со своего поста в 2013 г., скандал по делу террористической группировки «Национал-социалистического подполья», в который оказались втянуты члены партии, и последовавшая вторая попытка запрета НДПГ через

6. Траурный марш (Trauermarsch) – ежегодно проводимое в феврале шествие праворадикальных организаций (НДПГ, скинхеды, автономные националисты) в Дрездене в память о бомбардировках города союзной авиацией в 1945 г.

7. Имеется в виду поездка в Израиль, совершенная в 2011 г. лидерами правопопулистских партий – Х.К. Штрахе (Австрийская партия свободы), Филипп Девинтер (Фламандский интерес), – для налаживания контактов с израильскими ортодоксальными правыми активистами для создания единого фронта борьбы с исламистами.

Конституционный суд вернула всё на круги своя. Попытка отмыть «черного кобеля добела» провалилась.

Вторым фактором, обусловившим кризис НДПГ, стал стремительный рост популярности «Альтернативы для Германии», которая начиная с 2014–2015 гг. стала вытеснять национал-демократов с политической сцены. «Счастье позднего рождения»[8], имидж респектабельно-буржуазный партии, отсутствие в партийной программе каких-либо пассажей, которые напоминали бы обывателю о мрачном периоде национал-социализма, делали ее вполне приемлемой для консервативно и умеренно националистически настроенных избирателей, для которых НДПГ с ее восхвалением Третьего рейха и требованием возврата утраченных территорий (Силезия, Судеты) была слишком крикливой, архаичной, радикальной. Именно молодая правопопулистская партия не только не позволила национал-демократам воспользоваться миграционным кризисом для повышения своего рейтинга, но и сумела «откусить» часть электората НДПГ (см. табл. 1).

Отказ от политической модернизации, появление сильного конкурента в лице новой правопопулистской партии, наряду с постоянными финансовыми проблемами и отсутствием харизматичных лидеров привели к тяжелому кризису национал-демократов. «Снижающееся значение НДПГ проявляется как в сокращении числа членов партии с 4500 в 2017 до 4000 в 2018 г., так и в плохих результатах на выборах» [Verfassungsschutzbericht 2018, S. 77].

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ НДПГ И «АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ» НА ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНЫХ И ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В 2013–2016 гг.*

	Выборы в Бундестаг 2013 г.	*Выборы в Бундестаг 2017 г.*	*Выборы в ландтаг Саксонии 2014 г.*	*Выборы в ландтаг Тюрингии 2014 г.*	*Выборы в ландтаг Мекленбурга-Передней Померании 2016 г.*	*Выборы в Сенат Берлина 2016 г.*
НДПГ	1,3% (-0,3)	0,4% (-0,9)	4,9% (-0,7)	3,6% (-0,7)	3% (-3)	0,6% (-1,5)
Альтернатива для Германии	4,7% (+4,7)	12,6% (+7,9)	9,7% (+9,7)	10,6% (+10,6)	20,8% (+20,8)	14,2% (+14,2)

* В таблицу специально не были включены результаты выборов в западных землях, поскольку в них НДПГ в последние 20 лет не пользовалась какой-либо популярностью.

8. Выражение «счастье позднего рождения» было введено в обиход канцлером Г. Колем для того, чтобы подчеркнуть факт незапятнанности его поколения нацистским прошлым.

Вместе с тем было бы большой ошибкой считать НДПГ «бумажным тигром» и преуменьшать степень ее опасности для государства и общества. Несмотря на глубокий кризис, она остается крупнейшей правоэкстремистской организацией в стране, имеет тесные связи с рядом неонацистских организаций как внутри страны, так и за ее пределами, а некоторые члены партии располагают огнестрельным оружием и склонны к насилию.

Если национал-демократы сумели сохранить часть своих позиций на крайне правом фланге политического спектра, то совсем иным образом обстоит дело с наци-скинхедами[9]. Возникшие в 1980-х годах и достигшие своего расцвета в 1990-е годы группировки скинхедов отметились массовым насилием по отношению к мигрантам, представителям неформальных молодежных субкультур (панки, готы и т.д.). Однако уже к середине 2000-х годов количество скинхедов в ФРГ существенно сократилось, а к настоящему времени можно говорить практически об их исчезновении. Это было обусловлено не столько действиями полиции и спецслужб, сколько причинами «естественного характера». Во-первых, как и любая молодежная субкультура, которая развивается циклически (возникновение, расцвет, угасание), субкультура наци-скинхедов, пройдя пик популярности в 1990-е годы, в начале XXI в. стала приходить в упадок. Во-вторых, вышедшее на сцену в 2000-х годах новое поколение молодых праворадикалов достаточно критически относились к своим предшественникам, начиная с их броского внешнего вида и заканчивая тактикой и образом жизни.

Таким образом, за последние 10–15 лет ландшафт правого экстремизма в ФРГ в силу ряда причин претерпел серьезные изменения. Одни организации, как НДПГ, были отодвинуты на обочину и в значительной степени маргинализированы, другие, как «Немецкий народный союз»[10] и наци-скинхеды, ушли в небытие. Однако сам правый экстремизм никуда не исчез. На смену сошедшим с дистанции «старым правым» пришли «честолюбивые дублеры», которые в целом были лучше организованы и более опасны. На фоне относительного многообразия современных форм правого экстремизма особо выделяются три течения: «имперские граждане», «идентаристское движение»

9. Первоначально скинхеды представляли собой молодежную субкультуру, сформировавшуюся в конце 1960-х годах в среде английских портовых рабочих и не имевшую ничего общего с расизмом и ксенофобией. Лишь в конце 1970-х – начале 1980-х годов под влиянием экономического кризиса и всплеска безработицы среди скинхедов распространяться расистские и националистические идеи.

10. Немецкий народный союз (Deutsche Volksunion) – правоэкстремистская организация (с 1987 г. – партия), основанная в 1971 г. В конце 1990-х – начале 2000-х годов партия сумела добиться крупных успехов на выборах в восточных землях ФРГ. Однако затем ННС стал терять поддержку избирателей и в 2011 г. объединился с НДПГ.

и автономные националисты, каждое из которых в определенной степени было ответом на кризис предшественников.

«Имперские граждане» и «суверенисты»: Конструируя собственную реальность

19 октября 2016 г. в небольшом франконском городке Георгенсгмюнд (Бавария) разыгралась настоящая трагедия. Когда специальное подразделение полиции вошло в дом Вольфганга П., чтобы изъять у него арсенал нелегального оружия, хозяин неожиданно открыл шквальный огонь по стражам порядка, в результате которого трое из них получили тяжелые ранения, а один полицейский погиб [Büchel 2016]. Именно тогда СМИ, общественность и политические деятели заговорили о новой форме правого экстремизма – «имперских гражданах» (Reichsbürger). Что касается немецких спецслужб, то для них существование «имперских граждан» на протяжении нескольких лет не являлось особым секретом. Однако в большинстве случаев власти относились к ним как к безобидным городским маргиналам, о чем свидетельствует отсутствие какого-либо упоминания о них в ежегодных докладах Федерального ведомства по охране Конституции. И только после стрельбы в Георгенсгмюнде государство обратило на новое движение пристальное внимание, а министр внутренних дел Т. де Мезьер поручил спецслужбе взять под наблюдение «имперских граждан».

Кто же такие «имперские граждане» и «суверенисты»? Какова их структура и численность? И насколько велика опасность, которая исходит от этого движения?

Условной точкой отчета возникновения движения может служить 1985 год, когда в результате шумной кампании правых экстремистов по «восстановлению Германского рейха» было создано «Временное имперское правительство», «возглавляемое» бывшим сотрудником немецкой железной дороги Вольфгангом Гюнтером Эбелем (1939–2014). Именно оно во многом стало образцом для «имперских граждан», определив на многие годы их идеологию и тактику.

Специальный доклад Федерального ведомства по охране Конституции, программные документы и интернет-ресурсы самих «имперских граждан» позволяют вычленить из причудливого «винегрета» эзотерики, теорий заговора и псевдоюридической казуистики базовые элементы, которые в той или иной степени разделяет большинство представителей движения.

1. Краеугольным камнем идеологии «имперских граждан» и «суверенистов» является отрицание легитимности существования ФРГ, которое основано на двух ложных тезисах: продолжающаяся оккупация Германии тремя

союзными державами и приравнивание международных договоров и обязательств к внешнему контролю над страной.

«Обобщая, можно констатировать, что высшая власть на оккупированной территории по-прежнему осуществляется тремя оккупационными державами. Созданный орган управления под названием “ФРГ”[11] является длинной рукой трех западных оккупационных держав» [Reichsbürger …2018, S. 9], – говорится в работе одного из идеологов «имперских граждан» Клауса Маурера.

2. Из отрицания легитимности Федеративной Республики вырастает негативное отношение к властям, в первую очередь к полиции, судам, налоговой службе, что в свою очередь неизбежно ведет к конфликтам. Так, на сайте так называемого «Свободного государства Пруссия» арест полицией одного из руководителей был объявлен «вооруженным террористическим нападением на Министерство иностранных дел», а сама полиция была приравнена к «террористической организации» [Freistaat Preussen 2018].

3. Поскольку ФРГ с точки зрения «имперских граждан» не является суверенным государством, то единственной легитимной властью могут считаться существовавшие до 1945 г. государства, правопреемниками которых и считают себя представители движения. При этом далеко не всегда речь идет об апелляции к наследию Третьего рейха. На официальном сайте уже вышеупомянутого виртуального «Свободного государства Пруссия» говорится: «В свободном государстве Пруссия действует Конституция свободного государства Пруссия от 30 ноября 1920 г. и правовой статус на 18 июля 1932 г., за два дня до противоречащего нормам международного права, насильственного и враждебного включения в состав Веймарской республики / Третьего рейха» [Freistaat Preussen 2018][12]. Таким образом, организации «имперских граждан» могут позиционировать себя в качестве «законных» наследников сразу трех государств: Второго рейха (1871–1918), Веймарской республики (1918–1933), Третьего рейха (1933–1945). Однако все они решительно отрицают легитимность Федеративной Республики, ее органов власти и действующее законодательство.

4. Другим важным элементом идеологии «имперских граждан» являются ревизионизм и отрицание существующих границ, которые логичным образом

11. Именно поэтому в публикациях «имперских граждан» и «суверенистов» немецкое государство часто именуется «ООО ФРГ» (BRD GmbH), чтобы подчеркнуть его искусственный характер и полную зависимость от внешних сил.

12. 20 июля 1932 г. глава правительства Пруссии, социал-демократ и активный противник нацистов, Отто Браун был смещен со своего поста, а его полномочия перешли к канцлеру Францу Папену, активному стороннику союза с Гитлером и НСДАП. Переворот 20 июля стал важным шагом в процессе демонтажа Веймарской республики.

проистекают из их апелляции к наследию кайзеровской Германии или Третьего рейха. В специальном докладе Федерального ведомства по охране Конституции приводится позиция «Правительства Германского рейха в изгнании» по территориальному вопросу: «Понятие “воссоединение” вводит в заблуждение, поскольку были объединены только две части Германии, Федеративная республика Германия (Западная Германия) и Германская демократическая республика (Центральная Германия), Восточная Германия[13] по-прежнему остается оккупированной, а такие страны как Австрия, Люксембург или Лихтенштейн пребывают пока в статусе малых государств» [Reichsbürger 2018, S. 10].

5. И наконец, следует отметить общую склонность представителей движения к различным теориям заговора, в частности уже ставшей классической в ультраправых кругах концепцией контроля планеты кучкой финансистов и банкиров.

Как мы видим, взгляды «имперских граждан» во многом совпадают с идеологией традиционных правоэкстремистских организаций и партий. Общие для обоих лагерей отрицание ФРГ, расистские предрассудки, исторический ревизионизм вместе со склонностью к конспирологии служат своеобразным «мостиком» для проникновения правоэкстремистских идей в среду «имперских граждан».

Достаточно интересен социальный и организационный профиль этого движения. По данным Федерального ведомства по охране Конституции на июнь 2019 г., численность «имперских граждан и суверенистов составляла 19 000 человек» [Aktuelle Zahlen 2019]. В специальном докладе спецслужбы, посвященном движению «имперских граждан», отмечается, что в абсолютном большинстве случаев (74%) речь идет о мужчинах в возрасте старше 40 лет [Reichsbürger 2018, S. 13], которые проживают в небольших городах или сельской местности[14]. Иными словами, речь идет о классическом электорате правопопулистских и праворадикальных партий. При этом нужно подчеркнуть, что само движение «имперских граждан» и «суверенистов» подобно слоеному пирогу состоит из нескольких групп, чьи мотивы и модели поведения могут существенно различаться.

13. Речь идет об утраченных Германией после Второй мировой войны территориях Пруссии и Силезии, которые были разделены между Советским Союзом и Польшей.

14. Это обстоятельство во многом объясняется тем, что именно в сельской местности и небольших городках социально-экономические условия хуже, государственный аппарат слабее, а активность партий и общественных организаций значительно ниже, чем в крупных метрополиях (Берлин, Мюнхен, Дюссельдорф). Именно ощущение ненужности для правительства и местных властей способствует распространению в этой среде экстремистских идей.

1. Граждане, которые вследствие социально-экономических (потеря работы, закрытие предприятия) или же личных причин оказались на обочине жизни, во многом утратив связи с обществом. В условиях потери ориентиров и глубокой фрустрации столь популярные в среде «имперских граждан» теории заговора союзных держав или мирового финансового капитала против Германии дают простое и понятное объяснение причин их личных проблем. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что «должность» главы правительства или министра иностранных дел самопровозглашенного государства выполняет для этих людей компенсаторную функцию, повышая их статус в собственных глазах. В этом отношении весьма показательна история Томаса Патцлаффа, рядового участника движения. «Томас Патцлафф работал в ГДР специалистом по электронике. […] После объединения он потерял работу и это стало первым верным признаком того, что в Федеративной республике что-то идет не так, что есть тайные силы, которые пытаются подорвать экономическую продуктивность немцев» [Keller 2017, S. 42]. Именно поиск «тайных сил» и привел в конечном счете Патцлаффа к «имперским гражданам».

2. «Суверенисты», считающие себя вполне самодостаточными и стремящиеся получить свободу от государства путем выхода из гражданства и отказа платить налоги.

3. Дельцы, умело использующие движение для получения прибыли за счет продажи «удостоверений личности» или «водительских прав», а также проведения специальных семинаров и тренингов[15].

4. И наконец, четвертую группу составляют правые экстремисты, которым в условиях отсутствия каких-либо шансов на получение политической власти идеология «имперских граждан» позволяет построить свой «минирейх» на немецкой земле. Неслучайно основателем «Свободного государства Пруссия» стал бывший функционер НДПГ Р. Хенниг [Begrich, Speit 2017, S. 35]. Их количество на 2019 г. спецслужбы оценивали в 950 человек, что составляет лишь 5% от общей численности движения [Aktuelle Zahlen 2019]. Однако эта относительно небольшая цифра не должна ни в коей мере вводить исследователя в заблуждение. Во-первых, оценка численности «имперских граждан», а вместе с ними и правых экстремистов в их рядах носит пока относительный характер и может быть скорректирована в сторону увеличения.

15. Примером может служить деятельность Петера Фитцека, руководителя самопровозглашенного «Королевства Германия» (Königreich Deutschland), который с 2009 по 2013 г. собрал со своих сторонников под различными предлогами (организация собственного «банка», продажа удостоверений, страховых полисов и т.д.) порядка 1,3 млн евро. В 2017 г. суд приговорил его к 2,5 годам тюрьмы за мошенничество [Baeck J-P. 2017, S. 67–68].

Это прямо признает и Федеральное ведомство по охране Конституции, которое еще в конце 2016 г. оценивало потенциал движения в 10 тыс. человек. Во-вторых, вследствие личных контактов или пропаганды часть «имперских граждан» и «суверенистов» может радикализоваться и перейти на правоэкстремистские позиции.

В организационном плане движение также далеко от гомогенности. Наряду с такими виртуальными «государствами» как «Республика Баден» или «Свободное государство Пруссия», насчитывающие несколько сот членов и имеющие свои «правительства», паспорта и т.д., существуют небольшие общины «имперских граждан» и «суверенистов». Однако большинство представителей движения никак не структурированы и являются одиночками-маргиналами. Именно гетерогенность и разнородность движения, по-видимому, способствовали тому, что оно долгое время находилось вне поля зрения спецслужб.

Проанализировав идеологию, структуру и численность «имперских граждан», нельзя обойти вниманием вопрос о том, какую реальную угрозу представляет это движение для государства и общественного порядка. Пока активность представителей движения ограничивалась выдачей «паспортов», рассылкой писем в официальные инстанции с требованием признать их суверенитет, для властей они долгое время находились на одном уровне с реконструкторами, хиппи и другими представителями субкультур. Однако выстрелы в Георгенсгмюнде отчетливо продемонстрировали, что органы государственной власти имеют дело не с безобидными маргиналами, а с достаточно опасным радикальным течением. Отрицание действующей политической системы, склонность к насилию и наличие значительного арсенала оружия (около 1000 единиц) делают это движение достаточно опасным для политической системы, а тесные связи на коммунальном уровне с правоэкстремистскими организациями или «Альтернативой для Германии» позволяют некоторым исследователям говорить о потенциальной «подпольной армии»[16].

Именно поэтому с конца 2016 г. полиция и Федеральное ведомство по охране Конституции взяли под наблюдение деятельность движения и регулярно стали проводить обыски у «имперских граждан» на наличие незаконного оружия.

16. Не меньшую угрозу представляет проникновение идеологии «имперских граждан» в ряды армии и полиции. Так, в феврале 2019 г. от занимаемой должности был отстранен подполковник элитного подразделения спецназа бундесвера, который симпатизировал движению «имперских граждан» [Bundeswehr, 2019].

Идентаристское движение: Контрреволюция по Грамши

Если в идеологии «имперских граждан» правый экстремизм нашел тихую гавань, бастион во враждебном политическом окружении, то совсем иным образом дело обстояло с идентаристским движением. Возникнув в ФРГ в 2012 г. первоначально как виртуальный проект, оно быстро обзавелось политическими «мускулами» в виде нескольких сотен членов и нескольких десятков тысяч симпатизантов. И хотя численность идентаристов относительна невелика и, по данным Федерального ведомства по охране Конституции, на 2018 г. составляла около 800 человек, значимость (а вместе с ним и опасность) движения определяется той стратегией, которую оно преследует.

С самого начала идентаристское движение рассматривало себя в качестве новой силы, которая должна вывести националистов из того политического «Синая», в который их завели «старые правые». «Если бы в годы моей юности существовала политическая альтернатива, подобная “идентаристскому движению”, то я бы ни за что в жизни не связался с нацистами» [ErkD. Martin Sellner 2017], – заявил лидер идентаристов Австрии Мартин Зельнер. И действительно, ни попытки НДПГ и «Немецкого народного союза» играть на поле парламентской политики, ни уличный террор скинхедов не привели правых радикалов к заветной цели – политической власти. Именно поэтому идентаристы пошли по пути радикального пересмотра как программы, так и тактики действий, в чем им «помогли» … левые мыслители и философы, в первую очередь итальянский коммунист Антонио Грамши. В своих знаменитых «Тюремных тетрадях» он развивал идею о том, что господство правящего класса в обществе зиждется не только на силе или материальных факторах, но и на культурной гегемонии, под которой он понимал одобрение большинством населения политики элиты. Задача же левых заключается в том, чтобы посредством неустанной каждодневной пропаганды и работы с населением совершить революцию в сознании (теория «молекулярной революции»), чтобы затем взять политическую власть.

Анализируя спустя почти 50 лет опыт левых, в том числе и А. Грамши, французский правый мыслитель и основатель идентаристского движения во Франции Ален де Бенуа переосмыслил его и попытался поставить на службу правым. В своей книге «Новая правая» он отмечает, что победа левых стала возможна благодаря доминированию в прессе, на телевидении и в университетах [Speit 2018, S. 30]. Именно идея борьбы за культурное пространство благодаря А. Бенуа и его работам прочно вошла в арсенал идентаристского движения, и вот один из лидеров идентаристов Марио Мюллер в книге «Контркультура» говорит о том, «…что власть находится не в руках политических институтов и их представителей, а в невидимом гравитационном

центре “культурной гегемонии”. В то время как политические партии спорят из-за власти, им следовало бы понять, что политическим изменениям должны предшествовать культурные изменения» [Speit 2018, S. 30].

Ставка на завоевание культурной гегемонии потребовала от идентаристов серьезного изменения программных установок и методов агитации среди населения. Традиционный для НДПГ и неонацистов расизм и антисемитизм были заменены идеей культурной несовместимости между европейцами и мусульманами, а также критикой либерализма и мультикультурализма за атомизацию общества и подрыв его культуры[17]. Что касается политической пропаганды, то и здесь идентаристы пошли дальше, заменив излюбленные «старыми» правыми полувоенные марши и шествия яркими акциями. «Наставником» молодых националистов выступил другой левый мыслитель Ги Дебор, автор нашумевшей книги «Общество спектакля», в основе которой лежала идея о том, что в условиях победы индустрии развлечений все общественные отношения или явления представляют собой спектакль. К наиболее резонансным акциям идентаристов относятся вывешивание баннера на Бранденбургских воротах в Берлине с логотипом движения[18] и аренда морского судна в Средиземном море для борьбы с незаконными мигрантами. Эти и другие акции привлекли внимание не только общественности и массмедиа, но и немецких спецслужб. Причиной послужила не только активность движения, но и наличие в рядах идентаристского движения сторонников неонацистских и расистских взглядов, а также тесная связь идентаристов с экстремистскими организациями. В 2016 г. организация была взята Федеральным ведомством по охране Конституции под наблюдение, а в июле 2019 г. спецслужба однозначно квалифицировала «Идентаристское движение» как правоэкстремистское, поскольку «деятельность “Идентаристского движения в Германии» в конечном счете направлена на то, чтобы исключить граждан неевропейского происхождения из участия в демократическом процессе и дискриминировать их унижающим человеческое достоинство образом», отмечается на сайте ведомства [Bundesamt 2019].

17. Как мы видим, базовые установки идеологии идентаристского движения совпадают с программами современных правопопулистских партий, что во многом обусловливало сотрудничество идентаристов с «Альтернативой для Германии» и «Австрийской партией свободы».

18. Своим символом идентаристы выбрали греческую букву ламбда, которая представляет отсылку к спартанскому царю Леониду, герою сражения в Фермопильском ущелье против персидской армии в 480 г. до н.э. Тем самым проводится мысль о том, что идентаристское движение является тоже защитником европейской цивилизации от нашествия с Востока.

Автономные националисты: Улицы ждут наших шагов

Идея небольших автономных или подпольных групп, ведущих борьбу против «системы» и политических врагов, никогда не была новой в правоэкстремистской среде ФРГ. Деятельность военно-спортивной группы Гофмана[19] является наглядным тому подтверждением. Однако именно с середины 2000-х годов автономный национализм стал стремительно набирать популярность у ультраправых.

Для вышедшего на сцену поколения радикально настроенных и жаждущих акционизма поколения «миллениумов» и НДПГ, и наци-скинхеды с их тактикой были атавизмом прошлой эпохи. О том, насколько были велики различия между «старыми» и «новыми» правыми, отчетливо видно из интервью бывшего участника группы автономных националистов Дортмунда, которое он на условиях анонимности дал авторам книги «Новые нацисты». На вопрос о том, что побудило его перейти от скинхедов к автономным националистам, он дал такой ответ:

«Главным у скинхедов было: напиться на выходных, сходить на концерт и собирать диски с нацистскими песнями. У автономных националистов ситуация выглядела совершенно иным образом; основное внимание уделялось постоянному активизму» [Staud, Radke 2012, S. 227]. Наряду с хорошей организацией другим преимуществом автономного национализма была относительная свобода в выборе одежды, музыки, стиля поведения в повседневной жизни[20]. «Лозунг понравился мне: “Живи, как ты хочешь, пока ты пропагандируешь нашу идеологию”» [Staud, Radke 2012, S. 226]. Именно хорошая организованность наряду с отсутствием мелочного контроля за поведением членов группы и обеспечили приток националистически настроенной моло-

19. Военно-спортивная группа Гофмана (Wehrsportgruppe Hoffmann) – неонацистская террористическая организация, действовавшая на территории ФРГ с 1973 по 1980 г. под руководством Карла-Хайнца Гофмана. Члены организации организовали теракт на Октоберфесте 26 сентября 1980 г., в результате которого погибли 13 человек, а также убийство бывшего главы еврейской общины Нюрнберга и его жены. После этого организация была разгромлена, а сам Гофман арестован и приговорен к 9,5 годам тюрьмы.

20. Если наци-скинхеды требовали от членов группы придерживаться определенного стиля в одежде (бритая голова, ботинки фирмы Dr. Martins с белыми шнурками, куртки-бомберы), музыке (популярная в среде неонацистов музыкальная группа Landser) и еде (запрет на турецкую кухню), то в среде автономных националистов допускался рэп, панк-рок, черные балахоны. Такой относительный «плюрализм» объясняется, во-первых, стремлением привлечь в свои ряды как можно больше молодежи, а во-вторых, желанием не выделяться из толпы, чтобы избежать проблем с полицией и левыми радикалами.

дежи в ряды автономных националистов, что, в свою очередь, привело к напряженным отношениям между обеими субкультурами.

Не менее сложными у автономных националистов были отношения и с НДПГ, чьи попытки играть на поле парламентской политики не встречали особого понимания у радикальной молодежи, ввиду их очевидной бесперспективности. Контакты дортмундцев со «стариками» ограничивались тем, что они за денежное вознаграждение перед выборами расклеивали партийные плакаты [Staud, Radke 2012, S. 237].

Таким образом, как и в случае с идентаристским движением автономный национализм представлял еще одну реакцию на кризис «старых правых», с той лишь разницей, что ставка здесь делалась скорее не на пропаганду, а на уличное насилие. Не случайно современные группы автономных националистов возникли именно в Дортмунде, там где НДПГ никогда не имела прочных позиций.

«Учителями» автономов вновь выступили левые, у которых они переняли стиль одежды, идею коммун и организацию уличной работы. Так, члены упомянутой выше общины автономных националистов в Дортмунде компактно селились в районе Дорсфельд, их распорядок был четко расписан (семинары и лекции, участие в митингах и демонстрациях и т.д.). Особо стоит отметить организацию борьбы с политическими оппонентами (панками, левыми, инакомыслящими), которая была на порядок профессиональнее, чем у скинхедов. Если нападения последних носили в большинстве случаев спонтанный характер, то автономы проводили свои «акции прямого действия» на высоком профессиональном уровне. «У каждого была своя задача. Один должен был найти место жительства жертвы. После этого разрабатывался детальный план действий. Детали обсуждались только в узком кругу, такие руководители как Деннис Гимш никогда не марали руки. На дело отправляли людей, которые находились внизу иерархии» [Staud, Radke 2012, S. 233]. Лишь по счастливой случайности никто из жертв нападений автономных националистов не погиб.

Если в середине 2000-х годов оплотом автономных националистов в ФРГ являлись Дортмунд, Берлин и регионы на востоке страны (Саксония, Тюрингия, Росток) а носителями – радикально настроенная молодежь, то с началом миграционного кризиса он стал менять как географическое, так и социальное измерение. Если приток сотен тысяч беженцев из Сирии и Ирака, очевидная неспособность властей предложить «дорожную карту» по решению проблемы и совершенные мигрантами преступления, самыми резонансными из которых стали сексуальные домогательства в новогоднюю ночь 2016 г. в Кёльне и убийство немецкого гражданина в Хемнице в августе 2018 г., стали «хворостом», то активная пропаганда националистических групп (НДПГ и ряда представителей «Альтернативы для Германии») стали «спичкой», от

которой вспыхнул пожар правого насилия. Начавшись с поджогов общежитий беженцев и акций протеста против размещения мигрантов в городах и коммунах, оно стало приобретать все более организованные формы. «Новая волна» автономного национализма и по социальному составу, и по тактике существенно отличалась от предшественников из Дортмунда или Берлина. Если костяк автономных националистов из Рурской метрополии составляла преимущественно молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, то начиная с 2015 г. в криминальной хронике все чаще начинают фигурировать граждане среднего возраста (30–40 лет), многие из которых ранее никак не были связаны с правоэкстремистскими организациями[21]. В докладе Федерального ведомства по охране Конституции за 2018 г. отмечается, «…что подобного рода процессы радикализации не обязательно обусловлены включением в правоэкстремистскую среду или принадлежностью к правоэкстремистской группировке» [Verfassungsschutzbericht 2018, S. 59].

Что касается тактики возникших на волне миграционного кризиса правоэкстремистских групп, то за образец для себя они взяли «Национал-социалистическое подполье», неонацистскую группировку, которая на протяжении 13 лет безжалостно убивала иностранцев преимущественно турецкого происхождения [Белинский 2017, с. 136–162]. Это сходство отчетливо видно по деятельности таких правоэкстремистских организаций, как «группа Фрайталь», «Северные орлы», «товарищество арийцев». Уже процитированный нами выше доклад немецкой спецслужбы дает наглядное представление о степени опасности, исходившей от этих террористических групп. «26 сентября 2016 г. обвиняемый (“группа Фрайталь”. – *А. Б.*) взорвал трубчатые бомбы у мечети Фатих и у фасада международного конгресс-центра в Дрездене. Оба здания получили повреждения. Люди не получили ранений» [ibid]. Благодаря быстрым и решительным действиям полиции и спецслужб все три группы были «сбиты» на старте, не сумев превратиться в «Национал-социалистическое подполье – 2».

Наряду с возросшим уровнем милетантизма и втягиванием в экстремистскую деятельность представителей различных слоев общества еще одной отличительной чертой правого экстремизма за последние четыре года стал рост насилия в отношении представителей демократических партий и государственной власти, чего Германия не знала со времен Веймарской республики. Если жертвами наци-скинхедов и автономных националистов становились

21. Большую тревогу вызывает распространение правоэкстремистских идей в полиции и бундесвере. В связи с этим следует отметить нашумевшее дело офицера бундесвера Франко А., который планировал ряд терактов против политиков. Он был задержан в 2017 г. в аэропорту Вены, когда пытался вынести из тайника пистолет и патроны [Grunau, 2019].

преимущественно мигранты, антифашисты, представители молодежных субкультур, то начиная с 2015 г. жертвами нападок ультраправых активистов и групп стали все чаще становиться журналисты, депутаты земельных парламентов и в особенности местные активисты и бургомистры городов. Это было связано с тем, что именно они занимались размещением беженцев и в глазах правых экстремистов и разгневанных граждан несли главную ответственность за все издержки миграционного кризиса и в то же время по сравнению с другими государственными служащими находились в более уязвимом положении. «Мартин Барманн, муниципальный депутат (Свободная демократическая партия. – *А. Б.*), в саксонском Майсене как раз хотел высказаться по повестке заседания, созданию общежитий для беженцев, как ему в затылок угодила ручка, дешевая пластиковая ручка, белая с синей надписью. […] Когда Барманн обернулся, он увидел враждебные гримасы. Хотя в зале было 80 слушателей, никто не захотел указать на злоумышленника. Вместо этого представитель СвДП и его коллеги подверглись оскорблениям как “предатели народа”» [Amann, Baumgärtner 2015, S. 19]. Если инициатива Барманна закончилась «лишь» публичной обструкцией, то другим общественным и политическим деятелям повезло гораздо меньше. 17 октября 2015 г. накануне выборов бургомистра Кёльна на Генриетту Рекер (ХДС) было совершено нападение, в результате которого она получила тяжелое ножевое ранение, 2 июня 2019 г. прямо у своего дома был застрелен бывший председатель муниципального надзорного совета Касселя Вальтер Любке [Was über 2019]. Оба покушения были совершены правыми экстремистами, причем в первом случае речь шла об «одиноком волке», а во втором – о небольшой террористической группе. Причиной нападения на Рекер и Любке стала их поддержка беженцев в ходе миграционного кризиса. Слова В. Любке о том, что критики миграционной политики правительства могут покинуть Германию, вызвала шквал ярости на националистических сайтах и форумах. На протяжении нескольких лет он постоянно получал письма с угрозами, которые в конечном счете обернулись выстрелами 2 июня.

Таким образом, за прошедшие 15–20 лет правый экстремизм в ФРГ претерпел существенные изменения. Они сводятся к следующему.

1. «Старые» правые либо исчезли («Немецкий народный союз», скинхеды), либо переживают глубокий кризис (НДПГ), поскольку не сумели приспособиться к новым условиям.

2. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция к снижению удельного веса организованного правого экстремизма (см. табл. 2). Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием крупных успехов на электоральном поле, а с другой – появлением сильного конкурента в лице «Альтернативы для Германии», которая смогла оттянуть у НДПГ и других правоэкстремистских партий часть электората и партийных кадров.

3. На смену старым пришли новые формы правого экстремизма, наибольшую опасность из которых представляют «имперские граждане», иденитаристское движение и в особенности автономные националисты. Ситуация усложняется тем, что в случае с «имперскими гражданами» и автономными националистами речь идет о диффузных, неструктурированных формах правого экстремизма, в рамках которого отдельные лица и группы слабо или вовсе не связаны с другими экстремистами. Это обстоятельство существенно затрудняет полиции и спецслужбам работу по внедрению агентуры и предотвращению преступлений[22].

4. В последние годы, и в особенности с начала миграционного кризиса в 2014–2015 гг., значительно выросло число насильственных преступлений (убийства, поджоги, причинение физического вреда). При этом жертвой правого экстремизма все чаще становятся не только мигранты или левые активисты, но и представители органов власти, что свидетельствует о качественном изменении ситуации.

5. Наблюдается распространение правоэкстремистской идеологии среди обычных граждан, которые ранее не были вовлечены в политическую жизнь. Еще бóльшую обеспокоенность вызывает наличие сторонников экстремистских организаций в рядах полиции и бундесвера.

6. Большую опасность для демократии представляет проникновение правых экстремистов в ряды «Альтернативы для Германии». Они могут использовать партию для ее радикализации и получения доступа к власти (Бундестаг, ландтаги). Хотя руководство АдГ официально открещивается от любых связей с правыми экстремистами, в «новых» федеральных землях нередки случаи, когда бывшие члены НДПГ или неонацисты сумели проникнуть в ряды партии[23].

Все эти изменения требуют как от спецслужб, так и от представителей политических и общественных организаций выстраивать новую архитектуру безопасности и вырабатывать более эффективные способы борьбы с правым экстремизмом.

22. Впрочем, как показало дело «Национал-социалистического подполья» наличие в окружении группы нескольких агентов Федеральной службы по охране Конституции не смогло помешать преступлениям, поскольку они вели двойную игру.

23. Так, по информации журнала Der Spiegel, Андреас Кальбитц, возглавляющий список «Альтернативы для Германии» на выборах в ландтаг Бранденбурга, в 2007 г. вместе с членами НДПГ принял участие в неонацистском марше в Афинах [Kalbitz, 2019].

Таблица 2

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПРАВОЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ТЕЧЕНИЙ С 2014 ПО 2018 г.[1]

	2014	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*
НДПГ	5200	5200	5000	4500	4000
Третий путь	200	300	350	500	530
«Правые»	500	650	700	650	600
Другие правоэкстремистские организации[2]	950	500	500	400	380
В независимых от партий или не связанных с ними структурах[3]	2500	3200	3500	6300	6600
Неструктурированный правый экстремизм	12 800	14 000	14 000	12 900	13 240
Всего	22 150	23 850	24 350	25 250	25 350
С учетом членства в нескольких организациях	21 000	22 600	23 100	24 000	24 100
Склонные к насилию	10 500	11 800	12 100	12 700	12 700

[1] Таблица составлена по материалам ежегодных докладов Федерального ведомства по охране Конституции за 2016 и 2018 гг. [Verfassungsschutzbericht 2016, S. 40], [Verfassungsschutzbericht 2018, S. 50].

[2] Речь идет о небольших правоэкстремистских организациях «Гражданское движение за Северный Рейн-Вестфалию» (Bürgerbewegung pro NRW) и «Союз свободных граждан» – (Freie Bürger Union).

[3] Сюда, в частности, относятся экстремистски настроенные «имперские граждане» и члены «Идентаристского движения».

Библиография

Белинский А.В. «Он снова здесь»: дело «Национал-социалистического подполья» и угроза правого терроризма в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 136–162.

Сумленный С. Немецкая система: Из чего сделана Германия и как она работает. М.: ЗАО «Группа Эксперт», 2010. 456 с.

Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М.: Издательство Европа, 2007. 552 с.

Aktuelle Zahlen der «Reichsbürger und Selbstverwalter» // Bundesamt für Verfassungsschutz. 2019. 30 Juni. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/aktuelles/zur-sache/zs-2019-001-reichsbuerger-selbstverwalter-aktuelle-zahlen-juni-2019 (дата обращения: 13.08.2019).

Amann M., Baumgärtner M., Feldenkirchen M., Knobbe M., Müller A.K., Neubacher A., Schindler J. Aufstand der Ängstlichen // Der Spiegel. 2015. 12 Jan. N 51. URL: https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-140390005.html (дата обращения: 14.08.2019).

Apfel H. Irrtum NPD. Ansichten – Einsichten – Erkenntnisse. Ein Vierteljahrhundert in der NPD. Gerhard Hess Verlag, 2017. 380 S.

Baeck J-P. Wenn er König von Deutschland wäre. Peter Fitzek und sein Imperium in Wittenberg, in: Speit A. (Hg.) Reichsbürger. Die unterschätzte Gefahr. Berlin: Christoph Links Verlag, 2017. 215 S.

Bergich D., Speit A. «Heiliges Deutsches Reich». Reichsidee und Reichsideologie, in: Speit A. (Hg.) Reichsbürger. Die unterschätzte Gefahr. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 215 S.

Büchel H. Das ist das Reich des tötenden «Reichsbürgers» // Die Welt plus. Berlin, 2016. 20. Okt. Mode of access: https://www.welt.de/politik/deutschland/plus158930445/Das-ist-das-Reich-des-toetenden-Reichsbuergers.html (дата обращения: 10.07.2019).

Bundeswehr suspendiert Elitesoldaten. Der Spiegel. 2019 8 Jan. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-elite-soldat-daniel-k-wegen-reichsbuerger-verdacht-suspendiert-a-1252217.html (дата обращения: 17.07.2019).

«Das ist das Aufblühen von etwas Gefährlichem» // Der Spiegel online. Hamburg, 2018. 01. Sept. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-chronologie-zu-den-ausschreitungen-in-sachsen-a-1226103.html (дата обращения: 14.06.2019).

Das Völkerrechtssubjekt Freistaat Preußen – völkerrechtskonform legitimer Rechtsnachfolger des Königreichs Preußen // Freistaat Preußen. 2012. 19. Okt. URL: https://freistaat-preussen.world/application/files/3715/5153/8083/Das_Voelkerrechtssubjekt_Freistaat_Preussen.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

Ein Dorf, das ganz rechts außen liegt // Die Welt. 2009. 17 Sept. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article4550870/Ein-Dorf-das-ganz-rechts-aussen-liegt.html (дата обращения: 17.07.2019).

Erk D. Martin Sellner hört hip-hop und hasst den Islam // Zeit Campus. 2017. 05. Okt. URL: https://www.zeit.de/campus/2017/05/rechtradikalismus-martin-sellner-instagram (дата обращения: 14.06.2019).

Grunau A. Fakten und Fragen zum Fall Franco A. // Deutsche Welle. 2019. 25. Apr. URL: https://www.dw.com/de/fakten-und-fragen-zum-fall-franco-a/a-43511651 (дата обращения: 17.07.2019).

Kalbitz war mit NPD-Funktionären bei Neonazi-Aufmarsch in Athen // Der Spiegel. 2019. 30. Aug. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-andreas-kalbitz-war-mit-npd-funktionaeren-bei-neonazi-aufmarsch-in-athen-a-1284319.html (дата обращения: 30.08.2019).

Keller G. Sonnenstaat und Lichtgestalten, in: Speit A. (Hg.) Das Netzwerk der Identitären. Ideologie und Aktionen der neuen Rechten. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 262 S.

«Lieber sterben als nach Sachsen» // Der Spiegel. 1991. N 40. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13492514 (дата обращения: 17.07.2019).

Rechtsextremistische Straf – und Gewalttaten // Bundesamt für Verfassungsschutz. 2019. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-rechtsextremismus/zahlen-und-fakten-rechtsextremismus/rechtsextremistische-straf-und-gewalttaten-2018 (дата обращения: 09.06.2019).

Reichsbürger und Selbstverwalter – Staatsfeinde, Geschäftemacher, Verschwörungstheoretiker // Bundesamt für Verfassungsschutz. 2018. Dez. URL: https://www.verfassungsschutz.de/embed/broschuere-2018-12-reichsbuerger-und-selbstverwalter.pdf (дата обращения: 22.05.2019).

Rietig V. Die unterschätzte Einigkeit. Abschiebungen aus Deutschland // Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. 2019. 14. März. URL: https://dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapstandpunkt/die-unterschaetzte-einigkeit (дата обращения: 15.07.2019).

Speit A. Die Entwicklung der Identitären Bewegung in Deutschland, in: Speit A. (Hg.) Das Netzwerk der Identitären. Ideologie und Aktionen der neuen Rechten. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 262 S.

Staud T., Radke J. Neue Nazis. Jenseits der NPD: Populisten, Autonome Nationalisten und der Terror von rechts. Köln, Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2012. 272 S.

Strafanzeige und Strafantrag // Freistaat Preußen. 2018. 11 Jan URL: https://freistaat-preussen.world/application/files/1715/1583/6203/Strafanzeige_Verhaftung_Detlef_11.1.18.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Verfassungsschutzbericht 2016 // Bundesministerium des Innern, 2017. URL: https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2016.pdf (дата обращения: 12.07.2019).

Verfassungsschutzbericht 2018 // Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. 2019. Juni. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/oeffentlichkeitsarbeit/publikationen/verfassungsschutzberichte/vsbericht-2018 (дата обращения: 05.06.2019).

Wahl zum 16. Deutschen Bundestag am 18. September 2005 // Der Bundeswahlleiter. 2005. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2005.html (дата обращения: 12.07.2019).

Was über den Mordfall Lübcke bekannt ist // Der Spiegel. Hamburg, 2019. 27 Juni. URL: https://www.spiegel.de/panorama/justiz/mordfall-walter-luebcke-was-ueber-die-ermittlungen-bekannt-ist-a-1274592.html (дата обращения: 12.08.2019).

References

Aktuelle Zahlen der «Reichsbürger und Selbstverwalter». Bundesamt für Verfassungsschutz. 2019. 30 Juni. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/aktuelles/zur-sache/zs-2019-001-reichsbuerger-selbstverwalter-aktuelle-zahlen-juni-2019 (date of access: 13.08.2019).

Amann M., Baumgärtner M., Feldenkirchen M., Knobbe M., Müller A.K., Neubacher A., Schindler J. Aufstand der Ängstlichen. Der Spiegel. 2015. 12 Jan. N 51. URL: https://www.spiegel.de/spiegel/print/d-140390005.html (date of access: 14.08.2019).

Apfel H. Irrtum NPD. Ansichten – Einsichten – Erkenntnisse. Ein Vierteljahrhundert in der NPD. Gerhard Hess Verlag, 2017. 380 S.

Baeck J-P. Wenn er König von Deutschland wäre. Peter Fitzek und sein Imperium in Wittenberg, in: Speit A. (Hg.) Reichsbürger. Die unterschätzte Gefahr. Berlin: Christoph Links Verlag, 2017. 215 S.

Belinsky A.V. «On snova zdes'»: delo «Nacional-socialisticheskogo podpol'ja» i ugroza pravogo terrorizma v Germanii [«He is here again»: the cause of the National Socialist Underground and the threat of right-wing terrorism in Germany]. Aktual'nye problemy Evropy [Actual problems of Europe]. 2017. No. 4. P. 136–162. (In Russ.)

Bergich D., Speit A. «Heiliges Deutsches Reich». Reichsidee und Reichsideologie, in: Speit A. (Hg.) Reichsbürger. Die unterschätzte Gefahr. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 215 S.

Büchel H. Das ist das Reich des tötenden «Reichsbürgers». Die Welt plus. Berlin, 2016. 20. Okt. Mode of access: https://www.welt.de/politik/deutschland/plus158930445/Das-ist-das-Reich-des-toetenden-Reichsbuergers.html (date of access: 10.07.2019).

Bundeswehr suspendiert Elitesoldaten. Der Spiegel. 2019. 8 Jan. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-elite-soldat-daniel-k-wegen-reichsbuerger-verdacht-suspendiert-a-1252217.html (date of access: 17.07.2019).

«Das ist das Aufblühen von etwas Gefährlichem». Der Spiegel online. Hamburg, 2018. 01. Sept. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-chronologie-zu-den-ausschreitungen-in-sachsen-a-1226103.html (date of access: 14.06.2019).

Das Völkerrechtssubjekt Freistaat Preußen – völkerrechtskonform legitimer Rechtsnachfolger des Königreichs Preußen. Freistaat Preußen. 2012. 19. Okt. URL: https://freistaat-preussen.world/application/files/3715/5153/8083/Das_Voelkerrechtssubjekt_Freistaat_Preussen.pdf (date of access: 10.07.2019).

Ein Dorf, das ganz rechts außen liegt // Die Welt. 2009. 17 Sept. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article4550870/Ein-Dorf-das-ganz-rechts-aussen-liegt.html (date of access: 17.07.2019).

Erk D. Martin Sellner hört hip-hop und hasst den Islam. Zeit Campus. 2017. 05. Okt. URL: https://www.zeit.de/campus/2017/05/rechtradikalismus-martin-sellner-instagram (date of access: 14.06.2019).

Grunau A. Fakten und Fragen zum Fall Franco A. Deutsche Welle. 2019. 25. Apr. URL: https://www.dw.com/de/fakten-und-fragen-zum-fall-franco-a/a-43511651 (date of access: 17.07.2019).

Kalbitz war mit NPD-Funktionären bei Neonazi-Aufmarsch in Athen. Der Spiegel. 2019. 30. Aug. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-andreas-kalbitz-war-mit-npd-funktionaeren-bei-neonazi-aufmarsch-in-athen-a-1284319.html (date of access: 30.08.2019).

Keller G. Sonnenstaat und Lichtgestalten, in: Speit A. (Hg.) Das Netzwerk der Identitären. Ideologie und Aktionen der neuen Rechten. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 262 S.

«Lieber sterben als nach Sachsen» // Der Spiegel. 1991. N 40. URL: https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/13492514 (date of access: 17.07.2019).

Rechtsextremistische Straf – und Gewalttaten. Bundesamt für Verfassungsschutz. 2019. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/af-rechtsextremismus/zahlen-und-fakten-rechtsextremismus/rechtsextremistische-straf-und-gewalttaten-2018 (date of access: 09.06.2019).

Reichsbürger und Selbstverwalter – Staatsfeinde, Geschäftemacher, Verschwörungstheoretiker. Bundesamt für Verfassungsschutz. 2018. Dez. URL: https://www.verfassungsschutz.de/embed/broschuere-2018-12-reichsbuerger-und-selbstverwalter.pdf (date of access: 22.05.2019).

Rietig V. Die unterschätzte Einigkeit. Abschiebungen aus Deutschland. Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. 2019. 14. März. URL: https://dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapstandpunkt/die-unterschaetzte-einigkeit (date of access: 15.07.2019).

Schroeder G. Reshenija. Moja zhizn' v politike [Solutions. My life is in politics]. M.: Publishing house Europe, 2007. 552 p.(In Russ.)

Speit A. Die Entwicklung der Identitären Bewegung in Deutschland, in: Speit A. (Hg.) Das Netzwerk der Identitären. Ideologie und Aktionen der neuen Rechten. Berlin, Christoph Links Verlag, 2017. 262 S.

Staud T., Radke J. Neue Nazis. Jenseits der NPD: Populisten, Autonome Nationalisten und der Terror von rechts. Köln, Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2012. 272 S.

Strafanzeige und Strafantrag. Freistaat Preußen. 2018. 11 Jan URL: https://freistaat-preussen.world/application/files/1715/1583/6203/Strafanzeige_Verhaftung_Detlef_11.1.18.pdf (date of access: 12.07.2019).

Sumleniy S. Nemeckaja sistema: Iz chego sdelana Germanija i kak ona rabotaet [German system: What Germany is made of and how it works]. M.: CJSC Expert Group, 2010. 456 p. (In Russ.)

Verfassungsschutzbericht 2016. Bundesministerium des Innern, 2017. URL: https://www.verfassungsschutz.de/embed/vsbericht-2016.pdf (date of access: 12.07.2019).

Verfassungsschutzbericht 2018. Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. 2019. Juni. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/oeffentlichkeitsarbeit/publikationen/verfassungsschutzberichte/vsbericht-2018 (date of access: 05.06.2019).

Wahl zum 16. Deutschen Bundestag am 18. September 2005. Der Bundeswahlleiter. 2005. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2005.html (date of access: 12.07.2019).

Was über den Mordfall Lübcke bekannt ist. Der Spiegel. Hamburg, 2019. 27 Juni. URL: https://www.spiegel.de/panorama/justiz/mordfall-walter-luebcke-was-ueber-die-ermittlungen-bekannt-ist-a-1274592.html (date of access: 12.08.2019).

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.07

Г.Г. Мачитидзе

СТРАТЕГИЯ В АФГАНИСТАНЕ: АРТЕФАКТ ПРЕЗИДЕНТА Д. ТРАМПА

Достигнутый мир лучше
и надежнее ожидаемой победы.
Марк Туллий Цицерон

Аннотация. *Реализация Стратегии президента Д. Трампа в Южной Азии и Афганистане, как предполагалось, позволит завершить афганский конфликт. Это, в свою очередь, в известном смысле будет способствовать продвижению главных национальных интересов США: победе над терроризмом и демонстрации того факта, что умеренная мусульманская страна в союзе с международным сообществом может добиться успеха. Цель новой стратегии – завершить афганский конфликт на условиях, приемлемых для афганского правительства, а также для региональных и глобальных партнеров. Стратегия Трампа воспринимает Афганистан в региональном контексте, по-новому фокусирует внимание на Пакистане и предоставляет Пентагону свободу действий в вопросе размещения и использования американских сил для поддержки Афганистана и осуществления своей контртеррористической миссии. Стратегия предполагала превращение Афганистана в более стабильное государство, способное – опираясь на ограниченную внешнюю поддержку – защитить своих граждан. Кроме того, в этой стратегии заложена основа для организации переговоров с талибами. США намеревались увеличить военное давление на талибов, а также использовать международные усилия для подготовки дипломатических переговоров с ними; средствами дипломатии предполагалось также повлиять на поведение и планы и талибов, и других афганских игроков. Трамп в своей стратегии отказался от наиболее контрпродуктивных усилий администрации Обамы, в частности от планов по быстрому выводу американских сил из этой страны. Однако ситуация в Афганистане в 2017–2018 гг. стала более опасной, чем ранее, она сопровождалась ростом насилия и ослаблением правительственного контроля в сельской местности. Сомнения относительно выполнимости и полного успеха стратегии остаются.*

Ключевые слова: *Д. Трамп; стратегия в Афганистане; конфликт; терроризм; «Талибан»; Пакистан; Россия.*

Мачитидзе Георгий Григорьевич – кандидат исторических наук, эксперт Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями против ИГИЛ, «Аль-Каиды» и «Талибан»[1] СБ ООН (2014–2019), аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России, Россия, Москва.
E-mail: mggkabul@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAG-5419-2020

G.G. Machitidze. Strategy in Afghanistan: Artifact of President D. Trump

Abstract. *President Donald Trump's strategy in South Asia and Afghanistan, as anticipated, offered the opportunity to end the Afghanistan conflict in a way that advances the core US national interests: defeating terrorism and demonstrating that a moderate Islamic country, aligned with the international community, can succeed. The new strategy focused on bringing the Afghan conflict to an end on terms acceptable to the Afghan government and their regional and global partners. The Trump's strategy has perceived Afghanistan in a regional context, with a renewed focus on Pakistan and it provided Pentagon flexibility in shaping the deployment and use of US forces in support of Afghanistan and the counterterrorism mission. This strategy intended to enable Afghanistan to become a more stable state – one capable of protecting its people with limited outside support – as well as to lay the foundation for bringing the Taliban to the negotiating table. The United States intended to advance the strategy through increasing military pressure on the Taliban, and through the concerted use of international efforts to shape the diplomatic environment, to affect the behavior and calculations of the Taliban and other actors. The Trump strategy corrects the most counterproductive efforts of the Barack Obama administration – the accelerated withdrawal of US forces based on an unrealistic timeline rather than according to conditions on the ground. But in spite of all plans, the security situation in Afghanistan in 2017–2018 became more dangerous, which manifests itself in the rise of violence and the diminishing government control in rural areas. Doubts remain as to the feasibility and ultimate success of the strategy.*

Keywords: *D. Trump; strategy in Afghanistan; conflict; terrorism; «Taliban»; Pakistan; Russia.*

Machitidze Georgy Grigorievich – Candidate of Historical Sciences, Expert (2014–2019) of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team Concerning ISIL (Da'esh), «Al-Qaida» and «Taliban» Pursuant to SC UN Resolutions 1267/1989 and 1988, Analyst, Institute for International Studies MGIMO University, Russia, Moscow. E-mail: mggkabul@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAG-5419-2020

1. Организации, запрещенные на территории Российской Федерации.

Новая стратегия США в Южной Азии и Афганистане

Стратегия США в Южной Азии или, как ее по-другому называют, новая стратегия, представленная президентом США Д. Трампом в Форт-Майере под Вашингтоном 21 августа 2017 г. [Remarks by President Trump 2017], не стала спонтанным событием, а готовилась с момента вступления Трампа в должность. Трампа даже обвиняли в том, что он запаздывает с принятием новой стратегии по Афганистану [Constable 2017]. Логично, что при ее подготовке не мог не учитываться тот опыт в военной и политической областях, который был накоплен американцами в ходе длительного, на тот период 16-летнего, пребывания в Афганистане. Тем более что политика США в Исламской Республике Афганистан (ИРА) за последние годы претерпевала концептуальные изменения под влиянием прежде всего субъективных факторов. Среди таких факторов – различные подходы президентов США и их команд к складывающейся военно-политической обстановке в Афганистане. К тому же, как выясняется, еще в 2013 г. Трамп призывал немедленно вывести американский контингент из Афганистана, соглашаясь с президентом Обамой, и призывал не тратить деньги понапрасну [Seib 2017]. Такую же позицию Трамп занимал в 2015 г., называя в одном из своих интервью афганскую войну «ошибкой» [Rahn 2017].

Американские эксперты из Фонда Чарльза Коха полагают, что с 2001 по 2018 г. США потратили в Афганистане около 2 трлн долл. Только в 2018 г. Америка израсходовала в ИРА 45 млрд долл. [The true costs 2018]. Поэтому не удивительно, что сразу после прихода в Белый дом Трамп был настроен прекратить эти траты. Тем более что за афганским конфликтом закрепилось оскорбительное для Вашингтона название «бесконечная война» [Crocker 2019] – недвусмысленный намек на то, что американцы никак не могут ее победоносно завершить. Однако затем советникам и военным удалось убедить Трампа в том, что выводить США из затруднительного положения, в котором американцы оказались в Афганистане в результате затянувшейся войны, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд [Constable 2017]. Вновь, как и ранее, при президенте Обаме, было предложено направить в Афганистан дополнительные подкрепления под тем предлогом, что в противном случае ситуация станет еще более опасной, создав потенциальные возможности для укрепления позиций ИГИЛ и «Аль-Каиды» в стране. Эту идею поддержал и командующий ВС США и НАТО в Афганистане генерал Джон Николсон [Rubin 2017].

В новых условиях окружение Трампа действовало гораздо осторожнее: количество американских войск в ИРА было увеличено незначительно – с 8400 до 14 000 военнослужащих [The true costs 2018]. И все же логика

подобного решения не совсем понятна: каким образом столь немногочисленное подкрепление могло как-то изменить обстановку в лучшую сторону, если даже направление при Обаме 30-тысячного контингента никак не повлияло на стабилизацию ситуации в стране. Последующие события подтвердили, что частые изменения стратегии США не в полной мере соотносились с ситуацией в Афганистане, поэтому и не могли быть эффективными и успешными.

Новая стратегия США преследовала несколько целей: предотвратить превращение Афганистана в убежище для террористов, откуда они могут планировать и осуществлять нападения на территорию и граждан США, а также на союзников и партнеров США [Wayne 2017]; укрепить Афганские национальные силы обороны и безопасности (АНСОБ), чтобы они – с ограниченной международной поддержкой – могли противостоять насилию в стране; способствовать усилиям афганского руководства обеспечивать безопасность основных экономических центров; активизировать сотрудничество с ИРА в борьбе с терроризмом для защиты общих интересов в Южной Азии [Garamone 2017]. В основу новой стратегии были заложены пять принципов, названные министром обороны США Дж. Мэттисом R4+S: ***укрепление (reinforce), перестройка (realign), регионализация (regionalize), согласование (reconcile) и поддержка (sustain)*** [Lamothe 2017].

Укрепление означает сохранение международного финансирования для выполнения обязательств по поддержанию текущих боевых действий АНСОБ и реализации «дорожной карты» президента ИРА Ашрафа Гани по развитию армии и полиции [Constable 2017]. ***Перестройка*** предусматривает перераспределение военной и гражданской помощи США, выделяемых Афганистану на конкретные цели. Стратегия предполагает, что надлежащая расстановка сил является ключом к повышению уровня безопасности в Афганистане. Основные инициативы по реорганизации включают совершенствование боеспособности и взаимодействия определенных частей АНСОБ. В соответствии с «дорожной картой» президента Афганистана Ашрафа Гани планируется перевести полувоенные полицейские силы из Министерства внутренних дел (МВД) в Министерство обороны (МО). Создаются территориальные силы Афганской национальной армии (ТСАНА), которые будут набираться на местной основе, обучаться национальными военными кадрами, чтобы удерживать освобожденные от вооруженной оппозиции районы и обеспечивать безопасность на этих территориях. ***Регионализация*** предполагает распределение между региональными государствами бремени усилий по урегулированию афганского конфликта и нейтрализацию действий тех стран, кто мешает усилиям США и международной коалиции в Афганистане. В этом же ряду стоят меры по предотвращению угроз Соединенным Штатам, их союзникам и партнерам, а также поддержка процесса политического урегулирования в Афганистане. ***Согласование*** взаимосвязано с долговременным

и всеобъемлющим политическим урегулированием вооруженного конфликта в Афганистане. В ходе текущей военной кампании планировалось усилить силовое давление на талибов, дополнив его политико-дипломатическими мерами со стороны Соединенных Штатов, Афганистана и международных партнеров. ***Поддержка*** должна соизмеряться с устойчивым характером новой стратегии. Усилия по достижению устойчивых политических результатов в Афганистане должны быть выполнимыми при минимальной американской и международной финансовой помощи. Вашингтон намерен работать над достижением афганской самообеспеченности в сфере безопасности, политики и экономики. В долгосрочной перспективе такие достижения сделают возможным неуклонное снижение зависимости афганского правительства от международной поддержки.

Новая стратегия наглядно демонстрирует отказ Белого дома от идеи быстрого вывода американских войск из Афганистана, как планировалось изначально. Советники президента США и генералы из Пентагона не уставали повторять, что поспешный вывод войск из Афганистана создаст вакуум, который будет заполнен боевиками ИГИЛ, «Аль-Каиды» и других террористических организаций, состоящих преимущественно из иностранцев. В частности, министр обороны США Джеймс Мэттис выступил за направление в Афганистан дополнительного контингента американских войск [Gibbons-Neff 2017]. Однако военные, имеющие боевой опыт в условиях Афганистана, скептически отнеслись к этой идее [Sjursen 2017].

Новым моментом в афганской стратегии США стал также отказ от предварительного определения сроков вывода войск из Афганистана и переход к принятию решений на основе реалистичной оценки складывающейся обстановки. Немаловажным положением стратегии является комплексный подход, сочетающий в себе дипломатические, экономические и военные меры [Remarks by President Trump 2017]. Это свидетельствует, что уже в 2017 г. Белый дом был настроен на установление серьезных контактов с талибами, имея в виду политическое урегулирование, в котором должна принимать участие и вооруженная оппозиция. Иными словами, наметился некоторый отход от политики администрации Обамы, которая состояла, главным образом, в поддержке идеи межафганских переговоров, т.е. переговоров исключительно между официальным Кабулом и талибами.

Для новой стратегии США характерен учет регионального подхода для укрепления стабильности в Афганистане и в целом в Южной Азии. Такая политика включает в себя формирование широкого консенсуса по вопросу стабилизации ситуации в Афганистане с упором на региональное экономическое сотрудничество и взаимодействие в рамках мирного процесса. Предполагалось также изолировать талибов и боевиков других террористических организаций от источников внешней поддержки и нейтрализовать негативное

влияние со стороны региональных субъектов. Наиболее важными региональными (вероятно, подразумевается чрезвычайно обширный регион) государствами, которые могут оказать влияние на обстановку в Южной Азии, в Вашингтоне считают Россию, Китай, Пакистан, Иран, Индию, Саудовскую Аравию и страны Центральной Азии.

В Белом доме исходят, в частности, из того, что российско-афганские отношения пострадали из-за общественного признания связей России с талибами и поддержки призывов талибов к выводу коалиции из Афганистана. Действительно, во время общения автора с официальными представителями различных афганских министерств и ведомств в 2017 г. все они, как по команде, утверждали одно и то же: Россия помогает талибам, т.е. оказывает им финансовую помощь и поставляет оружие. Однако при перепроверке этой информации через афганские спецслужбы выяснилось, что никаких доказательств достоверности подобной информации у афганской стороны на самом деле нет[2].

К разряду не соответствующих действительности можно отнести и утверждение о том, что Россия продолжала искать пути ослабления влияния США в регионе [Babb 2017] путем взаимодействия с талибами и распространения информации о поддержке США ИГИЛ [Sarwan, Zahid 2017]. Это якобы делается для оказания идеологического давления на среднеазиатских соседей Афганистана [Marlow 2017].

Неудивительно, что Россия публично назвала новую стратегию «тупиком». Правда, как представляется, ничего удивительного в этом нет, официальные лица США часто сами использовали слово «тупик» (stalemate) для оценки ситуации в Афганистане, несмотря на меняющиеся концептуальные установки [Scranton 2017].

Что касается Китая, то в военной, экономической и политической жизни Афганистана он участвует мало. Гораздо больше Китай заботит его внутренняя безопасность, опасения, что терроризм распространится через афгано-китайскую границу; кроме того, он хочет защитить свои региональные экономические инвестиции. Китай, признавший афганских талибов политической силой, являлся членом Четырехсторонней координационной группы (ЧКГ), которая с 2016 г. не функционирует, и поддерживает усилия официального Кабула и движения «Талибан» в области национального примирения. Несмотря на это Афганистан продолжает добиваться давления со стороны Китая на Пакистан для содействия мирному процессу и ликвидации убежищ вооруженной оппозиции.

2. Из личного архива автора. Встреча с представителями Главного управления национальной безопасности Афганистана. Кабул, 3 марта 2017 г.

Стратегия США направлена также на оказание давления на Пакистан с целью ограничения поддержки и предоставления убежища боевикам террористических и воинствующих группировок, оказания содействия процессу национального примирения в Афганистане и развитию трансграничного сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном. Вашингтон продолжает подозревать пакистанские спецслужбы в причастности к деятельности террористических группировок на территории Афганистана [Babb 2017]. Обвинения в адрес Пакистана в пособничестве талибам перемежаются у администрации США с призывами к сотрудничеству. В частности, предлагалось организовать многостороннюю международную кампанию осуждения политики Пакистана.

В то же время в Вашингтоне не могут не учитывать, что Пакистан угрожает, в случае давления на него, в большей степени опираться на Китай и Россию [Gopalaswamy, Cunningham 2018, p. 6]. В связи с этим стратегия предлагает активизировать работу с Пакистаном, попытаться убедить Исламабад в том, что стабильный Афганистан выгоден и самому Пакистану. Иными словами, нажим на Пакистан со стороны США соизмеряется с необходимостью сохранить здоровые отношения с этой страной, являющейся важным партнером Вашингтона в регионе.

При этом администрация США акцентирует роль Индии в качестве надежного партнера Афганистана и крупнейшего регионального донора, инвестирующего средства в экономическое развитие в регионе – в противовес Пакистану. Нельзя не отметить, что такой подход в определенной степени согласуется и с политикой администрации экс-президента Обамы, направленной на развитие регионального экономического сотрудничества: в 2011 г. бывшая тогда госсекретарем США Х. Клинтон озвучила идею о «новом Шёлковом пути», в соответствии с которой предполагалось обеспечить доступ афганских производителей на огромный индийский рынок [Ayres 2019]. В настоящее время Индия строит здание афганского парламента, предоставляет значительные возможности для обучения афганских офицеров и военнослужащих, оказывает помощь в области безопасности, купив четыре вертолета Ми-35. Соединенные Штаты всячески приветствуют разностороннюю индийскую поддержку Афганистану.

Иран в понимании представителей Белого дома стремится расширить свое влияние, ограничив влияние и военное присутствие США, особенно в западном Афганистане. Отношения США и Ирана в настоящее время не способствуют прямой координации в областях, представляющих взаимный интерес в Афганистане. Однако Вашингтон и Кабул могли бы изучить сферы совпадения интересов обеих стран в отношении Афганистана: в частности в области борьбы с наркотиками и терроризмом, а также в сфере экономического развития. Иран стремится к усилению своего влияния в Афганистане

через правительственные каналы, двустороннюю торговлю, а также культурные и религиозные связи. Конечная цель Ирана – стабильный Афганистан, где шиитские общины будут в безопасности, экономические интересы Ирана защищены, а военное присутствие США сокращено. Иран оказывает некоторую поддержку талибам и публично оправдывает свои отношения с талибами как средство борьбы с распространением ИГИЛ в Афганистане. Как полагают в Вашингтоне, поддержка Ираном движения «Талибан» подрывает доверие к афганскому правительству, усиливает нестабильность в регионе и усложняет реализацию соглашения о стратегическом партнерстве между двумя соседними государствами.

Оценивая афганскую политику Саудовской Аравии, в Белом доме принимают во внимание, что Кабулу интересен, прежде всего, религиозный авторитет этой страны, ее политическая поддержка – и только во вторую очередь поддержка финансовая. Так, афганское правительство придает большое значение широкому признанию мусульманскими странами фетв и заявлений Верховного Муфтия Саудовской Аравии, осуждающего действия террористов и ИГИЛ как несовместимых с исламскими ценностями. Собственно, это и произошло на Международной конференции улемов по вопросам мира и стабильности в Афганистане, которая состоялась в Джидде 10–11 июля 2018 г. Религиозные деятели охарактеризовали действия движения «Талибан» против афганского правительства как «страшную войну», в которой одни мусульмане убивают других мусульман, а учение «Талибана» названо ошибочным [International Ulama Conference 2018].

Пока существует Северная распределительная сеть (СРС), обеспечивающая доставку по морю и железной дороге военных грузов стран НАТО из Европы в Афганистан, – Центральная Азия продолжает оставаться важным регионом для обеспечения безопасности США. Нестабильная ситуация в Пакистане в 2018 г., через который шли основные поставки военных грузов, ускорили решение вопроса о предоставлении американцам транспортных коридоров Баку – Актау, Курык – Сарыагаш – Келес и Бейнеу – Галаба. Важными для США являются каспийские порты Казахстана и железнодорожный переход Галаба – Хайратон на узбекско-афганской границе с конечным пунктом в Мазари-Шарифе [Northern Distribution Network 2018]. Используется и узбекский порт Термез рядом со станцией Галаба. Кроме того, грузы на баржах перевозятся в афганский Хайратон через Амударью. В свете периодически возникающей нестабильности в отношениях с Пакистаном Соединенные Штаты планируют и дальше предпринимать усилия для сохранения устойчивого доступа к Северной распределительной сети, поддержания суверенитета центральноазиатских государств, оказания помощи в наращивании регионального потенциала против транснациональных угроз и развития более тесных связей между государствами Центральной Азии и Афганистаном.

Эволюция стратегии на первоначальном этапе (2017–2018)

В данном разделе статьи предполагается оценить степень успешности и эффективности новой стратегии на ее первоначальном этапе. Возникает естественный вопрос: насколько вообще заложенные в стратегии идеи могли быть реализованы в свете той непростой военно-политической обстановки, которая сложилась в Афганистане?

В новой стратегии речь шла о завершении афганского конфликта на приемлемых для афганского народа и его международных партнеров условиях, а также об укреплении безопасности США в регионе. Справедливости ради следует отметить, что в течение 2017–2018 гг. афганское правительство смогло сохранить контроль над столицами всех провинций, в мае 2018 г. ему удалось предотвратить попытку талибов взять под свой контроль столицу провинции Фарах. Мягкая зима позволила оказывать устойчивое военное давление на талибов и террористические группировки в преддверии боевого сезона 2018 г. Конвенциональные операции сил специального назначения продемонстрировали рост и зрелость АНСОБ, что могло способствовать достижению ими тактического и оперативного успеха на поле боя.

В феврале Центральное командование США (USCENTCOM) выделило дополнительные боевые средства для разведки и наблюдения, штурмовую авиацию, а также транспорт и средства для медицинской эвакуации военнослужащих АНСОБ и коалиционных сил, что должно было способствовать увеличению наступательных возможностей Афганской армии.

После череды хорошо спланированных атак против гражданских лиц и правительственных чиновников была создана Кабульская зона повышенной безопасности. Появление зоны позволило улучшить координацию между афганскими силовыми структурами, повысило качество обмена разведданными. Кроме того, для Пентагона было предусмотрено предоставление большей свободы действий в развертывании и использовании американских войск в Афганистане. Для Военно-воздушных сил США, дислоцированных в Афганистане, новая стратегия означала увеличение количества авианалетов против талибов. До прихода к власти Трампа действия американских ВВС были ограничены, они использовались для самозащиты, для совершения воздушных налетов против отдельных группировок и для достижения афганскими войсками «стратегических эффектов» [Smith 2018]. Однако уже в течение 2017 г. количество воздушных ударов американской авиации в 2 раза превысило количество авиаударов за 2015 и 2016 гг. вместе взятых [US Forces 2018]. Одной из главных целей данной военной кампании против «Талибана» является возврат под контроль Афганского государства территорий, ранее считавшихся вотчиной талибов.

Предпринятые США меры по оказанию поддержки АНСОБ породили у правительства Афганистана надежду на возможное политическое урегулирование с талибами. Официальный Кабул исходил из того, что постоянное военное давление на талибов заставит их отказаться от насилия и прекратить конфликт. Как большой шаг вперед было расценено предложение президента Ашрафа Гани на Второй кабульской мирной конференции в феврале 2018 г. начать переговоры с талибами без предварительных условий, но при сохранении военного давления на них.

Однако снизить напряжение в стране все же не удалось, более того, военно-политическая ситуация в ИРА именно в этот период продолжала деградировать. В 2018 г. талибы контролировали уже более 40% территории Афганистана [Farr 2018], перманентно осуществляя нападения на полицейские блок-посты, военные базы Афганской армии, захватывая склады с оружием и боеприпасами, населенные пункты, перекрывая важные дороги, соединяющие города. Вооруженная оппозиция не ограничивалась только тактикой партизанской борьбы, она проводила боевые операции и крупными силами в 1 тыс. и более боевиков.

В этом отношении весьма показательным примером стало нападение на провинциальный центр Газни. Атака талибов готовилась несколько месяцев, в этот период происходил захват окрестных населенных пунктов. Осуществлялась предварительная нелегальная инфильтрация в город отдельных групп боевиков, которые проводили рекогносцировку на месте, осуществляя подготовку операции. Подтягивались дополнительные подкрепления талибов из провинций Вардак, Заболь и Пактика. В общей сложности были задействованы более 1 тыс. боевиков, среди которых было немало иностранных граждан. Боевики атаковали город ночью сразу с четырех направлений. Методика проведения операции напоминала то, что произошло в Кундузе в 2015 и 2016 гг., когда этот провинциальный центр одноименной провинции на несколько дней оказался в руках талибов.

В результате талибам удалось захватить 80% территории города с населением 280 тыс. человек, включая военную базу Бала Хисар, четыре полицейских участка и другие объекты, за исключением резиденции губернатора и здания Управления национальной безопасности (УНП). Были подбиты два вертолета медицинской эвакуации и часть тяжелой техники АНСБ, выведена из строя трансляционная вышка, обслуживающая государственные и частные теле- и радиоканалы, нарушена телефонная связь, целый ряд объектов сожжены, разрушены мосты, блокированы все основные дороги, ведущие в провинциальный центр, установлены мины на пути следования военных подкреплений Афганской армии. Талибами было захвачено большое количество оружия и боеприпасов, несколько автомашин «Хамви». Более 400 человек были убиты, не менее 200 – ранены, правда, следует отметить, что приблизи-

тельно половину из них составили сами нападавшие[3]. В 2018 г. талибы и другие боевики применили на 36% больше самодельных взрывных устройств, чем в 2017 г. Потери АНСБ с января по август 2018 г. составили 5 тыс. человек. Создание Кабульской зоны повышенной безопасности не сделало столицу Афганистана более безопасным городом, в Кабуле резко возросло количество террористических актов [Farr 2018].

Как мы видим, в области обеспечения безопасности в Афганистане особых успехов достигнуто не было. По-прежнему гибли афганские и американские военнослужащие, наблюдалась террористическая активность многочисленных экстремистских организаций, сторонников ИГИЛ и «Аль-Каиды», от воздушных налетов страдало гражданское население. Дело дошло до сокрытия фактов, демонстрирующих реальную ситуацию в стране. В частности, Генеральный инспектор США по реконструкции Афганистана Джон Сопко отмечал, что впервые с января 2016 г. администрация Трампа запретила ему публиковать сведения относительно количества уездов, которые находятся под контролем талибов, а также о потерях афганских силовиков [O'Connor 2018].

Прекращение огня и совместное празднование талибами и жителями афганских городов и сел мусульманского праздника Ид-уль-Фитра в 2018 г. породили определенные надежды и афганских властей, и у стран, входящих в международную коалицию. Но, как оказалось впоследствии, эти надежды были необоснованными. Эмоциональный порыв, охвативший рядовых боевиков движения «Талибан», был быстро нейтрализован лидерами талибов, призвавших подчиненных немедленно вернуться к исполнению своих прямых обязанностей, иными словами – продолжать воевать [Tenth report 2019].

Приняв решение о продолжении применения военной силы против талибов, Вашингтон в то же время обозначил необходимость использования и дипломатических методов. В формулировке дипломатических целей и разработке путей достижения этих целей участвуют не только США и Афганистан, но и других члены международной коалиции, а также международные партнеры, разделяющие взгляды и цели США [Gopalaswamy, Cunningham 2018].

В 2017 г. президент Трамп утверждал, что после эффективных военных усилий вполне возможно политическое урегулирование; в этот процесс можно включить и представителей движения «Талибан» [Remarks by President Trump 2017]. Трудно сказать, на чем были основаны подобные надежды в условиях ухудшающейся военно-политической ситуации и нежелания талибов садиться за стол переговоров с правительством Афганистана. Тем более что изначально планировалось восстановить контакты, а не переговоры,

3. Из бесед автора с представителями офиса Миссии ООН по содействию Афганистану в провинции Газни 9 сентября 2018 г.

с талибами, причем при полной транспарентности и взаимодействии с Кабулом. А получилось именно так, как того хотели талибы: начались полноценные переговоры между делегациями США и движения «Талибан» без участия афганского правительства, с главным вопросом о скорейшем выводе иностранных войск с территории Афганистана. Приходится констатировать, что талибы добились своего. Надеясь найти оправдание позиции США, некоторые американские эксперты утверждают, что в плане борьбы с афганским крылом ИГИЛ интересы Кабула и талибов совпадают. Причем эту же точку зрения разделяют США и их международные партнеры [Gopalaswamy, Cunningham 2018]. Тогда возникает резонный вопрос: почему талибы жаловались, что во время вооруженных столкновений со сторонниками ИГИЛ боевики движения «Талибан» неоднократно подвергались воздушным налетам, что давало возможность игиловцам выйти из окружения [Afghan Taliban Reports 2018]?

США не могли не учитывать важности регионального аспекта своей афганской политики, демонстрируя как недругам, так и соседям Афганистана стремление США добиться окончания афганского конфликта. Изначально планировалось, что придание значимости региональной политике укрепит афганскую стратегию Трампа, поможет разубедить тех, кто выступает против нее. В связи с этим следует обратить внимание на мнение американских экспертов из Атлантического совета, которые утверждают, что Вашингтон обеспокоен амбивалентной позицией Ирана и России. С их точки зрения, Иран и Россия, с одной стороны, не хотят возвращения талибов и укрепления ИГИЛ в Афганистане, а с другой – не хотят, чтобы мирный процесс привел к длительному присутствию США в регионе. Поэтому американские эксперты рекомендуют Белому дому минимизировать действия Ирана и России в Афганистане. В то же время они указывают на совпадение взглядов США, Ирана и России по таким вопросам, как стабилизация обстановки в Афганистане, совместная борьба против суннитского экстремизма (имея в виду ИГИЛ) и распространения наркотиков. Эксперты предлагают администрации Трампа убедить в этом и других игроков, включая Кабул, и представить заслуживающие доверия гарантии того, что продолжительное, но ограниченное присутствие США в Афганистане не будет представлять угрозы для Ирана и России [Gopalaswamy, Cunningham 2018, p. 6].

Как известно, торговля наркотиками обеспечивает финансирование деятельности талибов, поэтому США возобновили антинаркотические операции в Афганистане, атакуя места производства и хранения наркотиков. Однако эти операции имели ограниченный эффект, так как не были объединены с усилиями по восстановлению соответствующих возможностей афганских правоохранительных органов и регионального сотрудничества по созданию альтернативных сельскохозяйственных программ, которые могли бы заменить

выращивание опийного мака. Между тем эта положительная программа может быть важным полем для реализации совместных интересов Афганистана, Ирана, Пакистана, России, европейских государств и других региональных игроков.

Как уже упоминалось, новым моментом в афганской стратегии США стал отказ от предварительного определения сроков вывода войск из Афганистана и переход к принятию решений на основе реалистичной оценки складывающейся обстановки. В 2017 г. США не были готовы обсуждать вопрос о количестве остающихся войск. Именно этот момент станет впоследствии «камнем преткновения» на переговорах американского дипломата Залмая Халилзада с талибами, которые постоянно требовали от американцев назвать точные сроки вывода войск из Афганистана. Причем речь вообще не шла о том, что какие-то подразделения армии США останутся в Афганистане даже в ограниченном количестве. В то же время нельзя не сомневаться в том, что что-то в данном вопросе осталось «за кадром». Почему-то некоторые американские эксперты, как, например, Макс Бут из Совета по международным отношениям США, неожиданно заговорили о возможном использовании представителей частных военных компаний (ЧВК) в Афганистане. По словам Бута, подобный шаг «добавит новые риски из-за отсутствия ясности во взаимоотношениях между ЧВК и регулярными войсками, в частности, в случаях совершения незаконных действий или при чрезвычайных ситуациях» [Boot 2017]. Это еще и еще раз доказывает, какое важное значение Белый дом придает военному фактору как средству неослабевающего нажима на талибов.

Тезис о достижении политического урегулирования в Афганистане за счет объединения усилий в политико-дипломатической, экономической и военной областях также вызывает некоторые вопросы. США, устав от отсутствия социально-экономических реформ в Афганистане, коррупции, непотизма, наличия опиумной экономики, не хотят заниматься реконструкцией Афганистана и фактически делегируют это право Индии и другим странам. Поэтому пока сохраняются сомнения относительно интеграции усилий в трех упомянутых сферах. Единственное, что действительно удалось сделать в политико-дипломатической области, так это запустить процесс переговоров американской делегации с талибами. Вместе с тем попытка Белого дома предоставить Индии возможность сыграть более важную роль в афганском конфликте не только не остановила Пакистан, а наоборот, укрепила его в осознании собственной правоты в деле использования талибов для оказания влияния на военно-политическую обстановку в Афганистане. Остались без ответа важные вопросы: если Пакистан откажется изменить свою политику в регионе, какие возможности есть у США, чтобы оказать должное давление на Исламабад? И что могут предпринять США, если пакистанцы перекроют

линии коммуникаций, которыми пользуются американские военные для снабжения своих войск в Афганистане [Adhikari 2017].

В новой стратегии Трамп отказывается от реконструкции Афганистана – в отличие от прежней линии США, которая довольно амбициозно была выражена Дж. Бушем-младшим. Буш, в частности, делал акцент не только на борьбу с террористами в Афганистане, но и на создании стабильного и демократического государства, в котором уважаются права человека и государственное управление осуществляется надлежащим образом [Afghanistan 2017]. Трамп четко обозначил задачу США в Афганистане – это борьба с террористами. Только не совсем понятно, кого именно президент США имел в виду: всю вооруженную оппозицию, включая талибов, ИГИЛ, сторонников «Аль-Каиды» или кого-то одного из них. Ведь после 2011 г., когда в соответствии с резолюцией 1988 СБ ООН талибы были выведены из общего с «Аль-Каидой» санкционного перечня в отдельный перечень, на Западе их стали называть повстанцами. В то же время США оказывают помощь Афганской армии в борьбе со всей вооруженной оппозицией на территории Афганистана и, в первую очередь, борьба ведется именно против наиболее мощного отряда вооруженной оппозиции – движения «Талибан».

Рассуждая о реконструкции Афганистана, американцы имеют в виду государственное строительство (nation-building), которое понимается как процесс поиска путей восстановления материальной инфраструктуры в ходе прямой интервенции иностранного государства или государств. При этом предполагается, в том числе, и сотрудничество с местными политическими элитами для достижения политической стабильности по окончании вооруженного конфликта и гражданской войны. Причем государственное строительство затрагивает целый комплекс проблем, касающихся безопасности и «умиротворения», развития инфраструктуры и гуманитарной помощи, надлежащего управления, восстановления законности и общественного порядка. В условиях Афганистана государственное строительство изначально включало в себя и идеологический аспект, направленный на завоевание активной поддержки местного населения, что обычно формулируется как «борьба за сердца и умы» людей.

Как уже упоминалось выше, проект, связанный с государственным строительством в Афганистане, был запущен много лет назад предыдущими администрациями США, однако достигнутые результаты скептически воспринимаются экспертами. Прежде всего, так и не удалось стабилизировать ситуацию в стране и обеспечить безопасность. Инфраструктуру удалось восстановить лишь частично и далеко не во всех регионах страны. Мешали проблемы, связанные с отсутствием безопасности, не было единства в действиях гражданских и военных структур США, находящихся в Афганистане. Эксперимент проходил при доминировании военных и неэффективном граж-

данском участии, сопровождаемом постоянным соперничеством между различными агентствами. В итоге Трамп неожиданно отказался от участия в государственном строительстве в Афганистане, хотя некоторые американские эксперты, как, например, П. Кроули, считают, что это – единственная стратегия, которая может обеспечить уход США из этой страны [Crowley 2017].

Складывается впечатление, что в рамках новой стратегии Вашингтон, демонстрируя всему миру свое стремление стабилизировать ситуацию в Афганистане, одновременно не хочет ни у кого вызвать подозрений, что США не в состоянии за короткий срок добиться положительных результатов и затем покинуть Афганистан. Осознав, что военное давление на талибов не приносит ожидаемых результатов, Белый дом, продолжая использовать военную силу против афганской вооруженной оппозиции, вынужден был сделать акцент на более активном использовании политико-дипломатических инструментов.

Заключение

Анализ положенных в основу новой стратегии США принципов свидетельствует о том, что только первый из них – «укрепление» – выполняется в полном объеме. Действительно сохраняется международное финансирование, внешними донорами выполняются обязательства по поддержанию текущих боевых действий АНСОБ. Как эти средства используются афганской стороной для реализации «дорожной карты» президента ИРА Ашрафа Гани по развитию армии и полиции – это уже другой вопрос, требующий отдельного изучения.

Перевод – в соответствии с принципом «перестройки» – полувоенных полицейских сил из Министерства внутренних дел (МВД) в Министерство обороны (МО) осуществляется крайне медленно: афганские полицейские слабо подготовлены к ведению боевых действий. Территориальным силам Афганской армии, которые набираются из местных жителей, требуется жесткий контроль со стороны афганских властей. В ином случае сохраняется опасность, что часть этих формирований пойдет по пути некоторых подразделений афганской местной полиции: перейдут на сторону вооруженной оппозиции или превратятся в бандформирования, занимающиеся грабежом населения.

Можно с уверенностью сказать, что принцип «регионализации» также не сработал. Распределения между региональными государствами бремени усилий по урегулированию афганского конфликта не получилось. Региональные игроки, действуя на афганском треке, исходили прежде всего из собственных интересов; американцам не удалось нейтрализовать даже Пакистан. Исклю-

чением явилась лишь моральная поддержка процесса политического урегулирования в Афганистане, высказанная всеми региональными государствами.

Принцип «согласования» требовал от США увеличить силовое давление на талибов, дополнив его политико-дипломатическими мерами со стороны Соединенных Штатов, Афганистана и международных партнеров. Силовое давление действительно было увеличено, однако результатов не дало. Талибы, несмотря на большие потери, быстро восполняли людские ресурсы и активизировали нападения по всей стране. Поэтому во второй половине 2018 г. политико-дипломатические шаги стали вынужденной мерой Вашингтона.

Реализация принципа «поддержки» может произойти лишь в отдаленном будущем, если вообще произойдет. Серьезная зависимость афганского правительства от международной помощи сохраняется. Речь о достижении афганской самообеспеченности в сфере безопасности, политики и экономики пока вообще не идет.

Таким образом, вряд ли можно назвать успешной стратегию, четыре из пяти основных направлений которой не выполнены. Вероятно, требуется выработка каких-то новых подходов для поиска путей урегулирования афганского конфликта.

Библиография

Adhikari G. «Big Questions about South Asia» // Center for American Progress. 2017. 25.08. URL: https://www.americanprogress.org/issues/ext/2017/08/25/438029/big-questions-south-asia/ (дата обращения: 01.11.2019).

Afghan Taliban Reports Nearly Eliminating IS Presence in Laghman, Claims U.S. Aircraft Interfered in Operations // SITE Intelligence Group. 2018. 21.06. URL: https://ent.siteintelgroup.com/Statements/afghan-taliban-reports-nearly-eliminating-is-presence-in-laghman-claims-u-s-aircraft-interfered-in-operations.html/ (дата обращения: 01.11.2019).

Afghanistan is now officially James Mattis' war // The Conversation. Melbourne, 2017. 22.08. URL: http://theconversation.com/afghanistan-is-now-officially-james-mattis-war-82823/ (дата обращения: 01.11.2019).

Ayres A. Trump's South Asia policy // Seminar. Web-edition. 2019. N 715. URL: http://www.india-seminar.com/2019/715/715_alyssa_ayres.htm (дата обращения: 31.10.2019).

Babb C. Mattis: Afghan Force Fully Engaged in Combat for First Time in 16 Years // Voice of America. 2017. 03.10. URL: https://www.voanews.com/east-asia-pacific/mattis-afghan-force-fully-engaged-combat-first-time-16-years/ (дата обращения: 31.10.2019).

Boot M. «Trump's Path to Indefinite Afghan War» // Council of Foreign Relations. 2017. 22.08. URL: https://www.cfr.org/expert-brief/trumps-path-indefinite-afghan-war (дата обращения: 31.10.2019).

Constable P. With U.S. general under fire, Afghans fear being abandoned by Trump // Washington Post. 2017. 04.08. URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 31.10.2019).

Crocker R. A Former U.S. Ambassador to Afghanistan Thinks Trump's Exit Strategy Is a Huge Mistake // Intelligencer. 2019. 10.02. URL: http://nymag.com/intelligencer/2019/02/ryan-crocker-trumps-afghanistan-strategy-is-a-mistake.html/ (дата обращения: 30.10.2019).

Crowley P.J. Nation-building is the only way out of Afghanistan // Washington Post. 2017. 25.08. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/nation-building-is-the-only-way-out-of-afghanistan/2017/08/25/2f99a410-890b-11e7-961d-2f373b3977ee_story.html?noredirect=on/ (дата обращения: 01.11.2019).

Farr G. What is happening in Afghanistan? // E-International Relations. 2018. 12.05. URL: https://www.e-ir.info/2018/05/12/what-is-happening-in-afghanistan/ (дата обращения: 31.10.2019).

Garamone J. «Dunford: New Operational Construct in Afghanistan Should Break Stalemate» // US Department of Defence. Official Website. 2017. 03.10. URL: https://www.defense.gov/Newsroom/News/Article/Article/1332992/dunford-new-operational-construct-in-afghanistan-should-break-stalemate/ (дата обращения: 01.11.2019).

Gibbons-Neff T. «What is the price of not fighting this war?»: Mattis makes his pitch to get more NATO troops in Afghanistan // Washington Post. 2017. 29.06. URL: https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2017/06/29/nato-will-send-more-troops-to-nearly-16-year-old-afghanistan-war/ (дата обращения: 31.10.2019).

Gopalaswamy B., Cunningham J. and others. Review of President Trump's South Asia strategy: The Way ahead, one year in // Carnegie endowment for international peace. 2018. Dec. 11. URL: https://carnegieendowment.org/2018/12/11/review-of-president-trump-s-south-asia-strategy-way-ahead-one-year-in-pub-77939 (дата обращения: 01.11.2019).

International Ulama Conference on Peace and Stability in Afghanistan // Issuu.com. 2018. 11.07. 46 p. URL: https://issuu.com/oic-journal/docs/oic_afghan_olama_2018 (дата обращения: 02.11.2019).

Lamothe D. «This is totally unacceptable»: Pentagon leaders pressed for more details about Afghan war plan // Washington Post. 2017. 03.10. URL: https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2017/10/03/this-is-totally-unacceptable-pentagon-leaders-pressed-for-more-details-about-afghan-war-plan/ (дата обращения: 31.10.2019).

Marlow I. Trump's South Asia Policy Having Impact, Afghan Leader Says // Bloomberg. 2017. 04.10. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-03/trump-s-south-asia-policy-having-impact-afghan-leader-says (дата обращения: 31.10.2019).

Northern Distribution Network [NDN]. Northern Ground Line of Communication (NGLOC) // Global Security.org. 2018. URL: https://www.globalsecurity.org/military/facility/ndn.htm (дата обращения: 08.09.2019).

O'Connor T. The U.S. Is Losing Badly in Afghanistan, but the Trump Administration Is Telling Americans Less // Newsweek. 2018. 31.01. URL: https://www.newsweek.com/us-losing-so-badly-afghanistan-trump-administration-hid-figures-796466/ (дата обращения: 31.10.2019).

Rahn W. Why are we still in Afghanistan? // CBS News. 2017. 05.06. URL: https://www.cbsnews.com/news/commentary-why-are-we-still-in-afghanistan/ (дата обращения: 30.10.2019).

Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia / Virginia, Fort Myer, Arlington, 2017 // White House. Official Website. 2017. 21.08. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/ (дата обращения: 30.10.2019).

Rubin B. Why More Troops Won't Help Afghanistan // The New Yorker. 2017. 05.06. URL: https://www.newyorker.com/news/news-desk/why-more-troops-wont-help-afghanistan/ (дата обращения: 31.10.2019).

Sarwan R.G., Zahid N. Former Afghan President Karzai Calls Islamic State «Tool» of US // Voice of America. 2017. 19.04. URL: https://www.voanews.com/extremism-watch/former-afghan-president-karzai-calls-islamic-state-tool-us/ (дата обращения: 31.10.2019).

Scranton R. Why Afghanistan? Why now? // The Daily Beast. 2017. 03.07. URL: https://www.thedailybeast.com/why-afghanistan-why-now/ (дата обращения: 31.10.2019).

Seib G.F. In Afghan Policy Debate, Trump Struggles With Himself // Wall Street Journal. 2017. 07.08. URL: https://www.wsj.com/articles/in-afghan-policy-debate-trump-struggles-with-himself-1502120932/ (дата обращения: 30.10.2019).

Sjursen D. A US Military Officer Explains Why Another Surge in Afghanistan Is Not a Good Idea // The Nation. 2017. 29.06. URL: https://www.thenation.com/article/a-us-military-officer-explains-why-another-surge-in-afghanistan-is-not-a-good-idea/ (дата обращения: 31.10.2019).

Smith J. U.S. fighter pilots in Afghanistan prepare for more air strikes // Reuters. 2017. 25.08. URL: https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-usa-airstrikes/u-s-fighter-pilots-in-afghanistan-prepare-for-more-air-strikes-idUSKCN1B518I/ (дата обращения: 31.10.2019).

Tenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2255 (2015) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan UN Security Council // Subscription to United Nations Documents. 2019. URL: https://www.undocs.org/ru/S/2019/481/ (дата обращения: 31.10.2019).

The true costs of the Afghan war, America's longest and most invisible war / Charles Koch Foundation. Arlington, Virginia, 2018 // BIGTHINK.COM. 2018. 01.08. URL: https://bigthink.com/charles-koch-foundation/the-true-costs-of-the-afghan-war-americas-longest-and-most-invisible-war/ (дата обращения: 30.10.2019).

US Forces Drop 4,300 Bombs On Insurgents In Afghanistan // Tolo News. Kabul, 2018. 27.01. URL: https://tolonews.com/afghanistan/us-forces-drop-4300-bombs-insurgents-afghanistan/ (дата обращения: 01.11.2019).

Wayne E.A. The New Afghanistan Policy Is Set. The Question Is How to Implement It // The National Interest. 2017. 13.09. URL: https://nationalinterest.org/feature/the-new-afghanistan-policy-set-the-question-how-implement-it-22285 (дата обращения: 31.10.2019).

References

Adhikari G. «Big Questions about South Asia». Center for American Progress. 2017. 25.08. URL: https://www.americanprogress.org/issues/ext/2017/08/25/438029/big-questions-south-asia/ (date of access: 01.11.2019).

Afghan Taliban Reports Nearly Eliminating IS Presence in Laghman, Claims U.S. Aircraft Interfered in Operations. SITE Intelligence Group. 2018. 21.06. URL: https://ent.siteintelgroup.com/Statements/afghan-taliban-reports-nearly-eliminating-is-presence-in-laghman-claims-u-s-aircraft-interfered-in-operations.html/ (date of access: 01.11.2019).

Afghanistan is now officially James Mattis' war. The Conversation. Melbourne, 2017. 22.08. URL: http://theconversation.com/afghanistan-is-now-officially-james-mattis-war-82823/ (date of access: 01.11.2019).

Ayres A. Trump's South Asia policy. Seminar. Web-edition. 2019. N 715. URL: http://www.india-seminar.com/2019/715/715_alyssa_ayres.htm (date of access: 31.10.2019).

Babb C. Mattis: Afghan Force Fully Engaged in Combat for First Time in 16 Years. Voice of America. 2017. 03.10. URL: https://www.voanews.com/east-asia-pacific/mattis-afghan-force-fully-engaged-combat-first-time-16-years/ (date of access: 31.10.2019).

Boot M. «Trump's Path to Indefinite Afghan War». Council of Foreign Relations. 2017. 22.08. URL: https://www.cfr.org/expert-brief/trumps-path-indefinite-afghan-war (date of access: 31.10.2019).

Constable P. With U.S. general under fire, Afghans fear being abandoned by Trump. Washington Post. 2017. 04.08. URL: https://www.washingtonpost.com/ (date of access: 31.10.2019).

Crocker R. A Former U.S. Ambassador to Afghanistan Thinks Trump's Exit Strategy Is a Huge Mistake. Intelligencer. 2019. 10.02. URL: http://nymag.com/intelligencer/2019/02/ryan-crocker-trumps-afghanistan-strategy-is-a-mistake.html/ (date of access: 30.10.2019).

Crowley P.J. Nation-building is the only way out of Afghanistan. Washington Post. 2017. 25.08. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/nation-building-is-the-only-way-out-of-afghanistan/2017/08/25/2f99a410-890b-11e7-961d-2f373b3977ee_story.html?noredirect=on/ (date of access: 01.11.2019).

Farr G. What is happening in Afghanistan? E-International Relations. 2018. 12.05. URL: https://www.e-ir.info/2018/05/12/what-is-happening-in-afghanistan/ (date of access: 31.10.2019).

Garamone J. «Dunford: New Operational Construct in Afghanistan Should Break Stalemate». US Department of Defence. Official Website. 2017. 03.10. URL: https://www.defense.gov/News-room/News/Article/Article/1332992/dunford-new-operational-construct-in-afghanistan-should-break-stalemate/ (date of access: 01.11.2019).

Gibbons-Neff T. «What is the price of not fighting this war?»: Mattis makes his pitch to get more NATO troops in Afghanistan. Washington Post. 2017. 29.06. URL: https://www.washington-post.com/news/checkpoint/wp/2017/06/29/nato-will-send-more-troops-to-nearly-16-year-old-afghani-stan-war/ (date of access: 31.10.2019).

Gopalaswamy B., Cunningham J. and others. Review of President Trump's South Asia strategy: The Way ahead, one year in. Carnegie endowment for international peace. 2018. Dec. 11. URL: https://carnegieendowment.org/2018/12/11/review-of-president-trump-s-south-asia-strategy-way-ahead-one-year-in-pub-77939 (date of access: 01.11.2019).

International Ulama Conference on Peace and Stability in Afghanistan. Issuu.com. 2018. 11.07. 46 p. URL: https://issuu.com/oic-journal/docs/oic_afghan_olama_2018 (date of access: 02.11.2019).

Lamothe D. «This is totally unacceptable»: Pentagon leaders pressed for more details about Afghan war plan. Washington Post. 2017. 03.10. URL: https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2017/10/03/this-is-totally-unacceptable-pentagon-leaders-pressed-for-more-details-about-afghan-war-plan/ (date of access: 31.10.2019).

Marlow I. Trump's South Asia Policy Having Impact, Afghan Leader Says. Bloomberg. 2017. 04.10. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-03/trump-s-south-asia-policy-having-impact-afghan-leader-says (date of access: 31.10.2019).

Northern Distribution Network [NDN]. Northern Ground Line of Communication (NGLOC). Global Security.org. 2018. URL: https://www.globalsecurity.org/military/facility/ndn.htm (date of access: 08.09.2019).

O'Connor T. The U.S. Is Losing Badly in Afghanistan, but the Trump Administration Is Telling Americans Less. Newsweek. 2018. 31.01. URL: https://www.newsweek.com/us-losing-so-badly-afghanistan-trump-administration-hid-figures-796466/ (date of access: 31.10.2019).

Rahn W. Why are we still in Afghanistan? CBS News. 2017. 05.06. URL: https://www.cbsnews.com/news/commentary-why-are-we-still-in-afghanistan/ (date of access: 30.10.2019).

Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia/ Virginia, Fort Myer, Arlington, 2017. White House. Official Website. 2017. 21.08. URL: https://www.white-house.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/ (date of access: 30.10.2019).

Rubin B. Why More Troops Won't Help Afghanistan. The New Yorker. 2017. 05.06. URL: https://www.newyorker.com/news/news-desk/why-more-troops-wont-help-afghanistan/ (date of access: 31.10.2019).

Sarwan R.G., Zahid N. Former Afghan President Karzai Calls Islamic State «Tool» of US. Voice of America. 2017. 19.04. URL: https://www.voanews.com/extremism-watch/former-afghan-president-karzai-calls-islamic-state-tool-us/ (date of access: 31.10.2019).

Scranton R. Why Afghanistan? Why now? The Daily Beast. 2017. 03.07. URL: https://www.thedailybeast.com/why-afghanistan-why-now/ (date of access: 31.10.2019).

Seib G.F. In Afghan Policy Debate, Trump Struggles With Himself. Wall Street Journal. 2017. 07.08. URL: https://www.wsj.com/articles/in-afghan-policy-debate-trump-struggles-with-himself-1502120932/ (date of access: 30.10.2019).

Sjursen D. A US Military Officer Explains Why Another Surge in Afghanistan Is Not a Good Idea. The Nation. 2017. 29.06. URL: https://www.thenation.com/article/a-us-military-officer-explains-why-another-surge-in-afghanistan-is-not-a-good-idea/ (date of access: 31.10.2019).

Smith J. U.S. fighter pilots in Afghanistan prepare for more air strikes. Reuters. 2017. 25.08. URL: https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-usa-airstrikes/u-s-fighter-pilots-in-afghanistan-prepare-for-more-air-strikes-idUSKCN1B518I/ (date of access: 31.10.2019).

Tenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2255 (2015) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace, stability and security of Afghanistan UN Security Council. Subscription to United Nations Documents. 2019. URL: https://www.undocs.org/ru/S/2019/481/ (date of access: 31.10.2019).

The true costs of the Afghan war, America's longest and most invisible war / Charles Koch Foundation. Arlington, Virginia, 2018. BIGTHINK.COM. 2018. 01.08. URL: https://bigthink.com/charles-koch-foundation/the-true-costs-of-the-afghan-war-americas-longest-and-most-invisible-war/ (date of access: 30.10.2019).

US Forces Drop 4,300 Bombs On Insurgents In Afghanistan. Tolo News. Kabul, 2018. 27.01. URL: https://tolonews.com/afghanistan/us-forces-drop-4300-bombs-insurgents-afghanistan/ (date of access: 01.11.2019).

Wayne E.A. The New Afghanistan Policy Is Set. The Question Is How to Implement It. The National Interest. 2017. 13.09. URL: https://nationalinterest.org/feature/the-new-afghanistan-policy-set-the-question-how-implement-it-22285 (date of access: 31.10.2019).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.08

М.А. Фельдман

ОТЛОЖЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ. XVI СЪЕЗД ВКП (б): МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ СПУСТЯ 90 ЛЕТ

Аннотация. *В статье сделана попытка рассмотреть события на XVI съезде ВКП (б) (26 июня – 13 июля 1930 г.) как частный момент столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта и утопического пути, форсированного «социалистического строительства». Необоснованное и неоднократное увеличение заданий первой пятилетки Постановлениями ЦК ВКП (б) осени 1929 – зимы 1930 г. вызвало хаос в экономике СССР; взрыв социального недовольства в деревне; резкое ухудшение положения трудящихся в городе. Делегатам съезда пришлось выбирать между верностью сталинским идеологическим догмам и правдивой оценкой действительности. Факты, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что XVI съезд ВКП (б) не стал полной победой Сталина. Большинство делегатов склонны были говорить об «ошибках» сторонников НЭПа, но не о «преступлениях». В составе ЦК ВКП (б), избранного делегатами съезда, остались Бухарин, Рыков, Томский. В составе Политбюро – Рыков. Сумма критических «крупинок» в выступлениях делегатов создавала мозаичную, но тем не менее убедительную картину провалов и недостатков советской экономики лета 1930 г. Статистические данные, приведенные председателем СНК С.И. Сырцовым о масштабе гибели поголовья скота за зиму 1930 г., были сопоставимы с объемом капиталовложений в промышленность страны за пятилетие и могли стать приговором сталинской коллективизации. Наконец, вскоре после XVI съезда «единство и крепкая сплоченность» ВКП (б) дали трещину с появлением антисталинских групп.*

Тем не менее сталинский сценарий съезда позволил предотвратить открытое системное обсуждение реальных проблем индустриализации и коллективизации, поскольку представление подлинной картины экономического и социального кризиса в стране могло подтвердить правоту главы советского правительства А.И. Рыкова и его сторонников.

Ключевые слова: *партия; съезд; социализм; экономика; сельское хозяйство; индустриализация; доклад.*

Фельдман Михаил Аркадьевич - доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Россия, Екатеринбург.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

M.A. Feldman. Deferred Comprehension. XVI Congress of the CPSU (b): The Mythological and the Real 90 Years Later

Abstract. *The article looks at the XVI Congress of the CPSU (b) (June 26 – July 13, 1930) as a specific moment of confrontation between two main vectors of Soviet history, one being the modernization project in industry and the other – the utopian way of forced «socialist construction». Unreasonable and repeated increase of targets contained in the First five-year plan by Resolutions of the Central Committee of the CPSU (b) of autumn 1929 – winter 1930 caused chaos in the Soviet economy, the explosion of social discontent in the rural areas and sharply worsened situation of workers in the city. The delegates of the Congress had to choose between loyalty to Stalin's ideological dogmas and an adequate assessment of reality. The facts given in the article show that the XVI CPSU (b) Congress was not a complete victory for Stalin. The majority of delegates tended to talk, at best, about the «mistakes» of those who supported NEP but not about «crimes». Bukharin, Rykov, and Tomsky remained in the Central Committee elected by the delegates of the Congress, while Rykov, at the same time, still occupied his post in the Politburo. The sum of critical «grains» contained in the delegates' statements produced a mosaic but nevertheless convincing picture of the failures and shortcomings of the Soviet economy in the summer of 1930. The statistics given by the Chairman of the SNK, S.I. Syrtsov, on the scale of the loss of livestock in the course of only one winter of 1930, testified to the fact that the damages roughly equaled the volume of investment in the country's industry during the five-year period. This could be the verdict of Stalin's collectivization. Finally, shortly after the XVI Congress, the «unity and strong cohesion» of the CPSU (b) cracked with the emergence of a number of anti-Stalin groups.*

Nevertheless, the Stalin's scenario of the Congress precluded an open discussion of the real problems of industrialization and collectivization, for a true picture of the economic and social crisis in the country could strengthen the position of the head of the Soviet government, A.I. Rykov, and his supporters.

Keywords: *party; Congress; socialism; economy; agriculture; industrialization; report.*

Feldman Mikhail Arkad'evich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Ural Institute of Management is a Branch
of the Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

В истории советского государства за каждым партийным съездом закреплялась определенная дефиниция. XVI съезду Всесоюзной Коммунистической партии (26 июня – 13 июля 1930 г.) было отведено место партийного форума,

который «проанализировал общий ход выполнения первого пятилетнего плана, одобрив мероприятия ВКП и СНК СССР» [Лельчук 1975, с. 136].

Официозное издание «История советского рабочего класса» (в шести томах), указывая на конкретную задачу – «идеология и политика правого оппортунизма были окончательно разоблачены и разгромлены на XVI съезде ВКП (б)», вместе с тем отмечало его «историческое значение» следующим образом: «Решающую роль в разработке программы развернутого наступления социализма по всему фронту сыграл XVI съезд» [История советского рабочего класса 1984, с. 267, 301].

Впрочем, столь масштабный вывод мало чем аргументировался. В результате расплывчатость определения роли съезда дополнялась уточнением отдельных производственных задач: например, «максимальной механизации строительных работ, перехода на круглогодичное строительство и создания постоянных строительных кадров» [История советского рабочего класса 1984, с. 156]; организационных вопросов: «необходимость усиления роли и участия профсоюзов в управлении промышленностью, в развитии производственной инициативы и самодеятельности рабочих масс» [История социалистической экономики 1977, с. 19].

Расставание с идеологическими шорами в постсоветскую эпоху позволило обратиться к сущностным моментам. Съезд прежде всего «одобрил действия сторонников ускорения темпов социалистического строительства», – отмечал Н. Верт [Верт 1992, с. 195]. По утверждению Р. Такера, XVI съезд замышлялся как «демонстрация единства партийных верхов в горячей поддержке Сталина». Судя по замечанию Такера, этот замысел удался: «Съезд… практически был превращен… в торжественную церемонию прославления Сталина». Но тем не менее автор указывает на «разочаровывающие итоги съезда» [Такер 2013, с. 67, 257]. Вышедшая в 2014 г. «История Коммунистической партии Советского Союза» вообще не упоминает XVI съезд ВКП (б) [История Коммунистической партии 2014].

Отсутствие системного и детального разбора материалов XVI съезда было и остается общим местом исторической литературы, невольно придавая мероприятию проходной характер. Как известно, поражение «правых» произошло на Пленуме ЦК ВКП (б) в апреле 1929 г. [Фельдман 2019]. Задания первой пятилетки были увеличены Постановлениями ЦК ВКП (б) осени 1929 – зимы 1930 г. [История социалистической экономики 1977, с. 54–64]. В чем же тогда действительно заключалась роль XVI съезда правящей партии?

Уже при открытии съезда председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин сообщил о том, что период между съездами был насыщен достижениями, «огромными по своим масштабам и чрезвычайно плодотворными по своим качественным показателям». «Всесоюзный староста» задал тон выступлениям, уточнив вектор достижений и инициатора движения: «Не найти более пра-

вильной и более выразительной формулы … чем лозунг впервые выдвинутый т. Сталиным о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса» [XVI съезд 1935, с. 15–16].

На открытии съезда прозвучали 15(!) приветствий – от пролетарских районов столицы, крупнейших предприятий и колхозов, Красной армии и Красного флота. Приветствия были выстроены по единому шаблону: выражение энтузиазма от размаха социалистических преобразований, призыв покарать сторонников «правых» как отступников, готовность выполнить пятилетку в четыре года. В трех приветствиях прозвучала здравица в честь «руководителя партии» – т. Сталина; в двух – в честь вождя и «любимого вождя т. Сталина»; в двух – в честь «верного и лучшего ученика Ленина» [XVI съезд 1935, с. 19–39]. Съезд партии только открылся, а уже первое (вечернее) заседание 26 июня 1930 г. превращалось в бенефис одного человека.

Отчетный (Политический) доклад ЦК ВКП (б), с которым выступил И.В. Сталин, растянулся на два заседания съезда (утреннее и вечернее 27 июня) [XVI съезд 1935, с. 40–111]. Значительную часть Политического доклада (далее – доклад) составила картина мирового кризиса капитализма, начавшегося осенью 1929 г. Объективные данные падения производства в развитых странах Запада соседствовали с уверениями в том, что «мировой экономический кризис неизбежно будет перерастать в кризис политический», и следствием этого уже стал «поворот масс (прежде всего рабочих) в сторону коммунизма» [XVI съезд 1935, с. 49–50].

В противовес кризисным явлениям в мире капитализма доклад был насыщен примерами успешного роста советской экономики. Правда, внимательный слушатель мог заметить: плановые показатели на 1929–1930 гг. Сталин выдавал за («судя по всем данным») достигнутые результаты. В том же духе успехи индустриализации определялись по изменению доли промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства (с 45,2% в 1927/28 хоз. г. до *плановых* 53% в 1929–1930 гг.), а «командующее положение социалистической промышленности» фиксировалось по доле госсектора [XVI съезд 1935, с. 54–57].

«Успехи в сельском хозяйстве» Сталин связал с ростом посевных площадей: «Мы должны были иметь к концу пятилетки посевных площадей по колхозам 20,6 млн га. А на деле же мы имеем 36 млн га. Это значит, что уже перевыполнили пятилетнюю программу колхозного строительства в два года более чем в 1,5 раза». Вновь, как и на Пленуме ЦК в ноябре 1929 г., в сталинской интерпретации прозвучал тезис о «коренном повороте крестьянства, включая середняков, в сторону колхозов» [XVI съезд 1935, с. 65–67].

Сложнее было с обоснованием тезиса об улучшении материального и культурного положения рабочих и крестьян. Практически, кроме сведений о переходе части работников на семичасовой рабочий день (за 2,5 года были

переведены треть индустриальных рабочих), генсек ничего привести не мог [XVI съезд 1935, с. 67–72].

Раздел доклада, посвященный партии, начинался у Сталина с очередного бездоказательного утверждения о том, что «факты говорят, что генеральная линия нашей партии является единственно правильной линией» [XVI съезд 1935, с. 95]. Подлинная цена «революции в деревне», хаоса в экономике, резкого ухудшения положения народных масс – все это было хорошо известно Сталину и его ближайшему окружению, однако в докладе об этом речи не было, поскольку не укладывалось в «единственно правильную линию». Идеологические конструкции и борьба за укрепление единоличной власти не позволяли сказать правду об обстановке в стране или хотя бы указать на основные проблемы.

Вопросу о «правом оппортунизме» Сталин уделил немного внимания: теоретическая несостоятельность «правых» для генсека вытекала из «непонимания» оппонентами картины мира как поля «непримиримой классовой борьбы с капиталистическими элементами». Кроме того, доказательства несостоятельности «правых» в практической области должны были представить верные сторонники из числа делегатов съезда. Идентификация правых и троцкистов как представителей антипартийных и антимарксистских течений [XVI съезд 1935, с. 101–105] превращала недавних соратников по работе в Политбюро в отщепенцев. В то же время поддержавшие сталинский курс зачислялись генсеком в ряды «верных ленинцев», причастных к «решающим успехам в борьбе за победу социалистического строительства… и победе пролетарской революции во всем мире» [XVI съезд 1935, с. 110–111]. «Овации всего зала» были ответом делегатов Сталину. Зал принял двойные стандарты, двойные нормы оценок и статистических показателей за правила партийной жизни, «освятив» их именем съезда.

Организационный отчет съезду представил секретарь ЦК ВКП (б) Л.М. Каганович, выделивший четыре главные задачи партии: «Обеспечение быстрых темпов индустриализации, социалистическое переустройство деревни; укрепление органов пролетарской диктатуры, обеспечение боеспособности самой партии» [XVI съезд 1935, с. 113].

Решение первой задачи связывалось с развитием социалистического соревнования, прежде всего ударничества. Каганович, приведя многочисленные примеры размаха ударничества в различных отраслях промышленности, сообщил о многочисленных случаях искусственного, административного создания отрядов ударников. Речь шла о проявлении «иждивенческих, уравнительных тенденций» при создании «тесно связанных с ударным движением»… «производственных коммун и производственных коллективов» [XVI съезд 1935, с. 116–119].

Каким же был экономический эффект от движения ударников? Как сами рабочие оценивали ударничество? В чем заключалась позиция руководителей предприятий, цехов, участков? Ответов на эти вопросы делегаты съезда не получили, за исключением скупой реплики секретаря ЦК: «Точно подсчитать экономическую эффективность ударничества очень трудно». Показательно другое: примеры *действенного* ударничества в отчете в реальности говорили о наведении элементарной производственной дисциплины [XVI съезд 1935, с. 117].

Но главное: каким образом за счет указанного инструмента регулирования можно было в разы увеличить производственные задания – осталось за рамками выступления Кагановича.

Из отчета следовало, что форсированные темпы связаны с количественными показателями охвата рабочих профсоюзами, комсомолом, МОПР, Союзом безбожников и т.п. [XVI съезд 1935, с. 115]. Вера большевиков в автоматическое позитивное воздействие организации представителей одного социума, контролируемой сверху, превратилась в незыблемый постулат государственной политики.

Проблема укрепления органов диктатуры пролетариата решалась в Отчете самым простым способом: увеличением представительства рабочих-партийцев в управленческих структурах. Безусловная полезность и эффективность такого метода не вызывала у Кагановича сомнений, даже когда он сообщил, что текучесть партийных кадров в промышленности выше текучести беспартийных. Более того, минимальный процент дипломированных инженеров и техников среди коммунистов рождает недоверие к специалистам [XVI съезд 1935, с. 149–150]. Простым способом предполагалось и укрепление правящей партии: рост численности рабочих в партийных рядах автоматически должен был привести к сближению партии и трудящихся масс. Рост рабочего ядра в период между XV и XVI съездами партии (с 57,8 до 62,2%) подавался как выдающаяся победа большевизма [XVI съезд 1935, с. 157].

Каковы были социальные и психологические характеристики тех примерно 370 тыс. рабочих (по социальному происхождению), что перешли в самые различные управленческие структуры? Что отличало почти 900 тыс. рабочих-коммунистов, занятых на производстве? Развитые социологические службы 1920-х годов легко могли дать ответ на этот вопрос. Однако отчет ограничивался упоминанием о «четверти партийцев с производства, не вовлеченных в соцсоревнование», да о 32 тыс. коммунистах, исключенных за пассивность. Схематический доклад заканчивался столь же схематическими призывами: «шире развернуть подготовку партийных кадров», «усилить воспитательную работу», «покончить с пассивностью отдельных членов партии» и т.д. [XVI съезд 1935, с. 163, 169]. Отчет – ни по форме, ни по сути – не предназначался для обсуждения и тем более для осмысления, открывая эру

«информационного безмолвия», в которой выборочные статистические данные и субъективные суждения не подвергались сомнению.

Открывая прения по докладам, секретарь ЦК КП Украины П.П. Постышев [XVI съезд 1935, с. 198–203] в довольно краткой речи представил делегатам съезда жесткую схему выступления партийного работника: безусловное одобрение политики ЦК во главе со Сталиным, сводку местных успехов в промышленности и в ходе коллективизации, осуждение «правого оппортунизма» (ни малейшей попытки рассмотреть аргументы оппонентов предпринято не было). Постышев, неоднократно выступавший на Пленумах ЦК 1928 г. с рационалистических позиций, в июне 1930 г. поддержал концепцию безальтернативности сталинскому курсу.

Особый интерес представляет выступление ответственного секретаря Челябинского окружного комитета ВКП (б) А.И. Финковского, обвинившего председателя СНК СССР А.И. Рыкова в отстаивании «правого курса» в его выступлении на X Уральской областной партийной конференции в июне 1930 г. «Мы уральские большевики требуем от своего XVI съезда, чтобы был положен предел пропаганде правого оппортунизма, – заявил партийный работник, "назначенец", проработавший на Урале всего полгода» [XVI съезд 1935, с. 218]. Выступление Финьковского стало сигналом заранее подготовленного потока обвинений в адрес А.И. Рыкова – главы советского правительства.

Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А. Андреев подчеркнул, что партия требует от лидеров правых «иных признаний, иного раскаяния». Требование осталось в тот момент без расшифровки: у хорошего сценария предполагается интрига. «Разоружение и саморазоблачение правых», по мысли Андреева, должны были позволить осуществить «бешеные темпы» социалистического переустройства деревни. Правда, с учетом признания Андреева в том, что колхозы, «составленные главным образом из бедняков и маломощных середняков… в отношении вооруженности тягловой силой и всем прочим находятся в неизмеримо худших условиях, чем единоличные хозяйства»(!), «бешеные темпы» выразились в 1930 г. только в росте площадей посевов коллективных хозяйств [XVI съезд 1935, с. 221, 222, 224].

Следующим с обвинениями выступил первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Ф.И. Голощекин, обвинивший «группу Бухарина» в сознательном «невыполнении постановлений XV съезда партии и борьбе против» [XVI съезд 1935, с. 236].

Но это были еще мероприятия всего лишь по «разогреву» делегатов съезда. «Главную партию» на сей раз исполнил Б.П. Шеболдаев, первый секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП (б), верный сторонник Сталина на всех пленумах ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Сторонники сохранения нэповской экономики первоначально обвинялись в открытом «правооппортунистическом» выступлении, затем – «в вырождении целых групп на основе правой

платформы в явно контрреволюционные организации … мобилизующие силы для борьбы с партией и советской властью». Не хватало только боевой группы сторонников правых, готовящих «вооруженное антисоветское восстание», – и Шеболдаев «нашел» такую группу [XVI съезд 1935, с. 248].

Рубикон был перейден: борьба идей трансформировалась в войну на уничтожение. Вина сторонников «правых» не вызывала сомнений; речь шла уже не о теоретических ошибках, а о политических преступлениях. На этом основании Шеболдаев потребовал удаления «правых» как «непосредственной агентуры кулачества в нашей партии» из состава ЦК. Свою речь он завершил словами: «покончить и добить» [XVI съезд 1935, с. 249]. Шел только третий день работы съезда.

Казалось, к приведенным выше обвинениям было нечего добавить, но в выступлении первого секретаря Горьковского (Нижегородского) крайкома ВКП (б) А.А. Жданова прозвучал новый мотив – унижение. Слова лидеров правых были уподоблены «жалкому, поистине детскому лепету, беспомощному лепету, полному лицемерных противоречий». Подчеркнутой беспомощности «правых» Жданов противопоставил «величайшую мудрость нашего партийного руководства … своевременно выбравшего момент … для перехода к решающему наступлению, к политике ликвидации кулачества как класса, к политике переустройства сельского хозяйства на социалистических началах, на базе сплошной коллективизации» [XVI съезд 1935, с. 253]. Слова из приветствий, звучащих в первый день работы съезда, – о «вожде, верном и лучшем ученике Ленина» – на четвертый день соединились с утверждениями о «сталинской мудрости», ставя действия Генерального секретаря вне критики.

Атака на оппозиционеров на партийном форуме должна была расчистить почву для безусловного выполнения директив Центра и в принципе искоренить любую возможность самостоятельного мышления. В такой обстановке вечером 29 июня 1930 г. слово было предоставлено М.Е. Томскому и А.И. Рыкову.

Свою речь член Политбюро ЦК ВКП (б) Томский (руководитель профсоюзов в 1922–1929 гг.) начал с того, что призыв к покаянию недостоин большевика («сам термин “покаяние” – не наш термин, церковный термин») [XVI съезд 1935, с. 259]. «Смех», зафиксированный в протоколе, был первой положительной реакцией делегатов.

Далее Томский четко обозначил свою позицию: мы («правые») были неправы в том, что, начиная с июльского Пленума ЦК 1928 г., считали, что трудности хлебозаготовок можно смягчить путем уступок среднему крестьянству, сохраняя и развивая товарные отношения с деревней. Партия приняла иные решения, и мы целиком и полностью подчиняемся им. Мы недооценивали возможности ускоренной индустриализации, ее роли в социалистическом переустройстве страны – и вновь признаем свои ошибки [XVI съезд 1935, с. 262].

Томский подробно рассказывал о допущенных ошибках и их теоретических предпосылках. Судя по долгому отсутствию реплик из зала (обычных для третирования оппозиционеров), делегаты внимательно слушали недавнего профсоюзного лидера. Судя по частой ремарке «смех», слушали с пониманием [XVI съезд 1935, с. 259–271]. Томский подчеркнул: «В своей борьбе против ЦК я был неправ с начала до конца. Что еще нужно после этого?» Вопрос был обращен ко всем присутствующим, но Томский задал его персонально Андрееву, требовавшему «иных признаний, иного раскаяния». Ответ Андреева – об «отсутствии претензий» к Томскому – был, по сути, скромной победой разума и логики в пространстве лжи и передергивания фактов.

Скромной – потому, что соответствующее понимание партийной дисциплины и интересов партии привело Томского к отречению от рационалистической линии на сохранение нэповской экономики и заявлению: «Всякая оппозиция, всякая борьба против линии партии в условиях диктатуры пролетариата – недопустима» [XVI съезд 1935, с. 265]. Аплодисменты Томскому свидетельствовали о том, что честь участников прошлых открытых дискуссий была сохранена… путем признания недопустимости дискуссий в будущем.

Следующее выступление – речь главы правительства А.И. Рыкова – мало чем отличалось от тезисов Томского. Об этом сказал сам Рыков, заявив, что нападки на его речь в Свердловске 6 июня 1930 г. беспочвенны: в ряде мест его доклада были приведены цитаты из сталинских выступлений [XVI съезд 1935, с. 280–281].

Выступление Рыкова было делегатами съезда в целом воспринято спокойно, но смех уже не сопровождал слова председателя СНК, а нечастые реплики тем не менее стремились «уколоть» докладчика. Четвертый день съезда завершался на относительно миролюбивой ноте.

Ход работы съезда мог пойти не по намеченному сценарию, и в бой двинули «тяжелую артиллерию». Выступление С.М. Кирова должно было превратить обсуждение Отчетного доклада ЦК в обвинительный процесс. Киров, в отличие от Финковского, не сравнивал «правых» с контрреволюционерами, не «находил» уже созданные боевые антипартийные и антисоветские организации, не позволял себе оскорбительных личных выпадов [XVI съезд 1935, с. 282–290].

Там, где уральский функционер фактически ставил под сомнение саму возможность сохранения для Рыкова и его соратников гражданских прав, лидер ленинградских большевиков «только» выводил сторонников правых из активной партийной жизни. Для верных сталинцев применение карательных мер по отношению к правым уже не подлежало сомнению: их жизненный и политический опыт, персонализированное отношение к старым большевикам варьировали только меру ответственности или жестокости.

Дискуссия на пленумах ЦК 1928–1929 гг. была подана Кировым как столкновение двух курсов: марксистского и антимарксистского. Доводы защитников нэповского варианта даже не обсуждались, но приговор НЭПу был вынесен: «Линия правого оппортунизма в случае победы правых неизбежно привела бы к восстановлению капитализма» [XVI съезд 1935, с. 282].

Вслед за Кировым выступил первый секретарь Уралобкома И.Д. Кабаков. Выступление Кабакова в честь «мудрой политики» ЦК, добившегося резкого увеличения показателей первого пятилетнего плана, продолжилось обличением действий Н.И. Бухарина как идеолога нэповской экономики; Томского как лидера ВЦСПС, не подчинявшегося в ряде случаев партийной дисциплине; Рыкова – как политика, недооценившего роль классовой борьбы в стране [XVI съезд 1935, с. 290–295].

Но вместе с тем партийные работники – делегаты съезда научились чутко улавливать «градус накала» на съезде. В словах Кирова содержалась возможность «исправления» правых, Кабаков обнаружил «позитивные изменения» в позиции Рыкова в последние недели июня: «За время от Уральской конференции до XVI съезда он резко изменился в лучшую сторону» [XVI съезд 1935, с. 294–295].

Диапазон последующих выступлений включал и понимание действий «правых» как ошибок товарищей по партии (например, у председателя СНК Украины В.Я. Чубаря, председателя центрального исполкома (ЦИК) УССР Г.И. Петровского), и квалификацию действий оппонентов как *близких к прямым контрреволюционным организациям* (первого секретаря КП Украины С.В. Косиора, члена ЦКК ВКП (б) М.Ф. Шкирятова) [XVI съезд 1935, с. 303, 323]. Если у того же Чубаря обличение «правых» составило только часть выступления, то у его же соратника по работе на Украине С.В. Косиора это стало основным содержанием. Выделим и общее: выступающие делегаты обязывали лидеров «правых» отречься от своих взглядов.

Ряд выступлений делегатов (например, заместитель председателя СНК и СТО СССР Я.Э. Рудзутак) практически копировал речь Кирова. При этом тезис Рудзутака «не бей Бухарина, а бей его идею» [XVI съезд 1935, с. 366] позволял лидерам «правых» вернуться к активной политической жизни.

Своеобразным оказалось выступление Н.К. Крупской [XVI съезд 1935, с. 376–384]: неоднократное обращение к ленинским цитатам должно было напомнить партии о подлинном вожде и учителе большевиков. Основание необходимости сплошной коллективизации подкреплялось ссылками на опыт Гражданской войны. Крупская пыталась заострить вопрос на борьбе с советским бюрократизмом, однако реплики из зала подталкивали ее к обличению правых, и сторонница Бухарина и Рыкова на пленумах ЦК 1928–1929 гг. оправдала ожидания аудитории.

Демонстративное многократное упоминание имени Ленина не могло не пройти незамеченным на 10-м заседании съезда 1 июля 1930 г. Выступавший вслед за Крупской первый секретарь Московского губкома, затем обкома ВКП (б) К.Я. Бауман заявил, что «полностью оправдалась характеристика Ленина о Сталине как о выдающемся вожде современного ЦК нашей партии», «герое своего класса, чье имя окружено любовью рабочих и крестьянских масс». Здравица в честь «Сталина-вождя победоносной коммунистической партии и всего рабочего класса» [XVI съезд 1935, с. 390–391] завершала расстановку дефиниций среди партийных лидеров и определений внутри самой партии.

Многое на XVI съезде носило знаковый характер, символизируя ту или иную реакцию команды сталинистов на изменение ситуации. Показательной в этом плане можно считать речь представителя Путиловского завода П.А. Алексеева. Как заявил Алексеев, «рост нашей промышленности проходит в условиях колоссального сопротивления классовых врагов, в условиях колебаний и шатаний части членов партии, объективно способствующих нашему классовому врагу». Далее делегатам съезда было сообщено: на Путиловском заводе действовала и была обезврежена вредительская организация, сознательно срывающая выполнение плановых заданий, дискредитирующая создание советских тракторов, целенаправленно ухудшая качество техники. «Все эти цели вредительская организация могла осуществлять … благодаря проявлению правого уклона». В свою очередь преодоление «правого» уклона позволило бы наращивать количественные показатели выпуска продукции [XVI съезд 1935, с. 394–396].

Невозможно говорить о наличии какого-то антисталинского сценария на съезде, но каждый призыв приравнять правых к контрреволюционерам наталкивался на ответный выпад. Наиболее четко он прозвучал в речи С.И. Сырцова. Руководитель правительства РСФСР явно критически говорил о хозяйственных вопросах. В период «великого перелома», т.е. с осени 1929 г. «произошло ухудшение качества промышленной продукции» – и это было именно «то явление, которое должно приковать внимание и съезда, и всех хозяйственных организаций». «Мне кажется, – констатировал Сырцов, что 1930/31 год должен стать исходным в деле изживания или, во всяком случае, смягчения некоторых диспропорций и, в особенности, в деле изживания разрыва между количеством и качеством продукции» [XVI съезд 1935, с. 399].

Примеры огромных материальных потерь из-за брака продукции в выступлении Сырцова соседствовали со случаями вопиющего формализма в организации «социалистического соревнования», а также с «перегибами и ошибками» в ходе коллективизации, обернувшимися только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд руб., порождая вопрос о взаимосвязи этих явлений [XVI съезд 1935, с. 400–403].

Для понимания масштаба экономического и социального бедствия следует вспомнить, что по решению Ноябрьского (1929) пленума ЦК ВКП (б) капитальные вложения в планируемую промышленность и электрификацию на пятилетие увеличивались на 43%: с 2,8 млрд руб. (вариант Пятилетнего плана одобренный Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г.) и должны были составить 4 млрд руб. [Как ломали НЭП 2000, с. 547]. *Средства на строительство новых и реконструкцию старых предприятий за пятилетие оказывались сопоставимы со стоимостью леворадикального сталинского эксперимента осенью1929 – зимы 1930 г.!*

И только в конце речи Сырцова, в качестве своеобразного «довеска», прозвучали слова осуждения «правых» [XVI съезд 1935, с. 406]. Показательно, что попытка председательствующего на заседании прервать Сырцова – натолкнулась на противодействие зала [XVI съезд 1935, с. 405]. Делегаты съезда словно вспомнили, что присутствуют на обсуждении Политического доклада ЦК, а не судебном процессе по делу оппозиционеров.

И вновь линия работы съезда изменилась: тема обличения оппортунистов перестала быть доминирующей. Она теперь сочеталась с проблемами кооперации отдельных регионов и предприятий промышленности; вопросами распространения партийной литературы.

Особняком стояло выступление наркома внутренней и внешней торговли А.И. Микояна, попытавшегося интерпретировать взгляды «правых» как систему взглядов мелкобуржуазного либерализма, враждебных генеральной линии партии. Более того, «виднейшие члены ЦК, в прошлом – лидеры нашей партии», по словам наркома, превратились в «глашатаев интересов чуждых классов». Однако приступив к изложению успехов советской власти в деле обеспечения населения продовольствием, коснувшись проблемы переработки мясных отходов, Микоян заявил: «Наша страна, будучи нищей, является самой расточительной в силу своей отсталости» [XVI съезд 1935, с. 456, 453].

И вновь речь предшествующего оратора становилась образцом для следующего выступления. Л.И. Мирзоян, ответственный секретарь Пермского окружкома ВКП (б), осудив «правых» за недостаточную поддержку уральской экономики, в частности Кизеловского угольного бассейна, но обратившись к причинам, мешающим форсированному развертыванию Урало-Сибирского комбината, обнаружил их «в скверных условиях, в каких живет уральский рабочий». «Условия настолько тяжелые, что трудно себе представить. В крупнейших рабочих поселках, на заводах нет бань, нет клубов, нет мощеных улиц. Заработная плата уральского рабочего на 20% ниже средней союзной зарплаты. Вопросы благоустройства – в загоне» [XVI съезд 1935, с. 474].

Если в выступлении Сырцова, пусть мельком, но проглянула драма российской деревни, пережившей потрясение сплошной коллективизации, то

в речи Мирзояна была озвучена (в локальном разрезе) цена индустриализации для советских рабочих. Запрограммированное обсуждение Отчетного доклада ЦК не должно было затрагивать действительное положение населения, но реалии провинции, периодически, вырывались у региональных лидеров.

Завершая обсуждение, в заключительном слове Сталин говорил о том, что на XVI съезде «не нашлось даже маленькой группы или даже отдельных товарищей, которые считали бы правомерным выйти здесь на трибуну и заявить о неправильной линии партии». Как о свершившемся факте генсек сообщил о том, что «мы уже вступили в СССР в период социализма», аргументируя такой тезис «реконструируемой промышленностью, развитой системой совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов в СССР только по одному лишь яровому клину, умирающей “новой” буржуазией в городе, умирающим кулачеством в деревне» [XVI съезд 1935, с. 518, 519]. Слово «умирающая» у Сталина не было закавычено: судьба представителей «чуждых» классов руководителя большевистской партии не интересовала.

Сталин утверждал, что от бывших лидеров правой оппозиции не требуется ни раскаяния, ни самобичевания. «Никогда наша партия …не пойдет на то, что может унизить членов партии». Однако сразу же после такого гуманистического заявления генсек потребовал, чтобы оппоненты признали свой прежний курс – дорогой к пропасти, «к победе капитализма … заклеймили его как антиленинский» [XVI съезд 1935, с. 520]. Главе советского правительства и его сторонникам было предложено «добровольно» назвать себя преступниками – и после этого присоединиться к правящей партии!

Генсек привел ряд примеров, выставляющих в смешном и унизительном свете лидеров «правых» и преуспел в этом. «Гомерический хохот всего зала – было зафиксировано в Стенографическом отчете съезда» [XVI съезд 1935, с. 524]. После такого смеха делегатам съезда легче было принимать резолюцию по Отчетному докладу, «целиком и полностью одобряющему деятельность ЦК ВКП (б)», и признающую «взгляды правых несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б)» [XVI съезд 1935, с. 534].

По традиции 1920-х годов на съездах партии особое место занимал отчет ЦКК, представлявший своего рода аналитический взгляд на жизнь партии. Вот и в выступлении С.Г. Орджоникидзе просматривался определенный замысел: дать критический анализ всех сторон партийной, государственной и хозяйственной жизни. Отчет ЦКК начался с традиционного для XVI съезда сюжета: обличения «правых». Бухарину как идеологу «правых» ставилось в вину требование установления плановых показателей исходя из наличия материальных ресурсов. Предупреждение «правых» о возможности голода в стране при форсировании коллективизации было названо «капитуляцией перед трудностями нашего хозяйственного развития» [XVI съезд 1935, с. 536–537].

Однако сложности реализации индустриального проекта требовали осмысления – и Орджоникидзе обратился к хозяйственной практике. Множество приведенных примеров неумелого хозяйствования в советской промышленности имели, по выражению Орджоникидзе, двоякое происхождение: вредительскую позицию специалистов («почти все старые кастовые инженеры не сочувствовали новому строю и сделались членами контрреволюционных организаций» (!) – цитировал Орджоникидзе письмо арестованного профессора Горной академии), выразив при этом благодарность органам ГПУ за «оперативный разгром вредительских организаций» [XVI съезд 1935, с. 568–569].

Вторая причина заключалась в недостаточной загруженности и нерациональном использовании производственных мощностей [XVI съезд 1935, с. 541–552]. Рецепт преодоления такой проблемы у руководителя ЦКК не отличался сложностью и заключался в максимальном использовании каждого станка и агрегата («надо добиться того, чтобы ни один станок, ни одна машина, ни один квадратный метр площади наших заводов и фабрик не оставались неиспользованными»). Одновременно Орджоникидзе поставил вопрос о масштабном привлечении высококвалифицированных инженеров, техников и рабочих из Европы и Америки [XVI съезд 1935, с. 551].

Поразительно, но представитель «партии рабочего класса» не произнес ни слова о роли самих советских рабочих в подъеме производительности труда. За пределами отчета ЦКК остались также инженеры и техники, ученые советской промышленности.

Простотой управленческого решения отличались и кадровые вопросы. Чистка в среде советских служащих должна была избавить советский аппарат от «чуждых элементов» – представителей непролетарских слоев [XVI съезд 1935, с. 552–553].

Выдвиженчеству («орабочиванию» состава управленцев) отводилась роль повышения эффективности работы властных структур. Способны ли 200–300 тыс. рабочих, предполагаемых к выдвижению в аппарат, без управленческой подготовки и операционных навыков, оздоровить органы управления – такой вопрос на съезде не рассматривался. Между тем вне обсуждения остался и вопрос об эффективности института выдвиженчества. С количественной точки зрения эффективность этого невелика: «Даже во время чистки число выдвиженцев оставалось в довольно пустяковых размерах – от 2% до 6%» [XVI съезд 1935, с. 564].

Что же касается чистки в рядах самой партии, то она должна была оставить за пределами партийных организаций инакомыслящих. Такая угроза была декларирована и в отношении бывших «правых», в случае их отказа от саморазоблачения [XVI съезд 1935, с. 581].

В обсуждении отчета ЦКК, с которым выступил Орджоникидзе, приняли участие многие старые большевики. Значительная часть ветеранов партии

(В.И. Межлаук, Н.П. Брюханов, А.А. Сольц, А.С. Енукидзе, Н.В. Крыленко, Р.С. Землячка) практически воздержались от критики «правого» уклона, причем Сольц указал на формальный подход в ходе чистки партийных рядов: из 130 тыс. «вычищенных» партийцев 30–40% были вскоре восстановлены в партии. Он также отметил случаи жестокого применения уголовных наказаний за мелкие правонарушения [XVI съезд 1935, с. 638].

Показательно, что старые большевики и на XVI съезде демонстрировали свою специфическую политическую культуру, отражающую их традиции, статус и привилегии [Гетти 2016, с. 63].

В заключительном слове Орджоникидзе по обсуждению отчета ЦКК прозвучала некоторая растерянность по поводу скрытого недовольства части делегатов критическим тоном его выступления. Орджоникидзе пришлось несколько раз приводить высказывания Ленина о задачах и роли ЦКК. Впрочем, «съезд целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую работу ЦКК» [XVI съезд 1935, с. 717].

Десятый день работы съезда можно было бы считать успешно завершившимся, если бы не «одно но»: *делегаты и не приступали к рассмотрению вопросов реализации индустриального проекта и хода сплошной коллективизации.*

Политические и внешнеполитические сюжеты отодвинули на второй план экономику, предоставив уже уставшим делегатам в последующие девять дней заниматься глобальными проблемами «социалистического переустройства». Однако еще два дня работы съезда ушли на обсуждение отчета делегации ВКП (б) в ИККИ [XVI съезд 1935 а, с. 719–839].

Только 7 июля (на 13-й день работы съезда) делегатам партийного форума был представлен доклад В.В. Куйбышева «О выполнении пятилетнего плана промышленности» [XVI съезд 1935 а, с. 840–890].

Доклад Куйбышева существенно отличался от его предшествующих аналогичных выступлений на пленумах ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг., в которых председатель ВСНХ говорил *о перспективах* развития индустрии СССР, активно дискутируя с докладами о пятилетнем плане председателя Госплана Г.М. Кржижановского. 7 июля 1930 г. оппоненты отсутствовали в принципе. Речь Куйбышева носила преимущественно пропагандистский оттенок, была заполнена утверждениями о неминуемых достижениях как еще незавершенного, так и будущего хозяйственного года.

Уже в начале доклада («съезд собрался в год великого перелома и является свидетелем величайших достижений в работе социалистической промышленности») задавался тон последующим выступлениям, т.е. фактически рекомендовалось говорить только об успехах. В издевательской манере высмеивались буржуазные и советские экономисты, в этих успехах сомневающиеся [XVI съезд 1935 а, с. 840–841].

Из доклада Председателя ВСНХ следовало, что плановый показатель роста промышленной продукции на 1928–1929 гг. в реальности был превзойден только на 2,3%, однако препятствий для увеличения темпов роста в 1,5 раза в 1929–1930 гг. и в 2 раза (!) в 1930–1931 гг. Куйбышев не обнаружил. Проблемы должны были быть решены за счет резкого увеличения объема капиталовложений в промышленность [XVI съезд 1935 а, с. 840–841].

Куйбышев выстроил иерархию приоритетов «социалистической реконструкции промышленности»: на первом месте – масштабность промышленного строительства; на последнем, восьмом, – борьба за «скрытые резервы, борьба с (непроизводительными) потерями в промышленности, рационализация промышленности» [XVI съезд 1935 а, с. 844].

Нетрудно заметить: факторы, определяющие качества промышленной продукции, замыкали иерархию приоритетов советского правительства.

Подтвердив запланированную структуру капиталовложений (из 13,5 млрд руб. – 78% средств направлялись в тяжелую индустрию), Председатель ВСНХ заявил о возможности выполнения пятилетнего плана капитального строительства не в пять, а в 3,5–4 года. Сталинский посыл Политического доклада ЦК был услышан и поддержан. И только специалисты могли обратить внимание на то, что у руководителя экономического ведомства рост капиталовооруженности советских рабочих *автоматически* приводил к росту производительности труда [XVI съезд 1935 а, с. 845–846].

Вера в безграничные возможности управления экономикой не покидала Сталина и его сподвижников – отсюда вытекала и та легкость, с которой Председатель ВСНХ сообщил о способности Страны Советов «в ближайшие годы догнать и перегнать Европу и Америку» (по уровню энерговооруженности). Обоснованием такого вывода стало заявление о наличии резервов наших заводов «при минимальных вложениях, а иногда и без вложений» [XVI съезд 1935 а, с. 847–850].

Происхождение этих резервов, судя по ссылке на выступление Орджоникидзе, Куйбышев находил в преодолении фактов вопиющей бесхозяйственности на предприятиях и стройках госсектора, несущих многомиллионные потери.

Впрочем, вопрос о том – как, за счет каких факторов производственные коллективы должны преодолеть указанные недостатки – остался без ответа. «Одно обстоятельство» все-таки было указано: решение ЦК партии о резком увеличении плана производств чугуна с 10 млн т до 17 млн т. «Обстоятельство» сопровождалось примечательным комментарием: «Это решение ЦК состоялось недавно, и мы не успели еще проработать вопрос о том, какие последствия повлечет за собой это увеличение чугуна». Куйбышев явно поскромничал: в исторической литературе даже в советское время указывался

широкий круг *непроработанных вопросов*, связанных с «историческими» решениями ЦК [Лельчук 1975, с. 162–165].

Небольшая доза самокритики – ряд отраслей легкой промышленности не выполнил наметки пятилетнего плана – была тут же дезавуирована заявлением Куйбышева о недостаточном развитии сырьевой базы и категорическим отрицанием факта перекачки капиталов в тяжелую промышленность [XVI съезд 1935 а, с. 851–855].

Для придания достижениям первых лет пятилетки большего значения Куйбышев использовал апробированные Сталиным штампы: «Капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». Однако спустя весьма короткое время Председатель ВСНХ заявил, что «до войны машиностроительная промышленность по сравнимым ценам (приведенным к ценам 1926/1927 г.) дала приблизительно на 307 млн руб. продукции» [XVI съезд 1935 а, с. 859].

Учитывала ли приведенная величина стоимость продукции металлообработки и военного производства – сказать трудно. Между тем в 1913 г. в машиностроении *и металлообработке* России стоимость произведенной продукции равнялась 820 млн руб. (в 1928/1929 г. – 703 млн) [Динамика 1930, с. 10].

Недоговоренность и неточность информации не только прочно входили в политическое пространство и экономическую повседневность Советской страны, но и могли бы прочно доминировать, если бы не отраслевые и региональные реалии, не необходимость конкуренции с развитыми державами Запада.

Коснувшись машиностроения, ведущего комплекса отраслей промышленности, Куйбышев был вынужден заговорить другим языком: «Дороговизна наших машин и низкое их качество» превращаются в барьер для выполнения пятилетнего плана; «к сожалению, нужно признать, что в огромной массе мы выпускаем машины недостаточного качества и дорогие». Куйбышев назвал причины такого явления: «На заводах отсутствует специализация, отсутствует разделение труда, налицо повальное самообслуживание всех цехов, низкий коэффициент сменности» [XVI съезд 1935 а, с. 860].

Однако те делегаты съезда, которые отстаивали на пленумах ЦК 1928–1929 гг. курс на сохранение нэповской экономики, отчетливо понимали, что речь идет о следствиях, а не определяющих факторах. Официальное закрытие рыночных институтов разрушило экономические связи предприятий, заменив их системой снабженцев («толкачей») и грозными директивными указаниями. Что же касается качества работы промышленности, этот сюжет был купирован в докладе лозунгами, типа «большего внимания к рационализации производства, лучшей организации труда, более рационального использования сырья и оборудования» [XVI съезд 1935 а, с. 876].

Между тем проблема брака выпущенной продукции, даже по отдельным примерам, приведенным Куйбышевым, поражала своим масштабом: например, брак в текстильной и кожевенно-обувной отраслях достигал 40%; немногим лучше обстояло дело в металлургии [XVI съезд 1935 а, с. 877–878].

Призыв Куйбышева к «кооперации и специализации по примеру передовых предприятий Европы и Америки» неизбежно натыкался на вопрос о заинтересованности управленческого звена. Кроме того, само качество управленческих решений зависело от *открытости и доступности* материалов для аналитики. Рост числа научно-исследовательских институтов, связанных с промышленностью (с 31 до 50 за 1927–1930 гг.), безусловно, решал только одну стороны проблемы – расширение информационного пространства, зачастую заключенного в мир не всегда доступных (в принципе и для понимания) научно-технических журналов. Не касаясь открытости аналитики, председатель ВСНХ указал на другую проблему: низкий уровень финансирования научно-исследовательских институтов. Как о решенном деле прозвучал тезис о сдвиге промышленности на Восток и о резком повышении удельного веса восточных районов в общесоюзных капитальных затратах [XVI съезд 1935 а, с. 861, 870, 874].

Небольшой раздел доклада был посвящен обеспечению промышленности кадрами. С учетом ограниченных возможностей системы ФЗУ предполагался «широчайший размах всех краткосрочных форм подготовки рабочей силы для производства и строительства». Форсированная техническая подготовка рабочих допускала и «обучение наскоро, быстро …на краткосрочных курсах, через базы ЦИТ» и т.д. Председатель ВСНХ не скрывал бедственного положения дел с инженерами: при потребности в специалистах с высшим техническим образованием в 176 тыс. человек фактически в промышленности работали только 24 тыс. Тем не менее Куйбышев отказывал в доверии «многим специалистам, связанным со старым строем, и … не выявляющих до конца своих знаний». Ставка была сделана на ускоренную подготовку студентов в технических вузах. Только пролетарское происхождение студентов, по мысли Куйбышева, могло гарантировать преданность специалистов социалистическому строительству [XVI съезд 1935 а, с. 886, 887].

Доклад завершался утверждением о том, что «бурный темп развития нашей промышленности сопровождался … улучшением материального и культурно-бытового положения рабочих». Ухудшение реального положения трудящихся было хорошо известно и представителям столиц, и делегатам из провинций. Но в дни работы XVI съезда бездоказательная ложь, прозвучавшая в официальных выступлениях партийных вождей, обретала легитимность. Уже никто не обращал внимания на то, что Куйбышев в одном предложении упомянул и социалистическое соревнование, и новую форму – ударничество [XVI съезд 1935 а, с. 887–888].

Экономическая эффективность указанных форм организации труда мало интересовала партийных лидеров в год «великого перелома».

Обсуждение доклада В.В. Куйбышева «О выполнении пятилетнего плана промышленности» было недолгим – менее одного дня (8 июля) – и отражало степень заинтересованности Сталина и его ближайшего окружения в обсуждении проблем реализации Первого пятилетнего плана.

Многие выступающие не забывали критиковать «правых оппортунистов». Но чем дальше шло обсуждение, тем «градус» обвинений «правых» снижался, опустившись у председателя Исполнительного комитета Леноблсовета И.Ф. Кодацкого до сдержанной критики за «неактивное участие» в подготовке и реализации пятилетнего плана [XVI съезд 1935 а, с. 897].

Ряд делегатов вообще не упоминали лидеров «правых», обратившись к таким конкретным темам, как: бесхозяйственность в эксплуатации импортного оборудования, высокая текучесть кадров на многих предприятиях, низкое качество отечественных станков, узлов и инструментов для станков; формальность в организации соцсоревнования [XVI съезд 1935 а, с. 906–910, 915–918, 946–950]. Но приводимые примеры носили фрагментарный характер и не претендовали на обобщения.

Наряду с этим попытка регионального управленца, заместителя председателя Уралоблисполкома В.Ф. Андронникова, возложить вину за проблемы краевой промышленности на центральные органы и лично на Г.М. Кржижановского, вызвала отповедь не только соратников председателя Госплана, но и Куйбышева [XVI съезд 1935 а, с. 932–936, 988–989].

Особый интерес вызвало выступление Кржижановского – оппонента формально Куйбышева, а фактически Сталина – на пяти пленумах ЦК 1928–1929 гг. Руководитель Госплана (до ноября 1930 г.) потерпел поражение по всем позициям; сильно деформированный пятилетний план только частично сохранял черты работы ученых 1928 г. Доказывать свою «правоверность» соратнику Ленина было трудно, и ему пришлось оценивать работу Госплана по уровню партийности его сотрудников. Максимумом возможного для Кржижановского стало признание пятилетки «ленинской» и указать на опасность «увеличения (количественных) показателей путем фальсификации качества» [XVI съезд 1935 а, с. 984–989].

В заключительном слове Куйбышева содержалось признание развития отраслей, связанных с потреблением населения, как одной из важнейших задач; указывалось также завышение заявок на стройматериалы. О многом говорила и реплика о том, что «в экспорте СССР первостепенную роль заняли лес и нефть», а не экспорт зерна [XVI съезд 1935 а, с. 989–995].

Однако следует подчеркнуть: и сам доклад Куйбышева, и его сокращенное обсуждение на съезде партии носили явно второстепенное значение. Подобно подчеркнуто многословному, с частыми повторами многодневному

обсуждению и чисто формальному утверждению пятилетнего плана на Всероссийском и Всесоюзном съездах депутатов трудящихся в мае 1929 г.[1] – судьба Индустриального проекта для сталинской команды оказалась куда менее значимой, чем задача политической расправы с оппонентами.

Аналогичный вывод следует сделать и в отношении обсуждения первых результатов коллективизации в СССР: доклад народного комиссара земледелия СССР Я.А. Яковлева «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» был представлен на вечернем заседании 9 июля 1930 г. (на 15-й день работы съезда), а уже на вечернем заседании 10 июля было завершено обсуждение доклада.

Доклад Яковлева [XVI съезд 1935 а, с. 997–1049] был построен на сопоставлении американского и советского путей создания крупного хозяйства в земледелии. Отметив стремительный рост технического парка в сельском хозяйстве США за 1919–1928 гг., Яковлев подчеркнул, что «произошел величайший переворот в методах и формах сельскохозяйственного производства», сравнимый с промышленной революцией. Однако расцвета американского сельского хозяйства, по утверждению Яковлева, не произошло! Столь категорическое заявление наркома, ровно полгода занимающего ответственную должность, базировалось на том, что «посевная площадь США осталась почти неизменной», в то время как «технические условия позволяли удвоить посевные площади» [XVI съезд 1935 а, с. 998–999]. Абсолютизация количественных, вторичных, по сути, показателей, привела наркома к еще одному выводу: технический парк США системой капитализма обречен на низкую эффективность [XVI съезд 1935 а, с. 1002].

Столь смелое заявление следовало бы подтвердить анализом динамики производства сельхозпродуктов в стране «загнивающего капитализма». Но такая статистика осталась только в указанных в ссылках отчетах Департамента земледелия США, переведенных на русский язык для «отдельных лиц». Но даже из минимального объема приведенной Яковлевым информации следовало, что за первую четверть XX в. у жителей Америки выросло потребление овощей и сахара; сохранился высокий уровень потребления картофеля, фруктов и мяса при сокращении потребления на 20% хлеба и хлебобулочных изделий. В принципе это было то самое, на что были нацелены советские социальные программы.

Необходимо отметить: там, где нужно было хотя бы косвенно оправдать сокращение поголовья скота в советской деревне, Яковлев спокойно сообщал, что в США за 1920–1928 гг. при уменьшении поголовья крупного рога-

1. Работа Всероссийского и Всесоюзного съездов депутатов трудящихся в мае 1929 г. представляет собой тему отдельного исследования.

того скота вырос выход мяса и сала, а при стабильности молочного стада увеличилось производство молока [XVI съезд 1935 а, с. 1020].

Советский путь создания крупного хозяйства в земледелии был представлен делегатам съезда как добровольное объединение миллионов крестьян в крупные *государственные* (так в тексте. – *М. Ф.*) хозяйства [XVI съезд 1935 а, с. 1004].

Главным и, фактически, единственным достоинством советского пути выступали гигантские размеры как всего колхозно-совхозного комплекса, так и масштабные посевные площади отдельных колхозов и совхозов. Яковлева не смущало, что технический парк советской деревни, в десятки раз уступая американскому, позволял освоить ограниченные территории; что весьма небогатые ресурсы (фонды) колхозов на 15–22% состояли из отобранного имущества у наиболее умелых крестьян-кулаков [XVI съезд 1935 а, с. 1004–1011]. Для управленца, вооруженного сталинским учением («основные принципиальные вопросы сельского хозяйства уже нашли свое разрешение в докладе т. Сталина»), – заявил в самом начале своего выступления Яковлев, – не составляло труда пообещать делегатам съезда удвоить производство мяса и молока в СССР к концу первой пятилетки.

Сорвать после такого обещания «бурные продолжительные аплодисменты» было весьма несложным делом. Куда труднее было скрыть масштаб падения производства сельскохозяйственной продукции: города и рабочие поселки уже были переведены на карточную систему. Миллионы крестьян были вынуждены покинуть родные места. Картина социальных и экономических последствий коллективизации оказалась на десятилетия «занавешена» пропагандистскими штампами и лозунгами.

Показательно, что выступающий при обсуждении доклада Яковлева Н.Н. Демченко, нарком земледелия УССР, невольно проговорился, назвав речь Яковлева «прекрасным обоснованием тезисов ЦК» [XVI съезд 1935 а, с. 1049]. Большинство из двух десятков делегатов, принявших участие в прениях по докладу наркома земледелия СССР, выразили полное одобрение «правильной политической и организационной линии ЦК нашей партии в деревне», радуя президиум съезда сообщениями о росте посевных площадей.

Короткие замечания делегатов: о забвении простейших видов сельскохозяйственной кооперации и распаде ее звеньев; о сокращении поголовья лошадей; высказывание Калинина о необходимости «в первые годы» сохранять и использовать индивидуальное крестьянское хозяйство, по крайней мере для наращивания поголовья свиней [XVI съезд 1935 а, с. 1070, 1100–1115] выглядели частными моментами той «праздничной атмосферы», которую задал Отчетный (Политический) доклад ЦК ВКП (б).

В своем завершающем слове Яковлев говорил о «демократическом потенциале» колхозов, способных самостоятельно, «без бюрократических

инструкций» решать многие практические вопросы [XVI съезд 1935 а, с. 1130]. Все это было спокойно воспринято делегатами: на 16-й день работы съезда мифологические конструкции уже воспринимались как должное.

На последние два дня работы съезда был оставлен доклад председателя ВЦСПС Н.М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» и его обсуждение. Большую часть выступления Шверника [XVI съезд 1935 а, с. 1132–1168] заняло «обличение» прежнего «оппортунистического» руководства профсоюзов во главе с М.Е. Томским, «превратившегося в тормоз поступательного движения широчайших масс».

Судя по приведенным данным, 3/4 промышленных рабочих СССР были охвачены социалистическим соревнованием; половина из них составили ударные бригады. Правда, индивидуальных ударников было немного – 4,7% от числа всех рабочих. Однако бодрое утверждение председателя ВЦСПС о том, что «социалистическое соревнование и ударничество обеспечивают подъем производительности труда, выполнение промфинплана, быстрые темпы социалистического строительства», было подтверждено только на примере отдельных предприятий, мастерских и бригад. Как об отдельных случаях Шверник говорил о случаях формализма в организации ударничества, символического премирования рабочих-ударников.

Лидер советских профсоюзов не постеснялся выдать существенное понижение уровня жизни советских людей в 1929–1930 гг. за уверенное «улучшение материального положения и быта рабочих». Широкомасштабные недостатки в снабжении рабочих поселений были списаны на «вопиющие безобразия в кооперации, имеющей нэпмановский душок». Но и этот вопрос решался достаточно просто: шефство рабочих над кооперацией должно было снять проблему нехватки продуктов и товаров, а также и их низкого качества [XVI съезд 1935 а, с. 1155–1157]. Партийный контроль за всеми сторонами деятельности профсоюзов рассматривался как гарантия эффективности профсоюзного движения.

Короткое обсуждение выступления председателя ВЦСПС напоминало семинар по внутрипартийной работе. Жизнь, конкретные проблемы рабочих в трудные посленэповские годы остались где-то в другом мире. Постановление съезда о задачах профсоюзов в реконструктивный период ставило две главные цели. Первая из них – «организация ударничества и борьбу с бюрократами, старающихся опошлить и задушить социалистическое соревнование» [XVI съезд 1935 а, с. 1288]. Более простой выглядела вторая задача. Форсированная индустриализация и насильственная коллективизация получили мифологизированное обоснование в заключительной речи Калинина: «Мы вплотную подходим к социализму... Съезд продемонстрировал полное свое единство и крепкую сплоченность вокруг ленинского руководства, возглавляемого т. Сталиным». Не хватало одной детали, и она прозвучала

в здравице «с мест»: «Да здравствует Сталин!» [XVI съезд 1935 а, с. 1239, 1240].

На вопрос: стал ли XVI съезд полной победой генсека? – следует дать скорее отрицательный ответ. Во-первых, посвятив 16 из 28 (полноценных по времени) заседаний съезда, формально – обсуждению отчета ЦК, а фактически – обличению «правых», Сталин добился только частичного нужного эффекта: большинство делегатов склонны были говорить об «ошибках» сторонников НЭПа, но не о «преступлениях». В составе ЦК, избранного делегатами съезда, остались Бухарин, Рыков, Томский. В Политбюро ЦК – Рыков. Во-вторых, сумма критических «крупинок» (выделим особо выступление С.И. Сырцова) (подробно см.: [Кислицын 2014]) в выступлениях делегатов создавала мозаичную, но обширную картину провалов и недостатков советской экономики лета 1930 г.

В-третьих, вскоре после XVI съезда «единство и крепкая сплоченность» ВКП (б) дали трещину с появлением ряда антисталинских групп (подробно см.: [Такер 2013, с. 257–261]). В-четвертых, сталинский сценарий съезда сознательно обходил обсуждение реальных проблем индустриализации и коллективизации: вскрытие подлинной картины экономического и социального кризиса в стране могло подтвердить правоту оппонентов, в том числе главы правительства Рыкова. «Осмысление» социальных и экономических процессов первой пятилетки было отложено «на потом». Но индустриальный проект, став объективным, «самостоятельным» участником жизни советской эпохи, требовал решения своих проблем.

Длительной атакой, направленной на унижение и политическое уничтожение оппонентов, Сталину частично удалось отвлечь внимание делегатов съезда от подлинных виновников коллапса в экономике, выдав тяжелые последствия коллективизации за особые формы форсированной индустриализации в форме социалистического строительства.

Можно было подобрать нужный состав съезда: 85% делегатов являлись функционерами – работниками партийных, профсоюзных, советских и других организаций и учреждений [XVI съезд 1935 а, с. 1252].

Однако поставленная Центром задача выполнения пятилетнего плана – наряду с ответственностью – порождала встречные требования и постоянные конфликтные ситуации. В период 1931–1936 гг. эти требования будут идти по нарастающей, пробуждая у представителей хозяйственной и (реже) государственной и партийной элиты понимание происходящего [Фельдман 2011]. Неслучайно, оценивая работу съезда, Такер пишет о «в лучшем случае… показном сплочении рядов партийного руководства» [Такер 2013, с. 257]. За кулисами съезда остался «заметный разлад» в отношениях Сталина и партийных чиновников регионального звена, на которых генсек переложил ответственность за провалы коллективизации [Хлевнюк 2010, с. 66].

Главная цель проведения XVI съезда ВКП (б), поставленная Сталиным и его командой, – скрыть реальное состояние советской экономики после волюнтаристских экспериментов – формально была достигнута: документы партийного форума на долгие десятилетия внесли мифологизированные оценки в историческую литературу и учебные пособия, в сознание людей. Но там, где делегаты говорили о проблемах своего предприятия, региона, конкретных хозяйственных вопросах, туман иллюзий рассеивался, подталкивая к осмыслению происходящего.

Библиография

Верт Н. История советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

Гетти А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. 377 с.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935. Т. 1. 719 с.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. М.: Партиздат, 1935 а. Т. 2. С. 720–1344.

Динамика российской и советской промышленности. Ч. 3: Промышленность 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26 гг. М.; Л.: Госиздат,1930. 204 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. М.: РОССПЭН, 2014. 671 с.

История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 511 с.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. М.: Наука, 1980. Т. 3. 535 с.

Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП (б). 10–17 ноября 1929. М.: Демократия, 2000. 699 с.

Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е годы. М.: URSS, 2014. 254 с.

Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.

Такер Р. Сталин – диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2013. 800 с.

Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или Пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обозрение. Вып. 15. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 86–95.

Фельдман М.А. Конец «романтической» эпохи (Дискуссия на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) о выборе пути, форм и методов «социалистической» модернизации) // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 135–148.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 480 с.

References

XVI s’’ezd Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (b). 26 ijunja – 13 ijulja 1930 [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930]. Moscow: Partyzdat, 1935. Vol. 1. 719 p. (In Russ.)

XVI s''ezd Vsesojuznoj Kommunisticheskoj partii (b). 26 ijunja – 13 ijulja 1930 [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). June 26 – July 13, 1930]. Moscow: Partyzdat, 1935 a. Vol. 2. P. 720–1344. (In Russ.)

Dinamika rossijskoj i sovetskoj promyshlennosti [Dynamics of Russian and Soviet industry]. Vol. 3: Promyshlennost' 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26 gg. [Industrial history of 1912, 1913, 1915, 1929, 1925 / 26]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1930. 204 p. (In Russ.)

Feldman M.A. Dve tendencii gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v seredine 1930-kh gg., ili Pyat' dnej iz zhizni G.K. Ordzhonikidze [Two tendencies of the state economic policy in the middle of the 1930s, or Five days from the life of G.K. Ordzhonikidze]. Ekonomicheskaya istoriya [Economic history]. Review. Op. 15. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2011. P. 86–95. (In Russ.)

Feldman M.A. Konets «romanticheskoj» epokhi (Diskussiya na Aprel'skom (1929 g.) Plenume CK VKP (b) o vybore puti, form i metodov «socialisticheskoj» modernizacii) [The end of the «romantic» epoch (Discussion at the Upper Rila (1929) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) on the choice of path, forms and methods of «socialist» modernization)]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 2019. N 3. P. 135–148. (In Russ.)

Getty A. Praktika stalinizma: bol'sheviki, bojare i neumirajushhaja tradicija [The practice of Stalinism: the Bolsheviks, boyars and the undying tradition]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 377 p. (In Russ.)

Istoriya Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: ROSSPAN, 2014. 671 p. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoj ekonomiki SSSR [History of Socialist Economy of the USSR]: in 7 vol. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 3. 535 p. (In Russ.)

Istoriya sovetskogo rabochego klassa [History of Soviet working class]: in 6 vol. Moscow: Science, 1984. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

Kak lomali NEP. Stenogrammy plenumov CK VKP (b). 1928–1929 gg. [How the NEP was broken. Transcripts of plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b). 1928–1929]: in 5 vol. Vol. 5. Plenum CK VKP (b). 10–17 noyabrya 1929 [Plenum of CC VKP (b). November 10–17, 1929]. Moscow: Democracy, 2000. 699 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. KHozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Host. Stalin and Stalinist dictatorship approval]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 480 p. (In Russ.)

Kislitsyn S.A. Predsedatel' Sovnarkoma Sovetskoj Rossii Sergej Syrcov: Iz istorii formirovaniya antistalinskogo soprotivleniya v sovetskom obshchestve v 1920–1930-e gody [Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey Syrtsov: From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in the Soviet society in the 1920s–1930s]. Moscow: URSS, 2014. 254 p. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Socialisticheskaya industrializaciya SSSR i ee osveshchenie v sovetskoj istoriografii [Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography]. Moscow: Nauka, 1975. 312 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin – diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin – dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Centropolisgraph, 2013. 800 p. (In Russ.)

Vert N. Istorija sovetskogo gosudarstva, 1900–1991 [History of the Soviet State, 1900–1991]. Moscow: Progress-Academy, 1992. 480 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.09

С.Б. Брилёв

ОПЕРАЦИЯ «ЭВЕРЕСТ» (1944 г.). К ИСТОРИИ ВЫЖИВШЕЙ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДГРУППЫ – УЧАСТНИЦЫ СХЕМЫ «ЛЕДОРУБ»

Аннотация. *Статья сравнивает и анализирует реальные, недоказанные и выдуманные элементы биографий советских разведчиков – антифашистов Йозефа Цеттлера и Альберта Хуттари, парашютированных в 1944 г. в Австрию в рамках англо-советской схемы «Ледоруб», осуществлявшейся в 1941–1944 гг. разведуправлением НКВД / НКГБ СССР и британской службой саботажа и диверсий SOE. Группа «Эверест» – единственная из всех «ледорубов», сумевшая целиком выжить в нацистском плену после ареста гестапо.*

Статья основана на перекрестном анализе документов из британских Национальных архивов (TNA) и фонда Коминтерна в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Ценным подспорьем стал официальный ответ Службы внешней разведки (СВР) России на запрос Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК); этот ответ сравнивается в статье с результатами исторических исследований, проведенных в Австрии.

На основании сведений, содержащихся в этих источниках, восстанавливаются детали пребывания диверсионной группы на оккупированной немецкими войсками территории, а также начальные этапы биографии, история сотрудничества с разведкой и дальнейшие судьбы разведчиков, которым удалось выжить и освободиться из гитлеровского плена.

Статья вносит некоторые уточнения в довоенную биографию Цеттлера, который занимался разведывательной деятельностью в Испании. О его напарнике австрийце Хуттари известно гораздо меньше: кроме отдельных мелких подробностей – лишь то, что он был завербован НКВД в середине Второй мировой войны.

Ключевые слова: *разведка; Коминтерн; НКВД / НКГБ; SOE; гестапо; Австрия.*

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Россия, Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

S.B. Brilev. Operation «Everest» (1944). To the History of the Members of the Surviving Soviet Intelligence Group That Was Part of the Pickaxe Scheme

Abstract. *The paper highlights the real as well as non-proved and invented events in the biographies of the Soviet agents, Josef Zettler and Albert Huttary, who in 1944 were parachuted into Austria under the Anglo-Soviet «Pickaxe» scheme, which from 1941 to 1944 was carried out by the Intelligence directorate of the Soviet NKVD / NKGB and the Britain's Special Operation Executive (SOE). The group, codenamed «Everest», was the only one that survived in Nazi captivity after it was captured by the Gestapo. The article draws upon declassified documents from the National Archives (TNA) of the United Kingdom and the Comintern files of the Russian State Archive of Social-Political History (RGASPI). A valuable addition is an official reply from the Russia's Foreign Intelligence Service (SVR) to a request from the Russian State TV and Radio Broadcasting Company (VGTRK).*

Based on the information contained in these sources, the article reconstructs the activity of the subversive group on the territory occupied by German troops as well as the further fate of the scouts, who managed to survive and broke free from captivity.

The paper also clarifies some details from the pre-war biography of Zettler, who had been engaged in intelligence activities in Spain. About his partner, the Austrian Huttari, much less is known: only that he was recruited by the NKVD in the middle of World War II.

Keywords: *intelligence; Comintern; NKVD / NKGB; SOE; the gestapo; Austria.*

Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia»,
Russia, Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com

Старший группы, о которой пойдет речь далее, – будущий полковник «Казарменной народной полиции» Восточной Германии Йозеф Цеттлер. Младший – Альберт Хуттари, ставший после войны бургомистром своего родного города в Нижней Австрии. Таким образом, речь идет о единственной из нескольких австро-немецких групп схемы «Ледоруб» (см. другие статьи об этой схеме: [Брилёв, О'Коннор 2019, с. 160–196, 242–367; Брилёв, О'Коннор 2019 а, с. 145–170], выжившие участники которой не попали в ГУЛАГ.

Впрочем, в Лондоне их реальные имена узнали только после войны, а осенью 1942 г. в SOE получили от коллег (и тогда союзников) из НКВД информацию о том, что из СССР для транзита через Британию в оккупированную нацистами Европу отправляются «33-летний Александр Якубов» и «41-летний Николай Харламов». 19 января 1943 г. они прибыли в шотландский порт Тёрсо. Когда же дело дошло до того, чтобы на время пребывания в Англии выдать им карточки на продукты и купоны на одежду, то они были выписаны на их «транзитные» имена «швейцарцев». Старший – «Николас Кеслер». Младший – «Альбрехт Клейн». Вместе – группа «Эверест» [Pickaxe operations: Everest].

Забегая вперед: младший для транзита получил фамилию, которая для старшего была основным псевдонимом в советской разведке еще до войны. Почти все эпизоды этой истории обладают подобным «двойным дном».

Ещё раз о методе

Стоит напомнить, что вся эта серия статей о периоде беспрецедентного сотрудничества спецслужб Москвы и Лондона основана, прежде всего, на перекрестном анализе документов из архивов в России и Британии [Брилёв 2019; Брилёв, О'Коннор 2019; Брилёв, О'Коннор 2019 а].

С одной стороны, псевдонимы 34 советских агентов были зафиксированы британскими спецслужбами при их транзите через Шотландию и Англию. Важно подчеркнуть, что истинные имена участников схемы «Ледоруб» британцы выяснили не сами, а от плененных ими гестаповцев, которые, в свою очередь, в войну арестовали и пытали советских агентов. Вся совокупность этих псевдонимов и имен содержится в рассекреченных материалах Национального архива Соединенного королевства (TNA) и уже была опубликована на Западе [O'Connor 2012; O'Sullivan 2010; Tyas 2017]. С другой стороны, личные дела людей из «списка TNA» были обнаружены в РГАСПИ.

На основе выявленных совпадений дополнительный запрос был направлен Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компанией (ВГТРК) в Службу внешней разведки России (СВР), еще ранее признавшую наличие в годы войны совместной с британцами схемы по переправке советских агентов на европейский континент [История российской внешней разведки 2014, с. 388].

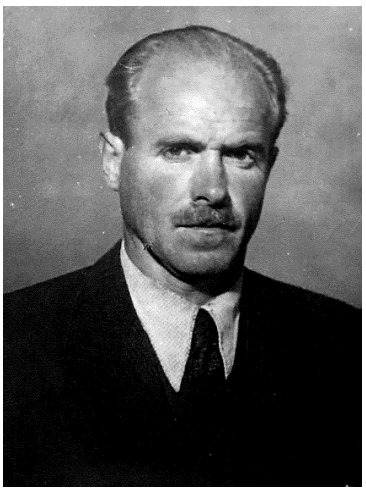
«Харламов» – «Кеслер» – Цеттлер

Из материалов РГАСПИ выяснилось: многим «ледорубам» западноевропейского происхождения советские загранпаспорта выписывали на русские имена уволенных или исчезнувших сотрудников Коминтерна, чьи личности уже невозможно было проверить даже и шпиону – «кроту»[1].

Имеющийся в картотеке Коминтерна Николай Сергеевич Харламов (под именем которого в Британию прибыл Цеттлер) был шофером, уволенным из Коминтерна в 1937 г. после того, как ему был объявлен выговор за ненадлежащее содержание своего автомобиля [Личное дело Харламова, л. 1, 5]. Иными словами, если даже и после всех «чисток» в ИККИ продолжал работать

1. В 1924 г., после появления «Письма Зиновьева», в лондонских правительственных меморандумах была представлена тема наличия британского агента – «крота» в самых высших эшелонах ИККИ [Benett 2018]. Естественно, эта информация не могла не дойти и до Москвы.

настоящий британский шпион, то до истинной личности «Харламова», сошедшего на шотландский берег, ему было бы не добраться.

Йозеф Цеттлер
Фото из архива СВР РФ

Британцы, когда разговорили прибывшего к ним «Харламова», узнали о нем следующее:

«Советский гражданин баварского происхождения. 41 год. Женат. Атеист. […] В раннем детстве остался сиротой. В возрасте восьми лет начал трудиться на ферме, работая много и бесплатно. Потом был отправлен на шахту, где работал до 18–19 лет за очень низкую зарплату. Его здоровье ухудшилось настолько, что врачи сказали, что жить ему максимум до 28 лет.

[В России] ему назначили лечение, оказавшееся очень успешным. Конечно же, он очень благодарен и чувствует себя в большом долгу. Он вступил в Красную Армию […] спустя некоторое время он стал заниматься нынешней работой […]

Похож на человека, который слепо выполнит то, что прикажут […]

Любимая тема для разговоров – Россия и как там замечательно […]

Много ездил (для партии) по Франции, Северной и Южной Америке, Испании, Италии, Польше и Балканам» [Pickaxe operations: Everest].

Стоит признать, что про него британцы многое выяснили верно.

Батрак

Он родился 21 сентября 1904 г. в Баварии [Личное дело Цеттлера, л. 5]. Современный портал «Кто был кем в ГДР?» пишет об этом нейтрально:

в 1910–1919 гг. в биографии Цеттлера – «начальная школа и работа в сельском хозяйстве» [Barth]. Но если подсчитать, то «работа в сельском хозяйстве» в тот период означала, что «гнуть спину» он был вынужден, возможно, даже не с восьми лет (как он расскажет британцам), а с шести. В архиве Коминтерна записано, что он был «батраком у помещика в Баварии» [Личное дело Цеттлера, л. 2].

Его мать была крестьянкой [Barth]. Биологический же отец, Иозеф Феделмейер, в честь которого он и был назван, в год рождения сына эмигрировал в США [Личное дело Цеттлера, л. 5]. Отчим – каменщик. И, как несколько высокопарно пишут в сегодняшней ФРГ, «отверженный семьей, [Цеттлер] вырос в католическом детском доме» [Abel, Hilbert 2015, S. 562–563].

Уже в 1918 г. Цеттлер – член группы «Спартак» [Abel, Hilbert 2015, S. 563]. Получается, что в возрасте 14 лет он стал свидетелем Ноябрьской революции и коллапса советской Баварии. С 1919 г. – член КПГ [Halbmayr 2009, S. 179].

Что касается дальнейшей профессиональной карьеры, то сам он в своей автобиографии писал, что в 1919 г. стал учеником токаря на фабрике сельхозмашин в Линдау (Бавария), в 1921 г. числился рабочим, а в 1924–1931 гг. – шахтером в Хаузгам (Бавария) и Ахен (Рур) [Личное дело Цеттлера, л. 2].

Стоит сказать, что кроме процитированного выше отчета о «Харламове» – «Кеслере», подготовленного офицером из SOE, ни в одном другом источнике о проблемах со здоровьем шахтера Цеттлера и отведенных ему врачами 28 годах жизни не говорится. Тем не менее примечательно, что в 1931 г. (т.е. в возрасте 27 лет) он действительно оказался в СССР.

Партиец. Разведчик?

Автор статьи о Цеттлере в справочнике «Кто был кем в ГДР?» категоричен: он считает, что в 1931 г. Цеттлер был принят в *разведывательную* «М – Школу» Коминтерна, где ему присваивают псевдоним «Йозеф Клейн» [Barth]. Между тем в материалах об этом периоде в РГАСПИ и в справке СВР об этой школе говорится как о *просто* специальной [Личное дело Цеттлера, л. 2].

В принципе словосочетание «М – школа» может быть отголоском русской аббревиатуры «МЛШ», т.е. «Международная Ленинская школа». Ее учебная программа включала, само собой, основательный идеологический курс, серьезную спортивную подготовку (легкая атлетика, игра в ручной мяч, в футбол и волейбол, лыжи) [Ховив 1985, с. 142], а также, по некоторым сведениям, радиодело [Dreyfus]. Но однозначно называть это учебное заведение «разведывательным» – конечно, преувеличение. Историки ГРУ оконченное тогда Цеттлером в СССР учебное заведение называют «*военной* (курсив

мой. – *С. Б.*) школой Коминтерна» [Колпакиди 2010, с. 572]. Судя по всему, это – ближе всего к истине. К тому же в Германию Цеттлер вернулся именно «в качестве преподавателя военной политики КПГ» [Barth].

Правда, после прихода к власти в Германии в 1933 г. Гитлера и в автобиографии самого Цеттлера, и в справке о нем из СВР появляется слово «нелегальный». Но пока это была еще не разведка, а «нелегальная *партработа* в Голландии и Бельгии» [Личное дело Цеттлера, л. 2]. Его «целевая аудитория» – немецкоязычные бельгийцы и соотечественники – беженцы в Нидерландах [Abel, Hilbert 2015, S. 563].

В 1934 г. его дважды арестовывают [Личное дело Цеттлера, л. 7]. Цеттлер перешел на нелегальное положение. А дальше – была Испания.

В Испании. Переход в разведку

В собственноручно написанных автобиографиях и собственноручно заполненных анкетах по поводу пребывания на Пиренейском полуострове Цеттлер допускает поистине интригующие противоречия. Период его пребывания в Испании – то 1934–1936 гг., то 1936–1937 гг. [Личное дело Цеттлера, л. 2, 11].

По современным немецким данным, он оказался в Испании либо летом [Barth], либо в середине октября 1936 г. [Abel, Hilbert 2015, S. 563] (хотя и здесь – загадочный разрыв в несколько месяцев). Как бы то ни было, ответственный за немецкие кадры в Комиссии по иностранным кадрам ЦК КП Испании «Густав» дал ему следующую оценку: «В военном смысле: очень вдумчивый, мужественный и ясный, но несколько медлительный. Личные качества: спокойный характер, хороший дух и высокий культурный уровень» [Личное дело Цеттлера, л. 20].

Он воевал под Гвадалахарой [Abel, Hilbert 2015, S. 563], стал политкомиссаром батальона в XI Интербригаде [Колпакиди 2010, с. 572], получил два ранения [Личное дело Цеттлера, л. 8].

И там же, в Испании, Цеттлера вербует Разведуправление Красной армии (или ГРУ на привычном сегодня языке аббревиатур), после чего он окончил спецшколу ГРУ в Москве, где «получил подготовку по фото-, радиоделу, подрывному делу». Вот когда он стал выпускником именно разведывательного учебного заведения! Кстати, такой информированный автор книг по истории ГРУ, как А. Колпакиди, назвал его именно «сотрудником ГРУ» [Колпакиди 2010, с. 572] (при весьма важной для российских спецслужб разнице между штатными сотрудниками и завербованными агентами).

В Испании своему вновь обретенному сотруднику Цеттлеру резидентура советской военной разведки присвоила, надо признать, не очень замысловатый оперативный псевдоним *«José»* (по сути, испанский эквивалент его

немецкого имени *«Josef»*). С 1937 г. именно это имя присоединили к его партийной фамилии «Klein» в его паспорте [Личное дело Цеттлера, л. 7].

Но работа ему предстояла опять в Северной Европе. Согласно сразу двум источникам, в 1939 г. он вернулся в Нидерланды [Abel, Hilbert 2015, S. 563; Колпакиди 2010, с. 572]. А значит, он оказался в том месте и в то время, когда там закладывалась основа «Красной капеллы».

Био- и *география*

Сразу из всех трех указанных выше источников следует, что в 1940 г. Цеттлер побывал с неким спецзаданием еще и в США [Личное дело Цеттлера, л. 2, 11; Pickaxe operations: Everest]. По еще одной версии, на период 1940–1941 гг. приходятся и его командировки по линии ГРУ в Румынию, Италию, Болгарию и Югославию [Barth; Halbmayr 2009, S. 179] (хотя не будем забывать о странной записи о 1934–1936 гг., когда в каких-то из этих стран он мог побывать и как «нелегал»-партиец – о чем он сообщал англичанам). Больше того, к этой версии надо добавить и еще одно загадочное противоречие. Из его автобиографии следует, что «с 1940 по 1942 гг. был в Москве в школе Красной Армии» [Личное дело Цеттлера, л. 11]. Согласно же А. Колпакиди, в 1939–1942 гг. он так и оставался на нелегальной работе в Голландии [Колпакиди 2010, с. 572]. Опять загадки!

Впрочем, на кое-какие вопросы ответить можно. Итак, британцы со слов «Харламова» записали, что он женат уже вторым браком. Точнее, не женат, но «связан с вдовой, у которой был ребенок от первого мужа, а теперь появился и от него» [Pickaxe operations: Everest]. По материалам РГАСПИ, в тот период женой Цеттлера стала Шарлотте Феллер: 1904 г.р., тоже член КПГ, домохозяйка [Личное дело Цеттлера, л. 8–9]. В послевоенной анкете Цеттлера указаны двое детей – сын Хорст Феллер 1930 г.р. (от первого брака жены) и сын Генрих Феллер 1942 г.р. [Личное дело Цеттлера, л. 8]. Эта запись подтверждает, что, во-первых, со своей второй женой Цеттлер в формальном браке не состоял (у детей – фамилия матери), но в то же время, во-вторых, что для того чтобы у него в 1941–1942 гг. родился сын, Цеттлер должен был вернуться в СССР.

Как бы то ни было, как писал сам разведчик, «в 1942 г. принят на работу в 1-е Главное управление НКГБ, переведен из РУ ГШ РККА» [Личное дело Цеттлера, л. 6]. Как уточнили в сегодняшней СВР, «в 1942 г. “Хозе” был передан на связь I Управлению НКВД СССР».

Напарник

Процитируем доклад приставленного к группе «Эверест» британского сержанта Кратцоффа, который наблюдал за прибывшим вместе с «Харламовым»-«Кеслером» из СССР «Александром Якубовым»-«Клейном»:

«Австриец, 34 года, женат, истый католик […]

Лёгкого нрава, доброго естества, социален, умен, большой патриот Австрии, разговорчив. Расположен к Англии и англичанам. Презирает Кеслера, а тайно и всех русских, так что не собирается возвращаться в Россию после войны […]

Был членом социал-демократической партии до германской оккупации […] Бежал через чешскую границу […] Провел некоторое время на Балканах, постоянно двигаясь в сторону России […] Собирается прекратить любую политическую деятельность после того, как Австрия будет освобождена […]

Младший брат был в […] 43-й дивизии австрийской армии унтерофицером. Сейчас, наверное, уже офицер. Его дивизия была одной из тех, которые попали в Сталинград […]

Родители проживают в Зальцбурге […]

По роду занятий занимался всем понемногу. Был учителем игры на цитре[2]» [Pickaxe operations: Everest].

Еще раньше капрал Уайлд пересказал слова «Якубова»-«Клейна» о том, что «если бы в начале войны он был не в России, а в Англии, то добровольно вступил в британскую армию» [Pickaxe operations: Everest].

На самом деле, «Якубов»-«Клейн» был никаким не беглым, а *плененным* австрийцем. Как уже было сказано, настоящее имя его – Альберт Хуттари. Родился 30 декабря 1908 г. Возможно, он и играл на цитре, но через чешскую границу из Австрии не бежал, а оставался на родине после всех драматичных событий 1930-х годов: работал на стекольной фабрике в Брунне-ам-Гебирге. Оттуда он и был призван в вермахт, но, попав на Восточный фронт, сам сдался Красной армии [Halbmayr 2009, S. 179].

Из ответа СВР на запрос ВГТРК: «По одному из архивных дел проходит “Ян” – Альберт Хуттари, 1908 г.р. […] который в апреле 1942 г. добровольно сдался в плен. Завербован НКВД СССР и в августе 1942 г. передан в Первое управление».

Конечно, можно было бы предположить, что, как выразился выпускник спецшколы Коминтерна в Кушнаренково (и тоже австриец) Леонгард Вольф-

2. Струнный щипковый музыкальный инструмент, получивший наибольшее распространение в Австрии и Германии в XVIII в. Имеет плоский деревянный корпус неправильной формы, поверх которого натянуто от 30 до 45 струн (в зависимости от размера инструмента).

ганг, Хуттари был одним из тех военнопленных, кто «из оппортунистических соображений готовы были подписать воззвания и декларации, направленные против Гитлера» [Леонгард 1984, с. 180–181]. Но Хуттари не был оппортунистом ни в одном из тогдашних смыслов этого слова. Альберт был членом Компартии Австрии (КПА) с 1929 г. [McLoughlin 1997, p. 311]. По записанным после войны собственным словам Хуттари, он получил от КПА «обязательное *задание* (курсив мой. – *С. Б.*) по попаданию в СССР, так как со дня на день ожидался мой арест» [цит. по: Halbmayr 2009, S. 178, Fn. 6].

Подготовка к вылету из Англии

Самое позднее 18 февраля 1943 г. группу «Эверест» поместили в Англии в «надежный дом» Хэнстедс [Pickaxe operations: Everest], а 11 марта отвезли в лондонский Кроптон-Корт, настроив на скорый полет на континент с аэродрома «Темпсфорд». Но, как и в случае с предыдущими «ледорубами», их полет был отменен из-за неподходящих погодных условий во время мартовских и апрельских полнолуний [O'Connor 2012, p. 142]. Паузу решили заполнить занятиями по выработке навыков избегания ареста по приземлении. Особое внимание уделялось тому, как обмануть нюх собак, в частности используя деревянную обувь [Pickaxe operations: Everest].

Тем временем пришла новость: полеты в Вену невозможны до осени. Майор Седдон из Русской секции SOE обратился к руководителю всей организации Хамбро: «Это поставило нас в очень неудобное положение перед нашими советскими коллегами […] задержка до октября была бы весьма пагубной для наших отношений и для духа агентов, о которых идет речь […] Операция "Ледоруб", хотя и является основанием испытывать стыд, является весьма важной для поддержания доброй воли НКВД в Москве» [Pickaxe operations: Everest].

Но, может быть, офицеры SOE были заложниками большой политики?

Большая политика?

Уже в 1946 г., т.е. практически «по свежим следам», вышла наделавшая много шума книга присутствовавшего на конференции «большой тройки» в Тегеране сына президента США Эллиотта Рузвельта. Тот привел такие слова отца после окончания одной из сессий: «Всякий раз, когда премьер-министр [Уинстон Черчилль] настаивал на вторжении [в Европу] через Балканы [а не через Нормандию], всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию» [World War 1999, p. 112].

Черчилль после войны категорически опровергал версию Э. Рузвельта: «В Америке стало легендой, что я стремился предотвратить операцию через Ла-Манш […] что я тщетно пытался заманить союзников в какое-то массовое вторжение на Балканах» [Churchill 1952, p. 344; пер. по: Бережков 1987, с. 250]. Черчилль уверял, что такого не было.

«Саммит» в Тегеране прошел в конце 1943 г. Справедливости ради надо повторить, что, по крайней мере *весной* 1943 г., в Лондоне действительно *переживали*, что не могут вовремя переправить в ту самую Австрию советскую группу «Эверест». Больше того, в миссию связи НКВД в Лондоне из SOE ушло целое оправдательное послание. В нем говорилось, что еще с 1942 г. Королевские ВВС прекратили полеты в сторону Австрии после апрельского полнолуния, так как на такой длинный полет не хватало темного времени суток – особенно после того, как вследствие союзных бомбежек немцы усилили свою ПВО в районе Мюнхена. Обход Мюнхена делал полеты до Австрии еще длиннее [Pickaxe operations: Everest].

Альтернатив было предложено две. Первая – парашютирование в районе германского Аугсбурга, от чего отказались сами «ледорубы»: в этом случае им пришлось бы преодолеть по земле 300 км до Вены, куда они собирались [TNA HS 7/287, p. 27]. От второй – полета не на бомбардировщике, а на легком разведывательном самолете – отказались Королевские ВВС [O'Connor 2012, p. 144].

Других вариантов не было. Пришлось ждать осени с ее куда более длинными ночами. На стыке сентября-октября руководитель миссии связи НКВД в Лондоне И.А. Чичаев попросил снабдить группу британским радиопередатчиком, который «доставал» бы из Вены до Москвы. Таковой был выдан, но показался «Кеслеру» неисправным, из-за чего вылет был перенесен с назначенного ранее 10 октября. Не состоялся он и 22 октября: закончилось полнолуние. Вылет 7 ноября также был отменен. К тому времени Королевские ВВС стали предлагать осуществить рейс в Австрию уже не из Англии, а из занятой союзниками Италии, откуда до Вены было ближе [Pickaxe projects]. Но и вылет 19 ноября из Италии был также отменен, на этот раз из-за тумана, накрывшего всю Европу… [Pickaxe projects].

В итоге группа «Эверест» встретила в Англии новый 1944 год, а вылет в Австрию (все-таки напрямую из Англии) состоялся лишь 6 января. Последними словами Цеттлера, обращенными к англичанам перед тем, как захлопнулся люк, были: «Спасибо большое за все что вы сделали. Вы большие молодцы» [O'Connor 2012, p. 150].

Характер миссии

Из ответа СВР на запрос ВГТРК: «В январе 1944 г. “Хозе” вместе с другим нашим агентом “Яном” был выброшен с английского самолета в районе г. Вены (Австрия) для разведывательной работы» [Ответ]. В данном случае вновь обратим внимание на это важное слово: «разведывательная». Значит ли оно, что нужно окончательно отмести британскую характеристику «Харламова» – «Кеслера» – Цеттлера как «политкомиссара»? Как ни странно, и да, и нет.

Вернемся к некоторым *методологическим* вопросам. Отвечая на запрос ВГТРК в СВР написали так: «Основное задание для всех [участников схемы “Ледоруб” в 1941–1944 гг. было] восстановить и наладить связь с нелегальными резидентурами НКВД и ГРУ и подпольными организациями Коминтерна» (см. опубликованный ранее ответ СВР на запрос ВГТРК [Брилёв, О’Коннор 2019, с. 11]).

С одной стороны, можно зацепиться за наличие в этом ответе слова «Коминтерн» и сказать, что британцы были правы: Цеттлер – политкомиссар. С другой стороны, не сами ли британцы, затевая сотрудничество с Москвой, исходили из того, что коммунисты в оккупированной Европе – нелишняя «пятая колонна»?

Своего рода «третий путь» интерпретаций предлагает крупнейший исследователь австрийского левого движения Барри Маклафлин, который, отметим в скобках, является *ирландцем* по происхождению. Он пишет: «Британцам нужен был саботаж или партизанская борьба. Последнюю предпочитал председатель SOE генерал-майор сэр Колин Губбинс. Он отслужил в Ирландии в […] 1919–1921 гг., где на его предпочтение атакам в стиле “коммандо” должны были повлиять партизанские боевые действия, широко развернутые Ирландской республиканской армией» [McLoughlin 2008, p. 2]. Обозначив этот, как видится, важный историко-психологический аспект, Маклафлин отмечает, что советские агенты вместо этого занимались «классической разведывательной деятельностью, как промышленный шпионаж, сбор сведений о передвижениях войск» [McLoughlin 2008, p. 2].

Забегая вперед, стоит сказать, что когда Хуттари стал под контролем гестапо передавать сообщения в московский Центр, то они касались как раз военных и политических вопросов – что отвечает определению СВР об их «разведывательном» задании.

Между тем Маклафлин продолжает: британцы, на его взгляд, правильно пришли к выводу, что в числе заданий «ледорубов» было еще и «воссоздание структур компартии […] учреждение советских “спящих” сетей» [McLoughlin 2008, p. 2]. Таким образом, получался – замкнутый круг. Тот, кого в Москве считали «разведчиком», в Лондоне не могли не считать «политкомиссаром».

И все-таки группу «Эверест» отправили в Австрию. Новая осечка состояла в том, что, достигнув заданной точки, пилот обнаружил там лагерь для военнопленных. Начав маневрирование, он сбросил агентов с разницей в 3 мин. Это означало, что на земле агенты оказались в 8 милях друг от друга [TNA HS 4/377]. Хуттари приземлился в Вельма, вблизи Мюнхендорфа, а Цеттлер – у Брука на реке Лейте. За обоими приземлениями наблюдали силы германской противовоздушной обороны (Люфтабвер) [Halbmayr 2009, S. 179].

Тру́сы?

Еще одна цитата из ответа СВР на запрос ВГТРК: «Как следует из материалов дела, после прибытия в Вену [“Ян” – Хуттари] проявил трусость, спрятался у своих родителей и никаких действий по легализации своего напарника “Хозе” не предпринял» [Ответ].

Впрочем, не будем забывать о том, что дело, на которое ссылаются в сегодняшней СВР, относится к тем временам, когда советская разведка входила в сталинские НКВД / НКГБ, где царила «культура» поистине безапелляционных формулировок. Куда более нюансированная версия событий содержится в статье, которую уже в XXI в. под эгидой Документального архива австрийского Сопротивления (DÖW) опубликовала Бригитт Халбмайр [Halbmayr 2009]. Она проделала, конечно, колоссальную работу по сопоставлению информации о группе «Эверест». Она сопоставила версию, изложенную австрийским историком Хансом Шафранеком, проанализировавшим показания гестаповца Занитцера, который «вел» группу «Эверест», а после войны предстал перед австрийским судом [Schafranek 1996], с выложенными теперь и в открытый доступ интервью, которые удалось взять у родственников Альберта Хуттари [Halbmayr 03.06.2008; Halbmayr 07.08.2008], и его собственными показаниями, которые мы уже цитировали выше.

Из интервью Иды Хуттари: «У моего мужа был брат, который по политическим соображениям перебежал к врагу. Мы долго о нем ничего слышали». И вдруг: «И в один прекрасный день, 9 января 1944 г., в 9 часов вечера раздался стук – я была с сыном и свекром дома, мой муж был на службе. И вдруг – стук, и кто же стоит на входе? Мой деверь (т.е. Альберт Хуттари. – *С. Б.*). Вот это был сюрприз, мы все остолбенели. Моя свекровь и тетя как раз были в кино, не дома. И тут свекор говорит: – Боже мой, как же я жене скажу, что наш парень тут? И вот, они возвращаются из кино, а Альберт в комнате. Я свекровь и тетю спрашиваю, как им кино, а они отвечают, что грустное и так далее. И Ида отвечает, что ей сегодня кое-что приснилось – чистая правда – приснилось, что Альберт стоит у двери. Свекровь ответила: я бы так ему обрадовалась! После этих слов Альберт вышел из комнаты» [Halbmayr 2009, S. 181–182].

Почему же он оказался у родственников? Действительно струсил? Как отмечает Б. Хальбмайр, несмотря на то что их заметила ПВО, и Хуттари, и Цеттлер смогли скрыться. Хуттари сутки скрывался в некой трубе канала, потом спрятал рацию и отправился на явочную квартиру. Но там не оказалось контактного лица, и тогда он отправился к своим родителям в Брунн-ам-Гебирге.

Как мы видели, там его приняли, и в следующие недели особое внутреннее напряжение царило во время ежевечерних карточных игр семьи Хуттари с соседями Вильдами, Мюллнерами и Ирмлерами; каждый второй вечер посиделки проходили у Хуттари, а в соседней комнате скрывался Альберт. Только вечером, после 22.00, он выходил во двор, чтобы выкурить сигарету и подышать свежим воздухом [Halbmayr 2009, S. 183]. Дополнительный риск состоял в том, что и И. Хуттари, и ее муж работали на вермахт: Адольф Хуттари служил инструктором в казарме, а сама Ида отвечала за выдачу обмундирования военнослужащим [Österreicherinnen im KZ Ravensbrück].

Ида и Адольф Хуттари, 1940-е годы
Фото воспроизведено по публикации:
[Österreicherinnen im KZ Ravensbrück]

Цеттлер при приземлении сильно поранил ладони. Тем не менее он форсировал реку Лейту и спрятался в стоге сена. Там на следующий день его нашли и поддержали сельскохозяйственные рабочие (видимо, из числа угнанных на работу в «рейх» иностранцев). Судя по всему, Цеттлер также никого

не нашел на явочной квартире, поэтому обратился за помощью ко все той же семье Хуттари – несмотря на то, что, как было замечено в Англии, он и Альберт не доверяли друг другу. Те 12 недель, которые отделяли его приземление и арест, Цеттлер находился сначала у тех самых соседей Хуттари по фамилии Мюллнер, а дальше его друг от друга передавали семьи Хольцер, Татар, Хохмайстер и Вундсам [Halbmayr 2009, S. 189].

Аресты

В половине шестого утра 30 марта 1944 г. в квартиру Хуттари постучали «газовщики». Это было гестапо. Как рассказывала И. Хуттари, находившаяся во время описываемых событий в соседней комнате, «газовщики» потребовали выдать Альберта и его пистолет. При этом они так грубо оскорбляли его мать, что Альберт вышел с пистолетом из укрытия. Тогда мать встала перед сыном, чтобы его не застрелили. Так, по мнению Иды Хуттари, мать Альберта 2 раза подарила ему жизнь [Halbmayr 03.06.2008].

Альберт, выступивший в качестве свидетеля в ходе послевоенного процесса против венского гестаповца Занитцера, рассказал, что было дальше: «Они заковали меня в наручники за спиной, сняли штаны и били меня, [в том числе] резиновой дубинкой […] Меня били со спины вниз до крестца и ниже – до нижней половины голени». Еще восемь недель после этого Альберт не мог сидеть или лежать на спине [Halbmayr 2009, S. 184].

Цеттлера взяли, когда он был у семьи Вундсам. Взяли в постели, били железными цепями [Halbmayr 2009, S. 192]. И здесь тоже были арестованы все присутствующие: Анна Вундсам, ее дочь Хильда и сын Оттмар, который, будучи солдатом вермахта, приехал в отпуск [Halbmayr 2009, S. 181]. В конце марта и начале апреля были арестованы и все остальные, кто в предшествовавшие недели укрывал Цеттлера [Halbmayr 2009, S. 193].

Причины ареста

Как стало известно из показаний гестаповца Занитцера, у него была целая «картотека агентов, которые были обучены противником» [Halbmayr 2009, S. 187]. Но откуда? И как нацисты знали практически обо всех советских агентах – «ледорубах», прибывавших в Центральную Европу?

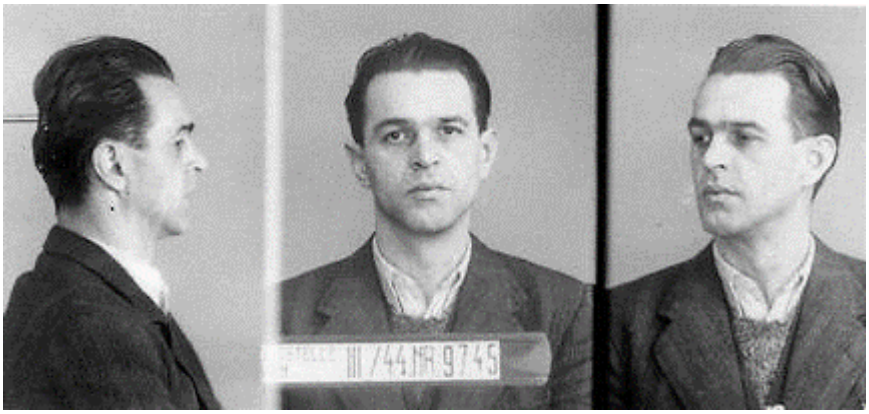
Во-первых, наиболее неприятная версия состоит в том, что в НКВД (а может, и в SOE) у нацистов был «крот». Во-вторых, не будем забывать о той «частности», что конкретно в этой истории за Хуттари уже следили: как за теми, чей сын сдался на фронте русским. К его брату Адольфу обратился агент-провокатор – сотрудник гестапо Брёдль. Он представился членом организации сопротивления и предложил сообщать ему любые новости от Альберта с целью «подготовить для этого укрытие» [Halbmayr 2009, S. 184].

Это – косвенное подтверждение того, что у немцев был свой «крот» в Москве или Лондоне: ведь со сдачи Альберта в плен в апреле 1942 г. прошли многие месяцы, но гестапо появилось на горизонте семьи Хуттари после того, как Альберт был парашютирован в Австрию.

Наконец, в-третьих, можно дать и важные пояснения к утверждению СВР о том, что «в марте 1944 г. “Хозе” и “Ян” были арестованы гестапо из-за предательства одного австрийского коммуниста, с которым “Хозе” был связан в Вене» [Ответ]. Участник австрийского сопротивления Иозеф Хольцер (укрывший Цеттлера) свидетельствовал: «Все товарищи, укрывавшие парашютистов, на 100% были надежны. Было безопасно до тех пор, пока не вмешался начальник общегородской ячейки КПА по Вене. Через тов. Бухира Гиди (Ойген Татар) познакомился с Робертом, что впоследствии привело к нашему аресту 30 / 31 марта 1944 года» [Halbmayr 2009, S. 188–189]. Полное имя этого человека – Роберт Вейдингер.

В застенках гестапо

Вновь процитируем справку о группе «Эверест» от сегодняшней СВР. Про Хуттари: «На допросах “Ян” дал признательные показания, согласился на сотрудничество и участие в радиоигре». Про Цеттлера: «Уличенный показаниями “Яна”, “Хозе” сознался, что он являлся агентом-радистом НКГБ СССР, дал согласие установить с нашими органами радиосвязь и работать под диктовку немцев» [Ответ].

Хуттари в застенках гестапо
Фото воспроизведено по публикации: [Halbmayr 2009, S. 199]

Важно: все это – как следствие *пыток* (и физических, и моральных). Доказательство – показания Хуттари на суде над гестаповцем Занитцером: «Он

угрожал мне истреблением всего моего рода, если я откажусь». Насколько можно понять, Занитцер на суде это опровергать не стал. Но читаем дальше показания Хуттари: «Я вынужденно выходил на связь и передал мой сигнал тревоги. Я получил телеграмму со словами: "Мы тебя очень хорошо расслышали"» [Halbmayr 2009, S. 186].

Очень важная деталь: в справке СВР говорится, что «Хозе»-Цеттлер «дал немцам заведомо неправильные условия связи, в результате чего связь с нами не была установлена» [Ответ]. Правда, как мы только что увидели, из показаний Хуттари следовало, что это *он* предупредил московский Центр о провале: «Я ответил – "Добрался в целости, большие трудности, Зепп у хороших друзей". Вместо имени Зепп я передал его имя на испанском, так как мы заранее условились, что если все будет плохо, то имя Зепп не будет упоминаться» [Halbmayr 2009, S. 186].

Однако версию СВР о том, что истинным «крепким орешком» для гестапо был все-таки Цеттлер, в данном случае подтверждают материалы… гестапо. Из показаний Занитцера: «Допрос Цеттлера был очень коротким, так как я предъявил ему информацию из моей картотеки о том, что его сообщником был Хуттари. Цеттлер подтвердил это. Он мне не сообщил, где находится Хуттари» [Halbmayr 2009, S. 187]. Из материалов, которые были обнаружены в архивах гестапо: «Хуттари утверждал, что он не коммунист, что он прошел подготовку и стал диверсантом только для того, чтобы покинуть СССР (не это ли он "репетировал" на британцах? – *С. Б.*). В этих обстоятельствах не требовалось никакого давления, чтобы он вступил в радиоигру […] Цеттлер сначала отказался от любого сотрудничества с гестапо, так как он опасался, что Советы могли взять в заложники его семью […] в Сибири. В конце концов он прогнулся и согласился сотрудничать» [Nollau, Zindel 1979, S. 87].

Как бы то ни было, в другом вопросе СВР, напротив, подтверждает слова Хуттари. Тот говорил: «Когда эта игра в "дезу" закончилась, [Занитцер] больше не проявлял ко мне интереса […] Меня направили в концлагерь». Вот и справка СВР гласит: «Не получив интересных данных, гестапо радиоигру прекратило, а "Ян" был направлен в концлагерь» [Ответ].

Судьбы. Хуттари

В концлагере Альберт Хуттари перенес тиф, но дождался Победы и осенью 1945 г. вернулся в Австрию, где «незамедлительно продолжил работу в КПА» [Halbmayr 2009, S. 199]. Как с этим согласуется информация, предоставленная английским спецслужбам о том, что после войны Хуттари не будет заниматься политикой?

Вот как этот период его жизни выглядит в справке СВР: «После освобождения уехал в Вену, где в октябре 1945 г. был установлен резидентурой.

В тот период агент работал в аппарате австрийской компартии, руководство которой было осведомлено о поведении “Яна” в гестапо. В мае 1947 г. “Ян” из агентурного аппарата 1 Главного управления МГБ СССР был исключен, как не представляющий ценности» [Ответ].

Но Хуттари был ценен – политически. Если в ноябре 1945 г. на первых послевоенных выборах городского совета Вены КПА смогла получить только шесть мандатов из 100 [The years], то Хуттари стал бургомистром своей малой родины Брунн-ам-Гебирге [Halbmayr 2009, S. 199]. Правда, надо заметить, что Вена была поделена на четыре оккупационные зоны державами-победительницами, а родной город Хуттари находится в Нижней Австрии, которая относилась исключительно к советской зоне оккупации [Agreement 1985].

Альберт Хуттари (он же «Ян», он же «Александр Якубов», он же «Клейн») скончался 25 мая 1978 г. на 69-м году жизни.

Судьбы. Укрывавшие Цеттлера и Хуттари

Всего по делу об укрывательстве группы «Эверест» было арестовано 17 человек. Остановимся на членах семьи Хуттари и их родственниках Мюллнерах.

Все женщины 22 августа 1944 г. оказались в концлагере Равенсбрюк. Старших женщин, 67-летнюю Каролину Хуттари и 53-летнюю Хермину Мюллнер направили на вязальные работы.

26-летнюю Иду Хуттари сочли годной для тяжелых дорожных работ. 28 апреля 1945 г. в рамках так называемого «эвакуационного марша» в направлении Малхова ей, вместе с другими заключенными, было приказано перевозить тачки с имуществом приближенных к СС. После прибытия в Малхов они бросили тачки и в темноте убежали в лес. Утром они дошли до деревни, где их спрятали и оказали помощь. Про возвращение в послевоенную Вену И. Хуттари вспоминала, что на кондуктора трамвая не произвел впечатление ее рассказ о том, что у нее, как у бывшего узника концлагеря, нет денег. Билет ей купила какая-то пассажирка [Österreicherinnen im KZ Ravensbrück].

Ее муж Адольф тоже был арестован. Так как он был унтер-офицером, он предстал перед военным судом в Торгау и был приговорен к девяти месяцам фронтового испытания. В Аахене он попал в британский плен. Он вернулся домой на Пасху в 1946 г.

Судьба других близких Иды, Адольфа и Альберта Хуттари печальна. Каролина Хуттари умерла в заточении 30 марта, а Хермина Мюллнер – 13 апреля 1945 г. [Halbmayr 2009, S. 195]. Адольф Хуттари-старший был

отправлен в Дахау, где дожил до Победы, был освобожден союзниками, но скончался 16 июня.

При этом никто из тех, кто выжил, ничего не знал о последующей карьере Цеттлера. Считалось, что его вывезли в СССР, где то ли отправили в лагерь, то ли расстреляли [Halbmayr 2009, S. 200].

Судьбы. Цеттлер

В 1945 г. Цеттлер был заключен немцами в концлагерь в Чехословакии, откуда был освобожден войсками Красной армии и направлен в Москву [Личное дело Цеттлера, л. 11; Ответ; Колпакиди 2010, с. 572]. Его допросили, но не арестовали и отпустили к семье: «С 1946 – в распоряжении IV Управления МГБ, 1947 – не работал, проживал в г. Томске» [Личное дело Цеттлера, л. 2].

Согласно справке, подколотой в его дело в РГАСПИ: «Произведенным расследованием установлено, что он был арестован гестапо в результате предательства одного из австрийских коммунистов, с которым он был связан в Вене. Находясь под арестом в гестапо, никаких преступлений против Советского Союза и компартии не совершил» [Личное дело Цеттлера, л. 6]. Это – лишнее подтверждение информации о сексоте гестапо в КПА, и версии о том, что именно Цеттлер *сорвал* радиоигру.

По сути, вторит этому документу справка из СВР: «После соответствующего разбирательства было принято решение о прекращении с ним связи и был поставлен вопрос о передаче его для использования по линии компартии Германии, на что было получено принципиальное согласие.

Решением комиссии ЦК ВКП (б) по выездам за границу от 2 июля 1947 г. ему был разрешен выезд в Германию.

Сведений о дальнейшей судьбе Цеттлера И. в дело не поступало» [Ответ].

Конечно, существует соблазн дополнить материалы СВР.

Естественно, в Восточной Германии Цеттлер теперь уже точно начал карьеру политкомиссара. В частности, он был политруком расположенного в Дессау-Кохтедт училища «Казарменной народной полиции» Восточной Германии, из которой вырастет Национальная народная армия ГДР. В 1952 г. он возглавил политотдел при штабе этой полиции, а с 1956 г. руководил таким же отделом уже при Министерстве национальной обороны. В 1960 г. по состоянию здоровья он покинул свой пост.

Он умер 14 сентября 1974 г. в Заалове [Leuschner 1979; Diedrich, Wenzke 2001, S. 446, 593, 800; Abel, Hilbert 2015, S. 563; Barth]. О его встречах с Хуттари после войны ничего неизвестно: они оказались по разные стороны «железного занавеса».

Библиография

Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. 4-е изд. М.: Международные отношения, 1987. 616 с.

Брилёв С., О'Коннор Б. «Тоник» и «Содовая»: ошибочная смесь. Причины провала коммунистов-немцев и австрийцев из числа участников англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. // Россия и современный мир. 2019. № 4. С. 145–170.

Брилёв С.Б. Операция «Оранж». Загадочные испанцы – участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 190–215.

Брилёв С.Б., О'Коннор Б. Разведка. «Нелегалы» наоборот. Сотрудничество спецслужб Лондона и Москвы времен Второй мировой. М.: АСТ, 2019. 464 с.

История Российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2014. Т. IV: 1941–1945. 694 с.

Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Экспо, 2010. 603, [3] с.

Леонгард В. Революция отвергает своих детей. 2. Russ. ed. (expanded). London: Overseas publ. interchange, 1984. 591, [3] с.

Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14 397.

Личное дело Цеттлера Иозефа // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 12 669.

Ответ Службы внешней разведки на запрос Всероссийской государственной телерадиовещательной компании (Из личного архива автора).

Ховив Е. Встретимся в Берлине // Каменный пояс: лит.-худ. и общ.-полит. сб. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1985. С. 126–181.

[Barth B.-R.] Zettler, Josef // Wer war wer in der DDR?: Ein Lexikon ostdeutscher Biographien [Online-Version]. URL: https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/wer-war-wer-in-der-ddr-%2363%3B-1424.html?ID=3938 (дата обращения: 22.11.2019).

Abel W., Hilbert E. «Sie werden nicht durchkommen»: 2 vol. Lich; Hessen: Verlag Edition AV, 2015. Bd. 1: Deutsche an der Seite der Spanischen Republik und der sozialen Revolution. 567 S.

Agreement on the occupation zones in Austria and the administration of the City of Vienna (9 July 1945). A Decade of American Foreign Policy, Basic Documents 1941–1949. Washington: Department of State Printing Office, 1985. P. 253–254.

Benett G. The Zinoviev Letter. The Conspiracy That Never Dies. London: Oxford University Press, 2018. 340 p.

Churchill W. The Second World War: 6 vol. London: Cassell & Co, 1952. Vol. 5: Closing the Ring. XVIII, 673 p.

Diedrich T., Wenzke R. Die getarnte Armee: Geschichte der Kasernierten Volkspolizei der DDR 1952 bis 1956. Berlin: Ch. Links Verlag, 2001. 921 S.

Dreyfus M., Lemarquis R., Pennetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY]. Le Maitron: Dictionaire biographique des fusillés guilotinnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article24419 (дата обращения: 22.11.2019).

Halbmayr B. «Das war eine Selbstverständlichkeit, dass wir da geholfen haben». Die Fallschirmagenten Albert Huttary und Josef Zettler und ihre UnterstützerInnen – ein Fallbeispiel. Dokumentationsarchiv des österreichischen: Schwerpunkt: Bewaffneter Widerstand – Widerstand im Militär: Jahrbuch 2009. Wien: Lit Verlag, 2009. S. 176–204.

Halbmayr B. Interview mit Ida Huttary 03.06.2008. Erinnerungen von österreichischen Überlebenden des Frauen-Konzentrationslagers Ravensbrück. 2. Teil. Österreichische Mediathek. Das österreichische Archiv für Tonaufnahmen und Videos aus Kultur- und Zeitgeschichte. URL:

https://www.mediathek.at/atom/1ED17C77-00A-00100-00000F7A-1ED0B81D (дата обращения: 22.11.2019).

Halbmayr B. Interview mit Ida Huttary 07.08.2008. Erinnerungen von österreichischen Überlebenden des Frauen-Konzentrationslagers Ravensbrück. 5. Teil. Österreichische Mediathek. Das österreichische Archiv für Tonaufnahmen und Videos aus Kultur- und Zeitgeschichte. URL: https://www.mediathek.at/atom/1D7A493F-115-00019-00002267-1D7A002D (дата обращения: 22.11.2019).

Leuschner M. Josef Zettler – ein Leben im Dienste der Arbeiterklasse. Militärgeschichte. 1979. N 6. S. 721–729.

McLoughlin B. NKVD-SOE Cooperation and Austria 1941–1945. [Barry McLaughlin's personal site]. URL: https://www.mcloughlin.at/wp-content/uploads/2018/05/SOE-NKVD-cooperation-talk-vienna-19.12.2008.pdf (дата обращения: 22.11.2019).

McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43. Labour History Review. January 1997. Liverpool: University Press, 1997. P. 296–317.

Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau. Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg, München: Blanvalet, 1979. 318 S.

O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthhill, 2012. 224 p.

O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang., 2010. XI, 338 p.

Österreicherinnen im KZ Ravensbrück: Ida Huttary.. Für den Inhalt verantwortlich Mag. Dr. Helga Amesberger, Mag. Dr. Brigitte Halbmayr (Institut für Konfliktforschung, Wien). URL: http://www.ravensbrueckerinnen.at/?page_id=2963 (дата обращения: 22.11.2019).

Pickaxe operations: Everest // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/345.

Pickaxe projects // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/337.

Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. Page 1–115 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.

Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944. Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.

The years of the Allied Forces in Vienna (1945 to 1955). History of Vienna. URL: https://www.wien.gv.at/english/history/overview/reconstruction.html (дата обращения: 22.11.2019).

Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

World War II: An Encyclopedia of Quotations. Howard J. Langer (comp. end ed.). London; New York: Routledge, 1999, 450 p.

References

Abel W., Hilbert E. «Sie werden nicht durchkommen»: 2 vol. Lich; Hessen: Verlag Edition AV, 2015. Bd. 1: Deutsche an der Seite der Spanischen Republik und der sozialen Revolution. 567 S.

Agreement on the occupation zones in Austria and the administration of the City of Vienna (9 July 1945). A Decade of American Foreign Policy, Basic Documents 1941–1949. Washington: Department of State Printing Office, 1985. P. 253–254.

[Barth B.-R.] Zettler, Josef. Wer war wer in der DDR?: Ein Lexikon ostdeutscher Biographien. [Online-Version]. URL: https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/wer-war-wer-in-der-ddr-%2363%3B-1424.html?ID=3938 (date of access: 22.11.2019).

Benett G. The Zinoviev Letter. The Conspiracy That Never Dies. London: Oxford University Press, 2018. 340 p.

Berezhkov V.M. Stranitsy diplomaticheskoj istori [Pages of diplomatic history]. 4 th ed. Moscow: International Relations, 1987. 616 p. (In Russ.)

Brilev S., O'Connor B. «Tonik» i «Sodovaya»: oshibochnaya smes'. Prichiny provala kommunistov-nemtsev i avstrijtsev iz chisla uchastnikov anglo-sovetskoj razvedyvatel'no-diversionnoj skhemy «Ledorub» v 1943 g [Tonic and Sodawater: A wrong cocktail. The causes of failure of Austrian and German communists enrolled in the Anglo-Soviet Pickaxe intelligence and sabotage scheme in 1943]. Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern world]. 2019 a. No. 4. P. 145–170. (In Russ.)

Brilev S.B. Operatsiya «Oranzh». Zagadochnye ispantsy – uchastniki anglo-sovetskoj razvedyvatel'no-diversionnoj skhemy «Ledorub» v 1943 g. [Operation Orange. Mysterious Spaniards – participants of the Anglo-Soviet intelligence and sabotage scheme «Pickaxe» in 1943]. Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern world]. 2019. No. 2. P. 190–215. (In Russ.)

Brilev S.B., O'Connor B. Razvedka. «Nelegaly» naoborot. Sotrudnichestvo spetssluzhb Londona i Moskvy vremen Vtoroj mirovoj [Intelligence. «Illegals» on reverse. Cooperation of the London and Moscow special services since the Second World War]. Moscow: AST, 2019. 446 p. (In Russ.)

Churchill W. The Second World War: 6 vol. London: Cassell & Co, 1952. Vol. 5: Closing the Ring. XVIII, 673 p.

Diedrich T., Wenzke R. Die getarnte Armee: Geschichte der Kasernierten Volkspolizei der DDR 1952 bis 1956. Berlin: Ch. Links Verlag, 2001. 921 S.

Dreyfus M., Lemarquis R., Pennetier C., Ravery J.P. Fromond Francine, Albertine [Pseudonyme à Moscou: Madeleine DUPUY]. Le Maitron: Dictionaire biographique des fusillés guilotinnés et exécutés massacrés 1940–1944. URL: http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article 24419 (date of access: 22.11.2019).

Halbmayr B. «Das war eine Selbstverständlichkeit, dass wir da geholfen haben». Die Fallschirmagenten Albert Huttary und Josef Zettler und ihre UnterstützerInnen – ein Fallbeispiel. Dokumentationsarchiv des österreichischen: Schwerpunkt: Bewaffneter Widerstand – Widerstand im Militär: Jahrbuch 2009. Wien: Lit Verlag, 2009. S. 176–204.

Halbmayr B. Interview mit Ida Huttary 03.06.2008. Erinnerungen von österreichischen Überlebenden des Frauen-Konzentrationslagers Ravensbrück. 2. Teil. Österreichische Mediathek. Das österreichische Archiv für Tonaufnahmen und Videos aus Kultur- und Zeitgeschichte. URL: https://www.mediathek.at/atom/1ED17C77-00A-00100-00000F7A-1ED0B81D (date of access: 22.11.2019).

Halbmayr B. Interview mit Ida Huttary 07.08.2008. Erinnerungen von österreichischen Überlebenden des Frauen-Konzentrationslagers Ravensbrück. 5. Teil. Österreichische Mediathek. Das österreichische Archiv für Tonaufnahmen und Videos aus Kultur- und Zeitgeschichte. URL: https://www.mediathek.at/atom/1D7A493F-115-00019-00002267-1D7A002D (date of access: 22.11.2019).

Istoriya Rossijskoj vneshnej razvedki: Ocherki [History of Russian Foreign Intelligence: Essays]: in 6 vols. Moscow: International Relations, 2014. T. IV: 1941–1945. 694 p. (In Russ.)

Khoviv E. Vstretimsya v Berline [Meet me in Berlin]. Kamennyj poyas: lit.-khud. i obshch.-polit. sbornik [Stone belt: literary, artistic and socio-political collection]. Chelyabinsk: South Ural Book Publishing House, 1985. P. 126–181. (In Russ.)

Kolpakidi A.I. GRU v Velikoj Otechestvennoj vojne [GRU in World War II]. Moscow: Yauza: Expo, 2010. 603, [3] p. (In Russ.)

Leonhard W. Revolyutsiya otvergaet svoikh detej [Revolution rejects its children]. 2. Russ. ed. (advanced). London: foreign publ. Interchange, 1984. 591, [3] p. (In Russ.)

Leuschner M. Josef Zettler – ein Leben im Dienste der Arbeiterklasse. Militärgeschichte. 1979. N 6. S. 721–729.

Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14 397. (In Russ.)

Lichnoe delo Tsettlera Iozefa [Personal file. Zettler Josef]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 205. F. 12 669. (In Russ.)

McLoughlin B. NKVD-SOE Cooperation and Austria 1941–1945. [Barry McLaughlin's personal site]. URL: https://www.mcloughlin.at/wp-content/uploads/2018/05/SOE-NKVD-cooperation-talk-vienna-19.12.2008.pdf (date of access: 22.11.2019).

McLoughlin B. Proletarian cadres en route: Austrian NKVD agents in Britain 1941–43. Labour History Review. January 1997. Liverpool: University Press, 1997. P. 296–317.

Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau. Sowjetische Fallschirmagenten im 2. Weltkrieg, München: Blanvalet, 1979. 318 S.

O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthhill, 2012. 224 p.

O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang., 2010. XI, 338 p.

ÖsterreicherInnen im KZ Ravensbrück: Ida Huttary.. Für den Inhalt verantwortlich Mag. Dr. Helga Amesberger, Mag. Dr. Brigitte Halbmayr (Institut für Konfliktforschung, Wien). URL: http://www.ravensbrueckerinnen.at/?page_id=2963 (date of access: 22.11.2019).

Otvet Sluzhby vneshnej razvedki na zapros Vserossijskoj gosudarstvennoj teleradioveshchatel'noj kompanii (Iz lichnogo arkhiva avtora) [Response of the Foreign Intelligence Service to the request of the Russian State TV and Radio Broadcasting Company (From the personal archive of the author)]. (In Russ.)

Pickaxe operations: Everest. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/345.

Pickaxe projects. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/337.

Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. Page 1–115 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.

Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944. Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.

The years of the Allied Forces in Vienna (1945 to 1955). History of Vienna. URL: https://www.wien.gv.at/english/history/overview/reconstruction.html (date of access: 22.11.2019).

Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

World War II: An Encyclopedia of Quotations. Howard J. Langer (comp. end ed.). London; New York: Routledge, 1999. 450 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.10

Н.П. Космарская

КАКОЙ ВИДИТ РОССИЮ МОЛОДЕЖЬ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН? МНЕНИЯ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА*

Аннотация. *В статье анализируется восприятие России особой группой казахстанского общества – студенческой молодежью, из которой будут рекрутироваться новые элиты. По мнению автора, при изучении восприятия различных стран на микроуровне важным дополнением к массовым опросам могут служить качественные методы, в частности фокус-группы. При их использовании, в ходе свободного общения с информантами, интересующие исследователей сюжеты раскрываются сквозь призму биографической истории, культурной и семейной памяти людей; их жизненных стратегий и личного опыта. Именно апеллирование к личному опыту дало возможность исследователям снизить воздействие на мнения студентов публичных дискурсов, транслируемых СМИ и социальными сетями.*

Представлены результаты дискуссий на десяти фокус-группах, проведенных в октябре 2016 г. и мае 2017 г. со студентами различных вузов Алма-Аты. Обсуждались следующие сюжеты: 1) впечатления от пребывания / проживания в России; 2) ситуация вокруг русского языка в Казахстане: оценка его настоящей и будущей роли; 3) отношение ко Дню Победы, наличие / отсутствие личной сопричастности этой исторической дате.

Дискуссии со студентами свидетельствуют о сохраняющемся пространстве культурно-языковой и ментальной общности Казахстана и России – пространстве, которое пока еще охватывает и молодые поколения. Рабочая гипотеза о том, что в условиях многовекторности геополитического курса Казахстана возможны существенные разрывы в мировосприятии казахской молодежи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), не получила обоснованного подтверждения. Показаны эмоциональные и рациональные факторы, способствующие сохранению общности (семейная память, инструментальная роль русского языка). В статье рассматриваются также причины появления «зон отчуждения» в восприятии России и способы их преодоления.

* *Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН I. 24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (проект «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии», 2018–2020). Исследование в Казахстане проведено при поддержке РГНФ-РФФИ, грант № 16-21-19003/17-ОГОН.*

Ключевые слова: *отношение к России в Центральной Азии; молодежь постсоветских стран; студенты Казахстана; русский язык в Казахстане; память о войне и практики коммеморации; личный опыт пребывания в России; качественные методы.*

Космарская Наталья Петровна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии
и Кавказа Института востоковедения РАН, Россия, Москва.
E-mail: kosmarskis@gmail.com
Scopus Author ID: 7801569543;
Web of Science Researcher ID: T-1264-2017

N.P. Kosmarskaya. How Russia is Perceived by the Youth of Post-Soviet Countries? The Attitudes of Kazakhstani Students

Abstract. *The article deals with the attitudes of Kazakhstani students towards Russia, this specific socio-demographic group being important due to the fact that, in time, new elites would be recruited from it. In author's view, qualitative methods, such as work in focus groups, can be an important addition to mass surveys of population samples, informing the researcher about perceptions of different countries at the micro-level. In the course of free communication with informants, meaningful data could be obtained from cultural and family memory of people, their life strategies and personal experience. It is precisely the appeal to personal experience that allows the researcher to counter-balance the impact of the media and social networks on student's views and attitudes.*

The article presents the results of discussions in ten focus groups held in October 2016 and May 2017 with the students from various universities in Almaty. Discussed were the following topics: 1) impressions from staying / residence in Russia; 2) the situation around the Russian language in Kazakhstan, assessment of its present and future role; 3) attitude to the Victory Day, the presence / absence of personal involvement with this historical date.

As the obtained results testify, there still exist a great deal of cultural-linguistic and psychological affinity between residents of Kazakhstan and Russia. The hypothesis that under the conditions of the multi-vector geopolitical course of Kazakhstan, there may be significant gaps in the worldviews of the Kazakhstani youth and older generations (including those related to attitudes towards Russia), has not been confirmed. Identified are emotional and rational factors conducive to the maintenance of the affinity with Russia (transmission of historical memory through generations, the instrumental role of the Russian language); also described are the causes of intermittent hostility towards Russia and the relevant ways to mitigate it.

Keywords: *Perception of Russia in Central Asia; the youth of post-Soviet countries; Kazakhstani students; Russian language in Kazakhstan; memory about war and practices of commemoration; personal experience of staying / living in Russian; qualitative methods.*

Kosmarskaya Natalya Petrovna – Candidate of Economics,
Senior Researcher, Center for Central Eurasian Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow. E-mail: kosmarskis@gmail.com
Scopus Author ID: 7801569543;
Web of Science Researcher ID: T-1264-2017

Научная и практически-политическая значимость изучения отношения к России в различных регионах мира, в первую очередь в зонах ее стратегических интересов, куда входит Центральная Азия и, в частности, Республика Казахстан (РК), многократно возросла в последние годы, отмеченные российско-западным геополитическим и экономическим противостоянием.

По мнению М. Ларюэль и Д. Ройса, попытки изучить отношение к ведущим мировым державам в стратегически важном для них Центрально-Азиатском регионе уже предпринимались, однако упор делался на позиции разных групп элит, а не рядовых граждан [Laruelle, Royce 2019, с. 197, 198]. Опираясь на регулярные массовые опросы (2012–2017) Евразийского банка развития (ЕАБР) и серию ежегодных опросов фонда Гэллапа об отношении жителей разных стран к политическим лидерам ведущих государств (2006–2017), Ларюэль и Ройс проанализировали мнения казахстанцев о России и США.

Практически по всем позициям Россия значительно опережает США в качестве предпочитаемого для жителей Казахстана политического партнера, поставщика товаров, услуг, культурных продуктов, инвестиций; как место для вре́менного трудоустройства, учебы, для переезда на ПМЖ и пр. [Laruelle, Royce 2019, с. 200–202]. Еще значительнее разрыв по показателям оценки политического руководства (по данным Гэллапа). Так, в 2017 г. одобряли деятельность властей США и России 24 и 69% опрошенных казахстанцев; относились с неодобрением 41 и 9%; затруднились с ответом 35 и 21% [Laruelle, Royce 2019, с. 199–200]. Однако авторы статьи не объясняют причины этих различий в оценках двух стран; аналитическая часть их работы посвящена в основном тестированию факторов, теоретически способных повлиять на позиции респондентов (возраст, этническая принадлежность, доступ к различным видам СМИ).

На наш взгляд, при изучении восприятия различных стран на микроуровне важным дополнением к массовым опросам могут служить качественные методы, обладающие значительным объяснительным потенциалом. При их использовании, во время свободного общения с информантами, интересующие исследователей сюжеты раскрываются сквозь призму биографической истории, культурной и семейной памяти людей; их жизненных стратегий и личного опыта (в нашем случае – общения с россиянами, пребывания, проживания в России в (пост)советское время).

Именно такое исследование отношения к России в Казахстане с помощью «мягких» методов было предпринято автором совместно с И. Савиным в 2016–2017 гг. в рамках международного проекта «Образы России в Евразии: память, идентичность, конфликты» (программа научного сотрудничества России и ЕС ERA.Net.RUS). В Алма-Ате и Петропавловске (город в Северо-

Казахстанской области) было собрано 50 глубинных (биографических) интервью с обычными жителями и 15 интервью с экспертами.

Цель статьи – анализ восприятия России особой группой казахстанского общества – студенческой молодежью. Опираясь на исследования в странах Восточной Европы, где новые поколения демонстрируют заметный разрыв в ценностях с теми, кто жил при социализме, западные ученые ожидали аналогичных сдвигов в мироощущении молодежи постсоветских стран, в частности Казахстана [Laruelle, Royce 2019, с. 203]. Насколько реальны опасения, что новые поколения элит из числа студенческой молодежи будут в скором будущем определять геополитические и внешнеэкономические ориентиры развития страны не в пользу России?

Для проверки гипотезы автором, совместно с И. Савиным, были проведены десять дискуссий в фокус-группах со студентами различных вузов Алма-Аты (октябрь 2016 г., май 2017 г.). Выбор именно этой части молодежной аудитории определяется тем, что студенчество – динамичная, мобильная часть населения; еще в период учебы мнение этой прослойки значимо для ближайшего окружения, а позднее, когда многие выпускники вузов вольются в элиты всех уровней, занятые в бизнесе, политике, управлении, их возможности влиять на общественное мнение возрастут [Тишков, Бараш, Степанов 2017, с. 81; Есимова, Панарин 2008, с. 53].

В дискуссиях, которые проходили на русском языке, приняли участие студенты «русских потоков» Казахского национального университета (КазНУ); Казахской академии транспорта и коммуникаций; Университета Нархоз; Евразийского технологического университета; Казахско-Британского технологического университета; Университета КИМЕП (в двух последних вузах обучение ведется на английском языке). Поскольку, по нашим наблюдениям, в среднестатистической университетской группе столичных вузов РК доля неказахов примерно соответствует их доле в населении страны (около 20%), участниками фокус-групп оказались в основном казахи (среднее число участников – семь-восемь человек; продолжительность дискуссии – от полутора до двух часов).

Важнейшим источником разного рода сведений о той или иной стране стали средства массовой информации, в первую очередь телевидение, а для молодежи особо важен Интернет и социальные сети. Стараясь учесть и иные факторы, формирующие позицию информантов, а также снизить воздействие на мнение студентов транслируемых СМИ представлений (хотя в полной мере это вряд ли возможно), дискуссии выстраивали таким образом, чтобы большинство обсуждаемых тем апеллировали к альтернативным СМИ источникам знаний о России – это личный опыт самих студентов и их ближайшего окружения, а также история семьи и семейная память.

В статье представлены результаты обсуждения со студентами следующих сюжетов: 1) впечатления от пребывания / проживания в России; 2) ситуация вокруг русского языка в Казахстане: оценка его настоящей и будущей роли; 3) отношение ко Дню Победы, наличие / отсутствие личной сопричастности этой исторической дате. Эти темы были выбраны также потому, что в них изначально заложен заряд дискуссионности.

Исследовательские вопросы были сформулированы нами следующим образом. Есть ли сходство и различия в позициях студентов и остальных казахстанцев (имеются в виду не эксперты, а обычные люди, мнения которых изучались методом глубинных интервью)? Может ли этнический фактор влиять на восприятие России в Казахстане (среди членов изучаемой группы)? Можно ли провести какие-то параллели между мнениями казахстанских и российских студентов – там, где это логически обоснованно – например, когда речь идет о таких сюжетах, как память о войне?

Начнем с краткого описания историко-культурного и социального контекстов, определяющих форматы и масштабы «присутствия» России в повседневной жизни казахстанцев.

«Россия здесь не присутствует, Россия здесь просто есть» Историко-культурный контекст формирования мнений о России

В последнем докладе «Интеграционного барометра» ЕАБР говорится о «феноменальной плотности... социальных связей стран ЕАЭС» [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 15]. На наш взгляд, к Казахстану этот вывод относится в наибольшей степени. Как поддерживается и чем проявляет себя эта «связанность» с Россией Казахстана?

Для 81% опрошенных ЕАБР в 2016 и в 2017 гг. граждан Республики Казахстан Россия является наиболее дружественной страной, «на поддержку которой в трудную минуту можно рассчитывать» [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 30]. Из всех стран СНГ, охваченных ежегодными опросами ЕАБР, именно в Казахстане (за ним следует с небольшим отрывом Беларусь) проявляется самый сильный интерес к приглашению артистов, писателей, музыкантов из России, к закупкам и переводам российских книг, кинофильмов, сериалов и пр. (48 и 58% в 2016 и 2017 гг.) [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 74].

Более всего заинтересованы в получении высшего образования в России жители Таджикистана и Киргизии (36 и 29% в 2017 г.), а далее следует Казахстан (24% опрошенных) [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 69]. Однако если речь идет не о предпочтениях, а о реализации конкретных планов

конкретными людьми, то именно граждан Казахстан больше всего среди иностранных студентов на дневных отделениях российских вузов – 39,7 тыс. человек в 2017 г. (на втором месте китайские студенты – 26,8 тыс. человек) [Шкуренко, Егупец 2019]).

Реальные контакты жителей РК с россиянами дополняют картину «плотности социальных связей» между двумя странами. По последнему опросу «Интеграционного барометра» 2017 г., доля респондентов, поддерживающих постоянные связи с друзьями, родственниками и коллегами в России, была наиболее высокой в странах, активно поставляющих в РФ трудовых мигрантов. То же самое относится и к данным о личном опыте посещения других стран с различными целями за последние пять лет. Однако цифры по Казахстану лишь немногим ниже (особенно по частоте посещений России), хотя оттуда в Россию не приезжают временные мигранты в сопоставимых масштабах. Так, 39 и 40% опрошенных в РК отметили в 2016 и 2017 гг., что постоянно общаются с друзьями и родственниками в России, а 26 и 28% побывали там в течение последних пяти лет [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 67].

Еще более показательны данные учета пограничных служб России и Казахстана: в 2016 г. на Россию приходилось 47,3% выездного потока из РК. Само количество выезжающих казахстанской стороной оценивалось в 4,61 млн человек [Шкуренко, Егупец 2019].

В 2017 г. из Казахстана в Россию было совершено 3,5 млн поездок, а в обратном направлении – 3,0 млн [Туристические потоки между Россией и Казахстаном 2018]. Эти огромные цифры отражают исторически сложившееся многообразие человеческих контактов через границу России и РК, самую длинную сухопутную границу в мире (около 7,5 тыс. км), а также этнодемографические особенности двух стран. В РК, несмотря на активные миграции 1990-х годов, все еще значительна численность русских (около 3,5 млн человек в 2018 г.), а в России издавна проживают казахи (около 650 тыс. человек).

Многообразные контакты казахстанцев разных национальностей с российскими казахами и россиянами, ранее проживавшими в РК, как раз и составляют основу той плотной сети социальных связей, которая сложилась между двумя странами еще в советское время. Эта сеть одновременно и способствует сохранению прежнего чувства культурно-языковой общности, и во многом существует благодаря сложившейся в советское время схожести культурных кодов и менталитета.

Говоря об историко-культурном контексте формирования мнений о России среди казахстанцев, необходимо учитывать роль российских СМИ, прежде всего телевидения, доминирующего в медийном пространстве РК и, по мнению многих респондентов разных национальностей и разного статуса,

привлекающего зрителей своим качеством. Многочисленные высказывания «обычных людей» придают новые краски данным опросов об интересе к российским культурным продуктам (см. выше) и рейтингам популярности доступных в РК телеканалов [Laruelle 2015, с. 327–328, 339]. В интервью неоднократно отмечалась низкая конкурентоспособность местной телепродукции для массового зрителя: «По телевизору что предлагают? Вот такие каналы, вот такие ток-шоу, такие у нас сериалы снимаются глупые, ниже плинтуса, вообще ужасные» (казашка, научный сотрудник, 2016 г.).

Сохраняющийся интерес и / или привычка казахстанцев к просмотру советско-российских фильмов, сериалов и пр. поддерживают, в первую очередь для людей среднего и старшего возраста, существование общих с жителями Россией культурных кодов; уютный и знакомый мир узнаваемых героев, шуток, метафор, социально (не)одобряемых моделей поведения; узнаваемую стилистику описания и интерпретации различных событий. Посмотрим теперь, как в рассказах студентов отражается описанный историко-культурный контекст формирования мнений о России.

Мнения студентов о России сквозь призму личного опыта

Для студенческой молодежи, подобно информантам более старших возрастных групп, Россия отнюдь не чужое пространство; это страна, у которой немало общего с Казахстаном. Кроме собственных впечатлений о поездках в Россию, у молодежи, вряд ли увлеченной просмотром телепередач или чтением газет, это чувство подпитывается через каналы семейной памяти; зигзаги личных биографий, связанных с советским временем. По наблюдениям А. Есимовой и С. Панарина, позитивная тональность казахстанских СМИ, пишущих о России, воспринималась не читающими газет студентами Чимкента опосредованно, через общение с родителями и другими представителями старшего поколения [Есимова, Панарин 2008, с. 66].

На дискуссиях со студентами Алма-Аты о своих ощущениях общности с Россией молодые люди говорили либо в констатирующем ключе, либо позитивно: «И то, что другая страна, такого ощущения нет. Как-то неделимы Россия, Казахстан; Казахстан, Россия...». Чувство близости с Россией могло актуализироваться при попадании в незнакомую среду: «Моя сестренка со школы – пять человек ездили в Германию; они скучали по дому, ничего казахского не было, и они нашли большое русское кафе и побежали туда, что-то такое родное, близкое...».

Заметно и отличие от интервью с «обычными людьми». У студентов ощущение схожести с Россией, если выйти за пределы представленных выше описаний, менее эмоционально и более рефлексивно: именно студенты много

говорили об общности социально-политических недостатков двух стран, подчеркивая тем самым сходство стоящих перед ними задач. Имеются в виду пассивность населения, неразвитость гражданского общества, политических институтов; недостатки выборной системы и пр.: «У нас почти все проблемы одинаковые – начиная с коррупции до семейно-бытовых». В интервью с казахстанцами (кроме экспертов) такого рода размышления практически отсутствовали.

Содержание и тональность рассуждений студентов на политические темы дополняют результаты инициированного американскими учеными опроса населения РК. Среди целей этого исследования было выяснение возможных различий в политико-идеологических взглядах «советских» поколений и молодежи. Один из главных выводов – «поколение Назарбаева» отличают прагматизм и аполитичность, в частности примиренческая позиция по отношению к распространенным в стране неформальным практикам [Junisbai, Junisbai 2018, с. 8]. Пока трудно сказать, как высказанные участниками фокус-групп мнения, которые можно назвать критикой с большой натяжкой, будут «работать» тогда, когда их носители вырастут, и кто-то из них войдет в узкий круг лиц, принимающих государственные решения.

А вот рассказы студентов о том, «какие в России люди»: как они относятся к казахам, жителям страны в целом (в том числе и к русским) и к Казахстану как к государству, часто были весьма критичными. Причем здесь наблюдается единодушие во мнениях участников фокус-групп, экспертов и городских жителей, с которыми были проведены биографические интервью.

Можно выделить три аспекта темы. Во-первых, отмечалось, что в России недружелюбные люди, в первую очередь в Москве. Во-вторых, говорилось, что «в России много национализма, плохо относятся к людям других национальностей». Наконец, участники вспоминали не просто о недружелюбии россиян, а о том, что они мало интересуются жизнью соседних стран, считают их «младшими», «подчиненными», «каким-то аулом», что ощущается и при личных, и при официальных контактах. Эти отзвуки «советского», сохранившиеся в представлениях россиян о бывших республиках, игравших в прежней иерархии подчиненную роль при доминировании Центра (сейчас эта роль традиционно приписывается России), могут способствовать отчуждению жителей Казахстана.

Этнолингвистические проблемы Казахстана глазами студентов

Дискуссии на фокус-группах в полной мере отразили сложившуюся за годы независимости Казахстана этнолингвистическую ситуацию – если рисовать ее крупными мазками. Это поступательное завоевание государственным

(казахским) языком новых сфер применения, при сохраняющейся (несмотря на постепенное снижение численности русских и других «европейцев») роли русского языка, имеющего законодательно закрепленный статус «языка межнационального общения», в качестве важнейшего инструмента приобщения к мировой культуре, науке, технологиям. Постсоветские переписи фиксируют весьма высокий уровень владения русским среди казахов, в первую очередь горожан[1]. Тут будет уместным вспомнить о том, что в силу ряда особенностей имперского освоения территорий, называемых сейчас Центральной Азией, а также специфики «национальной» политики советского времени, русско-титульный билингвизм (или даже полное русскоязычие) до сих пор очень распространены среди титульных групп, включая элиты (подробнее см., например: [Fierman 2012, Kosmarskaya, Kosmarski 2019]). В первую очередь это относится к Казахстану и Киргизии, где степень русификации была выше из-за кочевого образа жизни тех народов, которых сейчас называют киргизами и казахами, а также из-за отсутствия у них письменности в доимперский период.

Судя по самоописаниям лингвистических навыков и практик, студенты «дружат» с русским языком, широко используют его в учебе для приватного и профессионального общения в университетской среде. Во время дискуссий, однако, выявились и заметные различия в интерпретациях участниками этноязыковых проблем в РК.

Студенты элитных вузов, где учатся за плату в основном жители «южной столицы» из обеспеченных семей и где обучение проходит в том числе и на английском языке, продемонстрировали ярко выраженный прагматизм при обсуждении сюжетов, связанных с нынешней ролью и будущим русского и титульного языков в Казахстане. Именно студенты таких вузов чаще всего говорили о ценности русского как инструмента для решения разнообразных задач аккумуляции знаний и социального продвижения. В похожем инструментальном ключе многими участниками упоминалась и Россия, где, по мнению студентов, лучше развиты наука, образование; много хороших учебников и другой литературы.

С тем же прагматизмом обсуждался казахский язык. Признавалась значимость этого языка «вообще», при одобрении политики массового двуязычия в стране, но при обращении к личным планам улучшить знание казахского языка подчеркивалось, зачем ставились подобные цели. При этом недостаточное знание казахского не сопровождалось, судя по словам участников, какими-либо переживаниями: «Казахский я знаю не очень хорошо.

1. Так, по последней переписи 2009 г., понимали устную русскую речь 92% казахов, свободно писали 83,5, а свободно читали – 79% [Итоги национальной переписи 2011, с. 24].

Я не считаю, что мне должно быть стыдно, что я его не знаю, но я все равно буду изучать казахский – в будущем мне это пригодится».

Квинтэссенция прагматичного подхода к языкам – следующее высказывание студента одного из элитных вузов: «Я даже против изучения казахского языка. Я сам казах, меня с самого детства упрекают, что я не знаю казахский; мне это, честно, надоело. Я смотрю на язык как на средство общения, больше ничего. Это просто инструмент, и русский при занятиях наукой, политикой – более удобный инструмент».

Студенты из регионов, многие из которых обучались за государственный счет (фокус-группы с такими студентами прошли на нескольких факультетах КазНУ), продемонстрировали гораздо меньше прагматизма и больше эмоций. Отмечали, как и остальные участники дискуссий, пользу от знания русского языка, но именно о казахском языке говорили более пространно и эмоционально: «Сейчас очень престижно и, я бы сказала, очень круто знать казахский язык. Именно казахский язык, на самом деле, очень богат в литературном плане, там очень много красивых слов». Кроме радости, связанной с красотой языка, его нынешнее состояние, по мнению этой группы участников, ассоциируется со стыдом, грустью, печалью: «Печалит, что у нас казахи во многом забывают свой родной язык и общаются на русском. Даже в Китае есть тесты: укажите, пожалуйста, народ, который не разговаривает на своем родном языке. Там был правильный ответ – казахи. Это очень печально. Но все-таки я думаю, что русский язык нам нужен и необходим».

В целом выявленные различия в отношении разных категорий студентов к этнолингвистической ситуации в РК демонстрируют значимость социально-статусного фактора, определяющего восприятие России и связанных с ней исторических и культурных явлений. Причем ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы среди более старших возрастных групп казахов – различия в первую очередь по социальному статусу (сельские жители versus образованные горожане) (подробнее см.: [Космарская, Савин 2018, с. 190–191; Kosmarskaya, Kosmarski 2019]). Русскоязычие (часто идущее рука об руку со слабым владением казахским языком) является одним из основных маркеров, отличающих «городских» казахов от их сельских соплеменников (наряду с более высоким социальным и образовательным статусом).

Праздновать или скорбеть?
Память о войне и отношение ко Дню Победы

Судя по всем собранным в РК полевым материалам, восприятие Дня Победы в качестве «красного для календаря» является важнейшим проявлением общности, единения жителей России и Казахстана, где 9 Мая продолжают

отмечать и как государственный праздник, и как дату, затрагивающую сердца людей разных возрастов и национальностей: «Мы говорим о скрепах, условно говоря, между двумя нациями. Безусловно, это Великая Отечественная война» (казах, политолог, 2016 г.). При обсуждении сдвигов в календаре официальных праздников (перенос Дня защитника Отечества с 23 февраля на 7 мая) другой эксперт отметил: «Назарбаев тут старается и так, и так. Он никогда не отменит праздник Победы» (русский, депутат, 2016 г.).

Повторяющейся темой в высказываниях студентов стал сюжет, который можно назвать «Мы сделали это вместе!» Мотив общности со всем населением СССР, победившим фашизм, звучал и в интервью с жителями страны разных возрастов, однако студенты и здесь продемонстрировали более высокий уровень рефлексии и способность к обобщениям, дополнив тем самым обычный рефрен высказываний казахстанцев: «мы помним...», «мы всегда отмечаем» и т.п.

– «В этот день люди забывают о разнице, кто откуда был, кто воевал с нашей стороны, кто с российской; это день, когда все разногласия, которые были между нашими странами, в этот момент это все меркнет».

– «Потому что это наш праздник, в сердцах у всех гордость есть».

Повествования студентов, как и интервью с жителями двух городов РК, четко фиксируют зависимость вызываемых этой памятной датой эмоций и личностно окрашенного интереса к прошлому от наличия в семье или среди родственников ныне здравствующего ветерана или людей, которые с ветеранами много общались. Причем у студентов такого рода эмоции были не только положительными. Видимо, общение в семье с ветеранами способствует размышлениям, нередко весьма критическим, об отношении к выжившим участникам войны на государственном уровне: «От культуры моего дома у меня есть уважение к этим ветеранам. Даже больше: я буду относиться ко всем ветеранам так, как к своему родному дедушке и бабушкам, но тот факт, что все происходит очень формально, наигранно, меня это очень угнетает».

В исследованиях идентичности российской молодежи и, в частности, ее отношения к войне и к Дню Победы особо подчеркивается значимость семейной памяти (см., например: [Тишков, Бараш, Степанов 2017, с. 85]). На наш взгляд, в Казахстане механизм трансляции семейных воспоминаний от старших поколений к молодежи действует пока еще эффективнее, чем в России. Во-первых, здесь большую роль играют родственные связи как элемент сохраняющейся коллективистской культуры. Во-вторых, здесь слабее ощущается давление государственной идеологии, ведь в сегодняшней России День Победы – один из главных символов национальной идентичности.

Однако фокус-группы с молодежью уже фиксируют отход от эмоционального к более историческому пониманию связанных с войной событий: «У меня в семье не особо отмечается. Наши ветераны, которые воевали, давно

уже умерли, и такой традиции уже нет... Я этому празднику придаю больше историческое значение, чем эмоциональное». Во многом этот отход связан с утратой эмоциональной сопричастности по демографическим причинам – уход ветеранов и других людей, помнивших войну. С течением времени в этой сфере будет нарастать значимость поколенческих различий. Наши материалы показали, что по мере того как война и связанные с ней события уходят все дальше в историю, у новых поколений казахстанцев возникает желание переосмыслить их; усиливаются, например, сомнения в правомерности ассоциирования с «праздником» событий, сопряженных с огромными человеческими жертвами:

– «Это не праздник, это траур. Полегло столько людей, а они веселятся».

– «Я считаю, что это не праздник. Множество людей умерло, благодаря им мы сейчас живы. Я считаю, нельзя забывать об этом. Мы должны помнить, потому что благодаря этому у нас сейчас есть то, что мы имеем, все благодаря тому, что мы победили. Благодаря этой войне произошел прогресс, можно сказать, появились технологии».

Эти высказывания говорят о том, что по меньшей мере в рядах одной из социально-демографических групп Казахстана, причем весьма продвинутой с точки зрения интеллектуального развития и социального статуса, зреет стремление к переоценке коллективных мифологий, связанных с войной. Пока трудно сказать, в какой степени эти настроения распространены в республике в целом. А в России, также проходящей через естественную смену поколений, достаточно активно ведутся дискуссии о том, как преодолеть сложный переходный период, связанный с неизбежным угасанием «огня живой причастности», и «превратить Великую Победу из мифа коллективной памяти в предмет объективного исторического знания» (см., например: [Денисенко 2019]).

«Идущие против течения» размышления казахстанских студентов опять же можно интерпретировать как проявление общности с Россией – в том смысле, что исследования позиций российской молодежи свидетельствуют о наличии тренда к переосмыслению истории войны и практик коммеморации в аналогичном направлении. Так, по результатам общероссийского опроса студентов, охватившего 45 вузов (2015), для 8,2% респондентов День Победы был «просто выходным днем»; 42,3 – считали этот день «праздником», а для почти половины (49,5%) 9 Мая – «день памяти о родных, прошедших войну» [Инкижинова, Муратова 2016, с. 126]; см. также: [Лашук 2015].

Интересен и следующий момент – общение с казахстанскими студентами в большей мере отразило российские, нежели внутриказахстанские общественные дискуссии о войне и о том, чему она может научить современные поколения. Трактовки связанных с войной сюжетов, популярные в кругах так называемых национал-патриотов (в Казахстане и в Центральной Азии в целом) звучали при общении со студентами очень редко. Речь идет, в частности,

не о консолидирующих мнениях, доминирующих в дискуссиях на фокус-группах, а о разъединяющих: «мы тоже воевали, а русские этого не ценят»; «это не только русские победили»; о попытках заместить нарратив борьбы против фашизма нарративом борьбы за независимость.

Итак, позиции казахстанских студентов по политически чувствительным сюжетам, связанным с войной, сближены с настроениями (альтернативными официальным трактовкам), заметными в среде российского студенчества. Дискуссии на фокус-группах отразили скептицизм, неприятие патриотического официоза; стремление к осмыслению войны с точки зрения цены, которой была оплачена победа над фашизмом, и того позитивного, что она принесла стране и человеческой цивилизации. Подобные настроения, видимо, связаны с присутствием в РК российских СМИ, с включенностью молодежи в русскоязычные интернациональные социальные сети, где активно обсуждаются острые темы, а также с естественным демографическим замещением поколений в двух странах со сходными социально-политическими условиями.

Вместо заключения

Результаты фокус-групп с казахскими студентами свидетельствуют о сохраняющемся пространстве историко-культурной, языковой, ментальной общности двух стран – пространстве, которое пока еще охватывает и молодые поколения, из которых будут рекрутироваться новые элиты. Рабочая гипотеза о том, что в условиях многовекторности геополитического курса Республики Казахстан возможны существенные разрывы в мировосприятии казахской молодежи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), не получила обоснованного подтверждения. Исследование мнений студентов не выявило также заметных этнических различий в их трактовках тех или иных связанных с Россией социально-политических и культурно-языковых проблем.

К аналогичным выводам (о слабой значимости возраста и этнической принадлежности) пришли М. Ларюэль и Д. Ройс. На основе регрессионного анализа данных опросов авторы делают следующий вывод: «Очень немногие молодые казахстанцы считают США или Запад примером для подражания, которому должна следовать их страна... Несмотря на то, что их социализация пришлась уже на постсоветские годы и на тот факт, что численность русских в стране постепенно сокращается, молодые жители страны не в меньшей степени, чем их старшее окружение, благоволят к России, и не в меньшей степени желают иметь с ней более тесные отношения» [Laruelle, Royce 2019, с. 203, 207].

Объясняя свои результаты анализа позиций казахстанской молодежи, М. Ларюэль и Д. Ройс успешно преодолевают упрощенную схему, рисующую

геополитические симпатии казахстанцев как ориентацию молодежи на «прогрессивный Запад», а старших поколений – на «отсталую Россию». Так, ссылаясь на международный опыт молодежных движений, а также на сложность и противоречивость тех процессов, которые обычно формируют политические взгляды людей, они напоминают, что молодежь может выступать ниспровергателем общественного статус-кво как во имя либеральных, так и противоположных либеральным ценностей [Laruelle, Royce, с. 206].

Однако эти авторы не видят главного обстоятельства, определяющего позиции казахстанской молодежи и представителей других поколений по отношению к России (и на этом фоне – к США). Речь идет о рассмотренной в нашей статье схожести двух стран в политико-экономической, историко-культурной, языковой и ментальной сферах, которую продемонстрировали студенты и другие информанты. Это все то, что продолжает нас объединять – через преемственность советского и постсоветского опыта, с их во многом общими достижениями и пороками; через русскоязычное культурно-языковое пространство, охватывающее, хотя и в разной степени, обе страны, взаимные поездки с многообразными целями сотен тысяч жителей России и Казахстана; потоки товаров и услуг, информационный и культурный обмен; через незримые связи в виде семейной памяти, ностальгии, виртуального общения; наконец, через схожие культурные коды и общность пережитого.

На этом фоне, на наш взгляд, не вполне корректной выглядит сама предпринятая М. Ларюэль и Д. Ройсом попытка поставить рядом Россию и США и сравнить отношение к ним в Казахстане как к двум якобы равновесным по отношению к РК «иностранным державам» (external powers). Подобным образом было бы логичнее сравнивать мнение казахстанцев о таких равноудаленных от их страны объектах, как США и Евросоюз, США и Индия, и т.п.

Для казахстанцев Россия – это фактически часть (бывшего) целого, объединяющего две страны исторически, экономически, культурно. В распоряжении жителей страны разнообразные источники информации о происходящем в России (причем без языкового барьера), включая массово потребляемую продукцию российских телеканалов и опыт пребывания / проживания там для значительной части населения, тогда как США – это один из важных контрагентов РК в сфере внешней политики, а на обывательском уровне – «далекая мечта»; страна, знания о которой во многом основаны на мифологии и стереотипах. Поэтому демонстрируемый М. Ларюэль и Д. Ройсом разрыв в цифрах, на наш взгляд, вполне ожидаем и фактически запрограммирован все еще сохраняющейся общностью России и Казахстана.

Дискуссия о языках выявила фактор, который, в отличие от возраста и этнической принадлежности, определяет заметную разницу в позициях студентов. Речь идет о социальном статусе. Похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре существуют и среди более старших

возрастных групп казахов – сельские жители vs образованные городские старожилы. В связи с этим нужно подчеркнуть, что наша работа была сфокусирована именно на студентах и, шире, в рамках программы углубленного интервьюирования – на горожанах, в том числе молодых, а изучение взглядов сельской казахоязычной молодежи не являлось нашей целью и требует новых исследовательских подходов.

При обсуждении сюжетов, обладающих высокой актуальностью и в самой России – темы войны и военной памяти, казахстанские студенты обнаружили свою включенность именно в российский дискурс, а также близость к позиции российских студентов, оппонирующей официальным трактовкам.

В целом можно заключить, что существует немалый и пока слабо используемый Россией потенциал сохранения и укрепления того многообразного, питаемого как эмоциями, так и взвешенным прагматизмом чувства общности с нашей страной, которое продемонстрировала наиболее продвинутая, городская молодежь Казахстана в лице студентов вузов. В какой мере это обстоятельство осознается в России? Многое ли делается в этом направлении?

Важным шагом могло бы стать резкое расширение новых образовательных возможностей для молодежи Казахстана, причем разных национальностей; привлечение квалифицированных молодых специалистов для работы в нашей стране и пр. Однако сами по себе эти и подобные меры не будут, на наш взгляд, эффективными, пока в головах многих россиян сохраняется негативно-снисходительное восприятие стран Центральной Азии и их жителей, воспроизводящее прежнюю иерархичность в положении союзных республик (на фоне проблемы ксенофобии, об этом пишут редко). Отсюда отсутствие интереса россиян «к далеким и неведомым странам»; слабая информированность об их истории и культуре, о современных проблемах и достижениях.

В самом Казахстане описанная ситуация давно вызывает беспокойство. Еще 15 лет назад авторы одной из статей в «Казахстанской правде» отмечали: «Участившиеся сетования казахстанских политологов на то, что в России уровень информированности населения о нашей стране неуклонно снижался все постсоветские годы и сейчас приближается к критической черте, явно не лишены оснований» [Бочкарева, Есимова, Замятин 2005, с. 41]. Авторы статьи, из которой взята цитата, выявили в ходе своего исследования «информационную асимметричность образов» соседних стран, сложившихся у опрошенных ими студентов России и Казахстана. Ученые объяснили подобную асимметрию различиями «внешнеполитических стратегий России и Казахстана... В России последние 15 лет налицо явно прозападная ориентация, что, естественно, способствует размыванию образов центральноазиатских государств у молодых российских граждан» [Бочкарева, Есимова, Замятин 2005, с. 46].

С тех пор как был сделан этот вывод, немало воды утекло и очень многое изменилось в России, а также в мире вокруг нее и в связи с ней. Однако

описанный настрой россиян по отношению к Казахстану и его жителям, судя по собранным нами материалам, в своих основных чертах остался прежним. Вот лишь один красноречивый пример, который, подобно капле океанской воды, дает, на наш взгляд, полное представление об «океане» в целом. «Героями» здесь выступают преподаватели вуза, а ведь они учат и воспитывают молодежь, с которой будут общаться, в том числе и выходцы из Казахстана и других стран ЦА в случае приезда в Россию. Читаем статью о миграционных намерениях обучающихся здесь студентов из стран СНГ [Зангиева, Сулейманова 2016]. Авторы с помощью статистических операций доказывают, что русские студенты с большей вероятностью останутся в России, чем представители «коренных национальностей» из этих стран. Отсюда вывод, что государственные деньги лучше выделять на обучение русских из постсоветских стран, чем казахов, киргизов, молдаван, армян и пр., которые потом все равно покинут Россию [Зангиева, Сулейманова 2016, с. 139, 143]. Лучше для кого? Какие благие цели могут быть этим достигнуты?

Авторы не понимают, что получившие образование в России представители разных этнических групп из постсоветских стран самим фактом своего возвращения на родину укрепят все еще связывающую эти страны с Россией культурно-языковую полифонию, то пространство ментальной общности, о котором много говорили наши информанты в Казахстане. А это в любом случае будет помогать взаимопониманию, развитию полезных контактов как на уровне (будущих) элит, так и обычных людей. Однако авторы мыслят другими, автономистскими категориями. Так, они далее заявляют в своей статье, что поскольку многие представители титульных групп не считают русский язык родным, им будет трудно учиться в России – «на иностранном языке в чужой стране» [Зангиева, Сулейманова 2016, с. 137].

Если преподаватели с подобными взглядами и с подобными «знаниями» об истории, культуре постсоветских стран, о живущих там людях будут воспитывать студентов в аналогичном духе в ведущих российских вузах (куда, кстати, стремятся многие абитуриенты из Центральной Азии, чтобы услышать, что Россия для них – «чужая страна»), а выступая в роли экспертов будут формировать взгляды принимающих решения чиновников, то прагматично-доброжелательное отношение к России, которое пока сохраняется у молодежи страны, выступающей нашим главным стратегическим партнером в Центральной Азии, вряд ли сохранится надолго.

Библиография

Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 30–47.

Денисенко К. Война как историческая данность // Эксперт. 2019. 29 апреля. URL: https://expert.ru/expert/2019/18/vojna-kak-istoricheskaya-dannost/ (дата обращения: 25.08.2019).

Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане // Россия и ЕС в Центральной Азии / Отв. ред. М.Г. Носов. М.: Институт Европы РАН, 2008. С. 40–66.

Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 127–146.

Инкижинова С.А., Муратова А.В. Социальная память: российское студенчество и Великая Отечественная война // Известия Иркутской экономической академии. 2016. № 1. С. 123–128.

Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. 108 с.

Итоги национальной переписи Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. Астана: Статистический комитет РК, 2011. 65 с.

Космарская Н.П., Савин И.С. Что думают казахстанцы об отношениях с «северным соседом»? // Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 175–195.

Лашук И.В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. Вып. 6. Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2015. С. 210–220.

Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.

Туристические потоки между Россией и Казахстаном в 2017 году // Вести. Экономика. 2018. 13 ноября. URL: https://www.vestifinance.ru/infographics/11561 (дата обращения: 10.08.2019).

Шкуренко О., Егупец А. Что Россия и Казахстан значат друг для друга? // Коммерсант. 2019. 20 марта URL: https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec (дата обращения: 12.05.2019).

Fierman W. Russian in post-Soviet Central Asia: A comparison with the states of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. N 6. P. 1077–1100.

Junisbai B., Junisbai A. Are youth different? The Nazarbayev generation and public opinion in Kazakhstan // Problems of Post-Communism. 2018. 25 October. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1520602 (date of access: 25.08.2019). DOI: 10.1080/10758216.2018.1520602

Kosmarskaya N., Kosmarski A. «Russian culture» in Central Asia as a trans-ethnic phenomenon // Global Russian Cultures / Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 69–93.

Laruelle M. In search of Kazakhness: the televisual landscape and screening of nation in Kazakhstan // Demoktizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization. 2015. Vol. 23. N 3. P. 321–340.

Laruelle M., Royce D. Kazakhstani public opinion of the United States and Russia: testing variables of (un)favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N 2. P. 197–216.

References

Bochkaryova I., Esimova A., Zamyatin D. Obrazy TSentral'noj Azii v Rossii i Rossii v Kazakhstane (analiz otvetov studentov i publikatsij v SMI [Images of Central Asia in Russia and that of Russia in Kazakhstan (analysis of students' responses and media publications)]. Vestnik Evrazii [Acta Eurasica]. 2005. No. 3. P. 30–47. (In Russ.)

Denisenko K. Vojna kak istoricheskaya dannost' [War as a historical fact]. Expert. 2019. 29 April. URL: https://expert.ru/expert/ 2019/18/vojna-kak-istoricheskaya-dannost/ (date of access: 25.08.2019). (In Russ.)

Esimova A., Panarin S. Obraz i imidzh Rossii v Kazakhstane [Image and perception of Russia in Kazakhstan]. Rossiya i ES v TSen-tral'noj Azii / otv. red. M.G. Nosov [Russia and EU in Central Asia. Ed. by M.G. Nosov]. Moscow: Institute of European Studies RAN, 2008. P. 40–66. (In Russ.)

Fierman W. Russian in post-Soviet Central Asia: A comparison with the states of the Baltic and South Caucasus. Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.

Inkizhinova S.A., Muratova A.V. Sotsial'naya pamyat': rossijskoe studenchestvo i Velikaya Otechestvennaya vojna [Social memory: students of Russia and the Great Patriotic War]. Izvestiya Irkutskoj ekonomicheskoj akademii [Annals of Irkutsk Economic Academy]. 2016. No. 1. P. 123–128. (In Russ.)

Integratsionnyj barometr EABR – 2017. Doklad № 46 [Integration Barometer EABR – 2017. Report No. 46]. Saint Petersburg: Centre for integration research of the Eurasian Development Bank (EABR), 2017. 108 p. (In Russ.)

Junisbai B., Junisbai A. Are youth different? The Nazarbayev generation and public opinion in Kazakhstan. Problems of Post-Communism. 2018. 25 Oct. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1520602 (date of access: 25.08.2019).

Kosmarskaya N., Kosmarski A. «Russian culture» in Central Asia as a trans-ethnic phenomenon. Global Russian Cultures. Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 69–93.

Kosmarskaya N.P., Savin I.S. Chto dumayut kazakhstantsy ob otnosheniyakh s «severnym sosedom»? [Kazakhstanis' views on their relationships with the «Northern neighbor»]. Tsentral'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]. 2018. No. 1. P. 175–195. (In Russ.)

Laruelle M. In search of Kazakhness: the televisual landscape and screening of nation in Kazakhstan. Demoktizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization. 2015. Vol. 23. No. 3. P. 321–340.

Laruelle M., Royce D. Kazakhstani public opinion of the United States and Russia: testing variables of (un)favourability. Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. No. 2. P. 197–216.

Lashuk I.V. Sotsial'nyj komponent istoricheskoj pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v obshchestvennom soznanii zhitelej Belarusi: pokolencheskie razlichiya [Social component of historical memory of the Great Patriotic War in the worldview of residents of Byelorussia: generational gaps]. Sotsiologi-cheskij al'manakh [Sociological almanac]. 2015. Vol. 5. P. 210–220. (In Russ.)

Itogi natsional'noj perepisi Respubliki Kazakhstan 2009 g. Analiticheskij otchet [Results of the national population census of Kazakhstan 2009. Analytical report]. Astana: State Statistical Committee, 2011. 65 p. (In Russ.)

Shkurenko O., Egupec A. Chto Rossiya i Kazakhstan znachat drug dlya druga? [Russia and Kazakhstan: what do they mean to each other?] Kommersant. 2019. March 20. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec (date of access: 12.05.2019). (In Russ.)

Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Identities and life strategies of students in Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2017. No. 8. P. 81–87. (In Russ.)

Touristicheskie potoki mezhdu Rossiej i Kazakhstanom v 2017 godu [Tourist flows between Russia and Kazakhstan in 2017]. Vesti. Ekonomika [News. Economics]. 2018. 13 November. URL: https://www.vestifinance.ru/infographics/11561 (Date of access: 10.08.2019.) (In Russ.)

Zangieva I.K., Suleymanova A.N. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migratsii [Students from the CIS countries in Russia: prerequisites for migration]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social change]. 2016. No. 5. P. 127–146.

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.11

М.А. Ядова

ВЗГЛЯДЫ И ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *Автор рассматривает биографический метод как один из наиболее эффективных способов познания социальной реальности. Анализируется вклад биографических исследований в изучение взглядов, поведенческих стратегий и жизненных траекторий российской молодежи. При изучении истории жизни человека основным методом получения информации является биографическое интервью. В качестве примера рассматривается опыт изучения индивидуальных биографий представителей постсоветского поколения молодежи (годы рождения – начало 90-х годов) сквозь призму применения метода биографического интервью. В центре внимания автора – факторы, влияющие на выбор молодыми людьми современных или традиционных стратегий поведения. В качестве ведущих детерминант, определяющих процесс взросления постсоветского поколения, рассматриваются: близкое окружение, социальные институты, условия жизни, а также политические события, происходящие в стране. Отмечается значительное влияние социального окружения на формирование ценностей и взглядов участников исследования. «Модернистов» и «традиционалистов» отличает адаптивная гибкость: они легко готовы конструировать маршруты своего жизненного пути (трудовые, семейно-личные и пр.) с учетом меняющихся социальных обстоятельств. Показано, что несмотря на очевидную разность ценностей, поведенческих установок, особенностей взросления и жизненного опыта «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения, есть то, что стало общим формативным эффектом для них. Прежде всего это касается происходящих в России политических событий, на фоне которых взрослело данное поколение. Несомненно, постсоветская молодежь – скорее «дети» 2000-х, чем 90-х. «Модернистов» и «традиционалистов» во многом объединяет отношение к Крымскому вопросу и одобрение вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ.*

Ключевые слова: *биографические исследования; биографический метод; российская молодежь; жизненные траектории.*

Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500; Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

M.A. Yadova. The Youth's Views and Life Trajectories Through the Prism of Biographical Researches

Abstract. *The author explores a biographical method as one of the most effective ways of understanding social reality. The contribution of biographical researches to the study of views, behavioral strategies and life trajectories of the Russian youth are analyzed. When studying a life history, the main method of obtaining information is a biographical interview. As an example, we consider the experience in studying individual biographies of representatives of the post-Soviet youth (born in the early 90s) using this method. The author focuses on the factors that influence the young people's choices of today's or traditional behavioral strategies. The leading social determinants in this process are the surrounding community, social institutions, living conditions as well as political events taking place in the country. It is emphasized that the social environment of the study participants has a significant impact on their values and views. «Modernists» and «traditionalists» are notable for their adaptive flexibility: they are ready to construct the routes of their life paths taking into account changing social circumstances. It is shown that, despite the obvious difference in values, behavioral attitudes and life experience of «modernists» and «traditionalists», there is something common that helps them mature. First of all, it's the recent political events in Russia that they witnessed. The post-Soviet young people are more likely to be «children» of the 2000s than of the 1990s. Both the «modernists» and «traditionalists» adhere to similar attitudes towards the Crimean issue and the accession of Crimea and Sevastopol to the Russian Federation.*

Keywords: *biographical researches; biographical method; the Russian youth; life trajectories.*

Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Sociology and Social Psychology
of the Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Russia, Moscow. E-mail: m.yadova@mail.ru
Scopus Author ID: 55390048500;
Web of Science Researcher ID: S-7750-2019

Под биографическими методами в социальных науках обычно понимают способы подробного изучения жизненных траекторий отдельных людей. Наиболее часто источником биографических данных выступают личные документы (дневники, мемуары и пр.) и материалы интервью. Отечественный социолог И.Ф. Девятко отмечает, что в биографических исследованиях часто уделяется внимание не всем событиям жизни человека, а отдельным аспектам или стадиям жизненного цикла, например карьере, юности, школьным или студенческим годам, семейным / дружеским взаимоотношениям. Некоторые авторы, подчеркивая избирательность в выборе тем для жизнеописания того или иного человека, предлагают говорить не о биографическом методе или истории всей жизни, а об истории отдельного случая [Девятко 1998].

Наверное, самым известным и распространенным направлением в традициях качественной методологии в социальных науках является изучение истории жизни человека. Этот тип исследовательской стратегии сфокусирован на индивидуальной судьбе человека и направлен на сбор и анализ соответствующей информации. По мнению А.С. Готлиб, историю жизни от других исследовательских стратегий отличают следующие признаки: ориентация на текст, а не на реальную жизнь, нарративность, множественность образов, идентичностей и аудиторий авторов, сложные отношения в триаде «автор – его "Я" – текст» [Готлиб 2006].

Основная задача исследователя, выбравшего эту стратегию, – изучить не столько то, что произошло на самом деле, сколько представления информанта о ситуации, а также социальный контекст, в который встроен собеседник. Впрочем, для достижения той или иной степени объективности всегда есть возможность дополнить индивидуальную «историю» человека сведениями о том, как видят или переживают обсуждаемую ситуацию другие участники событий. По словам французского социолога Д. Берто, разрыв между реальностью и нарративом преодолим, если исследователь в своей работе будет придерживаться следующего подхода: «Хотя рассказы о жизни, без сомнения, являются субъективными, они могут быть использованы как ступени в конструировании социологических описаний и интерпретаций, которые настолько приближаются к объективному социологическому знанию, насколько это в принципе возможно» [Берто 1997, с. 15].

При изучении истории жизни человека основной метод получения информации – биографическое интервью. В качестве примера рассмотрим опыт изучения жизненных траекторий представителей постсоветского поколения молодежи (когорта рожденных в начале 90-х годов прошлого столетия) сквозь призму применения биографического метода. В рамках долгосрочного проекта (2008–2014) автором статьи с частью респондентов, отнесенных по результатам анкетирования (N=1600) к «модернистам» и «традиционалистам», проводились серии полуформализованных «глубоких» интервью биографического характера[1]. На глазах интервьюера информанты взрослели, в начале исследования они – старшеклассники или учащиеся колледжей

1. В общей сложности участниками интервью стали 48 человек с выраженными «модернистскими» и «традиционалистскими» ценностно-поведенческими установками. «Модернизм» (открытость изменениям, социальная активность и ответственность, амбициозность, самостоятельность) / «традиционализм» (качества, противоположные модерным) индивида определялся, согласно основным характеристикам модели «современной личности», разработанной известным американским социологом А. Инкелесом [Inkeles 1974].

г. Москвы, на последних этапах исследования – студенты либо вышедшие на рынок труда молодые специалисты, нередко с уже собственными семьями.

В центре внимания автора – факторы, влияющие на выбор молодыми людьми современных или традиционных стратегий поведения. Выбирая темы для беседы, мы исходили из предположения о том, что на процесс взросления представителей постсоветского поколения повлияли близкое окружение, социальные институты, условия жизни, а также происходящие в России политические события, современниками которых так или иначе оказались информанты. Респондентов спрашивали об их детских и школьных годах, взаимоотношениях с родственниками и друзьями, а также выясняли, как они оценивают те или иные политические события в нашей стране и т.д.

В ходе беседы мы старались дать информантам возможность побыть в роли не столько интервьюируемого, сколько рассказчика, ведущего свободное, хотя и направляемое интервьюером повествование о тех или иных жизненных моментах. Каждая новая тема, предложенная исследователем, становилась для участников интервью своеобразным нарративным импульсом. Такой формат беседы, многое взявший от нарративно-биографического интервью Ф. Шютце [Schütze 1983], позволил соединить объективно существующие эпизоды жизни информантов с их личными мироощущениями и переживаниями.

Что касается влияния на взгляды участников исследования родительской семьи, среди «традиционалистов» больше тех, кто вырос в неполной или неблагополучной семье. Впрочем, и, по данным проведенного нами ранее анкетирования, «модернисты» по сравнению с «традиционалистами» обладают более весомыми социальными ресурсами: они, как правило, выросли в полных, достаточно обеспеченных семьях, в которых один или оба родителя имеют высокий уровень образования. Обстоятельства жизни некоторых информантов, описывающих пережитые трудности, можно назвать «интенсивным биографическим трудом» (термин бразильской исследовательницы К. Алоизио Алвес) [Aloisio Alves, p. 161].

Вот что, к примеру, рассказывает о своих школьных годах одна 18-летняя студентка колледжа – «традиционалистка»:

> *В 14* [лет респондентки. – *М. Я.*] *умерла мать, в 16 – лишила родительских прав своего отца. <…> С мамой жила до 8 лет, но она не принимала участие в моем воспитании, так как постоянно находилась в запое, после чего отец забрал меня с собой, и я жила с ним и мачехой. Он участия тоже не принимал, воспитывала мачеха, всегда «кнутом» и очень редко «пряником». <…> в суд подала* [заявление о лишении отца родительских прав. – *М. Я.*] *и выиграла дело. <…> под опеку взяла бабушка по маминой линии.*

Впрочем, стоит отметить, что большинство участников интервью, независимо от их взглядов, уровня благосостояния родительской семьи, оценивают свое детство как счастливое; исключение составляют единицы, в основном дети алкоголезависимых родителей.

Участников интервью спрашивали о близких людях, обладающих для них моральным авторитетом и служащих примером. Мы предположили, что в ближайшем окружении «модернистов» есть носители современных взглядов, в то время как «значимые другие» «традиционалистов» придерживаются традиционных принципов. Эта гипотеза подтвердилась. «Модернисты» часто говорили о людях социально активных, из разряда «self-made man», открытых, внутренне свободных, немало добившихся. Для многих таким авторитетом стал близкий родственник (отец / мать, дедушка / бабушка, старший брат и пр.). Симпатии же «традиционалистов», как правило, на стороне авторитарных – жестких, властных, негибких, мыслящих в «черно-белых» тонах – людей.

Несмотря на то что образовательные и трудовые стратегии «модернистов» и «традиционалистов» заметно различаются (например, первые более последовательны и склонны к стратегическому планированию карьеры), нетрудно заметить то, что их объединяет. Представителей обеих контрастных групп отличают изрядная адаптивная гибкость, отсутствие страха перед переменами, готовность к нестандартному конструированию маршрутов своего жизненного пути (в том числе в личной и профессиональной сферах) с учетом изменяющих обстоятельств. Это показывает, что постсоветское поколение россиян вполне встроено в трансформирующуюся, «калейдоскопную» постмодернистскую реальность. В связи с этим вспоминаются слова президента Московской высшей школы социальных и экономических наук Т. Шанина, адресованные молодежи: «Своим студентам я сразу же говорю: разница между моим поколением и вашим в том, что в наше время человек осваивал в институте профессию, с которой оставался сорок лет, а если вы не поменяете профессию четыре раза за жизнь, я буду удивлен» [Коновалов 2004].

Особую ценность в биографических исследованиях представляет возможность анализа коллективного опыта «“проживания” определенной социальной ситуации» [Ядов в сотр. с Семеновой 2001, с. 402]. Часть вопросов интервью была посвящена теме восприятия участниками проекта политических событий, современниками которых в той или иной мере они оказались. Стоит отметить, что если 90-е годы юноши и девушки знают прежде всего по рассказам родителей и учителей, то «нулевые» для них – время собственных осознанных воспоминаний.

Прежде всего впечатляет внутренняя дистанцированность современной молодежи от последнего десятилетия XX в. Многие события, на которые была богата та эпоха (распад СССР, октябрьский путч 93-го, чеченская война,

дефолт), неинтересны информантам, о чем свидетельствуют их стереотипные ответы. Большинство «модернистов» и «традиционалистов», вероятно, ссылаясь на оценки старших и отечественных СМИ, считают 90-е годы сложными и негативными для России. Основная причина общеизвестна – тяжелая экономическая ситуация в стране. Коллективная оценка 2000-х годов в целом более позитивна. Опрошенные убеждены, что этот период принес россиянам спокойствие, материальный достаток, различные блага (Интернет, технические новинки, общедоступные путешествия за границу и др.).

Что касается событий так называемого Крымского кризиса, то они не оставили равнодушными даже обычно аполитичную молодежь. Как свидетельствует анализ результатов интервью на эту тему, большинство «модернистов» и «традиционалистов» с воодушевлением поддержали вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ. Правда, поддержка эта преимущественно декларативна: реально участвовать в борьбе за «Русский мир» постсоветская молодежь не готова.

Проведенное исследование позволило выделить общее и особенное в индивидуальных биографиях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения, а также обнаружило хороший эвристический потенциал научного подхода, основанного на сочетании данных массовых опросов с результатами работ, выполненных в традициях качественной методологии. Важно отметить, что биографические исследования имеют ряд преимуществ перед классическими строго формализованными количественными методами. Применение биографического подхода дает возможность «разглядеть» и «услышать» тех, кого в социальных науках принято сухо именовать объектом исследования, а также зафиксировать факты и явления, которые недостаточно заметны в массивах «больших данных».

Библиография

Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистической и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы Международного семинара, Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996 г. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 14–23.

Готлиб А.С. Познавательный потенциал «истории жизни» (life story) как стратегии качественного социологического исследования // Вестник Самарской Гуманитарной академии. 2006. № 1. Серия: Философия. Филология. С. 144–153.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 208 с.

Коновалов В. Без четверти три, через год // Известия. 2004. 6 янв.

Ядов В.А. (в сотр. с Семеновой В.В.) Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 596 с.

Aloisio Alves C. Être mere d'un enfant malade chronique: Une approche en recherche biographique // Le sujet dans la cite. 2017. Vol. 6. N 1. P. 153–168.

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. Lahnstein, 1983. Bd. 13. H. 3. S. 283–293.

References

Aloisio Alves C. Être mere d'un enfant malade chronique: Une approche en recherche biographique. Le sujet dans la cite. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 153–168.

Berto D. Poleznost' rasskazov o zhizni dlya realisticheskoj i znachimoj sotsiologii [The value of life stories for realistic and significant sociology]. Biograficheskij metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv: Materialy Mezhdunarodnogo seminara, Sankt-Peterburg, 14–17 noyabrya 1996 g. [The biographical method in the study of Post-Socialist societies: Materials of the International seminar, St. Petersburg, Nov. 14–17, 1996]. Saint Petersburg: CISR, 1997. P. 14–23. (In Russ.)

Devyatko I.F. Metody sotsiologicheskogo issledovaniya [Methods of sociological research]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 208 p. (In Russ.)

Gotlib A.S. Poznavatel'nyj potentsial «istorii zhizni» (life story) kak strategii kachestvennogo sotsiologicheskogo issledovaniya [A cognitive potential of live story is a strategy of qualitative sociological research]. Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj akademii [The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy]. 2006. No. 1. Seriya: Filosofiya. Filologiya [A series of «Philosophy. Philology»]. P. 144–153. (In Russ.)

Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. 436 p.

Konovalov V. Bez chetverti tri, cherez god [At quarter to three, in a year]. Izvestiya. 2004. Jan. 6. (In Russ.)

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview. Neue Praxis. – Lahnstein, 1983. Bd. 13. H. 3. S. 283–293.

Yadov V.A. (in cooperation with Semenova V.V.) Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya: Opisanie, ob"yasnenie, ponimanie sotsial'noj real'nosti [Strategy of sociological research: Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: Dobrosvet, 2001. 596 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.12

М.Ю. Мягков

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ КРАСНОЙ АРМИЕЙ И ВОЙСКАМИ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье анализируется роль Красной армии в разгроме войск гитлеровской Германии и ее сателлитов и освобождении Европы. Раскрывается значение советско-германского фронта как главного фронта Второй мировой войны. Анализируется дискуссия о сроках открытия западными союзниками второго фронта в Европе. Подчеркивается значение десяти крупнейших стратегических наступательных операций 1944 г. («10 сталинских ударов»), в ходе которых Красная армия окончательно изгнала немецко-фашистские войска с территории СССР и приступила к ликвидации германского господства в Восточной и Центральной Европе.*

В статье воспроизводится хронология освобождения советскими войсками европейских стран, выявляются особенности наступательных операций, делаются выводы об отношении населения этих стран к Красной армии. Фиксируются политические разногласия между СССР и западными союзниками относительно будущего Европы. Акцентируется, что советское руководство в 1944–1945 гг. решало не только собственно военные задачи, но и оказывало помощь британским и американским союзникам, спасая их войска в критические моменты контрнаступления германских войск на Западном фронте. Приводятся данные о потерях СССР и союзников в ходе наступательной операции в Европе.

В статье анализируются также мемуарные свидетельства участников событий – руководителей как советских войск, так и войск союзников, а также политических деятелей: советских маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского и И.С. Конева, британского фельдмаршала Б. Монтгомери, премьер-министр Британии У. Черчилля.

Делается вывод о решающем вкладе Красной армии в победу над фашистской Германией.

Ключевые слова: *Вторая мировая война; Великая Отечественная война; СССР; второй фронт; Г.К. Жуков; И.С. Конев; К.К. Рокоссовский; Румыния; Венгрия; Польша.*

Мягков Михаил Юрьевич – доктор исторических наук,
научный директор Российского военно-исторического общества,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
профессор кафедры всемирной и отечественной истории
МГИМО МИД России, Россия, Москва. E-mail: myagkov@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3136-2020

M.Yu. Myagkov. The Liberation of Europe by the Red Army and the Troops of the Western Allies: Military-Political Aspect

Abstract. *The article analyzes the role of the Red Army in defeating Nazi Germany and its satellites in 1945. Emphasizing the crucial importance of the Soviet-German front in the course of World War II, the paper also provides a detailed chronology of diplomatic negotiations with the Western allies about the opening of a second front in the Western Europe. In this context, the author writes about the paramount importance of the 10 major offensive operations of the Red Army in 1944, when not only the German troops were expelled from the Soviet territory but also crucial preconditions were created for the final defeat of Germany in Eastern and Central Europe. The article contains a detailed chronology of events that led to the liberation of European countries by the Red army, describes the characteristic features of its offensive operations and provides a picture of population's attitudes towards our troops in the liberated countries. Analyzed are political disagreements between the USSR and the Western allies over the future of Europe.*

The paper shows that, alongside with pursuing its own military tasks, the Red Army also provided substantial assistance to the British and American allies, when the German troops went on counter-offensive operations against them on the Western front. Presented is the data for the losses of the Red army and the allies in the course of the offensive operation in Europet.

The article draws on memoirs by the participants of the war, i.e. commanders both of the Soviet and Western troops as well as prominent statesmen of the time: the Soviet marshals G.K. Zhukov, K.K. Rokossovskiy and I.S. Konev, by the British field-marshal Montgomery and the British Prime Minister W. Churchill.

The author concludes with a thesis about the decisive contribution of the Red army to the victory over the fascist Germany.

Keywords: *the World War II; the Great Patriotic War; the USSR; the Second Front; G.K. Zhukov; I.S. Konev; K.K. Rokossovsky; Romania; Hungary; Poland.*

Myagkov Mikhail Yurievich – Doctor of Historical Sciences,
Scientific Director of the Russian Military Historical Society,
Leading Researcher at the Institute of World History RAS,
Professor of the Department of World and National History
of MGIMO of the Russian Foreign Ministry,
Russia, Moscow. E-mail: myagkov@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3136-2020

Вторая мировая война 1939–1945 гг. как глобальный конфликт имела главный театр военных действий – зону боев протяженностью многие тысячи километров, в которой были задействованы основные силы противостоящих друг другу коалиций. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. главным театром мировой войны безусловно и непрерывно был советско-германский фронт.

Именно Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. принадлежат по-настоящему ключевые победы антигитлеровской коалиции над войсками Оси. Для сравнения: в ходе Сталинградской битвы (продолжавшейся 200

огненных дней и ночей) общие потери немецко-фашистских войск убитыми, ранеными и пленными составили более 1,5 млн человек [Великая Отечественная война 2012, с. 421], в то время как за почти три года войны в Северной Африке общие потери германских и итальянских войск составили менее 600 тыс. человек [Великая Отечественная война 2012, с. 312], а в переломных для Тихоокеанского театра сражениях у атолла Мидуэй и за Гуадалканал Япония потеряла менее 40 тыс. человек [Великая Отечественная война 2012, с. 356, 358]. Максимальная протяженность советско-германского фронта в 1942 г. превышала 6 тыс. км, всего боевыми действиями в ходе Великой Отечественной войны была охвачена территория почти в 3 млн км^2 – почти треть европейского континента. По протяженности советско-германский фронт в 4 раза превосходил фронты, которые удерживали войска союзников в Северной Африке, Италии и Западной Европе вместе взятые даже в моменты, когда в районе последних происходили наиболее интенсивные боевые действия.

К началу Великой Отечественной войны фашистским блоком в Европе были оккупированы 12 стран (Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Дания, Норвегия, Люксембург, Нидерланды, Бельгия, Франция, Югославия, Греция). Семь из них полностью или частично были освобождены Красной армией в 1944–1945 гг.

Венгрию, Румынию, Болгарию и Словакию, попавших под внутреннюю оккупацию профашистских режимов, нужно было освобождать и от собственных правящих элит. Это относится и к Италии, освобождение которой западные союзники начали 10 июля 1943 г. высадкой на Сицилию. Борьба за Италию затянулась до самого конца войны. Итальянский фронт так и не стал полноценным вторым фронтом и не смог ни решительным образом приблизить конец войны ни – до самых последних дней войны – окончательно вывести из нее Италию.

Советское правительство запросило западных союзников об открытии второго фронта уже в июле 1941 г. Без сомнения англо-американские войска могли бы внести существенно больший вклад в победу над странами Оси в Европе, нанести поражение большему количеству немецко-фашистских дивизий и одновременно ощутимо сократить итоговые потери СССР, если бы выполнили просьбу советского руководства и открыли второй фронт во Франции раньше, чем это произошло в итоге.

Показательна история диалога по вопросу об открытии второго фронта между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой. В период масштабных наступлений вермахта на советско-германском фронте летом-осенью 1941 г., когда Красная армия несла огромные потери и, казалось, стояла на грани военного поражения, высадка союзников на еще не укрепленный южный берег Ла-Манша даже ограниченным контингентом безусловно могла стать значимым фактором для срыва плана германского

блицкрига. Однако учитывая нейтралитет США и лишь начальную стадию складывания союза СССР и Великобритании перспектива открытия второго фронта в Европе обсуждалась скорее в теоретическом ключе. В 1942 г., в ходе визита В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон, западными союзниками было впервые дано официальное, зафиксированное в соответствующем коммюнике от 12 июня, обещание высадить свои войска в Европе до конца года. Однако дезавуирование этого обещания У. Черчиллем в ходе его визита в Москву 12–17 августа 1942 г., когда немецкие войска рвались к Сталинграду и устремлялись к Кавказу, в серьезной степени подорвало доверие СССР к своим западным союзникам.

Поражение немецко-итальянских войск в Северной Африке и возникновение Итальянского фронта в 1943 г. не оказало большого влияния на противостояние СССР и вражеских войск на советско-германском фронте. Дело в том, что западные союзники были скованы в Италии на относительно узком и гористом направлении и не представляли непосредственной угрозы основным производственным центрам Германии. Полноценный второй фронт был открыт во Франции лишь 6 июня 1944 г., уже после того, как СССР безраздельно владел стратегической инициативой и даже в заявлениях своего высшего руководства выражал готовность покончить с Германией самостоятельно [Мягков 2017, с. 137]. Отметим, что между июнем 1942 г. (когда Москве было дано обещание открыть второй фронт) и июнем 1944 г. (когда союзники его реально открыли) на советско-германском фронте погибли более 5,5 млн военнослужащих Красной армии. Успешному осуществлению операции «Оверлорд» в июне 1944 г. в большой степени способствовала советская операция «Багратион», в ходе которой немецкая группа армий «Центр» была разгромлена в Белоруссии, а германский Генеральный штаб был практически парализован. Освобождение Франции было бы невозможно без успехов Красной армии.

Успеху операции «Оверлорд» сопутствовала и совместная дезинформационная операция западных союзников и советского Генерального штаба, согласно которой соединения Красной армии готовились нанести удары не в Белоруссии, а на флангах советско-германского фронта – в районе Северной Норвегии и Болгарии. Дезинформация сыграла свою несомненно положительную роль. Но не она, а именно успех Белорусской стратегической наступательной операции определил успех всех мероприятий западных союзников по высадке во Франции. «Багратион» буквально обрушил германский фронт и дал возможность англо-американским войскам прочно закрепиться, а затем и перейти в наступление в Северной Франции.

Оккупированную немецко-фашистскими войсками территорию СССР освобождали советские солдаты и немногочисленные на тот момент контингенты сформированных в Советском Союзе иностранных национальных под-

разделений. Завершали очищение территории Советского Союза от немецко-фашистских войск и прокладывали путь к началу освобождения Европы крупномасштабные наступательные операции Красной армии на различных участках советско-германского фронта, которые остались известны в истории как «10 решающих ударов» (ранее их также называли «10 сталинских ударов»).

В ходе седьмого по счету «решающего удара» – Ясско-Кишиневской операции – 23 августа 1944 г. в Румынии произошел государственный переворот, свергнувший режим диктатора Антонеску и профашистских генералов. Соответственно, Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции; Германии была объявлена война. Несмотря на это обстоятельство, потери советских войск при освобождении Румынии составили 286 тыс. человек, из них почти 69 тыс. – убитыми. Совокупные потери Румынской армии в боях против немецко-фашистских войск в 1944–1945 гг. составили 129 316 человек, из них 37 208 человек – безвозвратные потери, 92 108 человек ранеными и заболевшими. Вместе с тем не стоит забывать, что за годы войны на стороне Гитлера румынские Вооруженные силы потеряли 630 тыс. человек, из них 480 тыс. – убитыми.

На территорию Польши Красная армия вышла в ходе Люблинско-Брестской операции (18 июля – 2 августа 1944 г.), но освобождение этой страны затянулось из-за того, что немцы защищали польскую территорию с особенным ожесточением – через нее пролегал кратчайший путь к Берлину.

В западной исторической науке бытует тезис о том, что войска 1-го Белорусского фронта якобы умышленно не оказали помощь участникам Варшавского восстания. Документы и объективный анализ стратегической ситуации позволяют сделать вывод, что в той ситуации оказать помощь было невозможно. Советские войска были измотаны многокилометровым наступлением, нуждались в пополнении людьми, техникой и боеприпасами. Премьер-министр Британии У. Черчилль утверждал: «Советская Армия не смогла прийти на помощь варшавянам с первых дней восстания, так как советское командование не было поставлено в известность о готовившемся восстании, а оказать быструю помощь после его начала было уже невозможно» [Черчилль 1991, с. 401].

Наступление западных союзников в Северной Франции на первом этапе было достаточно медленным. Немцы достаточно умело использовали тяжелые условия местности, естественные и искусственные преграды, чтобы остановить продвижение западных соединений. Следует отметить, что силы США, Британии и всех зависимых от нее территорий, а также возрожденной Франции сковывали всего от 56 до 75 дивизий немецко-фашистских войск. Так, к началу июля 1944 г. на советско-германском фронте находились 235, а на Западном – 65 дивизий противника. В 1944–1945 гг. Красная армия

по-прежнему противостояла основной массе войск противника. За вторую половину 1944 г. немецкое командование перебросило на советско-германский фронт 59 дивизий и 13 бригад, а оттуда на Западный фронт – всего 12 дивизий и 5 бригад.

В то же время многие иностранные формирования, которые воевали на стороне Красной армии, проявляли истинные самоотверженность и героизм. Так, многие поляки приветствовали советские войска и присоединялись к Красной армии в ее освободительном походе. По воспоминаниям маршала К.К. Рокоссовского, «польское население относилось к Красной Армии тепло и приветливо. Видно было, что народ искренне радуется нашему приходу и старается сделать все, чтобы ускорить изгнание фашистских оккупантов. По мере продвижения вперед 1-я польская армия быстро пополнялась добровольцами из местного населения» [Рокоссовский 1968, с. 283].

О мотивах поляков свидетельствует маршал Г.К. Жуков, возглавивший на польской земле войска 1-го Белорусского фронта: «Слушая рассказы о зверствах, которые творили немецкие фашисты во время оккупации и особенно перед отступлением, трудно было даже понять психологию и моральный облик вражеских войск.

Особенно тяжело переживали разрушение Варшавы польские солдаты и офицеры. Я видел, как плакали закаленные в боях воины и давали клятву покарать потерявшего человеческий облик врага. Что касается советских воинов, то все мы были ожесточены до крайности и полны решимости крепко наказать фашистов за все злодеяния» [Жуков 2002, с. 267].

О приоритетах в распределении немецких резервов И.С. Конев свидетельствует следующее: «С октября по декабрь сорок четвертого года, т.е. в период подготовки и проведения Арденнской наступательной операции, гитлеровское командование перебросило с восточного фронта на западный только пять с половиной дивизий. И одновременно с этим в тот же период оно усилило свои войска, действовавшие на восточном фронте, двадцатью пятью дивизиями и одиннадцатью бригадами, переброшенными с разных других фронтов и направлений, набранными буквально отовсюду» [Конев 2017, с. 413].

Красная армия в ходе своего решающего наступления спасала не только народы Европы, страдающие от жестокостей немецкой оккупации, но и сами войска западных союзников. В тот момент, когда англо-американские войска попали в кризисную ситуацию в районе Арденн зимой 1944–1945 гг., советское военное руководство во главе со Сталиным по просьбе Черчилля начало свое генеральное наступление (Висло-Одерскую операцию) на восемь дней раньше запланированного срока, хотя советский удар до конца еще не был подготовлен. Безусловно, это решение приблизило Победу и существенно

улучшило положение союзников, но оно также увеличило потери советских войск.

Бои за освобождение Польши продолжались в общей сложности девять месяцев, в сражениях погибли более 600 тыс. советских воинов.

С 9 сентября 1944 г. после антифашистского военного переворота Болгария объявила войну Германии. Красная армия, потеряв 977 солдат и офицеров, помогла Болгарии очистить ее территорию от немецких войск. Болгарская армия присоединилась к освободительному походу СССР. В боях против немецкой армии и ее союзников совокупные потери болгарских Вооруженных сил составили 31 910 военнослужащих.

Вслед за Болгарией была освобождена Югославия – единственная (исключая СССР) европейская страна, где жители вели интенсивную партизанскую борьбу с фашистами.

Безвозвратные потери советских войск в ходе освобождения территории Югославии составили 7995 человек.

У. Черчилль описывал бои на юго-западном направлении советско-германского фронта осенью 1944 г. следующим образом: «Несмотря на очевидную опасность, создавшуюся в Польше, Гитлер придавал большое значение кампании в Венгрии и настойчиво подбрасывал туда подкрепления. Основное наступление русских при поддержке румынской армии началось 6 октября. Оно было направлено на Будапешт с юго-востока, дополнительный удар был нанесен с Карпат на севере, Белград, обойденный по обоим берегам Дуная, был освобожден 20 октября, а находившийся в нем немецкий гарнизон уничтожен» [Черчилль 1991, с. 440].

«В это время наша боевая мощь усилилась польскими, чехословацкими, румынскими и болгарскими войсками, которые успешно громили фашистов. Их общая численность к началу 1945 г. составляла 347 тыс. человек, они имели около 4000 орудий и минометов и около 200 танков», – таким видел один из итогов кампании 1944 г. маршал Г.К. Жуков [Жуков 2002, с. 256].

В октябре 1944 г. советские войска провели Петсамо-Киркенесскую операцию, что позволило окончательно освободить от немцев советское Заполярье, Северную Финляндию и Северную Норвегию с ее крупнейшим городом в регионе – Киркенессом. В боях на норвежской территории погибли 3436 советских солдат.

Тяжелейшие бои Красной армии пришлось вести на территории Венгрии, которая оказалась самым преданным сателлитом Третьего рейха. С сентября 1944 по март 1945 г. Венгрия стала полем сражений советско-германского фронта. Особенно долгим и кровопролитным был штурм Будапешта в октябре 1944 – феврале 1945 г.: большая часть Венгерской армии продолжала сражаться на стороне гитлеровцев, на стороне же СССР выступили всего несколько тысяч венгерских антифашистов. Последнее крупное немецкое

наступление во Второй мировой войне – Балатонская операция – также разворачивалось на территории Венгрии 6–15 марта 1945 г. И оборона Будапешта, и удар последнего остававшегося у Германии бронетанкового кулака в районе озера Балатон были обречены на провал, поскольку военное преимущество Красной армии было уже решающим. Однако агония вермахта затягивалась не только вследствие фанатизма Гитлера и его последователей, она подпитывалась надеждой на возможность сепаратного мира с Западом. Основания для этих ожиданий у фашистов были: к весне 1945 г. Красная армия представляли из себя настолько грозную силу, что ее всерьез опасались союзники.

Освобождение Словакии (тогда части государства Чехословакия) существенно затрудняли горные районы на востоке страны. Немецко-фашистские войска серьезно укрепились в Карпатах, и советским командованием изначально планировался обход их укрепрайонов. Наступать в условиях гористой и лесистой местности войскам 1-го и 4-го Украинских фронтов пришлось для того, чтобы оказать помощь словацким антифашистам, поднявшим стихийное восстание 29 августа 1944 г. Наряду с экстренно организованным наступлением, по свидетельству командующего 1-м Украинским фронтом И.С. Конева, «советское правительство и военное командование постоянно помогали словацким патриотам, перебрасывая в район восстания людей, вооружение, боеприпасы, медикаменты, средства связи и др.» [Конев 1987, с. 362]. Несмотря на все усилия, спасти словацкое национальное восстание от поражения не получилось, но части восставших удалось избежать расправы и продолжить партизанскую борьбу с оккупантами.

Большая часть территории Словакии была освобождена Красной армией в ходе Братиславско-Брновской наступательной операции 25 марта – 5 мая 1945 г.

В последние месяцы войны противостояние между СССР и союзниками обострилось. Так, например, британский главнокомандующий в Европе фельдмаршал Монтгомери утверждал: «…нам было крайне важно обеспечить, чтобы к этому моменту (к моменту победы над Германией. – *М. М.*) в Европе сложился политический баланс, который помог бы нам, западным народам, выиграть в мирном устройстве. Это требовало занятия некоторых политических центров в Европе – в частности, Вены, Праги и Берлина – прежде русских» [Монтгомери 2006, с. 353].

Но и Вену, и Берлин, как известно, взяли советские войска.

При освобождении Вены маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, стремясь не допустить разрушения города, запретил использование тяжелой артиллерии и призвал в радиообращении жителей австрийской столицы – ввиду скорого освобождения города Красной армией – в меру своих сил

противодействовать уничтожению зданий гитлеровцами. В боях на австрийской земле погибли 26 006 советских солдат.

Иная судьба ждала Берлин, превращенный немецко-фашистскими войсками в крепость. Столица рейха стала эпицентром последней битвы Великой Отечественной войны. После 23 дней ожесточенных уличных боев Берлин пал и гитлеровская Германия капитулировала, пережив своего фюрера чуть больше, чем на неделю. Более 100 тыс. советских солдат погибли в Германии в 1945 г.

Последней территорией, которую Красная армия освободила уже после того, как фельдмаршал Кейтель подписался под поражением Германии, была Чехия. Здесь находилась достаточно крупная и боеспособная группировка немецко-фашистских войск под командованием фельдмаршала Шернера. Одни ее участники надеялись сдаться союзникам и облегчить собственную участь, другим уже невозможно было надеяться на пощаду и на Западе. Разрушение Праги, которое могло бы стать культурной катастрофой для Европы, удалось предотвратить войскам 1-го Украинского фронта под командованием И.С. Конева. Он вспоминал, что 9 мая 1945 г. невозможно было получить «ни одного вразумительного доклада ни от одного из командующих армиями» об освобождении города. Причина тому – «ликование пражан. На улицах шли сплошные демонстрации. При появлении советского офицера его немедленно брали в дружеский полон, начинали обнимать, целовать, качать. Один за другим попали все мои офицеры связи в окружение – поцелуи, угощения, цветы...» [Конев 1987, с. 609].

В тот же день, 9 мая 1945 г., советские войска высадились на датском острове Борнхольм, где воспрепятствовали бегству 12 тыс. немецких военнослужащих в нейтральную Швецию. Несмотря на подписанный к тому моменту акт о капитуляции Германии, не обошлось без боестолкновений, в которых погибли 30 советских солдат. Освободительный поход Красной армии закончился.

Библиография

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М.: Кучково поле, 2012. Т. 3. 864 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 кн. М.: Олма-Пресс, 2002. Кн. 2. 416 с.

Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1945. Киев: Политиздат Украины, 1987. 622 с.

Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. М.: Вагриус, 2006. 384 с.

Мягков М.Ю. Европа между Рузвельтом и Сталиным. М.: Алгоритм, 2017. 400 с.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. 384 с.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3 кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 3. 702 с.

References

Churchill W. Vtoraya mirovaya vojna [Second World War]. Vol. 1–3. Moscow: Voenizdat, 1991. Vol. 3. 702 p. (In Russ.)

Konev I.S. Zapiski komanduyushchego frontom 1943–1945 [Notes of the front commander 1943–1945]. Kiev: Politizdat of Ukraine, 1987. 622 p. (In Russ.)

Miagkov M.Yu. Evropa mezhdu Ruzvel'tom i Stalinym [Europe between Roosevelt and Stalin]. Moscow: Algorithm, 2017. 400 p. (In Russ.)

Montgomery B. Memuary fel'dmarshala [Memoir of the Field Marshal]. Moscow: Vagrius, 2006. 384 p. (In Russ.)

Rokossovsky K.K. Soldatskij dolg [Soldier duty]. Moscow: Voenizdat, 1968. 384 p. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 1–12. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. Vol. 3. 864 p. (In Russ.)

Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. Vol. 1–2. Moscow: Olma-Press, 2002. Vol. 2. 416 p. (In Russ.)

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.13

А.В. Корочаров

РАСПАД СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *За период, прошедший с момента распада СССР, появилось много научных работ, посвященных исследованию этого события. Имеется большой объем литературы: статьи, монографии, мемуары, периодическая печать и др. Требуется осмысление и систематизация этого материала. В данном контексте важную роль играет анализ методологических позиций авторов. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать такие позиции, а также методологические подходы различных ученых.*

Решение поставленных задач достигалось путем изучения монографий и статей, опубликованных отечественными учеными за прошедшее с момента распада СССР время, а также работ зарубежных авторов, изданных за период существования СССР. Исследование построено в соответствии с анализируемыми методологическими подходами по проблемному принципу. Вместе с тем применялись описательный, типологический, аналитический и сравнительный методы.

В статье осуществлена классификация методологических позиций отечественных ученых, исследовавших историю распада СССР. Кратко рассмотрены особенности работы исследователей в рамках каждой методологической позиции, отмечены наиболее ценные в научном отношении аспекты каждого из подходов, позволившие уже сейчас достичь определенных результатов в изучении проблемы распада Советского Союза.

Отечественная историография данного вопроса изначально находилась – и по сей день остается – под значительным влиянием теоретических концепций, зародившихся на Западе во второй половине XX в. Основными методологическими подходами к изучению причин распада СССР среди отечественных ученых являются тоталитарный, модернизационный, имперский, марксистский, культурологический подходы, а также социальная синергетика.

Ключевые слова: *методологический подход; распад СССР; историография; этнонационализм; теория модернизации; теория тоталитаризма; социальная синергетика.*

Корочаров Алексей Владимирович – учитель истории и обществознания, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с. Бессоновка (МБОУ СОШ с. Бессоновка, Бессоновский район Пензенской области), Россия, Пензенская область. E-mail: korocharov@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3646-2020

A.V. Korocharov. Dissolution of the USSR in the Russian Historical Studies: Principal Methodological Approaches

Abstract. *In the period since the disintegration of the USSR, there appeared a great number of studies dedicated to this event. There is a sufficient body of scientific works: articles, monographs, memoirs, periodicals and other publications. All this calls for further reflection and systematization. In this regard, what is important is the analysis of the authors' methodological positions. This article constitutes an attempt to characterize such methodological approaches of various researchers.*

The paper reviews monographs and articles published by Russian scholars since the disintegration of the USSR as well as the works by foreign authors published during the existence of the USSR. Classified are their methodological principles, with the analysis aimed at identifying distinctive characteristics of individual theoretical paradigms. As a result, this made it possible to highlight the most valuable aspects of existing theoretical approaches, which, in sum, bring us closer to understanding the dissolution of the Soviet Union.

The Russian historiography on this problem was initially – and to this day – influenced by theoretical concepts formulated in the West in the second half of the 20th century. Nowadays, the basic approaches used in this field are «totalitarian», «modernizing», «imperial», Marxist, cultural and synergistic.

Keywords: *methodological approach; disintegration of Soviet Union; historiography; ethnic nationalism; theory of modernization; theory of totalitarianism; social synergetics.*

Korocharov Alexey Vladimirovich – Teacher of History and Social Studies; Municipal Budget Educational Institution Secondary School of Bessonovka. Bessonovka, Bessonovsky District, Penza Region, Russia, Penza Region. E-mail: korocharov@mail.ru Web of Science Researcher ID: AAF-3646-2020

Проблема изучения распада СССР представляет собой значительный интерес, так как, с одной стороны, данное событие предопределило весь дальнейший ход российской истории, а с другой – сам процесс исследования фактически развивался параллельно с формированием новой политической системы в России. Тем не менее в настоящее время отечественная историография распада СССР находится под влиянием западных теоретических установок, выработанных учеными, изучавшими Советский Союз еще в период его существования. Эти установки были предметом анализа некоторых исследований в нашей стране [Семенов 2001]. В целом ученым удалось выявить и охарактеризовать довольно широкий спектр теоретических концепций по вопросу причин распада СССР, рассмотреть современные направления развития историографии по указанной проблеме [Кириллов 2008, с. 62–70]. Предпринимались попытки периодизации накопленного историографического наследия [Коршунов, Кочеткова 2014]. Данная статья является продолжением

этой работы, в ней взгляды российских ученых классифицированы по методологическому признаку, охарактеризованы некоторые малоизвестные методологические подходы.

Среди упомянутых выше установок первой возникла теория тоталитаризма. Термин «тоталитаризм» возник еще в 1920-х годах применительно к режиму Б. Муссолини [Петров 2011, с. 9], впоследствии советское государство также стало причисляться к тоталитарным, а окончание Второй мировой войны и новый виток противостояния СССР с Западом привели к завершению оформления концепции тоталитаризма.

В соответствии с ней мир делится на две части – свободный или открытый Запад и закрытый, тоталитарный коммунистический мир во главе с СССР. «Тоталитаристы» стремились в своих работах найти четкие критерии отличий тоталитарного общества от западного (открытого или либерального). Сделать это, как оказалось, было непросто, и ученые смогли найти стойкие и явные различия лишь в политической сфере. Сводились они к тому, что в тоталитарном обществе существует особая форма власти, основанная на подавлении личности силовыми и пропагандистскими средствами, стремлении власти установить полный контроль над жизнью людей и т.п. [Friedrich, Brzezinski 1961]. Эта теория признавала ошибочность советского опыта по отношению к западному образцу [Пайпс 1993, с. 293], наличие политических изъянов в его основах, ведущих к принципиальной нереформируемости [Malia 1994, p. 5]. Такая логика предполагает, что советское руководство в любом случае не смогло бы реформировать систему, а значит, от нее пришлось бы отказаться.

Ко времени распада СССР данная точка зрения на Западе утратила былую привлекательность, но это не помешало ей стать весьма популярной в России. С самого начала 1990-х годов в нашей стране начали издаваться многочисленные работы по теме распада Советского Союза, в которых в той или иной мере отражено влияние данного подхода.

В работах тех лет довольно часто встречаются повторения канонического для данного подхода положения о невозможности реформирования СССР [Согрин 1995], о неизбежности «дезинтеграции Союза в условиях свободного естественно-исторического развития…», об очевидных причинах распада СССР («противоестественная империя не выдержала даже легкого дуновения свободы и распалась, как карточный домик» [Согрин 1992, с. 147]). Разрушение СССР представлялось вполне закономерным явлением на том основании, что «тоталитарные системы не поддаются радикальному реформированию: их можно либо слегка подновить, либо полностью разрушить» [Баталов 1992, с. 26].

Представления об СССР как о тюрьме народов, сегодня во многом изжитые [Тишков 2005, с. 594], также не были редкостью. Утверждалось, что

советский тоталитаризм пытался превратить всех граждан страны в «однородную массу без роду без племени, без исторической памяти, без веры» [Бородай 1992, с. 122]. Искусственным образом насаждался новый этнос – советский народ, что в итоге и привело к краху.

Некоторые исследователи выражали свое мнение довольно тенденциозно: «Общество – монстр, созданное в Советском Союзе партийно-государственной бюрократией, клявшееся в своей верности народу, пропитанное сталинским тоталитаризмом, должно было проснуться к новой жизни и совершить антитоталитарный демократический переворот» [Бутенко 1992, с. 65].

В советской системе виделся особый тоталитаризм советского типа – «сталинский казарменный псевдосоциализм», который начал разрушаться сразу после смерти своего создателя. А процесс существования советского общества с этого момента и до начала 1990-х годов был непрерывным разрушением тоталитаризма [Бутенко 1995].

В наступившем новом веке «тоталитаристский» подход продолжает сохраняться. В частности, в его рамках проводил исследования известный политик и ученый Е. Гайдар, видевший одной из главных своих задач «показать, что советская политико-экономическая система была по своей природе внутренне нестабильной. Что вопрос стоял лишь в том, когда она рухнет» [Гайдар 2006, с. 9].

Данная парадигма наложила свой отпечаток и на воззрения исследователей, в целом признающих многофакторность процесса распада СССР. Так, у известного историка Р. Пихои читаем следующее: «Советская система оказалась принципиально нереформируемой. Она могла жить только как система централизованная, свинченная номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на светлое будущее составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи нереформируемой, эта система оказывалась нежизнеспособной» [Пихоя 2005, с. 422].

Нельзя не учитывать то, что данный подход весьма удобен для использования в политических целях, что является одним из факторов его «живучести» в России. Распад СССР – это событие, которое пока еще невозможно отделить от политики, и в этом отношении тоталитарная модель с ее заметной политико-идеологической составляющей остается актуальной в нашей стране. Пока еще очень многим выгодно считать, что в основе гибели СССР находились «не личные качества Горбачёва и не консерватизм партноменклатуры. Они глубже. Это крайняя степень неэффективности сформировавшейся еще в 1920-х годах советской экономической и политической системы» [Безбородов, Елисеев, Шестаков 2010, с. 166].

Вместе с тем появлялась и первая критика тоталитарной модели, указывавшая вначале лишь на ошибочность смешивания фашистской и коммунистической форм тоталитаризма [Бутенко 1995].

Несколько позже пришло общее понимание того, что тоталитарный подход загоняет исследователя в узкие рамки заданных теоретических установок, что препятствует движению к объективности [Источниковедение 2004, с. 21–24].

Главной методологической альтернативой стал «модернизационный» подход, возникновение которого было во многом обусловлено политической ситуацией в СССР и международной обстановкой в 1960-х годах. Как известно, за жестким противостоянием начального периода холодной войны последовала «разрядка» в международных отношениях. С этим, а также с советской «оттепелью» и войной во Вьетнаме были связаны предпринимавшиеся на Западе попытки по-новому взглянуть на советский опыт, который теперь представлялся далеко не таким мрачным как ранее. Такая позиция постепенно утвердилась среди нового поколения западных ученых. Именно в этот период исследователи на Западе, придерживавшиеся «модернизационного» подхода, начали применять его к изучению Советского Союза. Они подошли к оценке сталинского периода с иных позиций [Hough 1978, p. 246], обратили внимание на такие аспекты, как социальные отношения и культура, неоднородность советского общества и наличие у него собственных интересов, отличных от интересов власти [Fitzpatrick 1979]. Трактовка «тоталитаристами» таких вопросов советской истории, как абсолютная единоличная власть Сталина и полное соответствие между партией и реализуемой ей идеологией, были поставлены под сомнение. Пересмотр сторонниками нового подхода тезисов «тоталитаристской» теории привел к тому, что он получил название «ревизионистского».

«Ревизионисты» впервые стали рассматривать историю СССР в качестве составляющей мировой истории с присущими ей процессами, характерными и для других стран, например процессом модернизации [Lowenthal 1970, p. 108–116]. Таким образом, Советский Союз переставал выглядеть неким монстром.

Именно этот подход был преобладающим на Западе в постсоветский период. Хотя отдельные исследователи в России, не преследуя цели устраивать соревнования между подходами, обратили внимание на отсутствие теоретической модели для изучения очень специфичного советского опыта, позволявшей сколько-нибудь адекватно его оценить. Они признавали, что наиболее обоснованной из таковых моделей была тоталитарная парадигма, поскольку именно она в наибольшей степени среди существующих концепций отражала своеобразие советской общественной системы. Поэтому отказ от нее означал регресс в понимании советского прошлого [Павлова 1998].

В целом же с первой половины 1990-х годов в работах российских ученых прослеживаются элементы ревизионистского взгляда, основанного на теории модернизации.

Исследователи связывали советские реформы с «запоздалым типом модернизации России» [Согрин 1994], признавали существование правильной дороги модернизации и «деформации модернизационного процесса» в России [Стецура 2004, с. 376], в результате которой была построена особая форма власти – «директивная демократия». То есть демократия не настоящая, не западная. Именно эта деформация и привела в итоге к краху. Советский период представал «экспериментом», проводимым ради преодоления отставания в развитии от западных стран [Зубков 2004].

Одной из самых известных попыток теоретически объяснить причины распада СССР с позиции теории модернизации является статья В.В. Алексеева и Е.В. Алексеевой. Авторы выходят за рамки этого подхода и включают в свое исследование элементы имперской парадигмы, которая будет рассмотрена позже. Они также полагают, что «объяснение гибели Российской (советской) империи следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы имперским и модернизационным векторами» [Алексеев, Алексеева 2003, с. 5]. Таким образом, В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева считают распад СССР итогом длительных исторических процессов – развития традиционной империи (видами которой были царская Россия и Советский Союз) и модернизации. С их точки зрения СССР потерпел крах в результате сложного переплетения этих двух векторов развития, которые оказывали взаимное влияние друг на друга. В целом авторы признают, что традиционная Российская (советская) империя погибла из-за того, что ее модернизация проходила по некоему неправильному пути.

По мнению других ученых, распад СССР «явился для России цивилизационной катастрофой потому, что под знаком объективно необходимой модернизации была сделана попытка осуществить “вестернизацию”. На деле либеральные реформы привели к демодернизации страны, подмена действительных ценностей квазиценностями отбросила страну на многие десятилетия назад» [Сенявский 2004, с. 99].

С модернизационной парадигмой перекликаются взгляды А.А. Зиновьева, анализ причин распада СССР которого органично вписан в его систему взглядов на развитие общества в целом. Он исходит из того, что в XX в. главной линией мировой истории стала борьба за лидерство в мировом эволюционном процессе между Западом и Советским Союзом. Последний смог предложить свой собственный проект, рассматриваемый автором не как ущербный, а как равнозначный и в некоторых областях даже более прогрессивный. Но силы сторон были сильно неравными, и в итоге Запад одержал верх, используя методы экономического, политического и, что особенно

важно, идеологического давления. Как пишет автор, «именно идеологическая сфера оказалась самым уязвимым звеном в советском обществе в его противостоянии Западу» [Зиновьев 1994, с. 110]. Сходство с «ревизионистами» здесь выражено не только тем, что советский опыт представлен ученым как некий проект альтернативной модернизации, но и тем, что как и «ревизионисты», автор убежден в отсутствии предопределенности распада СССР [Зиновьев 2009, с. 57].

Имела место и критика данного подхода. Исследователи обращали внимание на тот факт, что «многомерность всякого национального и цивилизационного пространства, которое подвергается модернизации, требует введения адекватных теоретических парадигм, достаточно устойчивых по отношению к одномерным идеологическим интерпретациям. Но более всего этот принцип относится к такому обширному, сложному и долговременному цивилизационному образованию, как Россия». Все это делает применение единой унифицированной схемы для разных обществ некорректным [Ерасов 1995, с. 73].

Поднимался вопрос и о сложности использования модернизационного подхода, связанной с тем, что «как в западной историографии, откуда пришли в отечественную историческую науку различные теории модернизации, так и в современной российской историографии не существует единства ни в определении самого понятия “модернизация общества”, ни в характеристике особенностей модернизационного подхода к изучению исторического процесса» [Заболотный, Камынин 2004, с. 487].

И.В. Герасимов в противовес имевшимся исследованиям в рамках модернизационного подхода, авторы которых брали за основу изменение социально-экономических, либо общественно-политических институтов, подходит к анализу истории России с несколько иных позиций. Он считает продуктивным при изучении Новой и новейшей истории России опираться на «модель модернизации, которая рассматривает этот процесс прежде всего как коллизию смены типов сознания, трансформацию субъекта общественного сознания, наконец, изменение типа самой общности людей» [Герасимов 1994, с. 63].

Автор выделяет традиционное и современное общества. Различием между ними является положение личности в обществе. Если в традиционном обществе личность – это всего лишь частичка общественной духовной матрицы, которая существует независимо от этой личности и включает ее в себя, то в современном обществе (обществе нового времени) личность обладает полной «духовной автономией от общества», став независимой и самодостаточной.

Процесс перехода от традиционного общества к современному, от первого типа личности и мышления ко второму проходил в России насильственно, через внешнее воздействие, не будучи результатом внутреннего развития,

как в западных странах. Это определило сложности этого перехода, который в полной мере не осуществлен до сих пор. Идут постоянные движения то в одну, то в другую сторону.

Переломный период начала 1990-х годов снова обострил этот вопрос. Россия как бы попала в порочный круг модернизационного развития и либо может совершить очередной его этап, либо вырваться из него [Герасимов 1994].

В целом модернизационная парадигма позволяет выйти за узкие рамки, устанавливаемые «тоталитаристской» моделью и рассматривать историю СССР как органическую часть мировой истории со своими особенностями. Это позволяет ставить вопросы об альтернативности в развитии Советского Союза, о сущности реформ и причинах распада, снимает идеологическую заданность исследований. Слабой стороной теории является недостаточная определенность центрального понятия – модернизации.

Факт распада СССР и поиски ответа на вопрос о причинах этого события заставили многих специалистов искать новые объяснительные модели. Одним из результатов этих поисков стало появление нового взгляда на историю СССР. Ученые на Западе обратили внимание, что причины распада СССР могут уходить корнями в досоветское, имперское прошлое, тем более что по своей сути советское государство было воссозданной формой этой империи. Модернизация в советском обществе привела к серьезным социально-экономическим и политическим изменениям. В результате этого процесса был дан значительный импульс развитию национальных элит народов СССР, вставших на путь строительства собственных государств [Каппелер 2000]. С этой точки зрения Москва объективно способствовала своей политикой формированию и эмансипации этих элит, выступая как центр большого многонационального государства – империи, а распад СССР – это распад многонациональной империи, подобной Габсбургской или Оттоманской. Такой подход к анализу причин распада СССР называют «имперским». В его рамках становится важным изучение характера взаимодействий «центр – периферия», а также процессов, протекавших в элитах республик и центра.

Некоторые ученые занимались изучением элиты еще в начале 1990-х годов, объясняя распад СССР процессами, происходившими внутри этой социальной группы [Кургинян 1992, с. 33–34]. Мнение о «разложении правящей элиты» разделялось историками и в работах более позднего периода [Медведев 2010, с. 631].

Процессы, происходившие в элитах, часто отражали национальные проблемы и межнациональные отношения в союзные государства. Исследователи обратили внимание на то, что провозглашенная политика по слиянию наций в советский народ не соответствовала реальным отношениям центра и республик, которые строились на национальной основе. И даже само деление

СССР было организовано по национально-государственному типу, а не по территориальному, что само по себе также было миной, изначально заложенной под фундамент СССР. Национальные элиты после смерти И.В. Сталина постоянно укреплялись и при Л.И. Брежневе этот процесс «зашел настолько далеко, что центр уже был не способен посягнуть на власть и интересы местных элит» [Вдовин 2013, с. 378]. Возможно, ключевой причиной этого стало то, что «советскому обществу не удалось отладить систему самоуправления и действенного контроля "низов над верхами", без чего они оказались беззащитными перед диктатурой вождей и всевластием партийно-государственной элиты» [Барсенков, Вдовин 2010, с. 12].

В кризисе советской государственной политики в сфере национальных отношений, приведшем к многочисленным ошибкам в период перестройки, видит одну из главных причин распада СССР З.А. Станкевич. Итогом этого кризиса, полагает он, стала ситуация, когда в ходе разработки нового Союзного договора руководство союзных республик прикладывало максимальные усилия к достижению независимости, а центр в ответ не смог выстроить грамотную позицию [Станкевич 2001, с. 261].

Другие ученые, что называется, пошли еще дальше. По их мнению, вся советская система представляла собой «огосударствленный этнонационализм», который «утверждал этничность в качестве одного из главных принципов построения государства и общества». Говоря проще, советское государство сознательно было выстроено из этнических единиц, которые объективно имели и проявляли свои националистические интересы. «При создании и первоначальном устройстве СССР был запущен в действие механизм производства этнонационализма – как принцип организации государства и общества и как мировоззренческая норма. Этот механизм привел к формированию социальных групп, интересы которых могли реализоваться именно через национализм, породил многообразные противоречия между "нациями и народностями", которые он же во многих случаях и создал» [Чешко 2000, с. 200, 219]. Предполагалось, что в ходе движения к коммунизму эти национализмы сами собой растворятся в более общих интересах советских людей, но этого не произошло.

В результате такого устройства государства сложилась ситуация, когда республиканские элиты смогли выдать свои узкие политические и экономические интересы за интересы всего этноса, что привело к обострению национальных проблем в СССР и началу вооруженных конфликтов. «Выйдя в годы перестройки из подполья, и наложившись на спонтанную во многом тенденцию "этнического возрождения", национализм стал одной из ведущих политических сил» [Чешко 2000, с. 367]. К национализму республик добавился необольшевистский по своему радикализму напор российских демократов и неспособность или нежелание Горбачёва контролировать ситуацию.

Ученые также обратили внимание на влияние процессов развития индустриального общества на национальные вопросы [Распад СССР 2006, с. 3]. Отмечалось, что «у этнонационального кризиса была своя логика долгосрочного развития, которая наложилась на события перестройки». Эта логика включала в себя и определенные проблемы. Если в фазе становления индустриального общества было сильным стремление к стандартизации, то «на новом витке развития культуры и общества, когда индустриальное общество достигло пика своего развития и приблизилось к полосе кризиса, возникает стремление к своеобразию, а не стандарту, усиливается интерес к национальным корням, поиск собственной идентичности, в том числе национальной». Кроме этого, была сильная разнородность в этническом составе и разные уровни развития народов и народностей, неравномерно росла численность разных народов, что также было связано с уровнями их развития и вело к «росту напряженности между представителями различных культур». На поздних ступенях перестройки, увидев в национальных движениях хороший способ реализации своих целей, «региональные кланы элиты уже задумывались использовать "национальное возрождение" в целях борьбы против центра». Что в итоге и было сделано. Решающим же для распада СССР стало аналогичное поведение российских «патриотов» и «демократов» во главе с Ельциным [Распад СССР 2006, с. 4, 7, 9, 10, 18].

По вопросу распада СССР существует много работ, которые нельзя назвать инновационными с точки зрения методологических оснований. Речь идет об отечественных ученых, работающих в целом в рамках методологии советского марксизма, но принимающих во внимание и иные подходы. В этих работах прослеживаются собственные ценностные и политические установки авторов, большинство из которых сформировались и утвердились в Советском Союзе. Условно можно объединить этих исследователей в некое патриотическое направление историографии, поскольку все они считают, что гибель СССР – это событие, имеющее отрицательные для страны последствия, и было организовано специально для подрыва мощи страны. С методологической точки зрения в распаде СССР они видят реставрацию капитализма в России, осуществленную обуржуазившейся советской номенклатурой и заговорщиками. С точки зрения интеллектуально-методологических изысканий такая позиция не выглядит оригинальной. Но несмотря на это, объяснить возникновение этой модели можно, о чем свидетельствует хотя бы факт создания множества работ, в которых проведен серьезный анализ конкретных событий. Это направление восходит к политическим битвам времен перестройки между консерваторами и сторонниками реформ. Эта позиция в значительной мере отражена в выступлении Г.А. Зюганова на суде по делу КПСС в 1992 г. [Зюганов 1992].

К этому направлению относится позиция С.Г. Кара-Мурзы, который считает, что советский строй – это нечто особенное, органично подходящее нашей стране с ее спецификой. Советский проект, полагал автор, «по своим масштабам был крупной цивилизационной программой, продолжавшей траекторию движения России как цивилизации». Этот строй не был идеальным, и в нем имели место кризисные явления, но они вызвали бы совершенно иные последствия, не будь такого решающего фактора, как Запад. Подобно А. Зиновьеву С. Кара-Мурза считает, что причиной ненависти Запада к СССР было то, что наша страна предложила принципиально иную парадигму развития, что угрожало глобальной гегемонии Запада, а может и его упадком. Антисоветские идеологи трактовали недомогание (пусть даже болезнь) советской системы, через которое периодически проходят все промышленные страны «как признак смерти системы советской» [Кара-Мурза 2001, с. 400, 207, 228, 642].

В этом ракурсе распад СССР – это «*новая революция* (курсив мой. – *А. К.*), подготовленная и осуществленная социальными силами, выращенными в лоне советского строя. Они не предполагали и не могут восстанавливать досоветский тип жизнеустройства, это разрыв непрерывности, разрыв со всей цивилизационной траекторией России» [Кара-Мурза 2001, с. 306].

Известный историк И.Я. Фроянов также высказывал свою точку зрения. Он также признает существование кризиса в СССР, в основе которого было отчуждение «трудящихся от собственности». После И.В. Сталина никто так и не смог внести в конструкцию СССР позитивных изменений, способных изменить отношение трудящихся к результатам своего труда. Более того, за послевоенный период в среде номенклатуры появляется прослойка будущих сторонников буржуазной реставрации, почуявших дурманящий аромат частной собственности [Фроянов 1999, с. 28, 37].

Автор считает, что возможности для преодоления кризиса были, но их не захотели использовать. Вместо того чтобы пытаться этот кризис преодолеть, Горбачёв и его соратники, начав в стране «перестройку», фактически пустили ее под откос. Это на словах выглядело «как обновление социализма, придание ему “человеческого лица”, а на деле было чудовищным разрушением советского общественного государственного и политического строя. Как показало время, цель, которую преследовали разрушители, состояла в том, чтобы реставрировать буржуазные отношения в нашей стране (это называлось переходом к рынку), привязать ее экономику к западной и создать благоприятные условия для дальнейшего продвижения в построении нового мирового порядка, новой вселенской цивилизации во главе с мировым правительством» [Фроянов 1999, с. 56].

Д.А. Лукашевич, исследовавший юридическую сторону распада Советского Союза, признает, что этот процесс, начиная с перестройки, был

инициирован с целью легитимизировать переход колоссальных государственных ресурсов в частные руки – руки бывших представителей советской номенклатуры. Именно это лежало в основе всех проводившихся политических реформ, сутью которых являлось лишение КПСС монополии на власть, размывание и дублирование функций центральных ведомств, легализация фракционности внутри партии (в частности, появление МДГ, действия которой поддерживались М. Горбачёвым и имели явно деструктивный характер) [Лукашевич 2016, с. 124].

Для некоторых исследователей, имеющих схожие воззрения, характерно выделение в качестве главного или одного из таковых фактора заговора. Так, В.А. Дрожжин писал о заговоре, инициаторами которого выступили сионисты [Дрожжин 2009]. И. Панарин считал, что в высших кругах советской политики имелись внедренные «агенты влияния», главным из которых был М.С. Горбачёв [Панарин 2010, с. 205].

Учитывая высокую степень политической значимости исследуемого вопроса, возникновение подобных теорий не должно казаться чем-то необычным. Возможно, они не вполне отвечают критериям научности, но их игнорирование не сделает историографический обзор более полным, а определенная доля политической конъюнктуры есть в любом исследовании.

Интересна и оригинальна исследовательская позиция российского философа А.С. Ахиезера, которая может быть охарактеризована как культурологический подход к вопросу. Ученый рассматривает историю как постоянный процесс вызревания и развития все новых социокультурных противоречий, требующих для своего преодоления серьезных изменений в поведении людей, роста эффективности антикризисных решений. Причем эти решения принимаются не только на высшем уровне, но и в повседневной жизни. В этом отношении каждый член общества несет ответственность за его развитие.

Если способности людей к культурной интеграции, к объединению усилий с целью решения возникающих проблем не соответствуют сложности самих этих проблем, то происходят общественные катастрофы.

В истории России часто бывало так, что одна часть населения выступала за изменения, а другая за сохранение старого. Неспособность этих групп договориться и выработать взаимоприемлемое решение приводила к социальным катастрофам.

События рубежа 1980–1990-х годов ученый рассматривал в соответствии с этой теоретической схемой. «Перестройка… несла в себе весь груз противоречий прошлого, возрастающих трудностей решения медиационной задачи, противоречий между уравнительным массовым сознанием, ориентированным на статичные локальные ценности, и жизненно важными потребностями общества, которые стимулируются развитием утилитаризма, потребностями в росте и развитии». Как писал автор, «суть этапа перестройки можно понять,

только учитывая, что буквально каждая клеточка общественной активности страны, каждая инновация пронизана скрытым расколом между соборным и либеральным нравственными идеалами» [Ахиезер 1998, с. 634, 636].

Носителем соборного (консервативного) идеала выступали рабочие, чья культура была «унаследована от сельских локальных сообществ, от артелей городских работников». Автор говорит о преобладании среди рабочих «традиционалистского» сознания, в соответствии с которым они «предпочитают не достижительные ценности, ценности развития и прогресса, но озабочены в первую очередь борьбой с оборотнями зла». Попросту говоря, они считают, что если что-то менять, то можно потерять все. Поэтому лучше избавить от плохого то, что есть. Это дает автору основания характеризовать взгляды рабочих как манихейские, а их самих считать сторонниками «традиционализма, сдобренного утилитаризмом» [Ахиезер 1998, с. 636, 639, 640]. То есть рабочие оказались носителями консервативного нравственного идеала.

Перестройка представляется автору попыткой перехода общества к «либеральной цивилизации» из некоего «промежуточного состояния», в котором оно находилось. Возглавляла это движение правящая элита, стремившаяся к углублению «либерального подхода к проблемам» [Ахиезер 1998, с. 646, 652]. Этот подход, очевидно, был связан со стремлением региональных и республиканских элит к самостоятельности (локализму). Особую роль в этом сыграло руководство РСФСР, которое, будучи охваченно «волной локализма, выступило в масштабе СССР как передовой отряд локализма, требующий республиканского суверенитета». В условиях нарастания локализма власть в лице Горбачёва лишь пыталась «осмыслить неуклонно идущий процесс», и принимала решения с запозданием. Инициативой в этих процессах она не владела. В условиях раскола власть могла принимать лишь не вполне адекватные («хромающие») решения, которые не позволили справиться с надвигавшимися проблемами. В итоге по мере все большего выхода ситуации из-под контроля «выдвигались все более радикальные проекты реформы и тем больше они приближались к идеалу полного разрушения сложившегося к началу перестройки порядка» [Ахиезер 1998, с. 654, 655, 646, 656].

Следует отметить, что Ахиезер придавал серьезное значение неосязаемым факторам движения исторического процесса. Он писал, в частности, что историческими событиями «управляют какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства» [Ахиезер 1998, с. 665]. Также он пытался применять к анализу общественных явлений методы, относящиеся к точным или естественным наукам [Ахиезер, Гольц 1992, с. 45–54].

Такие подходы связаны с идеями социальной синергетики. Как научная концепция синергетика возникла во второй половине XX в. Этот термин был заимствован из естественных наук, в частности у школы бельгийского физика русского происхождения Ильи Пригожина и немецкого физика Германа

Хакена. Некоторые ученые считают, что эта теоретическая установка «дает методологическую основу и аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития в самых разных науках – естественных и социальных…» [Бородкин 2004, с. 27].

В синергетике процесс развития понимается как становление «качественно нового, связанного с событием в состоянии неустойчивости (точке бифуркации)». Сторонники этого подхода считают, что общественное развитие имеет нелинейный характер, а общество – это самоорганизующаяся система, у которой есть свои жизненные циклы, никак не связанные с волей людей. В периоды стабильного развития общественная система находится в состоянии внутреннего равновесия, однако под воздействием внешних и внутренних факторов внутреннее неравновесие системы нарастает и достигает своего максимума в точках бифуркации (полифуркации) – переломных моментах в развитии обществ. Здесь ключевую роль играют случайные факторы (флуктуации), действия которых «принципиально невозможно предугадать и спрогнозировать» [Бородкин 2004, с. 26, 29]. Такие критические моменты в жизни обществ («точки бифуркации») и есть предмет анализа социальной синергетики.

Безусловно, такой подход заслуживает внимания и применительно к распаду СССР, что в этом случае можно представить как точку бифуркации. Работы в этом методологическом направлении стали возникать сразу после распада СССР [Гомаюнов 1994, Бранский 1999, Сапронов 2002 и др.]. Однако следует учитывать, что применение данного подхода к изучению истории пока достаточно ограничено, что связано с необходимостью освоения новых и сложных понятий, присущих синергетике, и не свойственных для общественных наук – таких, как энтропия, диссипация, бифуркация и др. Кроме того, даже их устойчивое усвоение не гарантирует применимость концепции к историческим явлениям и процессам. Сохраняется также давний дискуссионный вопрос о различиях в методологии общественных наук и естествознании, а также возможность превращения таких исследований в некое новое издание социальной физики. Эти опасения будут рассеяны только в случае появления серьезного исторического исследования, основанного на данной теоретико-методологической схеме.

Таковы главные методологические установки, на которых базировались работы отечественных исследователей по теме распада СССР. Они различаются своим происхождением, степенью разработанности, в их основе отражаются различные философские направления – от материализма до постмодернизма. Однако почти все они позволяют ученым сойтись во мнении, что основой процесса распада были следующие факторы – внешние, внутренние объективные и внутренние субъективные. Основные направления российской

историографии распада СССР определяются зародившимися в западной советологии теориями и подходами. Создать что-то принципиально отличное от западных концепций российским историкам пока не удалось, хотя попытки научного поиска налицо.

В рамках традиционного марксистского подхода отечественными учеными были созданы первые обобщающие работы по данной теме. Этот подход позволяет тщательно оценивать социально-экономические предпосылки рассматриваемых событий. Модернизационная парадигма дает возможность соотнести этапы развития нашей страны с этапами жизни западного общества. Имперская интерпретация позволяет поставить вопрос об инерционности и исторической преемственности развития российского многонационального общества. Культурологический взгляд подчеркивает цивилизационную специфику России как один из главных факторов в переломных исторических ситуациях. Социальная синергетика поставила вопрос о роли случайных и бессознательных факторов в процессах общественных изменений. Тоталитарный подход, при всех его недостатках, сыграл свою роль в процессе осознания и осмысления отечественными учеными особости общественных структур, взаимодействий и их развития в нашей стране в советский период.

Различие методологических подходов, с нашей точки зрения, имеет не только сугубо научное, но и более широкое – общемировоззренческое, философское значение. В этом отношении отечественные исследователи вышли на фундаментальный вопрос о том, с каких позиций вообще следует подходить к изучению истории России? Речь о том, изучать ли историю России как некий недоразвитый вариант, как не вполне удачное отклонение в развитии западного мира, как вторичное явление, сопоставляя с развитием западных стран, взятых за образец? Или же считать российское общество уникальным, самостоятельным, не терпящим слепых заимствований с Запада, изучая его таким, какое оно есть и было, не сравнивая с чем-то, а выводя его собственные закономерности развития. Этот общий водораздел может выступать и как идеологический инструмент, и как чисто научная установка, служащая достижению истины. Для исследования микропроцессов он не столь важен, но в таком сложном явлении, как распад СССР, неизбежно последует выход на уровень обобщений, где может сыграть свою роль эта теоретическая установка, выступив как идеологическая и политическая позиция. Стало быть, этот вопрос как бы нависает над исследователем, неизбежно накладывая свой отпечаток (непосредственно или опосредованно) на работу ученого. Для тем, близких к современности и общественно значимых, такая ситуация неизбежна.

Перспективным направлением работы исследователей в рамках изучения процесса распада СССР представляется поиск и объединение наиболее полезных аспектов рассмотренных подходов с целью формирования адекватной

картины произошедшего, способной принести положительные плоды в будущем.

Библиография

Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Новосибирский хронограф, 1998. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.

Ахиезер А.С., Гольц Г.А. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 45–54.

Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с.

Баталов Э.Я. Перестройка и судьба России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 25–35.

Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. 216 с.

Бородай Ю.М. Тоталитаризм: хроника и лихорадочный кризис // Наш современник. 1992. № 7. С. 121–130.

Бородкин Л.И. Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 26–42.

Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.

Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

Бутенко А.П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 169–175.

Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. 634 с.

Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Герасимов И.В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.

Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99–106.,

Дрожжин В.А. Ликвидация СССР и сионизм. М.: Алгоритм, 2009. 256 с.

Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 68–78.

Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Современная литература о социокультурной трансформации России в XX в. // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 486–500.

Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» (Очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 105–118.

Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ, 2009. 542 с.

Зубков К.И. Советский коммунистический эксперимент в контексте социальной эволюции XX века // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Между-

народной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 236–246.

Зюганов Г.А. Процесс: судьи и судьбы. Выступление в Конституционном суде на процессе по «Делу КПСС» // Литературная Россия. 1992. № 30.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОСПЭН, 2004. 744 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2001. 688 с.

Кириллов В.В. Распад СССР: историографическая парадигма // Вестник МГПУ. Сер. «Исторические науки». 2008. № 1 (22). С. 67–72.

Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Историография распада СССР // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6.

Кургинян С.Е. Седьмой сценарий. М.: ЭТЦ, 1992. 272 с.

Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. М.: Алгоритм, 2016. 520 с.

Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ, 2010. 673 с.

Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.

Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.

Петров А.В. Тоталитаризм: уроки прошлого: учеб.-метод. пособие. Иркутск: ИГУ, 2011. 136 с.

Пихоя Р.Г. Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Соц-полит. мысль, 2005. С. 404–423.

Распад СССР. Документы / Сост. А.В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.

Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 158–172.

Семенов А. Чем был Советский Союз и что означает его распад. Дискуссии западных историков // Неприкосновенный запас. 2001. № 6 (20). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2001/6/chem-byl-sovetskij-soyuz-i-chto-oznachaet-ego-raspad-diskussii-zapadnyh-istorikov.html (дата обращения: 28.09.2019).

Сенявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 90–109.

Согрин В.В. Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 133–147.

Согрин В.В. Российская история на переломе: причины, характер, следствия // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 5–16.

Согрин В.В. Взлет и крушение российских утопий // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 5–16.

Станкевич З.А. История крушения СССР. Политико-правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.

Стецура Ю.А. «Директивная демократия» – политическая основа сталинской постреволюционной модернизации СССР // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 361–379.

Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 588–600.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: СПГУ, 1999. 795 с.

Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. 398 с.

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Friedrich C.J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. New York: Praeger, 1961. 346 p.

Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 241–254.

Lowenthal R. Development vs Utopia in Communist Policy // Change in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 33–116.

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press, 1994. 592 p.

References

Akhiezer A.S., Goltz G.A. Kriticheskie porogi sotsial'nykh sistem [Critical thresholds of social systems]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 1. P. 45–54. (In Russ.)

Akhiezer, A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) [Russia: critique of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Novosibirsk Chronograph, 1998. Vol. 1: From Past to Future. 804 p. (In Russ.)

Alekseev, V.V., Alekseeva, E.V. Raspad SSSR v kontekste teorij modernizatsii i imperskoj evolyutsii [USSR collapse in the context of theories of modernization and imperial evolution]. Otechestvennaya istoriya [Fatherland history]. 2003. N 5. P. 3–20. (In Russ.)

Barsenkov A.S., Vdovin A.I. Istoriya Rossii. 1917–2009 [History of Russia. 1917–2009]. Moscow: Aspect Press, 2010. 846 p. (In Russ.)

Batalov, E.Ya. Perestrojka i sud'ba Rossii [Perestroika and Fate of Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 2. P. 25–35. (In Russ.)

Bezborodov A.B., Eliseeva N.V., Shestakov V.A. Perestrojka i krakh SSSR. 1985–1993 [Perestroika and collapse of the USSR]. 1985–1993. Saint Petersburg: Norma, 2010. 216 p. (In Russ.)

Boroday Yu.M. Totalitarizm: khronika i likhoradochnyj krizis [Totalitarianism: chronicle and feverish crisis]. Nash sovremennik [Our contemporary]. 1992. N 7. P. 121–130. (In Russ.)

Borodkin L.I. Metodologicheskie aspekty issledovaniya tsivilizatsionnoj dinamiki: sinergeticheskij podkhod [Methodological aspects of civilization dynamics research: synergetic approach]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Social transformations in Russian history: Collection of reports of international scientific conference]. Ekaterinburg, 2–3 July 2004. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 26–42. (In Russ.)

Branskiy V.P. Sotsial'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [Social synergy as post-modern philosophy of history]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 1999. N 6. P. 117–127. (In Russ.)

Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Butenko A.P. Osobennosti krusheniya totalitarizma kommunisticheskikh tsvetov [Peculiarities of the collapse of totalitarianism of communist flowers]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 1995. N 5. P. 169–175. (In Russ.)

Chesko S.V. Raspad SSSR: etnopoliticheskij analiz [Decomposition of the USSR: Ethnopolitical Analysis]. Moscow: IAA RAN, 2000. 398 p. (In Russ.)

Drozhzhin V.A. Likvidatsiya SSSR i sionizm [Liquidation of the USSR and Zionism]. Moscow: Algorithm, 2009. 256 p. (In Russ.)

Erasov B.S. Odnomernaya logika rossijskikh modernizatorov [Univariate Logic of Russian Modernizers]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Science and Modernity]. 1995. N 2. P. 68–78. (In Russ.)

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Friedrich C.J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. New York: Praeger, 1961. 346 p.

Froyanov I.Ya. Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka) [Diving into the Abyss (Russia at the end of XX century)]. Saint Petersburg: SPGU, 1999. 795 p. (In Russ.)

Gaidar E.T. Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoj Rossii [Death of Empire: lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russ.)

Gerasimov I.V. Rossijskaya mental'nost' i modernizatsiya [Russian mentality and modernization]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 1994. N 4. P. 63–73. (In Russ.)

Gomajunov S.G. Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii [From History of Synergetics to Synergetics of History]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1994. N 2. P. 99–106. (In Russ.)

Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 241–254.

Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika [Source study of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow: ROSPAN, 2004. 744 p. (In Russ.)

Kappeler A. Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – Multinational Empire: The Origin. History. Decomposition]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 342 p. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Kniga vtoraya. Ot Velikoj Pobedy do nashikh dnej [Soviet civilization. Book Two. From the Great Victory to the present day]. Moscow: Algorithm, 2001. 688 p. (In Russ.)

Kirillov V.V. Raspad SSSR: istoriograficheskaya paradigma [The USSR collapse: a historiographical paradigm]. Vestnik MGPU. Ser. «Istoricheskie nauki» [Vestnik MSU. Ser. «Historical Sciences»]. 2008. N 1 (22). P. 67–72. (In Russ.)

Korshunov, M.M.; Kochetkova, M.V. Istoriografiya raspada SSSR [Historiography of the USSR disintegration]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific research]. 2014. N 6. (In Russ.)

Kurginyan S.E. Sed'moj stsenarij [Seventh scenario]. Moscow: ETC, 1992. 272 p. (In Russ.)

Lowenthal R. Development vs Utopia in Communist Policy // Change in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 33–116.

Lukashevich D.A. Yuridicheskij mekhanizm razrusheniya SSSR [Legal mechanism of USSR destruction]. Moscow: Algorithm, 2016. 520 p. (In Russ.)

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press, 1994. 592 p.

Medvedev R.A. Sovetskij Soyuz. Poslednie gody zhizni. Konets sovetskoj imperii [Soviet Union. The last years of life. The end of the Soviet empire]. Moscow: AST, 2010. 673 p. (In Russ.)

Panarin I. Pervaya mirovaya informatsionnaya vojna. Razval SSSR [The First World Information War. Collapse of the USSR]. Saint Petersburg: Piter, 2010. 256 p. (In Russ.)

Pavlova I.V. Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoj Rossii 30-kh godov (Kritika «revizionistskogo» podkhoda) [Modern Western Historians on Stalinist Russia of the 30s (Criticism of the «revisionist» approach)]. Otechestvennaya istoriya [Fatherland History]. 1998. N 5. P. 107–121. (In Russ.)

Petrov A.V. Totalitarizm: uroki proshlogo: ucheb.-metod. posobie [Totalitarianism: lessons of the past: a training manual]. Irkutsk: Institute of State University, 2011. 136 p. (In Russ.)

Pihoya R.G. Pochemu raspalsya Sovetskij Soyuz? [Why the collapse of the Soviet Union?]. Tragediya velikoj derzhavy: natsional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuza [Tragedy of the Great Power: the national issue and the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Social-Political Thought, 2005. P. 404–423. (In Russ.)

Pipes R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1993. 421 p. (In Russ.)

Raspad SSSR. Dokumenty / Sost. A.V. Shubin [The Collapse of the Soviet Union. Documents. Ed. by A.V. Shubin]. Moscow: IVY RAN, 2006. 286 p. (In Russ.)

Sapronov M.V. Sinergeticheskij podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh: novye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya [Synergetic approach in historical research: new opportunities and difficulties of application]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 2002. N 4. P. 158–172. (In Russ.)

Semyonov A. Chem byl Sovetskij Soyuz i chto oznachaet ego raspad. Diskussii zapadnykh istorikov [What was the Soviet Union and what does its disintegration mean. Discussions of the Western historians]. Neprikosnovennyj zapas [Untouched reserve]. 2001. N 6 (20). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2001/6/chem-byl-sovetskij-soyuz-i-chto-oznachaet-ego-raspad-diskussii-zapadnyh-istorikov.html (date of access: 28.09.2019). (In Russ.)

Senyavskiy A.S. Sotsial'nye transformatsii v Rossii v kontekste tsivilizatsionnoj spetsifiki (XX v.) [Social Transformations in Russia in the Context of Civilization Specificity (XX century)]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social Transformations in Russian History: Collection of Reports of International Scientific Conference. Ekaterinburg, 2–3 July 2004]. Ekaterinburg; Moscow: Academkniga, 2004. P. 90–109. (In Russ.)

Sogrin V.V. Perestrojka: itogi i uroki [Perestroika: results and lessons]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 1992. N 1. P. 133–147. (In Russ.)

Sogrin V.V. Rossijskaya istoriya na perelome: prichiny, kharakter, sledstviya [Russian History at a Breakthrough: Causes, Character, Consequences]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1994. N 1. P. 5–16. (In Russ.)

Sogrin V.V. Vzlet i krushenie rossijskikh utopij [Rise and fall of the Russian utopias]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 1995. N 3. P. 5–16. (In Russ.)

Stankevich Z.A. Istoriya krusheniya SSSR. Politiko-pravovye aspekty [History of the collapse of the USSR. Political-legal aspects]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2001. 320 p. (In Russ.)

Stetsura Yu.A. «Direktivnaya demokratiya» – politicheskaya osnova stalinskoj postrevolyutsionnoj modernizatsii SSSR [«Direktivnaya Democratiya» – political basis of Stalinist postrevolutionary modernization of the USSR]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social transformations in Russian history: Collection of reports of the international scientific conference. Yekaterinburg, 2–3 July 2004]. Yekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 361–379. (In Russ.)

Tishkov V.A. Etnicheskij faktor i raspad SSSR: varianty ob"yasnitel'nykh modelej [Ethnic Factor and Collapse of the USSR: variants of explanatory models]. Tragediya velikoj derzhavy: natsional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuza [Tragedy of Great Power: National Question and Collapse of the Soviet Union]. Moscow: Social and political thought, 2005. P. 588–600. (In Russ.)

Vdovin A.I. Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda [Russians in XX century. Tragedies and triumphs of the great people]. Moscow: Veche, 2013. 634 p. (In Russ.)

Zabolotny E.B., Kamynin V.D. Sovremennaya literatura o sotsiokul'turnoj transformatsii Rossii v XX v. [Modern Literature on Socio-Cultural Transformation of Russia in the XX Century. Social Transformations in Russian History: Collection of Reports of the International Scientific Conference]. Ekaterinburg, 2–3 July 2004. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 486–500. (In Russ.)

Zinoviev A.A. Gibel' «imperii zla» (Ocherk Rossijskoj tragedii) [Death of «evil empire» (Essay of Russian tragedy)]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 1994. N 11. P. 105–118. (In Russ.)

Zinoviev A.A. Nesostoyavshijsya proekt: Rasput'e. Russkaya tragediya [Incomplete Project: Crossroads. Russian Tragedy]. Moscow: AST, 2009. 542 p. (In Russ.)

Zubkov K.I. Sovetskij kommunisticheskij eksperiment v kontekste sotsial'noj evolyutsii XX veka [Soviet communist experiment in the context of social evolution of XX century]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social transformations in Russian history: Collection of reports of international scientific conference. Ekaterinburg, 2–3 July 2004]. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 236–246. (In Russ.)

Zyuganov G.A. Protsess: sud'i i sud'by. Vystuplenie v Konstitutsionnom sude na protsesse po «Delu KPSS» [Process: judges and destinies. Speech in the Constitutional Court at the trial on the «CPSU Case»]. Literaturnaya Rossiya [Literary Russia]. 1992. N 30. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2020.01.14

Э.С. Восканян, Н.С. Бычкова

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. *В современном мире проблема «цветных революций» становится все более актуальной, поскольку «форсированная демократизация», с массовым применением современных политических технологий, выступает предлогом для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В статье рассматриваются особенности цветных революций как разновидности конфликтов в современном мире; раскрыта сущность понятия «цветная революция»; исследованы технологии и механизмы осуществления «цветных революций»; рассмотрены особенности и технологии осуществления «цветных революций» на постсоветском пространстве; авторы считают, что конечная цель «цветных революций» лежит не в изменении социальной системы и формах собственности, а в смене политической элиты. Исследование основывается на материалах отечественных и зарубежных авторов, публикациях информационно-аналитических сайтов, а также на заявлениях известных общественных деятелей, занимающихся международными отношениями. Специфика исследовательских задач потребовала использования общенаучных подходов, а также комплекса специальных методов политологии. Исследование показало, что «цветные революции» вовсе не являются революциями в классическом понимании, поскольку они не приводят к радикальному изменению в социальной системе и формах собственности, а часто лишь сводятся к смене политических лидеров. Характерно, что все «цветные революции», за исключением событий на Ближнем Востоке («арабская весна»), происходили после выборов президента страны, а главная роль в начале «революционного» процесса принадлежала активной части населения, в том числе молодежи. События, имевшие место в ряде постсоветских и арабских стран, необходимо расценивать в качестве особой формы государственного политического переворота. При этом важнейшее условие полноценной реализации «цветной революции» – поддержка из-за рубежа.*

Ключевые слова: *«цветные революции»; внутриполитические кризисы; государственный переворот; политические технологии; информационное противоборство; Украина.*

Восканян Эвелина Самсоновна – преподаватель кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва.
E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Бычкова Нина Сергеевна – преподаватель кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: nsbychkova@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-5573-2020

E.S. Voskanian, N.S. Bychkova. Color Revolutions in Today's World: Scientists' Opinions

Abstract. *In today's world, the problem of «color revolutions» is becoming more and more important, since «forced democratization», along with the massive use of modern political technologies, has evolved to become a tool for interference by certain world powers in the internal affairs of sovereign states. The article discusses the main characteristics of «color revolutions» as a variety of conflict in today's world. The authors disclose the notion of «color revolutions», describe their technologies and mechanisms, look at the way they are carried out in the post-Soviet space.*

Emphasized is the idea that the ultimate objective of «color revolutions» lies not in the changes of social systems or forms of ownership but in the replacement of political elites. The study is based on the materials of Russian and foreign authors, publications of Internet-sites and the statements by prominent public figures engaged in international relations. The authors argue that the «color revolutions» do not at all constitute revolutions in the classical sense of the term, as they do not transform the social system or forms of ownership in the country under question, their result most often being only a replacement of political leaders. Characteristically, all of the «color revolutions», excepting the events of the «Arab spring», took place after the presidential elections, the main driving force in them being the most active part of population, including the youth. So the events that took place in a number of post-Soviet and Arab countries should be seen as a specific form of a political coup d'etat with a visible support from abroad.

Keywords: *«color revolutions»; domestic political crises; coup d'etat; political technology; informational confrontation; Ukraina.*

Voskanyan Evelina Samsonovna – Lecturer at the Department of Geopolitics, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow. E-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Bychkova Nina Sergeevna – Lecturer at the Department of UNESCO, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow. E-mail: nsbychkova@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-5573-2020

В настоящее время проблематика, связанная с так называемыми «цветными революциями», продолжает набирать популярность. Причины повышенного внимания к «цветным революциям» в том, что в последние годы в арабских, европейских и азиатских государствах с довольно стабильными

политическими режимами совершились государственные перевороты, приведшие к частичной или полной смене политических режимов и политической элиты.

Исследование сценариев «цветных революций» позволяет идентифицировать определенные закономерности в согласовании элементов их реализации. События на Ближнем Востоке (Ливия, Египет, Тунис) и постсоветском пространстве (Грузия, Украина и Кыргызстан) демонстрируют идентичные последовательность и набор механизмов, посредством которых осуществляется политический переворот.

В течение последних лет тема «цветных революций» активно обсуждается в СМИ и в экспертном сообществе. Специалисты дают разные определения этого феномена.

А.В. Манойло под «цветными революциями» понимает набор «революционных» политтехнологий, манипуляции общественным сознанием для быстрой смены правящего класса и внедрения внешнего управления политической ситуацией в стране. Особую роль, по мнению исследователя, в процессе играет молодежное протестное движение [Почепцов 2005, с. 11].

По мнению П.А. Цыганкова, «цветные революции» относятся к современным конфликтам, которые отличаются многомерностью с сочетанием уникальных по своему характеру противоречий и кризисов. При этом «цветные революции» имеют черты и признаки как международных, так и внутриполитических конфликтов.

Есть также мнение, что «цветные революции» – это «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций» [Остроменский 2016].

Существуют и иные интерпретации «цветной революции»:

– революционная трансформация политической системы, приводящая к демократизации;

– государственный переворот в рамках искусственно созданной политической нестабильности;

– современный аналог студенческих волнений («бархатная революция)» конца 1980-х годов;

– политическая технология с использованием агрессивной политической толпы для шантажа действующей власти.

Однако «цветные революции» вовсе не являются революциями в классическом понимании, поскольку они не приводят к радикальному изменению существующего политического порядка и часто ограничиваются сменой политических элит.

Исследование показало, что основная цель «цветных революций» – это государственный переворот с захватом и удержанием власти. При этом

в отличие от классической революции «цветная» не ставит цели преобразовать социальную систему, поскольку сводится лишь к смене политических лидеров.

Необходимые условия успешной смены политического режима с помощью технологий «цветных революций» – наличие организованного движения, массовых акций протеста. Например, в конце 2013 – начале 2014 г. на Украине протестные акции были связаны с решением местного правительства приостановить процесс подготовки к заключению соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом. В итоге протесты переросли в столкновения между сторонниками евроинтеграции и представителями власти, а президент В. Янукович покинул страну.

Среди других условий можно выделить наличие устоявшегося авторитарного или псевдодемократического устройства, несправедливость избирательных процессов в постсоциалистических странах, отсутствие сильного политического лидера, отсутствие контроля за СМИ, а также бедность, порождающая слой граждан, недовольных существующим порядком и симпатизирующих «цветной революции». Однако основным элементом выступает организованное молодежное протестное движение, которое выступает инструментом политического шантажа [Цыганков 2017, с. 42].

Список можно продолжить. Идеологический вакуум, значительное социальное расслоение, которое сопровождается люмпенизацией широких социальных слоев, а также низкая эффективность ключевых государственных структур приводят к существенному увеличению недовольства в обществе, острому желанию перемен, к стремлению творить историю «здесь и сейчас».

Характерно, что многие «цветные революции» происходили после выборов президента страны, а главная роль в начале «революционного» процесса почти всегда принадлежала активной части населения (Киев, Белград, Тбилиси и Бишкек). Существенную роль сыграли и молодежные организации, которые были созданы совсем незадолго до революционных событий.

Кроме того, А.В. Манойло сравнивает «цветные революции» с «организационной формой осуществления государственного шантажа (т.е. шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции» [Цыганков 2017, с. 42].

«Цветные революции» часто именуют технологиями «мягкой силы». Само понятие впервые ввел профессор Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди, американский политолог, разработчик ряда направлений неолиберализма Джозеф Най в 1990 г. в своем труде «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи». Дж. Най отнес традиционные методы достижения внешнеполитических целей государства к «жесткой силе» и причислил к ним военные операции, экономические

санкции в отношении других стран, давление и подкуп, обозначив, что в итоге такие методы политической борьбы ведут к ухудшению отношений и к соперничеству, увеличивая потенциал конфликта между странами, в то время как «мягкая сила» – это «способность получать желаемое при помощи привлекательности, а не силы или денег» [Nye 1990].

Практически во всех «цветных революциях» можно четко выделить несколько фаз, этапов.

А.В. Манойло идентифицирует пять основных этапов «цветных революций»: формирование протестного движения с задействованием молодежи и финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций; активное участие протестного движения в массовых акциях протеста в связи с определенным событием; участие в массовых акциях все больше слоев населения; выдвижение требований и ультиматумов действующей власти. Как отмечает автор, в определенных случаях «цветная революция» может превратиться в гражданскую войну [Манойло 2014, с. 24].

По такой схеме «цветные революции» происходили на Украине (2004 и 2014), в Грузии (2004), Сербии (2000) и Тунисе (2010).

Идеи современных «цветных революций» в этих странах основывались на борьбе за требования прозрачных выборов и соблюдения основных гражданских прав и свобод, т.е. приверженности европейским ценностям. Соответственно, «цветные революции» явились результатом противоречий полуавторитарных политических режимов и отсутствия политической конкуренции.

Однако считающие «цветные революции» совокупностью сложных технологий утверждают, что в рамках таких «революций» происходит информационное противоборство, а также используется протестный потенциал населения.

Большое количество российских и зарубежных исследователей отмечают, что во время «цветных революций» на Ближнем Востоке применялись информационно-психологические и пропагандистские технологии. Так, А.М. Васильев в работе «Рецепты “арабской весны”» пришел к выводу, что во время волны протестов и восстаний в странах Ближнего Востока и Северной Африки в начале 2011 г. использовались сетевые технологии манипуляции общественными движениями, а спонсорами протестного движения стали зарубежные фонды и грантодатели [Васильев 2012, с. 81].

В процессе «цветных революций», прокатившихся в Африке и на Ближнем Востоке, где отсутствовал институт демократических выборов и у власти находились авторитарные правители, был задействован механизм «управляемого хаоса».

Концепция «управляемого хаоса» исходит из технологий вооруженного мятежа, с сопутствующей информационно-пропагандистской кампанией по дискредитации традиционных ценностей. В итоге в традиционных обществах происходит замена культурно-смыслового кода нации. Соответственно,

концепт «управляемого хаоса» требует в конкретной социально-культурной среде консолидации общества и молодежи против политической системы, организации протестных проявлений в центре столиц, информационного воздействия на население.

Эта теория применялась на практике – главным образом на Балканах, в Ливии, Сирии, Египте. Перед «арабской весной» представитель ООН Серхио Дуарте заявлял об опасности дестабилизации Египта, где в отношении Хосни Мубарака в 2011 г. с помощью интернет-сетей применялись информационно-психологические и пропагандистские технологии.

Таким образом, часть ученых считают главным отличием «цветных революций» от традиционных искусственное управление настроениями граждан путем использования информационно-пропагандистских технологий, с помощью которых можно одномоментно активизировать протестные настроения общества. Важное обстоятельство – использование уязвимых мест политической системы.

На постсоветском пространстве «цветные революции» произошли в таких странах, как Грузия – «революция роз», Украина – «оранжевая революция» и Кыргызстан – «тюльпановая революция». Так, украинская «оранжевая революция» 2004 г., произошедшая во время президентских выборов, ознаменовалась широким социальным движением и массовым протестом против криминально-олигархического режима [«Оранжевая революция» 2005, с. 62].

Украинская «цветная революция», произошедшая в 2014 г., также была связана с высоким уровнем политической активности городского населения. При этом во время этой «революции» особое внимание уделялось разжиганию агрессивной этнической вражды и сплочению социальных групп на основе национальности [Бартош 2016].

По мнению А.В. Манойло, украинская «цветная революция» 2014 г. сходна с событиями 2011 г., происходившими в Египте, где основным катализатором революций выступила молодежь.

Однако, по оценкам многих политологов, молодежь была выбрана в качестве инструмента и одновременно объекта управления социальными процессами [Цыганков 2017, с. 115], а массовым протестам противостояло нерешительное и коррумпированное правительство, которое не сумело остановить переворот. В то же время на украинскую политическую элиту давление оказывало международное сообщество во главе с США.

В заключение стоит отметить, что «цветные революции» не в полной мере реализуют конструктивные политические и социальные преобразования и в основном направлены на смену политической элиты. При этом главным триггером «цветных революций» является молодежное протестное движение.

Таким образом, «цветные революции» представляют собой набор технологий для быстрой смены правящего класса и трансформации политической

системы в рамках искусственно созданной политической нестабильности. При этом, в отличие от классической, «цветная революция» не ставит цели преобразовать социальную систему, поскольку сводится лишь к смене политических лидеров.

Библиография

Бартош А.А. Цель и механизмы модели управляемого хаоса // Независимое военное обозрение. 2013. 27 сент. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-27/6_chaos.html (дата обращения: 04.10.2017).

Васильев А.М. Рецепты «арабской весны»: русская версия. М.: Алгоритм, 2012. 314 с.

Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24–28.

Остроменский М.Н. Основы противодействия гражданского общества «цветным» революциям // Война и Мир. 2011. 23 окт. URL: www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983 (дата обращения: 03.10.2017).

«Оранжевая революция». Украинская версия: Сборник. М.: Европа, 2005. 464 с.

Почепцов Г. Революция. com: Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 532 с.

Цыганков П.А., Василенко И.А. и др. Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 316 с.

Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 167 p.

References

«Oranzhevaya revolyutsiya». Ukrainskaya versiya: Sbornik [«Orange Revolution». Ukrainian version: Collection]. Moscow: Europe, 2005. 464 p. (In Russ.)

Bartosh A.A. Tsel' i mekhanizmy modeli upravlyaemogo khaosa [Purpose and mechanisms of the controlled chaos model]. Nezavisimoe voennoe obozrenie [Independent military review]. 2013. 27 Sept. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-27/6_chaos.html (date of access: 04.10.2017). (In Russ.)

Manoilo A.V. Ukrainskij krizis i «upravlyaemyj khaos»: sled «tsvetnykh revolyutsij» arabskoj vesny [Ukrainian crisis and «controlled chaos»: trace of «color revolutions» of the Arab spring]. Vlast' [Power]. 2014. N 4. P. 24–28. (In Russ.)

Nye Joseph S. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 167 p.

Ostromensky M.N. Osnovy protivodejstviya grazhdanskogo obshchestva «tsvetnym» revolyutsiyam [Basics of counteraction of civil society to «color» revolutions]. Vojna i Mir [War and Peace]. 2011. 23 Oct. URL: www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/62983 (date of access: 03.10.2017). (In Russ.)

Pocheptsov G. Revolyutsiya. com: Osnovy protestnoj inzhenerii [Revolution.com: Basics of protest engineering]. Moscow: Europe, 2005. 532 p. (In Russ.)

Tsygankov P.A., Vasilenko I.A. et all. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Theory of International Relations: textbook for the academic bachelor degree]. Moscow: Yureit, 2017. 316 p. (In Russ.)

Vasiliev A.M. Retsepty «arabskoj vesny»: russkaya versiya [Recipes for the «Arab spring»: Russian version]. Moscow: Algorithm, 2012. 314 p. (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например, Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «Дата обращения» – «Data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 169–175.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchest-

vennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14 397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14 397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/ doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1 – 2020 (106)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25.03.2020 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 3

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33